

ВИЗАНТИЙСКИЙ
КРЫМ

А. И. АЙБАБИН

**ОЧЕРКИ ИСТОРИИ
ВЛАДЕНИЙ
ВОСТОЧНОЙ
РИМСКОЙ ИМПЕРИИ
В КРЫМУ
В IV–XII ВЕКАХ**

Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского

Лаборатория «Византийский Крым»

А. И. АЙБАБИН

**ОЧЕРКИ ИСТОРИИ
ВЛАДЕНИЙ
ВОСТОЧНОЙ
РИМСКОЙ ИМПЕРИИ
В КРЫМУ
В IV–XII ВЕКАХ**

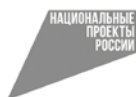
ИЗДАТЕЛЬСТВО
ТИПОГРАФИЯ

АНТИКВА

Симферополь
2024

УДК 902.2(477.75)
ББК 63.4(2)
А36

НАУКА
И УНИВЕРСИТЕТЫ

Издание осуществлено при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации в рамках мегагранта № 075-15-2022-1119 «Этнокультурные трансформации во владениях Восточной Римской империи в Крыму»

*Рекомендовано к изданию Учёным советом Научно-исследовательского центра истории и археологии Крыма КФУ им. В. И. Вернадского
(Протокол № 4 от 17.09.2024 г.)*

Серия основана в 2023 году

Ответственный редактор: Э. А. Хайрединова
Координатор издания: С. И. Власова

Рецензенты:

Казанский Михаил Михайлович, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник исследовательской лаборатории 8167 «Восток и Средиземноморье» Национального центра научных исследований (CNRS)

Майко Вадим Владиславович, доктор исторических наук, директор Института археологии Крыма Российской академии наук

Айбабин, Александр Ильич.

А36 Очерки истории владений Восточной Римской империи в Крыму в IV–XII веках. — Симферополь : ООО «Антиква», 2024. — 256 с., цв. вклейка (64 с.). — (Византийский Крым).

ISBN 978-5-6053039-0-9

В публикуемых «Очерках» на основе комплексного анализа всех источников освещены различные аспекты политического, идеологического и экономического взаимодействия Восточной Римской империи в конце IV–XII веках с Херсоном, аланами и готами Горного Крыма и Боспором. Представлена культура и формы управления на Крымском полуострове, а также воссоздана история населенной аланами и готами горнокрымской области Дори. Отражена эволюция имперского управления владениями в Таврике (дукат Херсона, Климаты Херсона, Готия, Боспор).

В оформлении обложки использованы изображения бронзовой фибулы второй половины VI - начала VII в., найденной на плато Эски-Кермен, и плиты с крестом из базилики в Каралезской долине. Фото автора.

УДК 902.2(477.75)
ББК 63.4(2)

ISBN 978-5-6053039-0-9

© КФУ им. В.И. Вернадского, 2024

© Айбабин А. И., текст, 2024

© Оформление (оригинал-макет).

ООО «Антиква», 2024

V. I. Vernadsky Crimean Federal University
Byzantine Crimea Laboratory

A. I. AIBABIN

**ESSAYS ON THE HISTORY
OF THE POSSESSIONS
OF THE EASTERN
ROMAN EMPIRE
IN CRIMEA
IN THE 4th–12th CENTURIES**

Antiqua Ltd.
Simferopol
2024

UDC 902.2 (477.75)
LBC 63.4 (2)
A36

Preparation and publication of this study was financially supported by the Russian Ministry of Science and Higher Education, as a part of the Megagrant project no. 075-15-2022-1119 *The Ethnocultural Transformations in the Lands of the Eastern Roman Empire in the Crimea*

This book is issued according to the decision of the Scientific Council of the History and Archaeology of the Crimea Research Centre at the V. I. Vernadsky Crimean Federal University, protocol no. 4 of September 17, 2024

The series was established in 2023

Executive editor: E. A. Kairedinova
Publication coordinator: S. I. Vlasova

Official reviewers:

Kazanski Michel, Dr. Hab. (Archaeology), Leading Researcher at the UMR8167 “Orient et Méditerranée” of the National Centre for Scientific Research (CNRS)

Maiko Vadim, Dr Hab (History), Director of the Institute of Archaeology of the Crimea of the Russian Academy of Sciences

Aibabin, Aleksandr Ilich.

A36 Essays on the history of the possessions of the Eastern Roman Empire in Crimea in the 4th–12th centuries. – Simferopol : Antikva Publishers, 2024. — 256 p., color insert (64 p.). — (Byzantine Crimea).

ISBN 978-5-6053039-0-9

The published “Essays” on the basis of a comprehensive analysis of all sources highlight various aspects of the political, ideological and economic interaction of the Eastern Roman Empire in the late 4th-12th centuries with Cherson, the Alans and Goths of the Mountainous Crimea and the Bosporus. The culture and forms of governance on the Crimean peninsula are presented, and the history of the Mountainous Crimean region of Dori, inhabited by the Alans and Goths, is recreated. The evolution of the imperial governance of the possessions in Taurica is reflected (the Ducatus of Cherson, the Klimats of Cherson, Gothia, the Bosporus).

The cover design uses images of a bronze fibula from the second half of the 6th - early 7th, found on the Eski-Kermen plateau, and a slab with a cross from the basilica in the Karalez Valley. Photo by the author.

UDC 902.2 (477.75)
LBC 63.4 (2)

ISBN 978-5-6053039-0-9

© V. I. Vernadsky Crimean Federal University, 2024
© A. I. Aibabin, text, 2024
© Design (original layout). Antiqua Ltd., 2024

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Введение</i> _____	9
ГЛАВА 1. Политика Римской империи	
в Крыму в III–IV вв. _____	14
1.1. Боспор _____	14
1.2. Херсонес _____	36
ГЛАВА 2. К вопросу о первых христианских епархиях	
в Херсонесе и в Юго-Западной Таврике _____	47
ГЛАВА 3. Политика Восточной Римской империи	
в Крыму в V в. _____	58
ГЛАВА 4. Политика Восточной Римской империи	
в Крыму в VI в. _____	70
4.1. Херсон под властью	
Восточной Римской империи в VI в. _____	70
4.2. Область Дори в период правления	
Юстиниана I (527–565) _____	81
4.3. Дукат Херсона в период правления	
императора Маврикия (582–602) _____	103
4.4. Боспор под властью	
Восточной Римской империи в VI в. _____	131
ГЛАВА 5. Таврика на границе Восточной Римской империи	
и Хазарского каганата _____	146
5.1. Боспор под властью Хазарского каганата _____	146
5.2. Сугдея в последней четверти VII – VIII в. _____	153
5.3. Херсон в VII в. _____	158

5.4. Климаты Херсона в Юго-Западной Таврике в конце VII – начале VIII в. _____	165
5.5. Противостояние Восточной Римской империи и хазар в Юго-Западной Таврике _____	167
5.6. Готия в составе Хазарского каганата _____	171
ГЛАВА 6. Таврика в фемный период _____	181
6.1. Первая реформа структуры управления Климатами _____	181
6.2. Климаты после восстановления иконопочитания _____	194
6.3. Вторая реформа структуры управления Климатами _____	200
ГЛАВА 7. Политика Восточной Римской империи в Таврике в XI – начале XIII в. _____	204
Заключение _____	211
Список литературы _____	217

CONTENTS

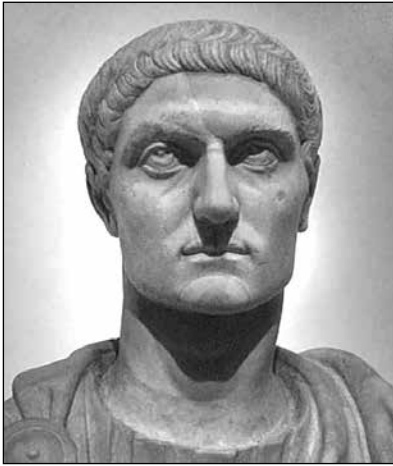
<i>INTRODUCTION</i> _____	9
<i>CHAPTER 1. The policy of the Roman Empire in Crimea in the 3rd–4th centuries</i> _____	14
1.1. Bosphorus _____	14
1.2. Chersonesus _____	36
<i>CHAPTER 2. On the issue of the first Christian dioceses in Chersonesus and in Southwestern Taurica</i> _____	47
<i>CHAPTER 3. The policy of the Eastern Roman Empire in Crimea in the 5th century</i> _____	58
<i>CHAPTER 4. The policy of the Eastern Roman Empire in Crimea in the 6th century</i> _____	70
4.1. Chersonesus under the rule of the Eastern Roman Empire in the 6th century _____	70
4.2. The region of Dori during the reign of Justinian I (527–565) _____	81
4.3. The ducat of Cherson during the reign of Emperor Maurice (582–602) _____	103
4.4. Bosphorus under the rule of the Eastern Roman Empire in the 6th century _____	131
<i>CHAPTER 5. Taurica on the border of the Eastern Roman Empire and the Khazar Khaganate</i> _____	146

5.1. Bosphorus under the rule of the Khazar Khaganate _____	146
5.2. Sugdeya in the last quarter of the 7th–8th centuries _____	153
5.3. Cherson in the 7th century _____	158
5.4. The Klimats of Cherson i n Southwestern Taurica in the late 7th – early 8th centuries _____	165
5.5. The confrontation between the Eastern Roman Empire and the Khazars in Southwestern Taurica _____	167
5.6. Gothia as part of the Khazar Khaganate _____	171
CHAPTER 6. Taurica in the theme period _____	181
6.1. The first reform of the Klimats governance structure _____	181
6.2. Klimats after the restoration of icon veneration _____	194
6.3. The second reform of the Klimats governance structure _____	200
CHAPTER 7. The policy of the Eastern Roman Empire in Taurica in the 11th – early 13th centuries _____	204
<i>Conclusion</i> _____	211
<i>References</i> _____	217

ВВЕДЕНИЕ

Раздел Римской империи на Западную и Восточную был длительным и сложным процессом. В XVI в. немецкий гуманист Иероним Вольф назвал Восточную Римскую империю Византией. Её жители называли свое государство Римской империей (Βασιλεία των Ρωμαίων) [The Oxford Dictionary 1991, Vol. 1, p. 344]. Историки не пришли к единому мнению о дате обретения самостоятельности Восточной Римской империей. А. А. Васильев начинал историю Византии с правления Константина I (306–337 гг.) (рис. 1) [Васильев 1917, с. 43–61]. Многие историки синхронизируют дату возникновения Восточной Римской империи с переименованием императором Константином I Великим 11 мая 330 г. новой столицы империи города Византия в Константинополь [Dagron 1974, p. 37–42] или с разделом Римской империи в 395 г. [Кулаковский 1913, с. 8; Успенский 1913, с. 49, 170; Diehl 1919, p. 4, 5; Guillou 1974, p. 19; Острогорски 2022, с. 82–83]. Дж. Шепард отнес начало государственности Восточной Римской империи к VI в. [Shepard 2008, p. 22–26].

Константин I положил начало процессу преобразования Римской империи в Византию. Он был сыном Констанция Хлора (соправителя Диоклетиана и Максимиана) и Елены. После кончины отца Константина провозгласили августом Британии. Впоследствии Галерий признал Константина I цезарем, а Максимиан – августом. В 312 году Константин, соединившись с августом востока империи Лицинием, победил Максенция в битве у Мильвийского моста и начал единолично править на западе

**Рис. 1. Император
Константин I (306-337 гг.)**

империи (рис. 2). В 324 году Константин I одержал победу над Лицинием при Хрисуполисе в Вифинии и стал властелином запада и востока империи. Чтобы отпраздновать свою победу, он основал новый город для императорской резиденции на месте древнего греческого городка Византия. Как и большинство его предшественников, Константин искал божественной поддержки своему правлению и в конечном счете пришел к выводу, что его власть основана на особой связи с христианским Богом. В 325 году Константин I созвал в Никее Пер-

вый Вселенский собор, на котором было принято заявление о христианской вере, известное как Никейский Символ веры. «Новую столицу» 11 мая 330 года торжественно назвали Константинополем [Васильев 1917, с. 44–45; Vasiliev 1952, р. 44; The Oxford Dictionary 1991, Vol. 1, р. 498–499]. Начало византийской эры наглядно проявилось в христианизации Imperium Romanum и основании на Босфоре новой столицы Константинополя. Главными источниками развития империи Константина I были римская государственность, греческая культура и христианская вера. Тем самым Константин наметил новые пути дальнейшего исторического развития для Западной и Восточной империй.

Ближайшие преемники Константина I пытались некоторое время координировать политику Востока и Запада. Последним правителем единой Римской империи был Феодосий I (347–395) (рис. 3). Незадолго до кончины в 395 году Феодосий I разделил Римскую империю между сыновьями на два государства: старший Аркадий унаследовал Восточную часть империи (ил. 1) со столицей в Константинополе (ил. 2; 3), а младший Гонорий – Западную часть империи с резиденцией в Медиолане (Милан). Восточная Римская империя начала самостоятельное существование [Diehl 1919, р. 4, 5; Кулаковский 1913, с. 8; Успенский 1913, с. 49, 170; Острогорски 2022, с. 82–83].

**Рис. 2. Медальон с портретом Константина I в шлеме
с изображением хризмы**

[по: Age of Spirituality 1979, p. 66, Cat. Nr. 57]

Византинистов издавна увлекает своеобразный жанр региональной истории – политика Восточной Римской империи в приграничных регионах [Dagron 2000, p. 294]. В империи понимали важное геополитическое значение протянувшейся от Дуная через Крым до Северного Кавказа северной границы в распространении ее влияния в Евразии и стремились интегрировать приграничные народы и племена. Империя надеялась обезвредить своих реальных или потенциальных врагов и вовлечь их в свою культурную и политическую орбиту [Obolensky 1974, p. 303–305]. Византийская дипломатия в Крыму столь же двойственна, как и церковная политика. Одной из важных, но плохо изученных особенностей функционирования северного пограничья Восточной Римской империи является организация системы управления владениями в Крыму. На полуострове Восточная Римская империя в разные периоды владела городом Херсонесом, Юго-Западной и Юго-Восточной Таврикой и европейской территорией Боспорского царства.

В российской и зарубежной исторической науке сформировалась давняя историографическая традиция изучения Крыма. Опубликованы обобщающие научные труды по истории полуострова [Thunmann 1784; Кулаковский 1914; Якобсон 1964; История Крыма 2017], Херсонеса [Якобсон 1950; 1959] и крымских

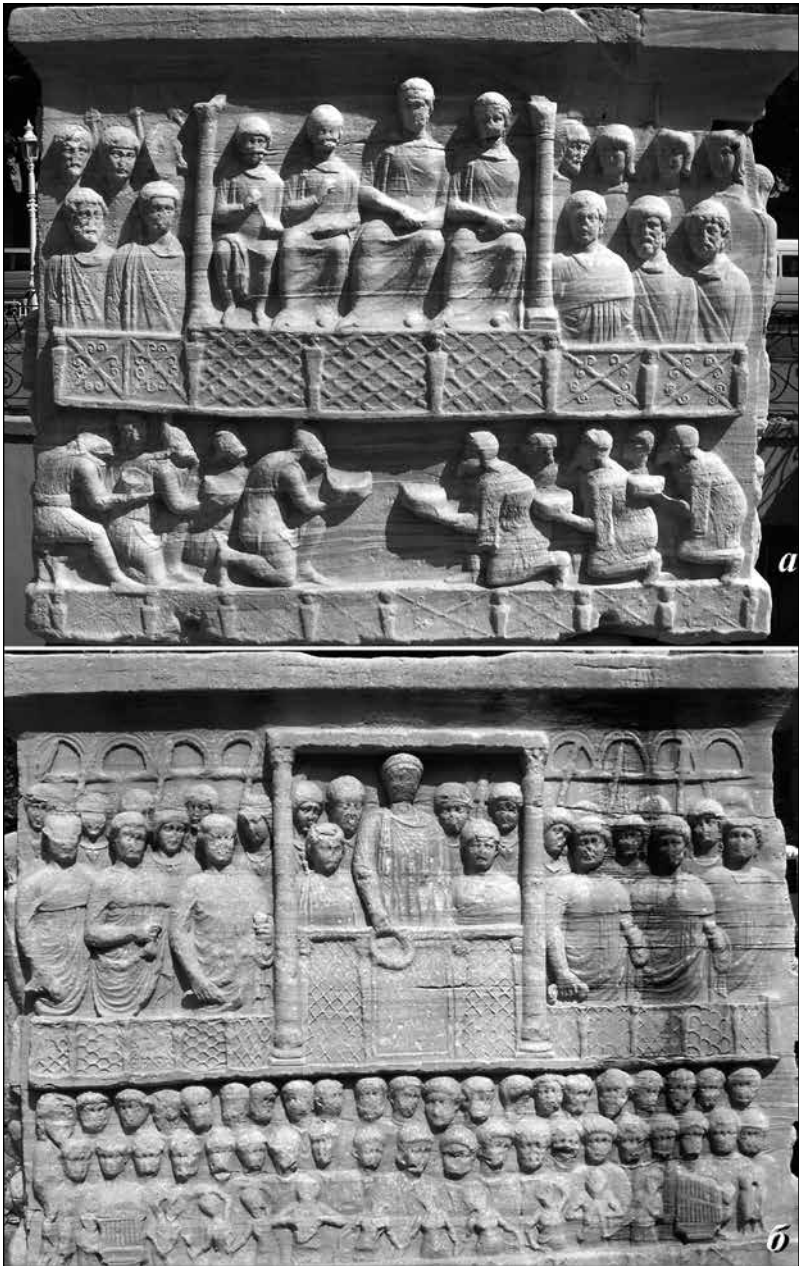

Рис. 3. Обелиск императора Феодосия I в Константинополе
а – подчинение варваров (западная сторона);
б – сцена в цирке: в нижнем ряду танцоры,
атлеты и органисты (восточная сторона)

готов [Куник 1874, с. 61–160; Брун 1880, с. 189–241; Tomaschek 1881; Braun 1890; Васильевский 1912, с. 351–427; Vasiliev 1936; Айбабин 1999; Ajbabin 2011; Айбабин, Хайрединова 2017].

Однако на сегодняшний день отсутствует научное исследование, целостно и системно освещающее создание владений Восточной Римской империи на полуострове и их историю в IV–XII веках. В последние годы выявлены новые многочисленные археологические материалы, открыты новые эпиграфические источники, изданы и по-новому интерпретированы некоторые уже известные сочинения византийских авторов, опубликованы новые каталоги печатей византийских чиновников из Херсона и Сугдеи, позволяющие в потенциале раскрыть эту проблему. Поэтому для воссоздания истории владений Восточной Римской империи в Таврике важно соединить исследование текстов с полевыми раскопками.

В публикуемых «Очерках» предпринята попытка на основе комплексного анализа всех источников обобщить информацию о северном приграничье Восточной Римской империи в IV – начале VII в., осветить различные аспекты политического, идеологического и экономического взаимодействия Восточной Римской империи с Херсоном, аланами и готами Горного Крыма и Боспором, представить культуру и формы управления на Крымском полуострове (Херсон), а также воссоздать историю населенной аланами и готами союзной империи горнокрымской области Дори, отразить ее преобразование в византийскую пограничную провинцию с центром в Херсоне (его Климаты, Готия и фема). Нарративы и материалы алано-готских могильников дополняют существующие представления о распространении христианства на полуострове и деятельности православных епархий, а также раскрывают роль христианства в этнокультурной трансформации в крымских владениях Восточной Римской империи. Состояние источников не позволяет полностью осветить все аспекты исследуемой проблемы. Поэтому автор и выбрал жанр очерков, предполагающий рассмотрение актуальных вопросов.

ГЛАВА 1

ПОЛИТИКА РИМСКОЙ ИМПЕРИИ В КРЫМУ В III–IV ВВ.

По данным эпиграфики, еще до середины III в. Херсонес [Сарновски, Ковалевская 2004, с. 48; Сарновски 2017, с. 350–359] и Боспорское царство [Ростовцев 1918, с. 162; Цветаева 1979, с. 7, 9, 19–20; Айбабин 1999, с. 26, 29; Иванчик 2013, с. 75] находились под опекой Рима (ил. 4). В последней четверти III в. после победы над готами империя возобновляет союз с Боспорским царством, в конце столетия подразделения римской армии вернулись в Херсонес.

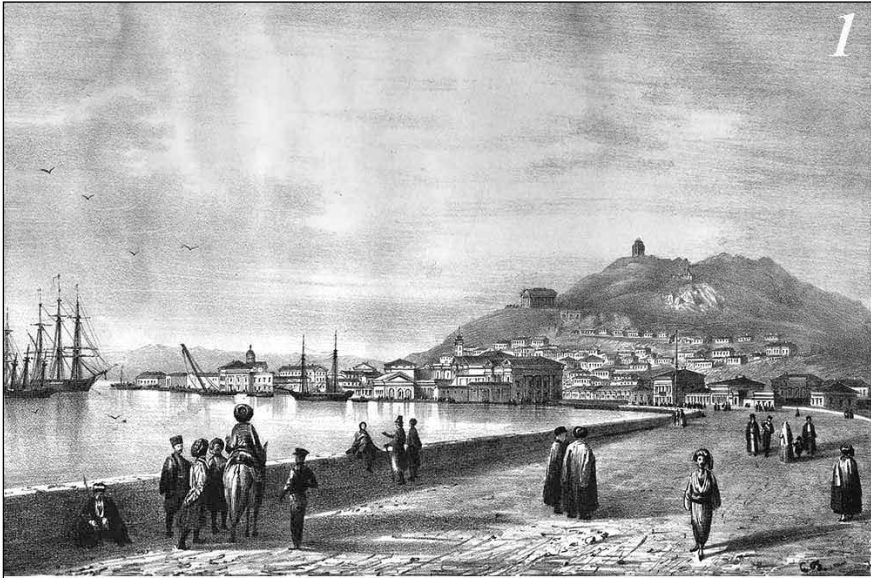
1.1. Боспор

Столицу Боспрского царства Пантикапей уже в античности нередко именовали Боспором (ил. 4-6) [Айбабин 2016, с. 190; Хайрединова 1994/1995, с. 518–519]. Демосфен в речи против Лептина (355/354 г.) говорил о «новом торговом порте Феодосии, который, по словам моряков, ничуть не хуже Боспора» [Латышев 1890, с. 365], а Гай Плиний Секунд (между 22 и 24–79 гг. н.э.) в «Естественной истории» отметил, что «Пантикапей некоторые называют Боспором» [Латышев 1904, с. 170]. В IV в. Пантикапей стали официально именовать Боспором [Gajdukević 1971, S. 497, Anm. 3]. Также называл город и Зосим в повествовании о набегах германцев на столицу Боспорского царства в третьей четверти III в. [Zosime 1971, Livre I, XXXI.3, XXXII.3, p. 30, 31]. Иоанн Златоуст в начале V в. в письме к диаконисе Олимпиаде обозначил регион топонимом Боспор: «οὐδέ γάρ δυνατόν αὐτοῖς πλεῦσαι εἰς τὸν Βόσπορον νῦν, οὐδέ εἰς τὰ μέρη Εκείνα –

невозможно теперь плыть ни в Боспор, ни вообще в те страны» [Joannis Chrysostomi 1862, col. 618]. Стефан Византийский (527–565 гг.) использовал два топонима Боспор и Пантикапей [Латышев 1890, с. 256, 257, 264], тогда как в других сочинениях VI в. фигурирует город Боспор (Βοσπόρου) [Procopius 1940, De Aedificiis, III, VII,10; Joannis Malalae 1831, Chronographia, S. 431–433], (Βόσπορος) [Procopius 1914. De bello Persico, Book I, XII,6,7,8; Book II, III,40].

О топографии столицы Боспорского царства писал Страбон (ок. 64/63 г. до н.э. – ок. 23/24 г. н.э.): «Пантикапей представляет собой холм, со всех сторон заселенный, окружность в 20 стадий; с восточной стороны от него находится гавань и доки приблизительно для 30 кораблей, есть также акрополь» [Латышев 1890, с. 124]. В городе самым высоким холмом является гора Митридат. На ее вершине находился акрополь, а на «заселенных» склонах и у подножья – кварталы (рис. 4) [Гайдукевич 1949, с. 154, 156].

Современная жизнедеятельность на территории столицы царства города Боспора значительно затрудняет изучение топографии города в интересующий нас период. Античный акрополь на горе Митридат теряет значение общественного центра. В. Д. Блаватский отнес к III–IV вв. фундаменты и вымостки, открытые им в слое, перекрывшем руины ранних сооружений, а также строительные остатки на верхней террасе на северо-восточном склоне и у южного подножия горы. Его экспедиция раскопала фундаменты домов, металлообрабатывающую мастерскую, винодельню, участки улицы с водостоками и керамическим водопроводом [Блаватский 1957, с. 93–95; 1960, с. 178–180]. Порт располагался там же, где и Таманская пристань, и занимал не менее 300 м береговой линии (ил. 5). Гавань защищал построенный при Спартокидах большой мол, нанесенный на планы А. Б. Ашика (1848 г.) и И. П. Бларамберга (1827/1858 гг.) [Дюбрюкс 2010, рис. 417, 427]. Очертания занесенного песком мола еще виднелись в 1845 году [Блаватский 1951, с. 25–26]. Согласно Страбону, в Пантикапее складировали товары, привозимые морем [Латышев 1890, с. 133]. Очевидно, к порту примыкала рыночная площадь – агора, центр общественной жизни. На бывших Предтеченской и Биржевой площадях найдены основания и фрагменты памятников и надписи [Гайдукевич 1949, с. 154,

**Рис. 4. Керчь. Гора Митридат
на литографии Карло Боссоли 1856 г. (1)
и на открытке начала XX в. (2)**

Рис. 5. Монета боспорского царя Тейрана 277/278 г.

156; Айбабин 2016а, с. 303]. В 1964 г. Т. И. Макарова зачистила в 25–30-ти м от церкви Иоанна Предтечи в центре Керчи слой большого пожара 254–256 гг., уничтожившего монетный двор (ил. 6, 1) [Макарова 1991, с. 139–140; 1998, с. 345–348]. В 1990–1993 гг. экспедиция автора обнаружила северо-западнее от церкви Иоанна Предтечи в приморской части города Боспора (в Керчи в Кооперативном переулке) в раскопе площадью около 1500 м² фундаменты двух помещений усадьбы III–IV вв. [Айбабин 1999, с. 136, рис. 54, 1; Айбабин и др. 2023, с. 5].

Кратковременные нападения германцев и их союзников на столицу Боспорского царства город Боспор не привели к сколько-либо заметным изменениям в государстве. Разгром измотанных римлянами германцев завершил боспорский царь Тейран [Gajdukevič 1971, S. 474; Айбабин 2016а, с. 300]. Его монеты регулярно чеканились в 275/276–278/279 гг. (рис. 5) [Анохин 1986, с. 122, 172, табл. 36, 728]. Очевидно, в честь этого события в столице царства соорудили памятник (рис. 6). В надписи на его мраморной базе сообщается о победе царя Тиберия Юлия Тейрана над не названными врагами [Latyshev 1890, IOSPE II, № 29; КБН, № 36, с. 38–41]. В первых строках: «Ἀγαθῆι τύχηι. Βασιλεύοντος βασιλέως Τιβερίου Ἰουλίου Τειράνου φιλοκαίσαρος καὶ φιλωρωμαίου εὐσεβοῦς, – В добрый час. В царствование царя Тиберия Юлия Тейрана, друга цезаря и друга римлян, благочестивого...» отмечено сохранение союза с империей [Цветаева 1979, с. 21, 27, 28; Виноградов, Горончаровский 2009, с. 260]. Тейран унаследовал римскую *nomina* Тибериев-Юлиев – династии, правившей на

Рис. 6. Надпись с именем боспорского царя Тейрана

Боспоре с I в. н.э. [Ростовцев 1918, с. 169; Виноградов 1998, с. 244–245]. По определению М. И. Ростовцева, надпись в честь царя Тейрана и его жены Элии, поставленная сакрально-военной коллегией аристократов, объединившей в себе двор царя и его гвардию, указывает на сохранение в государстве старой административной системы [Ростовцев 1990, с. 175, 176]. В начале списка помещены самые высокопоставленные чиновники и военачальники: ὁ ἐπὶ τῆς βασιλείας καὶ ὁ ἐπὶ τῆς Θεοδοσίας, χιλιάρχης καὶ ὁ ἐπὶ τῶν Ἀσπουργιανῶν, ἀρχιγραμματεὺς, а среди чиновников без титулов – ὁ ἐπὶ τῆς πινακίδος и γραμματεὺς [Ростовцев 1990, с. 176]. По мнению В. В. Латышева, возглавлявшая список магистратура «ὁ ἐπὶ τῆς βασιλείας καὶ ὁ ἐπὶ τῆς Θεοδοσίας» означала наместника Европейского Боспора и Феодосии [Латышев 1892, с. 63]. По утверждению М. И. Ростовцева, эту должность царю навязало римское государство, и на нее назначали агента римского императора при Боспорском дворе [Ростовцев 1990, с. 177–178]. С. А. Жебелев считал, что «ὁ ἐπὶ τῆς βασιλείας» являлся правителем не всего Европейского Боспора, а лишь царской резиденции, то есть Пантикапея [Жебелев 1935, с. 51]. По предположению А. И. Болтуновой, «начальник царской области – ὁ ἐπὶ τῆς βασιλείας» управлял землями, доходы с которых составляли личную собственность царя [Болтунова 1958, с. 116]. В. Д. Блаватский интерпретировал список магистратур так же, как В. В. Латышев [Латышев 1892, с. 63–64]. Первым упомянут наместник царства и Феодосии – ὁ ἐπὶ τῆς βασιλείας καὶ Θεοδοσίας, за ним следуют начальник тысячи и наместник Аспургианов – χιλιάρχης καὶ ὁ ἐπὶ τῶν Ἀσπουργιανῶν, главный секретарь – ἀρχιγραμματεὺς, начальник отряда – λοχαγός, градоначальник – πολεϊτάρχης, личный секретарь царя – ὁ ἐπὶ τῆς πινακίδος, секретарь – γραμματεὺς и другие лица, выполнявшие обязанности по месяцу [Блаватский 1985, с. 246]. В. А. Горнчаровский приписывал данную магистратуру начальнику царских войск столицы и прилегающей к ней области [Виноградов, Горнчаровский 2009, с. 151]. Несостоятельность последней интерпретации показал В. Д. Кузнецов. Он полагал, что такие термины как ὁ ἐπὶ τῆς βασιλείας, ὁ ἐπὶ τῆς Θεοδοσίας, ὁ ἐπὶ τῆς Горυππίας, ὁ ἐπὶ τῆς τῶν Ἀσπουργιανῶν означали царских наместников в разных регионах государства [Кузнецов 2007, с. 236–237]. М. И. Ростовцев считал политарха военным магистратом, верховным начальником гражданской милиции [Ростовцев 1990, с. 179]. Очевидно,

многочисленной дворцовой администраций управляли наместник царства и хилиарх, руководивший царскими войсками и Аспургианами. В администрацию входили как военачальники (λοχαγός и политарх?), так и гражданские магистраты (главный секретарь, начальник отчетов, личный секретарь царя, секретарь) и десятки других чиновников.

Магистратуры наместников царства и Феодосии существовали и в начале IV в. В надписи на надгробии 307 г. погребенного в Гермонассе упомянут бывший ἐπί τῆς βασιλείας [КБН, № 1051, с. 611–613], а в надписи 306 г. из Пантикапея – ὁ ἐπί τῆς Θεοδοσίας(ς) наместник Феодосии Аврелий Валерий Сог [КБН, № 64, с. 71–72]. Надпись Аврелия Валерия Сога впервые опубликована В. В. Латышевым:

«Θεῷ ὑψίστῳ
ἐπηκόῳ εὐ –
χὴν. Αὐρήλιος Οὐαλέ –
ριος Σόγους Ὁ –
5 λύμπου, ὁ ἐπὶ
τῆς Θεοδοσίας
σεβαστόγνων –
στος, τειμηθεὶς ὑ –
πὸ Διοκλητία –
10 νοῦ καὶ Μαξιμιανοῦ,
ὁ καὶ Ὀλυμπιανὸς
κληθεὶς ἐν τῷ ἐ –
παρχεῖῳ, ὁ πολλὰ
ἀποδημήσας καὶ
15 ἀποστατήσας ἔτη
δέκα ἕξ καὶ ἐν πολ –
λοῖς θλίφεις γενό –
μενος, εὐξάμενος
ἐκ θεμλίου οἴκο –
20 δομήσας τὴν προς –
ευχὴν ἐν τῷ γχ'.

Богу всевышнему внемлющему, по обету Аврелий Валерий Сог, сын Олимпа, наместник Феодосии, известный августам, почтенный Диоклетианом и Максимианом, он же прозванный в епархии Олимпианом, долго находившийся в отсутствии и

остававшийся на чужбине 16 лет и много бед испытывший, по обету выстроил от основания молельню в 603 году» [Латышев 1904а, № 21, с. 26–27].

В. В. Латышев увидел в надписи указания на значительную зависимость Боспора от Рима. По словам В. В. Латышева, 603 г. боспорской эры синхронен периоду с осени 305 до осени 306 г. по Р. Хр., который начался вскоре после отречения Диоклетиана и Максимиана в правление с 305 г. августов Констанция Хлора и Галерия. В надписи подчеркнута сильная зависимость царства от Рима. Не упомянут боспорский царь Фофорс. Сог имел римские *nomina* Aurelius Valerius (Αὐρήλιος Οὐαλέριος). Он сообщает о своем титуле *σεβαστόγνωστος* (известный августам) и получении почестей от Диоклетиана и Максимиана. Сог называет Боспор не царством (*βασιλείας*), а римской провинцией (*ἐπάρχειον*) [Латышев 1904а, с. 26–28]. В. В. Латышеву возразил В. Ф. Гайдукевич, утверждавший, что Сог 16 лет подвизался на службе вне Боспора в Римской провинции (*ἐπάρχειον*). Сог проявил свою преданность Риму тем, что, согласно римскому обычаю, имел три имени: личное боспорского происхождения и два имени в честь римского августа Аврелия Валерия Максимиана. Надпись не дает оснований говорить о превращении Боспора в Римскую провинцию [Гайдукевич 1949, с. 457–458; 1955, с. 146].

В. Ф. Гайдукевич обратил внимание на надпись на надгробии из Горгиппии, высеченную в 307 г. в память Марка Аврелия Андроника, сына Паппы:

«Μάρκῳ Αὐρηλίῳ Ἄνδρ –
 ονείκῳ Πάππου,
 τῷ πρὶν ἐπὶ τῆς
 βασιλείας π. ι. κ. ρ. .
 καὶ τούτου υἱῷ
 Ἄλεξάρθῳ λοχαγῷ
 Ἀγριπλέων Καισα –
 ρέων ἄρχοντες
 τὴν στήλην τει –
 μῆς χάριν. γχ', Ἄρ –
 τεμεισίῳ κε' .
 Χαίρετε οἱ παροδεῖ –
 ται.

Марку Аврелию Андронику, сыну Паппа, бывшему наместнику царской области... и его сыну Алексарфу, лохагу, архонты Агриппии (и) Кесарии (поставили) почета ради эту стелу. 603 год, 25 Артемисия. Прощайте прохожие» [Latyshev 1890, № 363, с. 190–191; КБН, № 1051, с. 611–613].

В надписи использованы римские топонимы Фанагории (‘Αγριππλέων – Агриппия) и Пантикапея (Καισαρέων – Кесария), введенные в правление императора Августа правителем Боспора Полемоном I (9/8 г. до н.э.) для демонстрации верности Риму со стороны правящих верхов Боспора [Гайдукевич 1949, с. 458–459; Кузнецов 2007, с. 237]. Как известно, боспорцы не признали эти переименования Пантикапея в Кесарию, а Фанагории в Агриппию. В. Ф. Гайдукевич и В. Д. Блаватский считали эту надпись свидетельством усиления проримских тенденций в Боспорском царстве во времена императора Диоклетиана [Блаватский 1964; Gajdukevič 1971, S. 476–478]. Бенжамин Надель также отметил попытку возрождения в боспорской надписи начала IV века римских названий главных боспорских городов Пантикапея (Кесария) и Фанагории (Агриппея). По мнению Б. Наделя, содержащиеся в надписи Сога и надписи из Фанагории факты позволяют предположить активизацию римской политики на северном побережье Эвксинского моря во времена Диоклетиана. По его словам, из-за борьбы антиримских и проримских сил в Боспорском царстве, власть местного царя Фофорса была серьезно ограничена римлянами, и округ Феодосия был временно включен в состав Римской империи как *civitas libéra*, подобно Херсонесу, контролируемый наместником соседней римской провинции Мезия [Nadel 1977, p. 104]. Однако, это утверждение Б. Наделя не подтверждается другими надписями и сочинениями историков.

Б. Надель, так же как и А. А. Васильев, ссылаясь на текст Херсонесских исторических хроник и легенд, добавленных Константином Багрянородным к трактату X в. «Об управлении империей» [Константин Багрянородный 1989, с. 246–275], предположил, что самостоятельным Боспором в конце III – IV в. правил Савромат, который вместе с меотийскими сарматами (савроматами) напал на Римские владения [Vasiliev 1936, p. 22–23]. Еще Теодор Моммзен доказал недостоверность хроник [Mommsen 1885, S. 291]. Сомнительна и их столь ранняя дата. В тексте использо-

ван средневековый топоним Кафа. Вряд ли стоит привлекать для датировки фрагмента и текст, изданный М. А. Шангиным. Это текст не 360–386 гг., а более поздний. В нем упомянуты Рагуза, основанная в VII в., и угры, известные с X в. [Шангин 1938, с. 252–255; Цукерман 1994/1995, с. 252–255]. В начале хроник сообщается о существовании близ Херсона при Диоклетиане (284–305 гг.) «соседних крепостей». Как показали археологические раскопки, по соседству с Херсоном крепости были сооружены не ранее второй половины VI в. [Ajbabın 2011, S. 130]. Они упомянуты в написанном в 770–780-х гг. «Бревиарии» Никифора [Чичуров 1980, с. 165], в рассказе о событиях начала VIII в. в *Collectanea* Анастасия Библиотекаря [Vasiliev 1936, p. 78]. Так же неправдоподобна информация о пребывании в Херсонесе при Диоклетиане и Константине (306–337 гг.) баллистариев [Zuckerman 1991, p. 549–552]. Не подтверждается другими источниками рассказ о походе херсонесцев на Дунай [Nadel 1977, p. 97, 104–105] и о войнах Херсонеса с Боспором, якобы приведших к гибели Боспорского царства в первой половине IV в. [Айбабин 1999, с. 47, 48].

Рассмотренные надписи позволяют говорить о сохранении в последней четверти III – начале IV в. союзных отношений Боспорского царства с Римской империей. С конца III в. боспорские цари полностью контролировали Европейскую (Керченский полуостров) и Азиатскую (Таманский полуостров) части государства [Айбабин 2016а, с. 301–302].

По мнению А. А. Васильева, в рассказе Зосима о нападении на империю живших у Меотийского озера савроматов [Zosime 1971, Tom I, Livre II, 1–3, p. 92–93] идет речь о крымских готах [Vasiliev 1936, p. 22–23]. По утверждению В. Г. Зубарева, описанная Зосимом победа Константина на Истре вызвала движение меотидских варваров, напавших на городище Белинское. Вследствие этих событий и были зарыты монетные клады в Боспорских городах и поселениях [Зубарев 2006, с. 190–192]. По замечанию Ф. Пашу, в данном фрагменте Зосим, довольно путано повествуя о борьбе Константина с дунайскими сарматами, по традиции упомянул литературный штамп – «Меотийское озеро» [Zosime 1971, Tom I, Livre II, 3, p. 213]. Этот эпизод не имеет никакого отношения к Боспору. Кстати, поскольку по Зосиму всех напавших савроматов армия Константина либо

Рис. 7. Монета боспорского царя Рескупорида V 325/326 г.

убила, либо пленила, то они вряд ли могли что-нибудь натворить на Боспоре.

Приемники Тейрана на Боспорском троне известны по монетам и эпиграфике: в 285/6–309/10 гг. правил Фофорс, в 309/10–318/9 – Радамсад, в 319–341/2 – Рескупорид V (рис. 7). В 638 г. боспорской эры (341/2 г.) Боспор окончательно прекратил самостоятельную денежную эмиссию [Анохин 1986, с. 126–133]. В надписи, найденной на Таманском полуострове, вероятно, у станицы Запорожской, сообщается о постройке архитектором Евтихом в 335 г. при царе Рескупориде V оборонительной стены или укрепления [КБН, № 1112].

Из боспорских склепов происходят красноречивые свидетельства союзных отношений Боспорского царства с правившим в восточных провинциях Римской империи Констанцием II (337–361 гг.). В последние годы его пребывания на престоле правители Боспора получили от Констанция II в дар три серебряных чаши (ил. 7; 8). Как доказала И. П. Засецкая, они сделаны в мастерских Антиохии [Засецкая 1993, с. 29–32, кат. №№ 5, 38, 181]. На двух блюдах видны латинские надписи: «D[omini] N[ostri] Constanti Augusti votis XX» (ил 7). Они указывают на изготовление чаш в честь двадцатилетия цезарства Констанция II (в 343 г.) [Мацулевич 1926, с. 9, табл. II, 3, 4]. На третьем блюде изображен триумфальный въезд Констанция II в Рим, состоявшийся в 357 г. по случаю его провозглашения единоличным правителем империи (ил. 8) [Засецкая 1993, с. 30, кат. № 5].

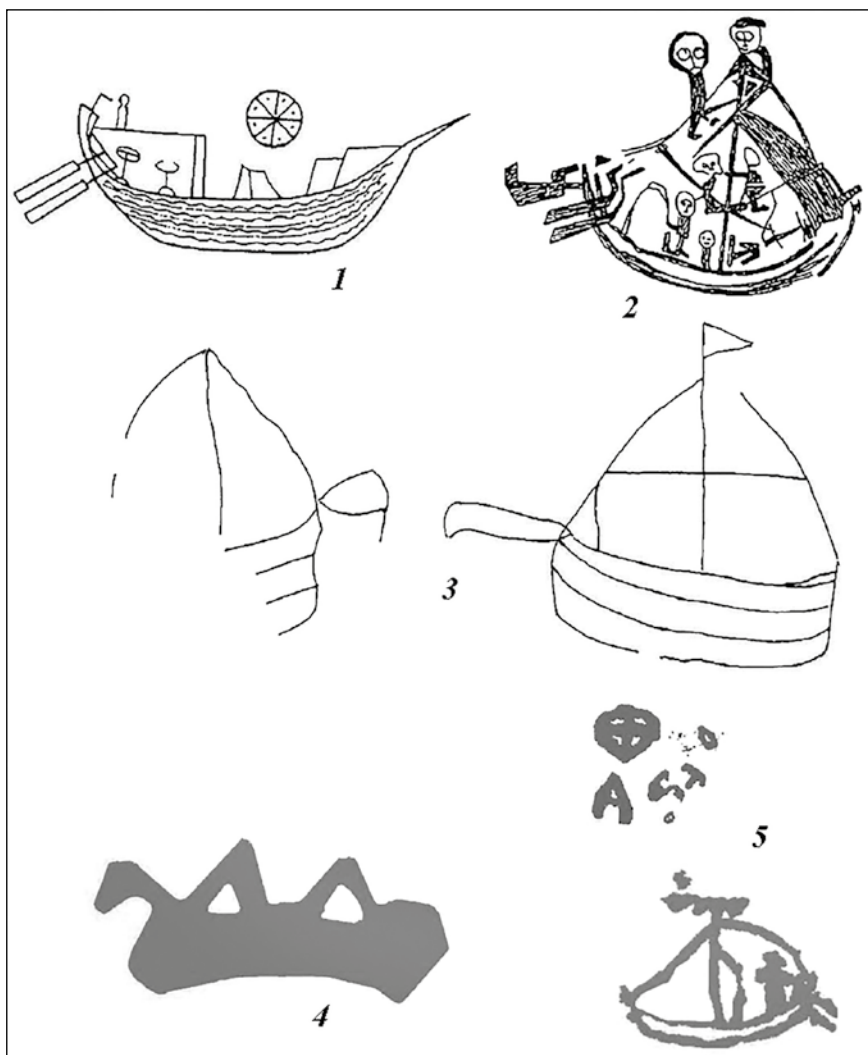

Рис. 8. Изображений кораблей в боспорских склепах:

1,2 – склеп 1901 г.; 3 – склеп №25;

4 – склеп №2, «Система 2000»;

5 – Китейский склеп [по: Зинько 2017, с. 75, рис. 50]

Боспор стремился установить союзнические отношения и с приемником Констанция II. По словам Аммиана Марцеллина, в 362 г. к императору Юлиану (361–363 гг.) прибыли послы боспорцев. Они предложили выплачивать империи ежегодно дань за разрешение спокойно жить в пределах границ своей страны [Аммиан Марцеллин 1996, Кн. XXII, 7, 10].

По утверждению А. А. Васильева, после 362 года и «Боспор перешел в руки готов», которые в предшествующий период захватили равнину Восточного Крыма. По его словам, единственное указание принадлежности города готам содержится в письме Иоанна Златоуста [Vasiliev 1936, p. 21–23]. В начале V в. он рукоположил готам епископа Унилу, который вскоре скончался. Стремясь предотвратить отправку по просьбе рэкса готов негодного епископа, Иоанн Златоуст написал о невозможности плыть зимой «...ни в Боспор, ни вообще в те страны» [Joannis Chrysostomi 1862, Epistola XIV, col. 618]. По мнению А. А. Васильева и других, в этом фрагменте речь идет о крымских или Боспорских готах [Vasiliev 1936, p. 31–36]. Однако в письме нет конкретной информации о местонахождении резиденции епископа Унилы и рэкса готов, а наряду с Боспором названы «те», то есть какие-то припонтийские «страны». Упоминание в письме рэкса готов дает основание считать Унилу епископом Дунайских готов [Tomaschek 1881, S. 10; Айбабин 2016а, с. 303].

Предположение А. А. Васильева не нашли подтверждения в результатах археологических раскопок. На Европейском Боспоре археологические материалы, связанные с германцами, нападавшими на Боспор в третьей четверти III в., весьма малочисленны. Условия находки некоторых из названных вещей в Керчи не известны, а другие германские изделия найдены на городищах, поселениях и некрополях местного греческого и сарматоаланского населения. М. М. Казанский связал с германцами три находки и пришел к выводу о «практическом отсутствии» на Киммерийском Боспоре вещей германской традиции [Казанский 2016, с. 138].

В последней четверти III – IV в. оживляется экономика Боспора. Восстанавливается морской торговый флот (рис. 8). Наряду с торговлей, металлообработкой и судостроением развивались традиционные отрасли – земледелие, рыболовство и промышленная переработка рыбы. В последней четверти III в. на терри-

тории Пантикапея/Боспора возникло большое количество зерновых хозяйств [Блаватский 1964, с. 214]. Боспор вывозил выращенный в сельских поселениях хлеб в Константинополь. В 360-х годах ритор Фемистий назвал Боспор и Херсон в числе главных поставщиков хлеба в столицу [Dagron 1974, p. 531–532].

Новые сведения об экономике города получены в ходе производившихся с конца 1950-х годов охранных раскопок и обследований. В приморской части столицы, неподалеку от берега открыты рыбозасолочные комплексы. В 1971 г. экспедиция Т. И. Макаровой рядом с апсидами храма Иоанна Предтечи (ил. 6, 1) зачистила три соединенные в одну линию рыбозасолочные ванны, сложенные из прямоугольных плит и покрытые розовой цемянкой (ил. 9) [Макарова 1998, с. 356].

В 2007–2009 гг. южнее церкви Иоанна Предтечи на нижней террасе юго-восточного склона горы Митридат, в Босфорском переулке (ил. 6, 2) экспедиция автора исследовала рыбацкий квартал (ил. 10; рис. 9). Его жители возвели усадьбы №№ 3–5, которые не менее трех раз разрушали и перестраивали. В каждом доме обнаружили каменные якоря для сетей. Одновременно с усадьбами в первые века н.э. – начале V в. и в V–VI вв. функционировал самый крупный в Пантикапее рыбозасолочный комплекс (длина 17,8 м, ширина до 7 м) из шестнадцати ванн, покрытых розовой цемянкой (ил. 11). Слои I–III вв. не удалось раскопать из-за подъема уровня грунтовых вод. В зачищенных ваннах одновременно засаливали до 155 м³ рыбы, выловленной жителями квартала. Судя по керамике из заполнения ванн, рыбозасолочный комплекс забросили в конце IV – начале V в., видимо, в результате нападения гуннов в 395 г. Пожар разрушил ближайшие постройки [Айбабин и др. 2023, с. 5, 6, рис. 9, 10].

Религиозную жизнь боспорцев характеризует эпиграфика. Образованная всем двором сакральная коллегия посвятила памятник в честь победы Тейрана божественной паре Зевса Спасителя и Геры Спасительницы – Ζεὺς Σωτὴρ καὶ Ἥρα Σώτειρα (рис. 6) [Latyshev 1890, IOSPE II, № 29; КБН, № 36, с. 39–41]. Тем самым подчеркнута значимость Зевса и Геры, как главных богов царства. Как отметил М. И. Ростовцев, эпитет «θεοὶ ἑλισσάνιοι – боги небесные» показывает, что это уже не греческий культ [Ростовцев 1913, с. 29, прим. 2]. Его официальный

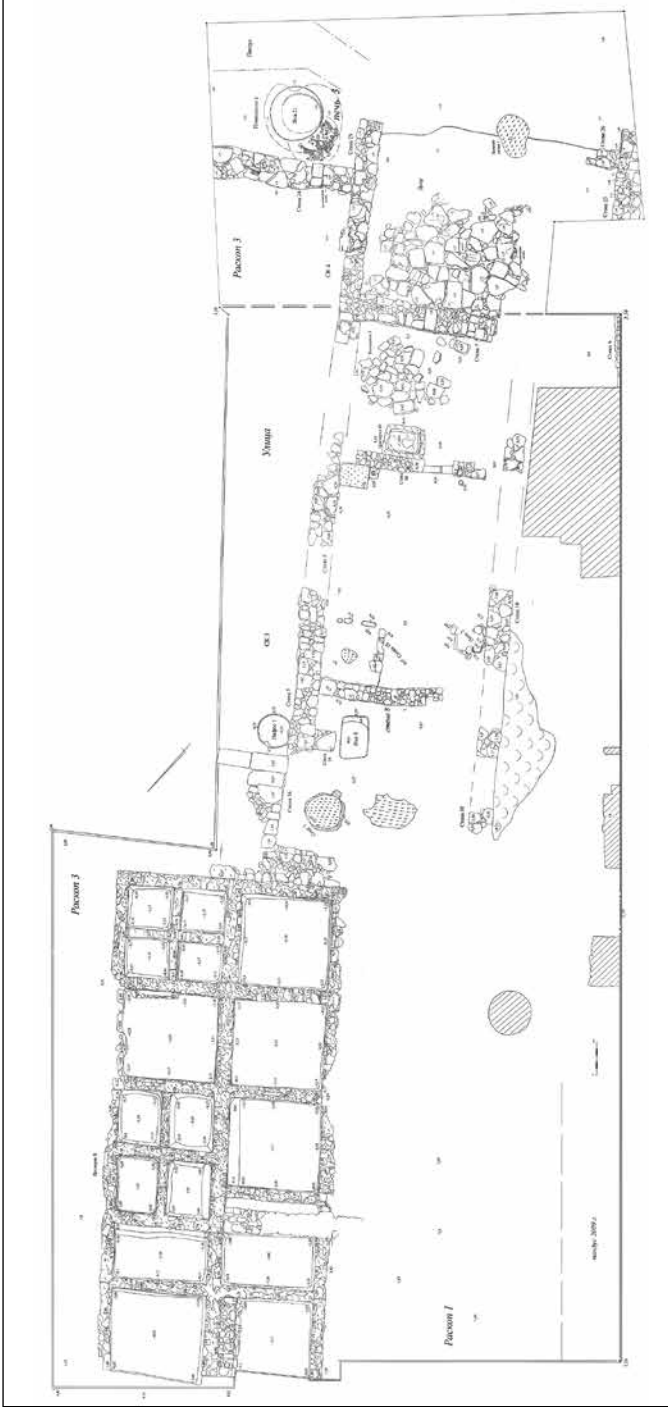

Рис. 9. План раскопов 2007-2009 гг. в Босфорском переулке с руинами рыбацкого квартала

статус подтверждает упоминание в той же надписи жреца [КБН, № 36, с. 39–43]. Он от имени и по повелению государства совершал все религиозные акты.

Наиболее ранние сведения об иудейской общине и молельне в городе Пантикапее содержатся в манумиссиях 57 г. н.э. – первой половины II в. (ил. 12). Манумиссии являются юридическими актами, удостоверяющими совершенное в одной из молелен (προσευχή) Пантикапея освобождение на волю рабов-язычников [Schürer 1986, S. 36–38]. Одновременные иудейско-боспорские манумиссии из Пантикапея по описанным в них условиям освобождения можно разделить на две группы. В первую группу включены [КБН, №№ 70, 72, 73].

Наиболее полно сохранилась манумиссия 81 г. [КБН, № 70]:

1	βασιλεύοντος βασιλέως Τιβε-
ρίου Ἰουλίου Ῥησκουπόριδος φιλο-
καίσαρος καὶ φιλωρωμαίου, εὐσε-
βοῦς, ἔτους ζοτ', μηνὸς Περει[τί]-
5	ου ιβ', Χρήστη γυνὴ πρότε-
ρον Δρούσου ἀφείημι ἐπὶ τῆς π[ρο]-
σευχῆς θρεπτόν μου Ἡρακλᾶν
ἐλεύθερον καθάπαξ κατὰ εὐχή[v]
μου ἀνεπίληπτον καὶ ἀπαρενό-
χλητον ἀπὸ παντὸς κληρονόμο[u]
10	[τ]ρέπεσ<θ>αι αὐτὸν ὅπου ἂν βού-
λ[ητ]αι ἀνεπικωλύτως καθὼς η[ὺ]-
ξάμην, χωρὶς ἰς τ[ῆ]ν προσευ-
χὴν θωπείας τε καὶ προσκα[ρτε]-
[ρ]ήσεω[ς], συνεπινευσάντων δὲ
καὶ τῶν κληρ<ο>νόμων μου Ἡρα-
κλείδου καὶ Ἐλικωνιάδος,
15 συνε[πιτ]ροπευούσης δὲ καὶ τῆ[ς]
συναγωγῆ[ς] τῶν Ἰουδαίων.

«В царствование царя Тиберия Юлия Рескупорида, друга Кесарей и друга римлян, благочестивого, 377 года, месяца Перития, 12-го числа, я, Христа, бывшая жена Друза, отпускаю по обету в

молельне вскормленника моего Иракла свободным раз навсегда по моему обету, не захватываемым и не тревожным никаким наследником; общаться ему где захочет беспрепятственно, кроме обязанности являться в молельню для поклонения и постоянного присутствия; [освобождение совершено] с одобрения наследников моих Ираклида и Еликониады и с участием в опеке синагоги Иудеев» [[Latyshev 1890, IOSPE II, № 52; КБН, № 70; Runesson et al. 2008, p. 156, № 124; Harland 2014, № 95, p. 24, 25].

Во вторую группу объединены манумиссии КБН, № 71 и найденная в 2007 году в Босфорском переулке в рыбацком квартале в вымостке двора усадьбы № 3 надпись на мраморной плите (ил. 12):

[βασιλεύοντος βασιλέως Τιβερίου]
 [Ιουλίου Κότυος φιλοκαίσαρος καὶ]
 [φιλωρωμαίου, εὐσεβοῦς], ἔτους ...]
 4 [μηνὸς Ἐανδικο(θ) γι' ὄντο γυ[νὴ πρό]-
 [τερον - - -]ρο ἀνατέθει Μεγ-
 [- - - καὶ - - θρεπτ[οῦς] (ἐλαυ-
 [τοῦ ὅπως dow? ἀπ]αρενόχλητοι καὶ ἄ-
 8 [νεπίληπτοι χ]όρις τοῦ προσκαρτε-
 [ρεῖν τῇ προσε]υχῇ ἐπιτροπευού-
 [ong δὲ τῆς συν]αγωγῆς τῶν Ἰου-
 [δαίων καὶ θ]εοσεβῶν [Suppl. Epigraphicum Graecum
 2011, p. 250, № 731]

«В царствование царя Тиберия Юлия Котиса, друга цезаря и друга римлян, благочестивого, года 3.. месяца Ксанди]ка 13, Тхето, бывшая жена ...тра, посвятила Мей[крата(?) богу] вскормленника своего, чтобы он был гарантирован от захвата и беспокойства при условии усердия по отношению к молельне, под опекой общины иудеев и боящихся Бога» [Айбабин 2023, с. 502–503].

Слово **ἡ συναγωγή** традиционно переводят с греческого как «синагога», то есть община [см., напр.: КБН, №№ 70–73; Надель 1968, с. 256, 275; Schürer 1979, p. 429–431; Левинская 2019, с. 315]. По словам А. Г. Грушевого, ἡ συναγωγή (синагога) – это, с точки зрения этимологии, просто «сообщество собравшихся вместе» [Грушевой 2014, с. 74]. Лексему синагога интерпретируют и как дом для собраний общины [Fine 1996, p. 21, 24–27].

Греческое слово **προσευχή** (просеухэ) (πρλη – молитва) в манумиссиях означало «иудейская молельня или молельный

дом». Προσευχή никогда не использовалось для обозначения общины, а всегда означает строение [Надель 1968, с. 257; Левинская 2000, с. 150–151; Runesson et al. 2008, p. 157]. Б. И. Надель объяснял совершение акта освобождения раба в молельне тем, что еврейская синагога могла собраться только в своей молельне [Надель 1968, с. 275]. По замечанию Э. Гуденафа, частота употребления слова προσευχή Филоном Александрийским (ок. 25 г. до н.э. – ок. 50 г. н.э.) позволяет эпиграфистам с уверенностью считать каждую надпись, в которой оно встречается, еврейской [Goodenough 1953, p. 86]. Молельни (προσευχή) боспорских еврейских синагог являлись священным еврейским пространством, и тем самым узаконивали освобождение рабов [Айбабин 2023, с. 499].

В манумиссиях первой группы провозглашали об освобождении рабов под опеку общины Иудеев, а в манумиссиях второй группы – под опеку общины иудеев и боящихся Бога (θεοσεβεῖς). И. А. Левинская назвала «мировой сенсацией» находку второй надписи с упоминанием боящихся Бога, приблизительно синхронной событиям, описанным в Деяниях, и поэтому подтверждающей достоверность Деяний как исторического источника [Левинская 2019, с. 317]. По ее мнению, новая надпись доказывает использование слова θεοσεβεῖς в Боспорском царстве, а также неоспоримо подтверждает существование в I в. общины, объединяющей иудеев и боящихся Бога (язычников квазипрозелитов, формально не перешедших в иудаизм и не ставших прозелитами), и что эта община гарантировала отпуск рабов только при одном условии – совершать какую-то работу для общины в синагоге [Левинская, 2019, с. 314–317].

В 2021 г. А. П. Бехтер и В. Н. Чхаидзе опубликовали манумиссию 392 г. боспорской эры, т.е. 95/96 г. н.э. из Гермонасы, в которой в последней строке читается θεο<σε>βῶν. По утверждению издателей, данная манумиссия стала третьей надписью, неопровержимо доказывающей включение «боящихся Бога» в члены иудейской общины [Бехтер, Чхаидзе 2021, с. 933–935].

Очевидно, члены иудейской общины и входившие в нее «боящиеся Бога» язычники с середины I в. жили в прибрежном районе города, в том числе и в описанном квартале рыбаков. Там же могла находиться общинная молельня (προσευχή).

В боспорских городах Горгиппии и Танаисе в I – первой половине III в. были многочисленны чтущие Бога Высочайшего (Θεὸς Ὕψιστος). Видимо, с переселенцами из Танаиса культ Бога Высочайшего проник и в столицу царства [Даньшин 1993, с. 64, 65]. В надписи Аврелия Валерия Сога, который в 306 г. по обету построил от основания иудейскую προσευχή, засвидетельствовано существование в Боспоре иудейской общины чтущих Θεὸς Ὕψιστος – Бога Высочайшего в конце III – начале IV в. [Латышев 1904а, № 21, с. 26–29; Schürer 1986, S. 38; КБН, № 64, с. 71–72]. Согласно И. А. Левинской, почитание Бога Высочайшего в Боспорском царстве распространилось с поселившимися в городах евреями [Левинская 2000, с. 205–209].

Некоторые сведения о структуре и организации одной из боспорских синагог содержатся в текстах грекоязычных эпитафий мужчин, найденных в 2020 г. у Павловского мыса в дачном поселке близ Керчи на известном с 1867 г. иудейском некрополе III–IV вв. В надписях упомянуты раввин и архисинагог – духовный лидер общины и двое пресвитеров – старейшин [Айбабин 2023, с. 497–504].

В III–IV вв. жившие в столице царства Боспоре евреи восприняли эллинскую культуру и греческий язык. На выявленных на городских окраинах еврейских кладбищах прослежен не типичный для евреев Палестины обычай устанавливать надгробия с религиозными эмблемами, возникший у говоривших на греческом языке и латыни евреев диаспоры под влиянием эллинской традиции (рис. 10). На некрополе, находящемся рядом с Павловской батареей, найдены грунтовые могилы, покрытые «необработанными» камнями. Погребенные были ориентированы головами на восток. Какие-либо вещи в могилах отсутствовали. Другой некрополь открыт близ лазарета слева от дороги в Керченскую крепость. На надгробиях в центре плит высечены изображения семисвечника – меноры или пятисвечника, или девятисвечника, а по сторонам – шораф (изогнутый рог) и лулаб (пальмовая ветвь). На некоторых надгробиях вырезаны эпитафии на греческом языке или аналогичные по содержанию двуязычные (на греческом и иврите), датированные по палеографическим особенностям III–IV вв. На надгробиях с менорами вырезаны еврейские (Исаак, Самуил, Симон, Шимон), греческие (Агафон, Аристон, Христиона), римское (Север) имена. Судя по

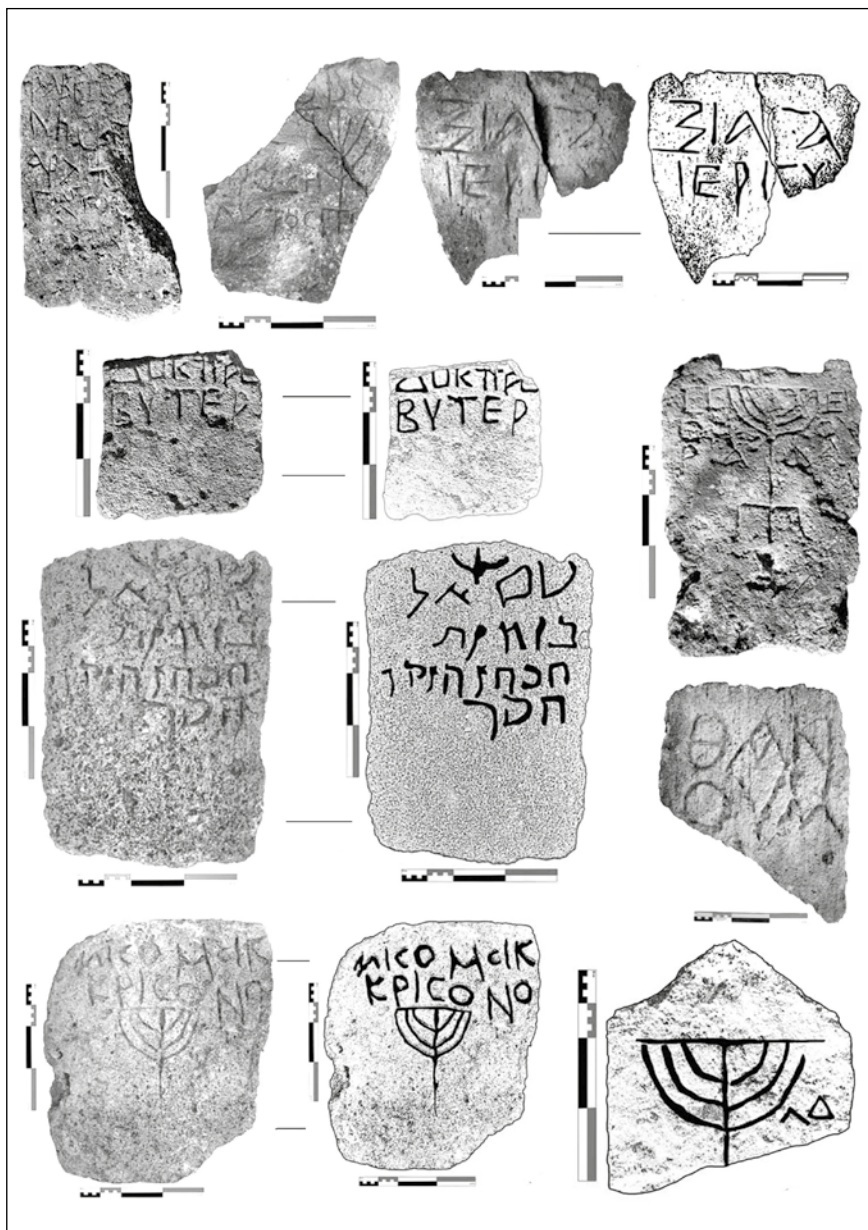

Рис. 10. Иудейские надгробия из Керчи

[по: Бейлин, Яйленко 2022, рис. 1-3]

надписям, боспорские евреи имели и римские, и греческие имена [Айбабин 1999, с. 45]. В III–IV вв. в городах Боспора меняется еврейская ономастическая традиция, свидетельствующая о новой миграции иудеев на Боспор [Даньшин 1993, с. 69].

Видимо, в последней четверти III в. с пленными христианами на Боспор проникает их религия. В описании мученичества святого Афеногена говорится о его путешествии (скорее всего, на Боспор) для выкупа христиан, захваченных готами во время набега 276 г. на Педактою в Каппадокии [Maraval 1990, р. 30–35, § 3, 7, 8; Хайрединова 2001, с. 300–301]. На самом раннем христианском надгробии 304 г. из Керчи высечены крест и надпись «Здесь покоится Эвтропий» [КБН, Addenda, № 3].

В начале IV в. в городе Боспоре уже образовалась христианская община и была учреждена епархия (рис. 11). В списках участников созванного в 325 г. в Никее первого Вселенского собора имеются подписи епископа Кадма Боспорского (Κάδμος, Βάδμνος, Cadmus, Cadamnus, Domnus) [Vasiliev 1936, р. 11]:

Provinciae Bosphori

Domnus Bosphorensis. Cathirius Bosphori [Sacrorum... 1749, Tom II, col. 696, 702; Васильевский 1912, с. 369–370; Vasiliev 1936, р. 11].

В других латинских, греческих, сирийских, коптской и армянской редакциях списков:

Βοσπόρου

220. Κάδμος Βοσπόρου [Gelzer 1898, р. LXIV, 220] XLIII.

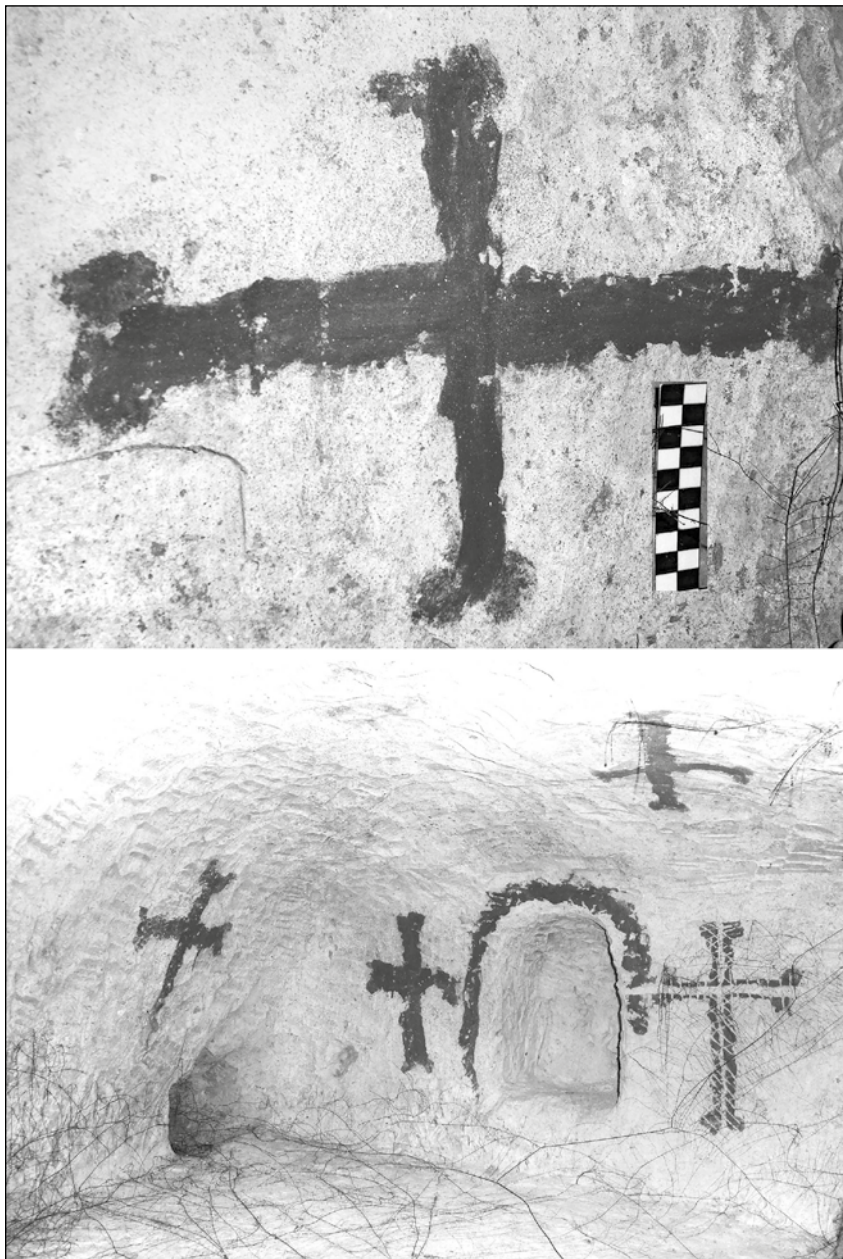
217. Cadmos Bosphoron [Gelzer 1898, р. 56, 217] XLIV. Bosfori

220. Cadamnus Bosforensis [Gelzer 1898, р. 57, 220] XL. Bosphori

Cadmus Bosphori [Gelzer 1898, р. 117, 220].

Историк Ермий Созомен (около 400–450 гг.) писал о гибели боспорского епископа во время землетрясения в 344 г., прибывшего в Никомедию для участия в соборе [Hermiae Sozomeni 1864/1983, Lib. IV, cap. XVI, Col. 1155–1156]. Боспорские христиане названы в написанной во второй половине IV в. «Похвале святому мученику Фоке» [Латышев 1899, с. 33].

По мнению В. Д. Блаватского, А. Л. Якобсона [Блаватский 1951, с. 28; 1962, с. 48, 49, 51, 64, 68–77, 84; Якобсон 1958,

**Рис. 11. Склепы боспорских христиан с крестами,
нанесенными на стены красной краской**
[по: Зинько 2017, с. 80-81, рис. 64; 65]

с. 458–459] и многих других, городские кварталы на горе Митридат разрушили гунны в 376 г. Однако в образовавшемся там слое разрушения содержалась керамика V–VI вв. Этот слой образовался в VI в. [Айбабин 1999, с. 79; Толстиков, Журавлев 2001, с. 152–153]. По Филосторгию, отряды закрепившихся в Подунавье гуннов в самом конце IV в. переправились через реку Танаис и, пройдя Армению и Месопотамию, напали на византийские провинции Каппадокию и Галлатию [Thompson 1948, p. 28; Blockley 1992, p. 47]. Совершавший паломничество на восток в 395–397 годах Иероним Стридонский оказался очевидцем вторжения гуннов в Закавказье и Месопотамию, которое описал в двух письмах. По его словам, «...от далекого Меотиса, земли ледяного Танаиса и страшного народа массагетов, где в Кавказских ущельях Александр дверью запер дикие народы, вырвалась орда гуннов» [Jerome 1933, p. 328–329; Пигулевская 1941, с. 39–40]. Сирийский автор Иешу Стилит в хронике начала VI в. повествовал о разграблении гуннами Сирии в правление Гонория и Аркадия в 395/6 г. [Пигулевская 1941, с. 39–40]. О переправе через Меотиду направлявшихся в Мидию гуннов рассказывал и Прииск Панийский [Blockley 1983, Fr. 11, 595–610, p. 276–279]. По сирийским и греческим источникам Н. В. Пигулевская аргументировано приурочила переход гуннов через Меотиду и Кавказские горы в Междуречье и на сиро-финикийское побережье к 395 г. [Пигулевская 1941, с. 40–41]. Тогда же гунны разрушили упомянутый выше рыбозасолочный комплекс и дома в квартале рыбаков в прибрежном районе города Боспора [Айбабин 2019, с. 49].

1.2. Херсонес

Херсонес Таврический расположен на выступающем в открытое море скалистом мысу (ил. 13; рис. 12). В конце III – IV в. город по античной традиции называли Херсонесом [Dagron 1974, p. 531; Zosime 1979, p. 266, Livre IV. 5. 2; Codex Theodosiani 1905, XVI. IX.40.24]. Авторы VI в. [Иордан 1997, с. 127] и более поздние, например, автор написанной в конце VII в. «Космографии» [Ravennatis apocryphi 1860, p. 172–174], именовали город Херсоном.

В конце III – IV в. внешний облик Херсонеса, так же как и в предшествующий период, определяли монументальные кур-

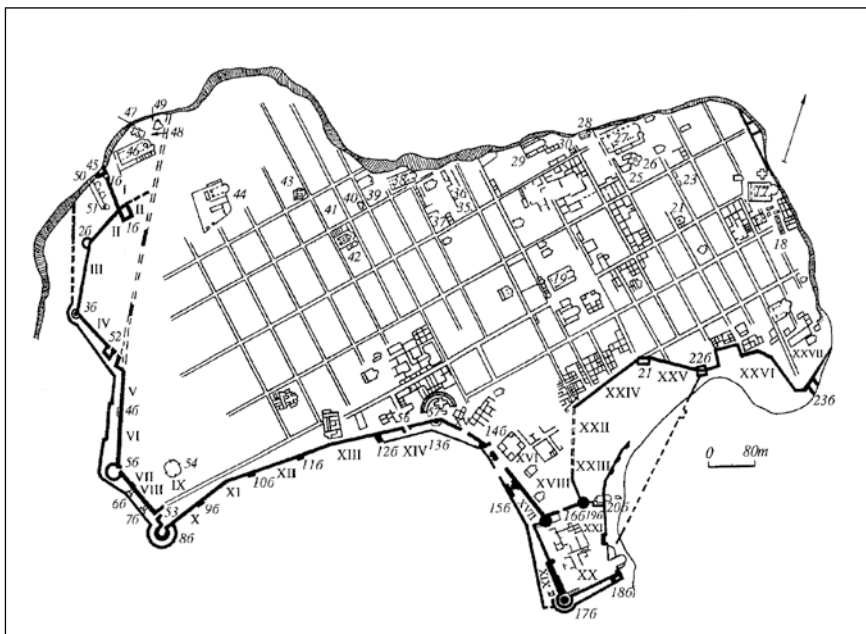

Рис. 12. План Херсонесского городища

тины и башни, окружавшие город по всему периметру (ил. 14; 15). В городе сохранилась регулярная планировка прямоугольными кварталами с прямыми улицами с канализацией и водопроводом из глиняных труб. На пересекавшей город с юго-запада на северо-восток главной продольной улице, длиной около 1 км и шириной 6–7 м, находились главная и малая агоры [Айбабин 2010, с. 353]. Совершенно закрытая от морских ветров городская бухта представляла собой исключительно удобную стоянку для торговых кораблей [Айбабин 2016, с. 186]. На берегу бухты и под водой все еще не обнаружены остатки городских портовых сооружений [Блаватский 1961, с. 150–157]. Однако, по словам автора «Анонимного перипла Понта Эвксинского», в Херсонесе Таврическом были «...пристань и хорошие гавани» [Латышев 1890, с. 284]. Херсонесу принадлежала хора на Гераклеяском полуострове, разделенная на земельные наделы с усадьбами.

В Херсонесе и в соседнем «порту Символов» (*Symbolum portus*), еще называемом «гавань Символов» (*Συμβόλον λιμῆν*)

или «гавань Символа» (Συμβόλου λιμένα) [Сарновский, Савеля 2000, с. 29], а также в Хараксе [Ростовцев 1911, с. 40] находились сформированные в Мезии и Фракии подразделения херсонесской вексилляции численностью около 500 человек [Сарновски, Ковалевская 2004, с. 48; Сарновски 2017, с. 350–359]. В гавани Херсонеса базировались военные корабли Мезийского флота [Соломоник 1973, с. 142–145]. Для римлян в юго-восточной части города в цитадели соорудили прямоугольное здание херсонесской вексилляции, с трех сторон окруженное портиками, термы, казармы и преторий [Антонова 1997, с. 10–17, рис. 3]. Судя по фрагменту греческой надписи с упоминанием императора Требониана Галла (251–253 гг.) [Соломоник 1973а, с. 56–61], римский гарнизон в начале второй половины III в. еще находился в Херсонесе. Вскоре, в связи с необходимостью укрепить защиту границы империи на Дунае от набегов германцев, римскую вексилляцию вывели из Херсонеса [Ростовцев 1900, с. 157; Айбабин, Хайрединова 2017, с. 26]. В 250–260-е гг. германцы не нападали на Херсонес. Вероятно, после ухода римских войск, гибели важного экономического партнера – позднескифского государства и захвата германцами черноморских коммуникаций в Херсонесе разразился глубокий кризис. При Галлиене (253–268 гг.) в городе прекратилась чеканка монет [Анохин 1977, с. 91].

В период первой Тетрархии (293–305 гг.) [The Oxford Dictionary 1991, Vol. 3, p. 2027–2028] Восточная Римская империя вернулась в Херсонес. В его порту завершались морские торговые пути из Константинополя и других причерноморских и средиземноморских византийских портов. Вопреки тому, что Херсон по морю близок к Константинополю, Прокопий локализовал Херсон «в самой крайней точке римского мира» [Procopius 1940, De Aedificiis, III.7.10; Procopius 1914, De bello Persico, I.12.7; Dagron 2000, p. 289–301].

Несмотря на то, что Херсонес отсутствует в составленном в конце IV – первой четверти V в. официальном списке гражданских и военных должностей *Notitia dignitatum* [Notitia 1876; The Oxford Dictionary 1991, Vol. 3, p. 1496], немногословная информация письменных источников и материалы археологических раскопок в Херсонесе не только подтверждают принадлежность его Римской империи в конце III – IV в., но и позволяют считать

город ее форпостом на полуострове [Цукерман 1994/1995, с. 553–558; Айбабин 2010, с. 253; Ajbabin 2011, S. 43–44]. В Херсонесе были вновь расквартированы римские войска. По предположению В. В. Борисовой, на основаниях стен казарм II–III вв. в III–IV вв. (видимо, в конце III в. – А.А.) вновь возвели казармы [Борисова 1963, с. 54; 1962, с. 2–17]. По мнению И. А. Антоновой, здания и термы римской вексиляции разрушили в середине III в., а во второй половине того же столетия вновь восстановили и использовали до VII в. [Антонова 1997, с. 12–14, 17]. Поскольку в отчетах И. А. Антоновой массовый археологический материал должным образом не описан и не систематизирован, то даты, предложенные в упомянутых выше публикациях, весьма декларативны. Зафиксированная В. В. Борисовой и И. А. Антоновой на объектах римского военного лагеря стратиграфия позволила выявить несколько строительных периодов. Судя по керамике из перекрывавшего руины первого строительного периода слоя, новый комплекс построек, предназначенных для обеспечения жизнедеятельности римского военного формирования, вновь построили не ранее конца III в.

В трех надписях восстанавливаются названия вексиляции, состоящей из подразделений нижнедунайских легионов: I Итальянского и II Геркулийского [Соломоник 1983, №№ 12, 53, 60; Zahariade 1983, p. 247–259; Alföldy 1984, S. 785–786; Sarnovski 1988, s. 152; Zuckerman 1991, p. 551; Цукерман 1994/1995, с. 553–558]. Фрагменты первой надписи найдены в 1900 г. около 17 и 19 куртин. Э. И. Соломоник отнесла надпись ко времени правления августов Диоклетиана и Максимиана – 286–293 гг. [Соломоник 1983, с. 74–75, № 53]. По мнению К. Цукермана, надпись соответствует ситуации либо первой и второй тетрархии (293–306 гг.), либо последним годам соправительства Лициния младшего и Константина младшего (317–324 гг.) [Цукерман 1994/1995, с. 554–555]. Вторая надпись известна по рисунку П. С. Палласа [Соломоник 1983, № 2]. М. И. Ростовцев восстановил в ней сокращения титулов двух августов и двух цезарей, датирующие надпись временем или тетрархии Диоклетиана (293–305 гг.) или тетрархии Констанция I (305–306 гг.) [Ростовцев 1907, с. 13]. В пятой строке надписи К. Цукерман прочитал титул *v(iro) e(gregio) protecto(ro)*, соответствующий офицерскому чину протектора [Цукерман 1994/1995, с. 553–554]. Протек-

тор «вексилляции из подразделений легионов XI Клавдиева и I Италийского и кавалеристов» упомянут и в надписи, найденной в 1995 г. на территории цитадели в Херсонесе [Зубарь, Сарновский, Антонова 2001, с. 106–109, рис. 1–2].

Согласно А. Х. М. Джонсу, при Диоклетиане и Константине I чин протектора присваивали императорским гвардейцам и избранным центурионам. В легионах протекторы возглавляли отдельные вексилляции, выполняли специальные поручения в пограничных районах империи [Jones 1992, p. 53, 54, 636, 637]. Возможно, в конце III – начале IV в. римский гарнизон в городе возглавлял протектор, который руководил и восстановлением лагеря вексилляции и оборонительных сооружений [Ajbabın 2011, S. 44].

Солдаты, моряки и ветераны жили в городе вместе с семьями, рабами, вольноотпущенниками, обслуживавшими армию ремесленниками и торговцами [Соломоник 1983, №№ 20, 31–34]. Военным принадлежали склепы с камерами, вырубленными с нишами для урн, близкие по конструкции римским колумбариям [Ajbabın 2011, S. 43, 44].

В 364 г. после неудавшегося восстания против императора Валента (364–378 гг.) в Херсонесе скрывался родственник императора Юлиана (361–363 гг.) Прокопий. Через некоторое время Прокопий, опасаясь, что горожане выдадут его преследователям, бежал на попутном корабле в Константинополь [Zosime 1979, p. 266, Livre IV.5.2; The Oxford Dictionary 1991, Vol. 3, p. 1731]. По предположению К. Цукермана, рассказ Зосима о бегстве в Херсон узурпатора Прокопия свидетельствует о выводе вексилляции из города [Цукерман 1994/1995, с. 558]. Однако, по замечанию М. И. Ростовцева, сообщение Аммиана Марцеллина о ссылке в город в 366 г. замешанного в заговоре Прокопия Фронемия [Аммиан Марцеллин 1996, Кн. XXVI. 10. 8] указывает на пребывание в городе «вооружённой силы» [Ростовцев 1907, с. 14].

М. И. Ростовцев опубликовал надпись с первым слогом *bal(listariorum)* – баллистариев. Чтение некоторых букв надписи дополнила Э. И. Соломоник, а К. Цукерман уточнил прочтение нижних семи строк текста:

«[Salvis d(ominis) n(ostris) tribus imperator]ibus [...
... et glorio]sissimis princip[i]-
bus Valentini]ano victoriosi[s-

simo domino et Va]lente {m} fratre [{m}
 Valentiniani omnia] maximi et Grati[a-
 no filio Valentinia]ni nepoti Valentis
 perpetuis Augustis] Dom(itius) [M]odestus vir i
 clarissimus praef]ectus pr(a)ettorio
 et] vi[r] [clar(i)ssimus co-
 mes et magister n]umini magistatiqu(e)
 eorum devoti administ]rante disponent(e)
 ...]m decemprimo
 [praeposito ...a] norum se[n(iorum)] bal-
 [listariorum curante]<m> v(iro) p(erfectissimo) patre novi
 [.....].

Надпись начинается с титулов трех императоров: (При здравствующих государях наших императорах) ... и славнейших принцепсах (Валентиниане), победоноснейшем (государе,) и Валенте, брате (Валентиниана, во всем) величайшего, и Грациане, (сыне Валентиниана,) внуке Валента, (вечных августов)», также упомянуты Домиций Модест, муж сиятельнейший, префект претория, и ..., муж сиятельнейший, комит и магистр и начальник отряда баллистариев [Ростовцев 1907, с. 5–7; Latyshev 1916, IOSPE I, p. 408–409, № 449; Соломоник 1983, № 3, с. 28–29; Zuckerman 1991, p. 550, 551]. По словам М. И. Ростовцева, Domitius Modestus был префектом претория Востока с 370 по 378 г. Упомянутый в надписи Валентиниан умер 17 января 375 г., а значит надпись поставили между 370 и 375 г. [Ростовцев 1907, с. 5–7]. Э. И. Соломоник согласилась с этой датой [Соломоник 1983, с. 30], тогда как К. Цукерман датировал надпись 369–375 гг. [Zuckerman 1991, p. 550; Цукерман 1994/1995, с. 550]. Г. Альфельди, в своей рецензии на корпус латинских надписей Херсонеса Э. И. Соломоник, предложил новое прочтение трех надписей, которое позволяет заключить о присутствии в Херсоне в позднеримскую эпоху подразделений двух дунайских легионов [Alföldy 1984, S. 784–786].

Как явствует из текста надписи, в 370–375 гг. Херсонес подчинялся префекту претория Востока Домицию Модесту. Надпись подтверждает дислоцирование в городе воинского подразделения баллистариев.

О подразделении баллистариев идет речь и в строительной надписи, найденной близ 16–17 куртин в средневековом слое и

изданной В. В. Латышевым. Прочтение её последних строк по сохранившимся на камне остаткам букв дополнил С. П. Шестаков и скорректировал К. Цукерман:

«Υπ]ἐ[ρ τῶν δεσποτῶν ἡμῶν, τῶν ἑων(ίων)
Αὐγού<σ>των, τῶν ἀνεικ[ή-]
των κὲ Φλ(αβίων) Θεοδ[ο-]
σίου κὲ Ἀρκαδίου καὶ ἐ-
5πεί τῆς πράξεως τοῦ πολὰ
καμόντος Φλ(αβίου) Βίτου τριβού(νου) καὶ
τῶν μηχανι(κῶν) οἰκ[ο]δομήθη τὸ τῖχ[ος]
Χ[ερ]σῶν[ος], ἐπι'Ε]ύθηρήου τοῦ [μ]εγαλο-
[πρεπεστάτου? κόμητος? ---]

За владык наших, вечных августов, непобедимых, Флавиев Фе[о]досии и Аркадии и много потрудившегося при деле Флавия Вита трибуна и механиков построена стена Х[ер]сона, при [·? ·] Евфери, велико[лепнейшем комите (?)]» [Латышев 1901, с. 56–59; Шестаков 1908, с. 7; Цукерман 1994/1995, с. 550].

В. В. Латышев отнес надпись к периоду между провозглашением Аркадия августом 16 января 383 г. и кончиной Феодосия в январе 395 г. [Латышев 1901, с. 57–58], тогда как К. Цукерман датировал надпись с посвящением императорам Феодосию и Аркадию временем после смерти Валентиниана II (май 392), но до коронации Гонория (январь 393) [Цукерман 1994/1995, с. 550]. В. В. Латышев и С. П. Шестаков отметили, что начало надписи (ὕπερ τῶν δεσποτῶν ἡμῶν – За владык наших) подтверждает вхождение Херсонеса в состав Восточной Римской империи и признание императоров своими владыками [Латышев 1901, с. 59; Шестаков 1908, с. 7]. К. Цукерман обратил внимание на присутствие в надписи термина «механики», которые, будучи архитекторами и специалистами по военным машинам, служили в легионе баллистариев. То есть, при Евфирии, занимавшем должность *magister militum* Фракии, стараниями трибуна Флавия Вита, именно военные инженеры, а не гражданские архитекторы руководили постройкой стен Херсона [Цукерман 1994/1995, с. 550]. Приведенные надписи опровергают сведе-

ния, содержащиеся в тексте херсонесских легенд в трактате Константина Багрянородного. Как мы видим, баллистариев разместили в городе не при Диоклетиане или Константине, а при Валенте и соправителях. Баллистариями командовал трибун. Он же руководил реконструкцией городской оборонительной системы. Баллистарии являлись солдатами римской армии, а не городской милицией. Таковыми стали их потомки, которые наследовали службу в отряде.

На оживление в IV в. фортификационного строительства в восточном портовом районе города указывают материалы археолого-реставрационных работ на куртинах и башнях (ил. 14) [Антонова 1971, с. 102–118; 1976, с. 5–6]. Скорее всего, усиление военного присутствия Восточной Римской империи в городе было вызвано вторжением в степи Приазовья и Северного Причерноморья гуннов [Аjbabin 2011, S. 46].

В Херсонесе важную роль играло городское самоуправление. М. И. Ростовцев в последней строке в надписи 370–375 гг. восстановил должность муниципального магистра [curant]e<m>v[iro] p[erfectissimo] patre, в которой он видел муниципальную должность pater civitatis [Ростовцев 1907, с. 17–18; Соломоник 1983, с. 23]. Несомненно, в надписи идет речь о *pater civitatis* (отец города). По словам Д. Фисселя, в IV в. *pater civitatis* в городском самоуправлении руководил общественными работами и был ответственным за военные склады [Feissel 1987, p. 219–220; 2004, p. 105].

Херсонес поддерживал активные экономические отношения с Восточной Римской империей. В начале 360-х гг. в городе восстанавливается товарное производство зерна, которое выращивалось на сельских усадьбах Гераклеяского полуострова. Ритор Фемистий в произнесенном в 361 г. панегирике назвал Херсон в числе главных поставщиков хлеба в Константинополь [Dagron 1974, p. 531, 532]. Аммиан Марцеллин в географическом экскурсе, приуроченном к 362 г., писал: «...его (Херсонеса) население спокойно и мирно занимается хлебопашеством и питается его продуктами» [Аммиан Марцеллин 1996, Кн. XXII. 8. 32].

На северном берегу в квартале XVIII открыты два крупных винодельческих комплекса, созданных не ранее середины III в., которые функционировали около трех столетий. Вино изготавливали в специальных зданиях, где имелись давяльные площадки

и резервуары объемом не менее одного кубометра. Давильные площадки были разделены на три части, в каждой из которых можно было производить выжимку одновременно трех сортов винограда, не смешивая их один с другим. В комплексах производилось большое количество вина, предназначавшегося для продажи [Белов и др. 1953, с. 171–204]. Видимо, в связи с увеличением переработки рыбы сооружаются новые рыбозасолочные ванны [Романчук 1977, с. 18–26]. На северном берегу в XXV квартале в конце IV – начале V в. соорудили две стеклоделательные мастерские. В одной из них зачищены три печи. В мастерских изготовляли стаканы на круглом поддоне, в том числе с налпами из синего стекла, кувшины и оконное стекло [Белов 1965, с. 237–239; 1969, с. 80–84; Голофаст 1998, с. 314, 316, рис. 1].

Во второй половине III – первой половине IV в. в Херсонесе преобладали язычники. Многие горожане отправляли домашние культы греческих и восточных богов. Был распространен популярный в империи синкретический культ Исиды и Зевса. В III в. египетскую Исиду отождествляли с Деметрой, Гекатой, Афродитой, Тюхе и другими греческими богинями, а Зевса воспринимали как единого бога Зевса-Сераписа [Соломоник 1973б, с. 68–71]. Язычники жили в городе и во второй половине IV в. Вероятно, не случайно после провозглашения в 364 г. Валента императором поддерживаемый язычниками узурпатор Прокопий пытался укрыться в Херсонесе [Курбатов 1958, с. 16–17; The Oxford Dictionary 1991, Vol. 3, p. 1731].

Надгробия позднееримского периода, эпиграфические источники и «Жития св. епископов херсонесских» свидетельствуют о присутствии в Херсонесе еврейской общины – синагоги [Соломоник 1979, с. 19–23]. Синагоге принадлежала раскопанная на северном берегу в XIX квартале под базиликой 1935 г просеухэ (προσευχή) с пятигранной апсидой (ил. 16; рис. 13) [Жеребцов 1963, с. 206–213; Завадская 1996, с. 96–101; Ajbabin 2011, S. 78–80, Abb. 32]. Судя по найденной в субструкции ее мозаичного пола монете Феодосия I, чеканенной в 383–392 гг., молельню построили не ранее 383 г. После её разрушения образовался слой штукатурки с фресками мощностью до 0,7 м. Наиболее поздние монеты из слоя выпущены при Льве I (457–474 гг.). На многих фрагментах штукатурки из слоя имеются надписи-граф-

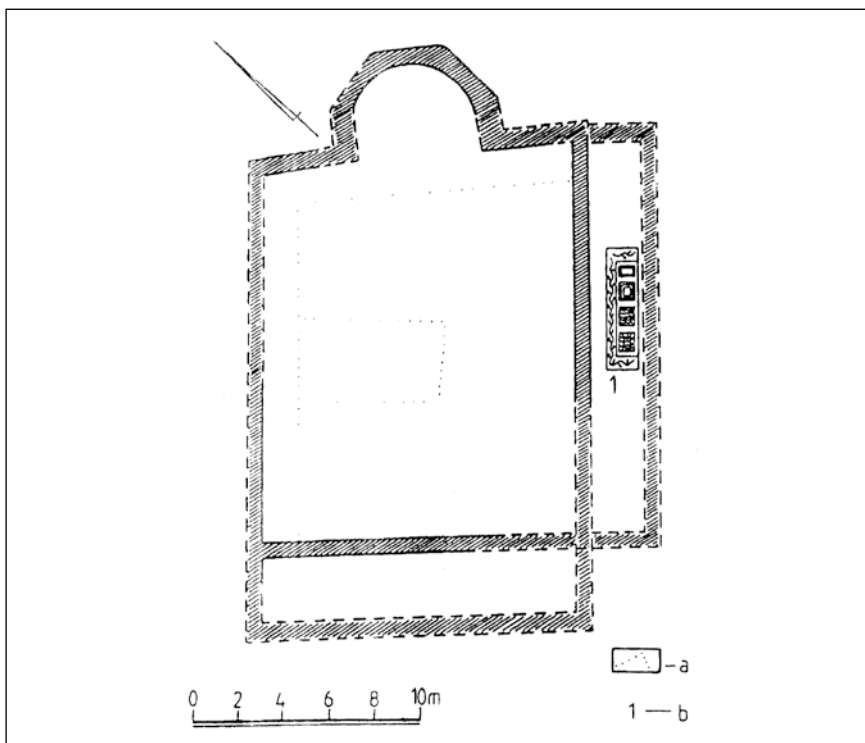

Рис. 13. Херсонес. План синагоги V в. под базиликой 1935 г.

а – граница пола из цемянки: б – мозаика в боковом помещении

фити на греческом и иврите. В греческих граффити прочитаны еврейские имена Ананий из Боспора, Енох и Иуда. Из синагоги происходит и плита с семисвечником (рис. 14), вторично использованная в кладке христианской базилики, возведенной поверх храма.

К стенам Херсонеса с запада и юга примыкает некрополь. Во второй половине III в., после вывода из города римских войск, там прекратили кремировать умерших. В Херсонесе, как и в первые века нашей эры, доминировала греческая община. Ее члены хоронили на расположенных за городскими стенами кладбищах в могилах, вырубленных в скале, иногда обложенных по периметру и перекрытых плитами. В некоторых однотипных могилах рядом со скелетами лежали урны с пережженными костями и пеплом. Во второй половине III – IV в. на некрополе наиболее многочисленны приписываемые грекам склепы с лежанками.

**Рис. 14. Известняковая плита с изображением меноры
из раскопок «Базилики 1935 г.»**

[по: Наследие 2011, с. 435, кат. № 24].

Однако в некоторых склепах с лежанками выявлены черепа с типичной для сармат и алан искусственной деформацией. То есть, склепы описанной конструкции использовали представители разных этнических групп. Появившиеся в городе со II в. н.э. сарматы погребали в подбойных могилах. С IV в. в Херсонесе сооружают Т-образные в плане аланские склепы. Видимо, в город проникали аланы, обосновавшиеся на границах его хоры в начале с начала II в. [Айбабин 2022, с. 32–45].

К ВОПРОСУ О ПЕРВЫХ
ХРИСТИАНСКИХ ЕПАРХИЯХ
В ХЕРСОНЕСЕ
И В ЮГО-ЗАПАДНОЙ ТАВРИКЕ

ГЛАВА 2

Более двух веков высказываются противоречивые мнения о различных аспектах истории и хронологии христианизации Херсонеса и готов Горного Крыма. Многие историки, опираясь на записанный в X в. текст «Житий св. епископов херсонесских», датируют распространение христианства в Херсонесе периодом правления Диоклетиана и Константина I. В. В. Латышев издал содержащуюся в минее Михаила IV (1034–1041 гг.) пространную греческую версию, славянскую и грузинскую версии. По его предположению, на грузинский язык во второй половине XII в. перевели текст самой близкой к херсонесскому оригиналу версии. Согласно житию, в шестнадцатый год царствования Диоклетиана (в 299 г.) епископ Иерусалима Гермон направил проповедовать христианство в Херсон епископа Василия. Несмотря на то, что он крещением воскресил в присутствии двух евреев сына одного из первых (знатных) горожан (τῶν τῆς πόλεως πρῶτων) и крестил самих родителей, язычники убили миссионера. Вскоре в город из Иерусалима с той же целью прибыли епископы Евгений, Агафодор и Елпидий, погибшие от рук язычников и иудеев. Спустя некоторое время иерусалимский епископ послал в Херсон епископа Эферия, который, убедившись в трудности обращения херсонесцев, отбыл в Константинополь и обратился с жалобой к Константину I [Латышев 1906, с. 39–40; 1913, с. 73–88; Шестаков 1908, с. 17–19]. В опубликованной Ф. Алканом версии, Эферий возвращается из столицы с отрядом солдат [Halkin 1984, p. 253, 264; Цукерман 1994/1995, с. 546, 547]. Во всех версиях жития говорится о направлении в

325 году Константином I в Херсон отряда в 500 солдат, сопровождавшего посланного из Иерусалима епископа Капитона. Однако при названных в житии императорах Иерусалимская церковь занимала весьма скромное место среди других христианских церквей и не могла претендовать на личное покровительство Константина. Да и епископ Гермон вступил на иерусалимский престол не на шестнадцатом, а на восемнадцатом году царствования Диоклетиана. Хотя, согласно историкам церкви, в феврале 313 г. в Милане на встрече Константина и Лициния в империи была провозглашена свобода религиозного вероисповедания, сам Константин почти до своей кончины оставался язычником и не проводил политики насильственного насаждения христианства [Кулаковский 1913, с. 99–126; Jones 1992, p. 80–81; Zuckerman 1991, p. 547–548]. Как справедливо отметил Ж. Дагрон, авторы агиографических легенд, спекулируя датами, именами и списками забытых епископов, старались возвести происхождение херсонесской церкви чуть ли не к апостолам и считали первых миссионеров Иерусалимскими епископами [Dagron 2000, с. 295].

В Херсонесе реальные ранние свидетельства присутствия христиан немногочисленны. Христианскими Э. И. Соломоник считала нанесенные белой краской на красноглиняные одноручные кувшинчик в форме рыбы [Сорокина 1960, с. 232] и глиняные светильники надписи-дипинти: πεῖνε – пей, радуйся – εὐφραίωου, счастье – εὐτυχία, (да будет) милостив ко мне бог – εὐεός μοι ὁ θεός. Многие из кувшинчиков извлечены из склепов с большим количеством скелетов и могил с монетами и вещами III – начала IV в. [Соломоник 1973б, с. 60, 62–64, 66–68, 71–74]. Возможно, с IV в. в городе распространяются светильники с изображением маририя-крещальни или монограммой Христа (рис. 15) [Залеская 1988, с. 233–237; 2006, №№ 387–389].

В поздних синайском и иерусалимских списках I Вселенского собора есть подпись епископа Филиппа Херсонского (Φίλιππος Χερσῶνος) [Бенешевич 1908, с. 295; Лебедев 1916, с. 27]. В арабской версии списка Г. Гельцер в подписи Филиппа иначе перевел на латынь название города – «Philippus Sirianus» [Gelzer 1898, S. 160–161, № 147]. Скорее всего, подпись Филиппа Херсонского в некоторые греческие и арабский списки участ-

**Рис. 15. Красноглиняные светильники IV в.
с монограммой Христа из Херсонеса**
[по: Зелесская 2006, с. 183, кат. №№ 387, 388]

ников первого Вселенского собора сочинил и вписал поздний переписчик [Vasiliev 1936, p. 20].

В I Вселенском соборе участвовал епископ Феофил из Готии (Φεόφιλος Γοτθίας) [Vasiliev 1936, p. 11]. П. И. Кеппен, Ф. К. Брун, В. Томашек, Р. Матисен и другие считали Феофила первым епископом крымской Готии [Кеппен 1837, с. 65; Брун 1880, с. 195; Tomaschek 1881, S. 10; Mathisen 1997, p. 671]. Известно несколько списков с подписями участников собора. В полной версии Феофил подписал протокол как епископ Готии:

Provinciae Gothiae

Theophilus Gothiae metropolis [Sacrorum... 1749, Tom II, col. 696, 702; Васильевский 1912, с. 369–370; Vasiliev 1936, p. 11].

В других латинских, греческих, сирийских, коптской и армянской редакциях списков перед подписью епископа обозначен регион, который они представляли:

XXXIX. Gothiae

Theophilus Gothiae

или

Γοτθίας

219. Φεόφιλος Γοτθίας [Gelzer 1898, p. 56, 57, 116, 117, 214, 215, 250].

В Кольбертинском списке подпись сокращена:

De Gothis

Theophilus Bosporitanus

Domnus Bosphorensis [Васильевский 1912, р. 369].

В. Г. Васильевский полагал, что в этой подписи в результате ошибки переписчика Феофил «превращен» в одновременного с Домном второго епископа Боспора [Васильевский 1912, с. 369]. По мнению А. А. Васильева, поскольку в подписи участников собора перед именем епископа всегда ставят название его региона, то в ней необходимо подправить расположение слов:

De Gothis Theophilus

Bosphoritanus

Domnus Bosphorensis – от Готов Феофил, из Боспора – Домн Боспорский [Vasiliev 1936, р. 11, 12].

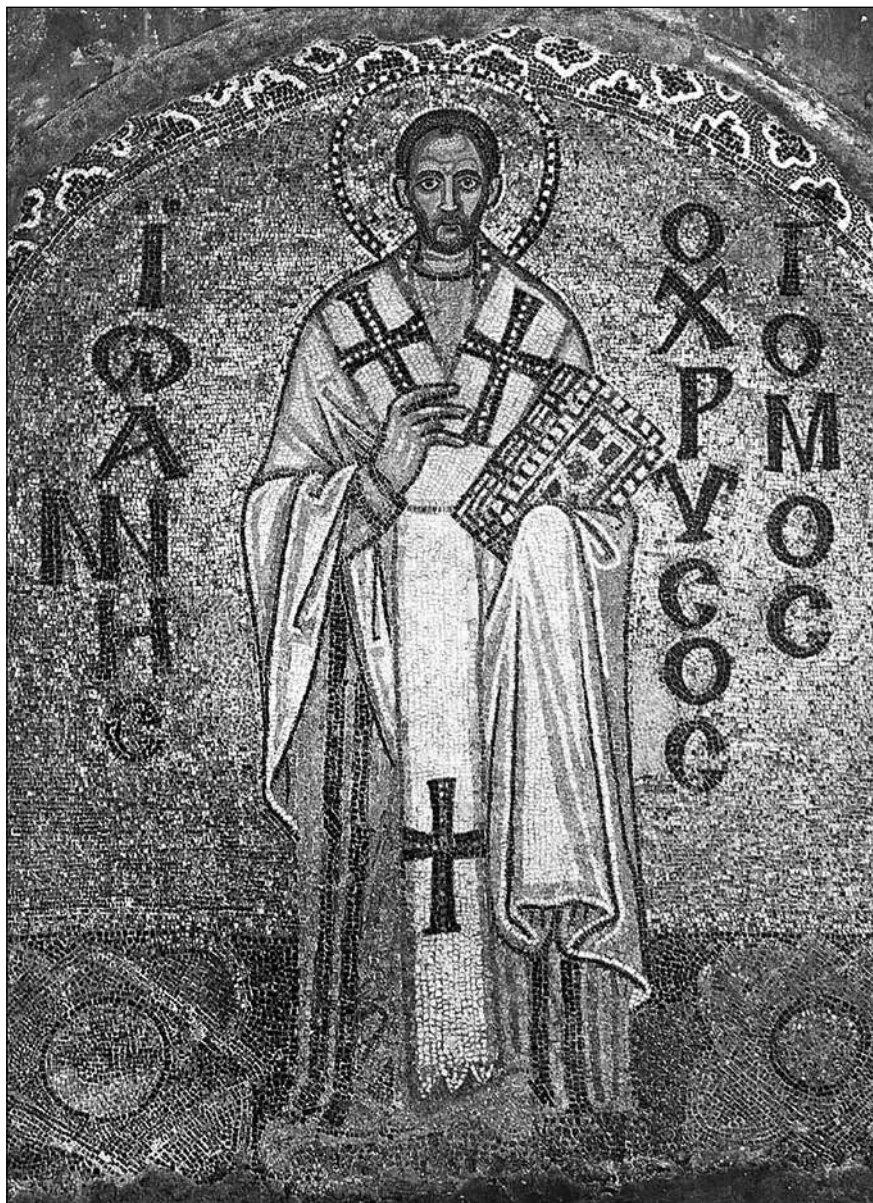
В поздних греческих синайском и иерусалимских списках I Вселенского собора помимо подписи «Φεόφιλος Γοτθίας – Феофил из Готии» есть подпись «Φεόφιλος Γουτθοπόλεως – Феофил из Гутополиса» [Бенешевич 1908, с. 290, 296], которую А. А. Васильев аргументировано считал ошибкой переписчика [Vasiliev 1936, р. 13].

Согласно Павлу Орозию (ок. 385–420 гг.), в IV в. Готия располагалась в Дакии [Павел Орозий 2001, Кн. I, 2,53, с. 30, 150]. Историк церкви Сократ Схоластик (380–439 гг.) сообщил об участии в Никейском соборе епископа дунайских готов Феофила, подписавшего догматы [Socratis Scholastici 1864, col. 349–350; Vasiliev 1936, р. 17]. Филосторгий (368–439) называл Ульфилу епископом дунайских готов [Philostorgius 1864, col. 469]. В составленном во второй половине X в. Св. Симеоном Метафрастом житии Св. Никиты Готского, замученного у готов в 70-е годы IV в., сказано о присутствии на Никейском соборе в 325 г. молодого Ульфилы и первого епископа готов Феофила, своей рукой утвердившего догматы [Symeon Metaphrastes 1899, col. 705–708; Vasiliev 1936, р. 18, 19]. Д. Н. Беликов, Ф. А. Браун, В. Г. Васильевский и А. А. Васильев помещали епархию Феофила на Дунае [Беликов 1886–1887, с. 34–35; Braun 1890, S. 8; Васильевский 1912, с. 369–370; Vasiliev 1936, р. 18–20], а Х. Вольфрам – в Дакии [Wolfram 1990, р. 33, 34, 91, 399, 418]. О местонахождении Готии на Дунае свидетельствуют медальоны 332/334 гг. с топонимом ΓΟΤΗΙΑ в легенде, выпущенные после покорения Кон-

стантином I части Дакии [Wolfram 1990, p. 34; Kovács 2013, S. 208–209].

Первым епископом крымских (Горный Крым) готов Ф. К. Брун, В. Г. Васильевский и А. А. Васильев называли Унилу [Брун 1880, с. 208; Васильевский 1912, с. 369–370; Vasiliev 1936, p. 32–36], рукоположенного архиепископом Константинопольским Иоанном Златоустом (Ἰωάννης ὁ Χρυσόστομος) (рис. 16). О епископах Готии Иоанн Златоуст до своей ссылки в 404 г. в Армению в город Кукуз написал в письме диаконисе Олимпиаде: «...достойный удивления епископ Унилы, которого я недавно поставил и послал в Готию (εἰς Γοτθίαν), совершивши много великих дел, умер. И прибыл Мадурий с письмами правителя готов (τοῦ ῥηγὸς τῶν Γότθων), в которых последний просил послать к ним епископа. И вот, так как против грозящей катастрофы я не вижу никакого другого средства, чтобы поправить дело, кроме промедления и отсрочки (им ведь невозможно теперь плыть ни в Боспор, ни вообще в те страны), то ты постарайся пока задержать их по причине зимы» [Joannis Chrysostomi 1862, Epistola XIV, col. 501; Vasiliev 1936, p. 33].

По мнению В. Г. Васильевского, поскольку Иоанн Златоуст обратил внимание на опасность зимнего плавания в Боспор, то в этом фрагменте речь идет о Таврических готах [Васильевский 1912, с. 370]. По уверению В. Томашека, титул ῥήξ τῶν Γότθων характерен для Дунайских готов и соответствует латинскому *rēgulus*, уменьшительное от *rex* – царь, король, князь [Tomaschek 1881, S. 10; Айбабин 1999, с. 77–78]. Полемизируя с В. Томашеком, А. А. Васильев утверждал, что «...у крымских готов правитель, конечно, был и по терминологии того времени мог» называться королем, князем (ῥήξ – *rex*) [Vasiliev 1936, p. 33–36]. Однако раннесредневековые авторы использовали термин *rex* применительно к правителям остготов Подунавья. Иордан писал о Корилле, короле Готии (*Corylius rex Gothorum*), «которую предки называли Дакией» [Иордан 1997, с. 75, 133, 134]. Несмотря на отсутствие в письме сведений о местонахождении резиденции епископа Унилы и рэкса готов, Х. Вольфрам писал о направлении Унилы к крымским готам [Wolfram 1990, p. 91–92]. По словам Р. Матисена, текст письма Иоанна Златоуста указывает на приверженность Унилы и других епископов крымских готов никейскому (православному) изводу и их подчинение юрис-

**Рис. 16. Изображение Иоанна Златоуста
на мозаике тимпана собора Святой Софии
в Константинополе. IX в.**

дикции константинопольского епископа [Mathisen 1997, p. 671]. Правда, Р. Матисен так и не познакомился с исторической географией Крыма. Он, аргументируя локализацию в Крыму Готии из письма Иоанна Златоуста, приписал «крымским готам» упомянутых в notiциях VI в. епископов Фанагории (518 г.), Зихии (536 г.) и Никопсиса [Mathisen 1997, p. 671, прим. 42]. Напомню, в цитированном письме шла речь об опасности зимнего плавания не только к Боспору, но и в некие «те» страны на Черном море (‘Οὐδὲ γὰρ δυνατὸν αὐτοῖς πλεῦσαι εἰς τὸν Βόσπορον νῦν, οὐδέ εἰς τὰ μέρη ἐκεῖνα) [Joannis Chrysostomi 1862, Epistola XIV, col. 501]. По свидетельству епископа Кирского Феодорита (393–458/466), архиепископ Константинополя Иоанн Златоуст отправил в Подунавье к готам миссионеров, которые «говорили на том же языке, как те» (ὁμόγλωττοι ἐκεῖνος) [Theodoret 1911, V, 30, 31, S. 330–331; Maenchen-Helfen 1973, p. 266; Томпсон 2003, с. 216]. Безусловно, Иоанн Златоуст писал о дунайской Готии [Айбабин 2018, с. 73].

В период своего правления Феодосий I (рис. 3) в эдиктах 380 и 381 годов провозгласил христианство никейского исповедания единственной государственной религией. Церковные структуры Феодосий I приравнивал к государственным учреждениям [Кулаковский 1913, с. 118–121; Jones 1992, p. 165–166]. Именно в его правление церковь активизировала политику христианизации в Херсонесе, которая стимулировала не только проникновение с территории империи новой духовной и материальной культуры, но и начало масштабной перепланировки города. Херсонесская епархия впервые упомянута в документах II Вселенского собора 381 г., в котором участвовал епископ Херсонесский Еферий (Αἰθέριος πόλεως Χερσονήσου или Αἰθέριος Χερσονήσου) [King 1957, p. 639; Zuckerman 1991, p. 548; Ruggieri 1993, p. 350, № 140]. По предположению М. Лекуена, о нем и шла речь в «Житиях святых епископов херсонесских» [Le Quien 1740, Col. 1329]. В нескольких синаксарях говорится о том, что после смерти епископа Еферия император Феодосий I назначил епископом Херсонеса Капитона. Вероятно, Еферий занял епископскую кафедру при Валенте, а Капитон – в середине 380-х – начале 390-х гг. [Zuckerman 1991, p. 548, 549]. Херсонесская епархия сразу же после её учреждения начала миссионерскую деятельность среди соседних варваров Юго-Западного Крыма.

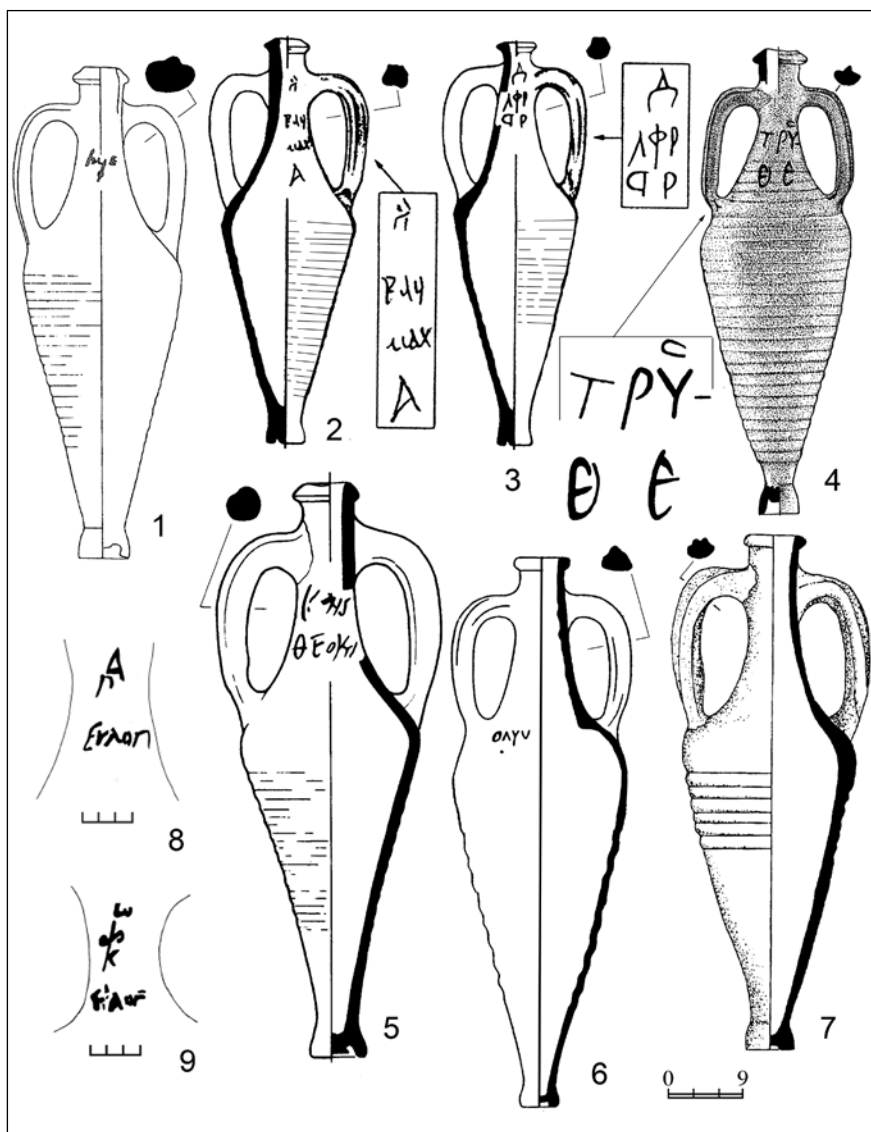

Рис. 17. Амфоры типа F с дипинти из могильников Горного Крыма.

1 – Тас-Тепе, склеп 6; 2-5 – Дружное (2,3 – склеп 3; 4 – склеп 1; 5 – склеп 84) [по: Айбабин 1994; Храпунов 2002];
 6-7 – Суворово (6 – склеп 30; 7 – склеп 47)
 [по: Пуздровский и др. 2001, рис. 6, 2]; 8-9 – Инкерман 1941
 [по: Ильяшенко 201, с. 206, № 76, рис. 44, 76;
 223, № 151, рис. 50,151]

Как показано выше, в письменных источниках отсутствуют заслуживающие доверия сведения о существовании готской епархии в Горном Крыму в IV в. О дате распространения христианства у варваров Юго-Западного Крыма следует судить по материалам раскопок оставленных ими некрополей.

Через Херсон в Горный Крым из Византии и других территорий поступали необходимые товары, в том числе керамика. Торговцы завозили в регион изготовлявшиеся в Гераклее Понтийской во второй половине IV – начале V в. светлоглиняные узкогорлые амфоры типа F по классификации Д. Б. Шелова (рис. 17) [Шелов 1978, с. 18–19, рис. 7; 10]. Амфоры типа F найдены в слое конца IV в. на Афинской агоре [Robinson 1959, p. 110, Pl. 29, M 274], также в погребениях алан и готов с инвентарем второй половины IV – первой половины V в. [Айбабин, Хайрединова 2017, с. 46–47, рис. 45, 2, 6–11]. В амфорах из Гераклеи перевозили вино или масло [Abadie-Reynal 1999, 256, fig. 1f; Oraitç 2010, p. 111, 116–117]. Производители красной краской наносили на сосуды дипинти на греческом языке, в которых указывали название и объем их содержимого, место происхождения товара или имя торговца [Соломоник 1993, с. 104–106; 1995, с. 40]. Э. И. Соломоник дипинти ЕΥΛΟΓΙ на амфоре из Инкерманского могильника интерпретировала как христианский термин εὐλογία – «благословление» и связала его появление на сосуде с распространением в этот период нового вероучения [Соломоник 1995, с. 42, № 10]. В Инкермане найдены еще две амфоры с надписью ЕΥΛΟΓΙ (рис. 8, 8-9) [Ильяшенко 2013, с. 206, № 76, рис. 44, 76; с. 223, № 151, рис. 50, 151]. На амфорах типа F с Афинской агоры и из склепа 1 из Дружного написано τρυγία (рис. 8, 4) [Айбабин, Хайрединова 2017, рис. 45, 11]. По заключению Э. И. Соломоник, τρυξ, τρυγος означает «молодое вино или отстой вина» [Соломоник 1993, с. 111–112, рис. 4]. М. Лэнг отмечала использование τρυγία как для обозначения масла, так и вина [Lang 1976, p. 80, pl. 46, Ne 32]. Судя по анализам органических остатков из некоторых сосудов, в них содержалось вино [Ильяшенко 2013, с. 107]. В порт Херсонеса амфоры привозили с уже нанесенными на них дипинти.

Под влиянием христианства к середине V в. германцы, так же как и жители Херсона, отказались от использования традиционного погребального обряда кремации и перестали хоронить не

Рис. 18. Женский костюм варваров Юго-Западного Крыма второй половины V в.
 1-4 – Сахарная Головка, могила 12;
 5-8 – Скалистое, склеп 190 [по: Хайрединова 2002]

только на всех упомянутых выше южнобережных некрополях, но и на могильнике Черная речка. Готы переняли у аланских соседей более приемлемый для новой религии погребальный обряд трупоположения в склепах [Айбабин 2015, с. 318].

В немногих раскопанных в Юго-Западном Крыму захоронениях второй половины V в. преобладают характерные для Подунавья бронзовые и железные пряжки, поясные наборы, броши в виде цикад, двупластинчатые фибулы с имитацией кербшнитного орнамента и ранневизантийские поясные наборы с узкими наконечниками с щелью для ремня, пропиленной в верхней части [Айбабин 1999, с. 83; Айбабин, Хайрединова 2008, рис. 26, 19–29; 2014, рис. 7]. По наблюдению Э. А. Хайрединовой, в женском костюме варваров Юго-Западного Крыма доминировали остроготские аксессуары (рис. 18) [Хайрединова 1999, с. 213–214; 2002, с. 84].

Рассмотренные выше археологические материалы позволяют говорить о возникновении в Горном Крыму с конца IV в. готских и аланских христианских общин, для которых привозили амфоры с дипинти $\epsilon\upsilon\lambda\omicron\upsilon\gamma\acute{\iota}\alpha$ и $\tau\rho\upsilon\gamma\acute{\iota}\alpha$ с вином для богослужения. Очевидно, христианизация приграничных «варваров» интенсифицировалась после церковных реформ императора Феодосия I.

ГЛАВА 3

ПОЛИТИКА ВОСТОЧНОЙ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ В КРЫМУ В V В.

После обретения Восточной Римской империей в 395 году самостоятельности [Diehl 1919, p. 4, 5; Кулаковский 1913, с. 8; Успенский 1913, с. 49, 170; Острогорски 2022, с. 82–83] Херсонес остался её форпостом в Таврике.

В результате церковных реформ Феодосия I в Херсонесе укрепилось влияние епископов на различные аспекты городской жизни. Вероятно, епископ инициировал закрытие городского театра (рис. 19). Его стены длительное время использовали для добычи камня. В подписанном 24 сентября 419 г. эдикте императоры Гонорий и Феодосий II по ходатайству «преподобнейшего Асклепиада, епископа города Херсонеса» повелевали префекту претория освободить от неминуемого наказания и заключения тех горожан, «которые выдали варварам искусство строительства кораблей, которое было доселе им неизвестно», но императоры постановили, «чтобы смертная казнь была применена как к этим людям, так и к любым другим, если они совершат что-либо подобное в будущем» [Codex Theodosiani 1905, Libri IX, 40, 24; The Theodosian Code 1952, p. 258; Ajbabin 2010, S. 405, 414].

Империя продолжила ссылку в Херсон противников двора и патриарха. Император Лев I Макелла (457–474 гг.) в 460 году, уступая настоянию папы Льва и многих епископов, сослал в Херсон в Тавриде Александрийского патриарха монофизита Тимофея II (Τιμόθεος Β'), прозванного Элуром (Αἰλουρος – кот) [Hamilton, Brooks 1899, Book IV, ch. I, XI, p. 64, 79]. Епископ Мителены Захария назвал Херсон областью, населенной варварскими и неци-

Рис. 19. Античный театр в Херсонесе

византизмированными людьми [Hamilton, Brooks 1899, Book IV, ch. XI, p. 79]. Несмотря на зимнее время, путешествие на далекий север прошло вполне благополучно. В период всего правления Льва I Тимофей Элур жил в Херсоне, активно общаясь с друзьями и приверженцами в Египте и Сирии. Он много писал против халкидонского вероисповедания и повсюду рассылал свои сочинения, поддерживая настроение сочувствовавших ему церквей и богословов-единомышленников [Кулаковский 1913, с. 359–360]. После восемнадцатилетнего изгнания в Херсоне Тимофей II отбыл в Константинополь [Hamilton, Brooks 1899, Book V, ch. I, p. 101, 103–104; Jones 1992, vol. I, p. 221].

Извлеченные из исследованных в Херсонесе слоев амфоры и краснолаковые сосуды, привезенные из разных провинций Византии через городской порт [Айбабин 2016, с. 186–187], свидетельствуют о ведении городом в V в. и позднее значительной торговли с портами Черноморско-Средиземноморского бассейна [Айбабин 2010, с. 364, ил. 5, 7–11, 14, 15; 6, 9, 10, 14].

Текст надписи из Херсонеса (рис. 20), отнесенной А. Л. Бертье-Делагардом и В. В. Латышевым к 488 г., аргументирует принадлежность города империи в правление Зинона (Ζήνων, 474–475 и 476–491 гг.):

«+ Αὐτοκράτωρ κ(αῖ)σαρ Ζήνων εὐσε[β]ῆς νικ[ητῆς]
 τροπ(αι)οὔχος μέγιστος ἀεισέβαστος·
 φιλοτιμησαμένη ἡ αὐτῶν εὐσέβ(ε)ια, ὡς ἐ[ν]
 πάσαις ταῖς πόλεσιν, καὶ ἐν ταύτῃ τῇ αὐτοῦ
 5 πόλ(ε)ι, ἐδώρησατο χρημάτων δόσιν, τὰ συνα-
 γόμενα ἐκ τοῦ πρακτ(ε)ίου, φημί τοῦ ἐνταῦθα
 βικαράτου τῶν καθ(ω)σιωμένων βαλλισ-
 τραρίων, δι' ὧν ἀνανεοῦντε[ς] τὰ τ(ε)ίχη πρὸς
 σωτηρίαν τῆς αὐτῆς πόλεως καὶ εὐχαρισ-
 10 τοῦντες ἀνεθήκαμεν τόδε τὸ τίτλον
 εἰς μνημόσυνον ἀείδιον τῆς αὐτῶν
 + βασιλ[ε]ίας. +
 + Ἀνανεώθη δὲ ὁ πύργος οὗτος, πρά-
 ττοντος τοῦ μεγαλοπρ(επεστάτου) κόμ(ητος)
 15+ Διογένου, ἔτους φιβ', ἐν ἰνδ(ικτιῶν)ι α' +

Самодержавец Кесарь Зинов, благочестивый, победитель, трофееносный, величайший, присночтимый. Их благочестие, возревновав как во всех городах, так и в сем его городе, даровало выдачу денег, именно собираемые из мытницы (πρακτ(ε)ίου) здешнего викариата (βικαράτου) преданных баллистариев. На (эти) суммы стены во спасение этого самого города и благодарствуя, поставили мы сию надпись в вечное воспоминание их царствования. Возобновлена же башня сия трудом светлейшего комита Диогена, лета 512, индикта 11-го» [Латышев 1896, с. 10–15, № 7; Бертье-Делагард 1893, с. 47–60]. В надписи сообщается о расквартировании в городе подразделения баллистариев (τῶν καθ(ω)σιωμένων βαλλιστ(α)ρίων) [Zuckerman 1991, p. 550]. Βικαράτος подразумевает наличие викария, βικάριος – vicarius. Викарии со времени Диоклетиана руководили диоцезами, подчиненными префектам претория [Латышев 1896, с. 13; Jones 1992, p. 47–48, 130, 450, 643, 675]. По мнению В. В. Латышевой, так как Херсонес во времена Зинона не был диоцезом, то викарий командовал баллистариями. В. В. Латышев считал, что πρακτεῖον – практий означает мытница (таможня). По определению К. Цукермана, упомянутый в надписи

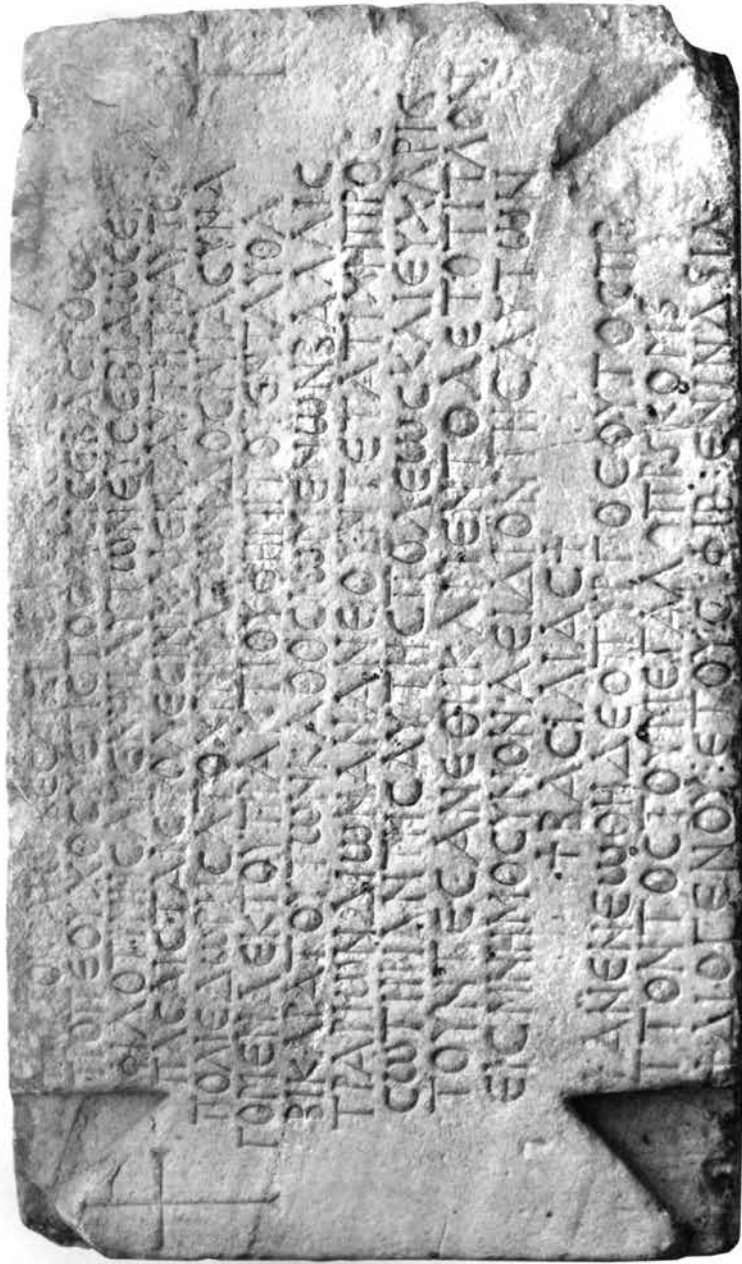

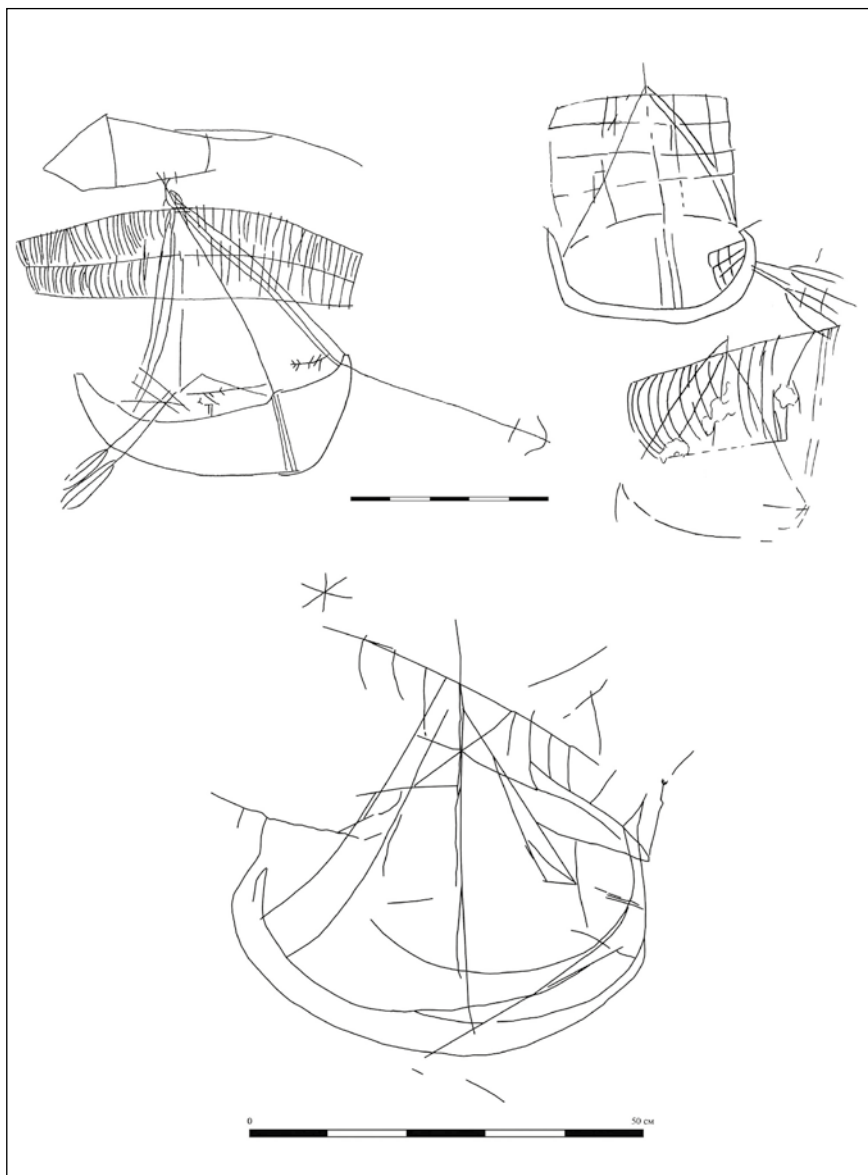
Рис. 20. Надпись императора Зинона 488 г.
[по: Наследие 2011, с. 421, кат. № 1]

викарий являлся заместителем для специальных поручений командующего войсками провинции (*magister militum*) Фракии и был назначен командовать «оторванным от империи гарнизоном Херсонеса». По табели о рангах 413 г. должность викария *magister'a militum* приравнивалась к должности дукса. К. Цукерман полагал, что практий взysкивал не таможенный сбор, а все местные налоги и пошлины, которые собирал викарий – командир гарнизона Херсонеса [Цукерман 1994/1995, с. 559, 560]. Согласно Оксфордскому словарю Византии, практий был одним из собирателей таможенных сборов [The Oxford Dictionary 1991, Vol. 1, p. 566]. Очевидно, подчинявшаяся викариату таможня – *πρακτεῖον* собирала пошлины, в том числе с торговых кораблей (рис. 21) [Nystazopoulou-Pélékidou 1998, p. 568]. На эти средства содержали баллистариев и ремонтировали крепостные стены. Викариатом и практием управлял комес Диоген, назначенный имперской администрацией главным военным и гражданским начальником в городе [Ajbabın 2010, S. 397]. Наличие в городе таможни свидетельствует о том, что в Херсонесе функционировали имперские фискальные магистратуры.

В период правления Зинона были реконструированы важные узлы Херсонесской оборонительной системы. В портовом районе перестроили самую мощную круглую башню XVII, называемую в публикациях башней Зинона, куртину 20 и примыкающие к ней с востока башни XVII/1 и XVIII (ил. 14; 15; рис. 22) [Стр-желецкий 1969, с. 7–29].

Строительные работы велись в Портовом районе в квартале XXXVI. Одновременно в процессе перепланировки квартала II в северо-восточном районе была засыпана рыбозасолочная ванна. Дата реконструкции квартала определяется по извлеченному из цистерны керамическому комплексу [Голофаст 2001, с. 154–155].

Вполне очевидно, что христианская община инициировала создание храмов. По предположению А. Л. Якобсона, в Херсонесе, так же как в Сирии и Малой Азии, в IV–V вв. могли строить малые однефные или трехнефные храмы. С укреплением церковной организации вместо них были сооружены большие базилики [Якобсон 1988, с. 162–163]. Однако, поскольку в Херсонесе в средневековый период строители уничтожили многие раннесредневековые постройки, то сейчас весьма сложно выявить строительные остатки ранних христианских храмов.

**Рис. 21. Изображения кораблей
на стенах херсонесских склепов**

[по: Туровский, Филиппенко 2024, с. 65-67, рис. 36-38]

Рис. 22. Башня Зинона

Вероятно, один из таких храмов разобрали во время сооружения Восточной базилики. Кубики от мозаики из снесенного храма найдены в колодце, засыпанном в начале VII в. при подготовке к строительству новой базилики [Романчук 2000, с. 67]. Остатки однефного храма раскопаны под крестообразным храмом в балке на правом берегу Карантиной бухты, к югу от городских стен на территории некрополя. Алтарная апсида и кладка южной стены храма возведены над могилами Д и Г [Домбровский 1993, с. 306, 316], засыпанными во второй половине V в. во время подготовки к строительству храма [Айбабин 2010,

с. 361]. Очевидно, из этого храма происходят найденные рядом с ним фрагменты мраморной плиты с изображением благословляющего Христа и Св. Фоки, а также мраморного блюда для приносимых даров, украшенного высеченными в высоком рельефе лицом юноши и головами барана и грифона [Залесская 1976, с. 208, рис. 1, 2; Айбабин 2010, с. 361]. А. Л. Якобсон относил к концу V – первой половине VI в. возведение над часовней крестообразного храма [Якобсон 1959, с. 202]. Однако, если раннюю часовню построили во второй половине V в., то перекрывший ее храм могли построить уже после ее разрушения.

В. Д. Айналов и Л. Г. Колесникова считали деталями внутреннего декора ранних христианских храмов найденные в Херсонесе фрагменты скульптур и датировали их IV–V вв., опираясь на искусствоведческий анализ [Айналов 1927, с. 187–190; Колесникова 1974, с. 58–59; 1976, с. 176–178]. Правда, данный аргумент явно не достаточен для определения времени строительства первых христианских храмов. Условия находки многих из упомянутых деталей, например, скульптуры чудовища, пожирающего рыбу (рис. 23, 2), одной из статуй «Доброго пастыря» (рис. 23, 1) и одной из статуй Орфея не известны. Некоторые мраморные детали (статуя Орфея, фрагменты плиты с изображением винограда и алтарной преграды с изображениями крестов, а также обломки мраморного голубя) украшали базилику с апсидой триконхиальной формы № 7 [Колесникова 1976, с. 178, № 582; Яшаева 2004, с. 79]. Как убедительно показал А. Л. Якобсон, по форме апсиды эта базилика одновременна известным на Ближнем Востоке с V в. храмам с триконхиальной апсидой [Якобсон 1959, с. 188, 190, 194, 195, рис. 91, 98]. Другая же статуя «Доброго пастыря» обнаружена во время раскопок открытой в 1935 г. базилики, возведенной не ранее последней четверти VI в. (ил. 48) [Седикова 2004, с. 63–65; Голофаст 2001, с. 111, рис. 37–38].

Возможно, в Херсонесе, так же как и в других регионах империи, под христианские храмы переустраивали языческие. В разных версиях «Житий св. епископов херсонесских» рассказывается о том, что Капитон в восточной части города рядом с районом Феона, расположенным между малым рынком и Парфеноном, переделал известеобжигательную печь в баптистерий и воздвиг храм во имя св. Петра [Латышев 1906, с. 16, 51–

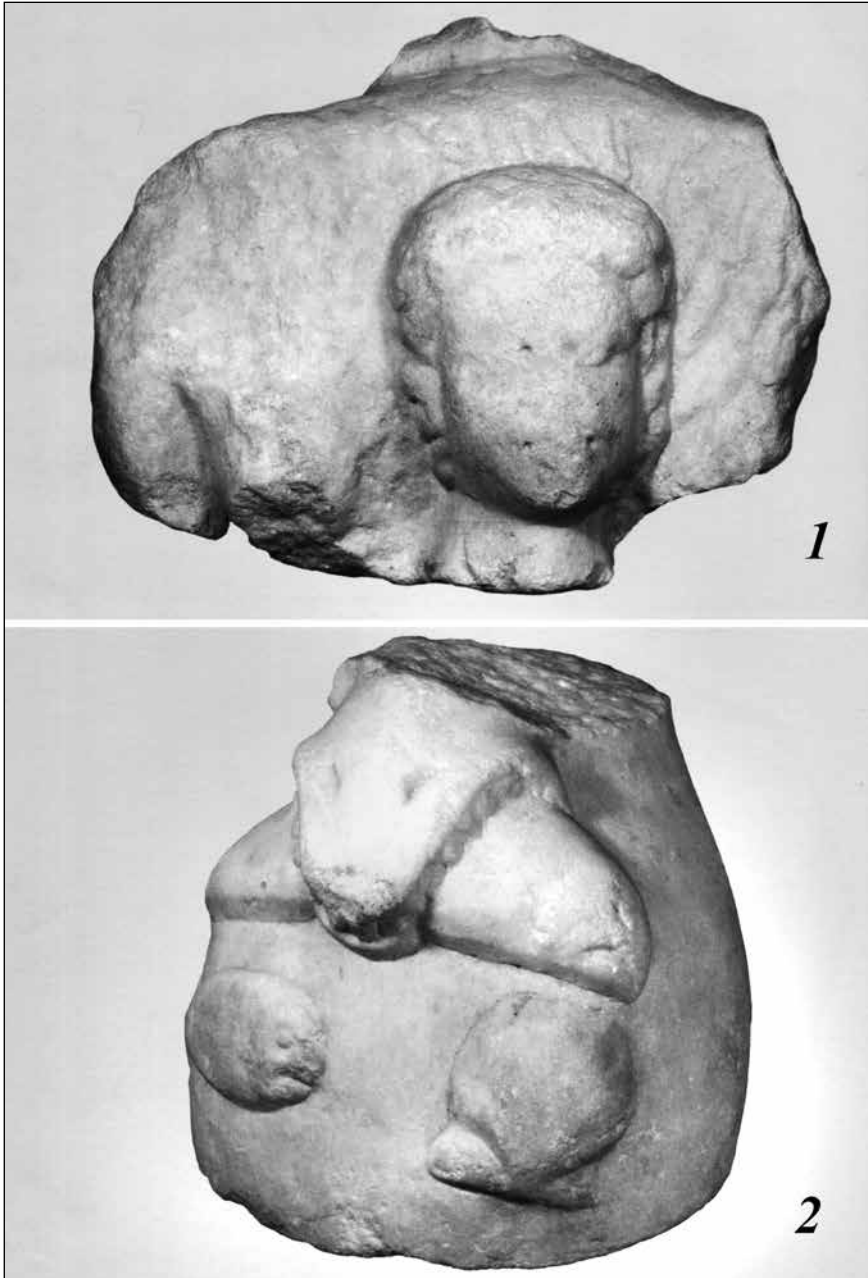

Рис. 23. Мраморная скульптура IV-V вв. из Херсонеса.

1 – Добрый Пастырь; 2 – Чудовище, пожирающее рыбу
[по: Наследие 2011, с. 422-423, кат. №№ 3; 4]

55; 1913, с. 78–79, 88; Шестаков 1908, с. 19]. По предположению В. В. Латышева, храмом апостола Петра является базилика, открытая в 1853 г. графом А. С. Уваровым в восточной части города. По мнению В. В. Латышева, первоначально рядом с этим баптистерием была выстроена маленькая однонефная церковь, а в VII в. с другой его стороны возвели большую базилику. Важным свидетельством в пользу существования храма во имя апостола Петра, помимо упоминания в житиях, В. В. Латышев считает обнаружение в Херсонесе двух фрагментов плит с изображением сцен из жизни апостола Петра (рис. 24) [Латышев 1906, с. 54–56]. Правда, не ясно из какой базилики они происходят. Один из этих фрагментов плиты найден на городском некрополе, а место находки второго не известно.

В конце IV – V в. христиане хоронили на том же городском некрополе, что и язычники [Ростовцев 1914, с. 449], которые и во второй половине V в. изредка практиковали характерный для римлян обряд кремации [Айбабин 2010, с. 361]. Христиане предпочитали погребать в склепах с лежанками, в которых хоронили представители разных этнических групп. Стены десяти склепов расписаны полихромными росписями [Ростовцев 1914, с. 484–507]. В пяти из них на сводах изображен лавровый венок. В одном из венков сохранилась монограмма Христа. По мнению М. И. Ростовцева, такие же монограммы были изображены и в центре венков в двух других склепах [Ростовцев 1914, с. 454, 466, 478]. М. И. Ростовцев по монетам или росписи датировал склепы второй половиной IV – V в. [Ростовцев 1914, с. 451, 457, 462, 464, 469, 471, 479]. Следует отметить, что все склепы с росписями были ограблены до раскопок, а все монеты найдены в засыпи камер. Поэтому о времени сооружения этих склепов необходимо судить не по монетам, которые могли попасть в склеп и после ограбления, а по характеру росписи. Многие элементы декора херсонесских склепов (венки, виноградная лоза, деревья с фруктами, куропатки, утки, павлины) подобны изображенным в погребальных сооружениях раннеримского времени в Риме и в восточных провинциях Римской империи. Эти же мотивы (венки – символ жизни и славы, виноградная лоза, деревья с фруктами, птицы, как символ рая) использовались в возникшей в IV в. в Сирии и Палестине раннехристианской декоративной системе [Ростовцев 1914, с. 491–507]. С Ближнего

**Рис. 24. Мраморная плита конца IV-V в.
с изображением евангельской сцены
«Хождение по водам»:**

Иисус Христос протягивает руку тонущему апостолу Петру.

Вверху – часть гравированной греческой надписи

«Господь Иисус, подающий руку Петру».

Херсонес, юго-восточный некрополь, склеп 784

[по: Наследие 2011, с. 425, кат. № 7]

Востока мотивы новой христианской живописи распространились и в других регионах империи. Аналогичные росписи выявлены в погребальных сооружениях IV–V вв. в Риме [Ferrua 1991, p. 14–15, fig. 1, 27, 35, 47, 52, 78; Crippa, Zibawi 1998, p. 20, 78, fig. 4–6, 79; Flocchi, Bisconti, Mazzolen 2000, fig. 101, 107, 108, 114, 123, 156], в Малой Азии и на Балканах [Dimitrov 1962, p. 52, fig. 1, 2, 10–16; Овчаров 1977, обр. 5–8; Овчаров, Ваклинова 1978, с. 29; Crippa, Zibawi 1998, p. 111, fig. 99, 100; Завадская 2004, рис. 8, 12, 13, 16, 17, 21, 23, 25, 26], в катакомбе начала VI в. в Неаполе [Crippa, Zibawi 1998, p. 184, 185, fig. 83]. В Херсоне в склепах с христианскими полихромными росписями, скорее всего, хоронили с конца IV в. [Завадская 2004, с. 285–286] богатые христианские семьи. Самая поздняя роспись обнаружена в вырубленном в скале не ранее начала VI в. склепе, открытом на городском некрополе в 1998–1999 гг. На дату росписи указывает изображение на стене склепа сосуда, похожего на стеклянные рюмки, изготовлявшиеся с конца V в. [Голофаст 2001, с. 154–155].

Следует помнить и о херсонцах-монофизитах – единоверцах Тимофея Элуря, с восторгом приветствовавших его [Hamilton, Brooks 1899, p. 79–80].

ГЛАВА 4

ПОЛИТИКА ВОСТОЧНОЙ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ В КРЫМУ В VI В.

По свидетельству Прокопия Кесарийского, император Юстиниан I (527–565 гг.) рассматривал Херсон, область Дори и город Боспор как самостоятельные субъекты политики Восточной Римской империи в Таврике [Procopius 1940, De Aedificiis, Vol. VII, Book III,10–17; Айбабин 2015, с. 311].

4.1. Херсон под властью Восточной Римской империи в VI в.

Херсон в VI в. оставался и отдаленным византийским провинциальным городом, и крупнейшим форпостом империи в Юго-Западном Крыму. Прокопий помещал Херсон на окраине Римской империи [Procopius 1914, De bello Persico, Books I, XII,7]. Происходящие с территории города печати византийских императоров Анастасия I (491–518 гг.), Юстиниана I (527–565 гг.), Тиверия II (578–582 гг.), Маврикия (582–602 гг.) [Соколова 1991, с. 204] позволяют говорить о получении указов напрямую из Константинополя. Прокопий сообщал о восстановлении Юстинианом I стен Херсона [Procopius 1940, De Aedificiis, Vol. VII, Book III,10].

В конце V – VI в. императоры Анастасий I, Юстин I (518–527), Юстиниан I, Юстин II (565–578) и Тиверий II сохранили в Херсоне созданную при императоре Зиноне административную систему, в которой полисная администрация подчинялась викарию – назначенному из Константинополя начальнику византийского гарнизона [Айбабин 1999, с. 132; 2010, с. 364]. Возобновивший свою работу при императоре Зиноне городской монетный двор [Ано-

Рис. 25. Портрет Юстиниана I на мультипле, выпущенном в 534 г. в Константинополе в честь победы над вандалами
[по: Estiot 2015, p. 61, pl. 1]

хин 1977, с. 97; Соколова 1983, с. 17–18; Hahn 1978, September, S. 414], продолжил монетную чеканку в правление Юстина I (518–527 гг.) [Соколова 1983, с. 19–21; Hahn 1978, September, S. 414] или Юстиниана I [Анохин 1977, с. 98, 99]. С 527 г. в Херсоне чеканили пентануммии с изображением на оборотной стороне императора, стоящего с лабарумом и сферой, и легендой VICTOR, а с 549 г. – пентануммии с монограммой, читаемой как «*πóλις Χερσῶνος* – полис Херсонос». В. Хан, ссылаясь на рассказ Прокопия о подчинении Боспора Юстину I [Procopius 1914, *De bello Persico*, vol. I, I, XII,8], связывал начало монетной чеканки в Херсоне с ростом с 523 г. «интервенции» Византии в Крым [Hahn 1978, September, S. 414].

Достоверность сообщения Прокопия о восстановлении по повелению Юстиниана I (рис. 25) разрушенных стен Херсона [Procopius 1940, *De Aedificiis*, III, VII,10] подтвердили археологические раскопки. Были реконструированы ключевые узлы городских укреплений. В портовом районе вновь построили куртины 25 и 26 и башню XXII на их стыке. Необходимую для данных работ известь гасили в известковой яме, выкопанной рядом с куртинами. На ее дне найдена монета Юстиниана I [Антонова 1971, с. 103–105]. В районе юго-восточного участка обороны при проведении строительных работ поверхность нивелировали слоем земли. Судя по фрагментам краснолаковых сосудов и ам-

фор, извлеченных из нивелировочного слоя, строительные работы здесь проводились во второй четверти VI в. [Голофаст 1996, с. 77–78, рис. 1, 1; Айбабин 2010, с. 364–365]. Тогда же осуществили четвертую перестройку главной городской башни XVII. В забутовке 4 строительного периода находились фрагменты светлоглиняных амфор и монета Юстиниана I [Стржелецкий 1969, с. 21, 23, рис. 2]. Одновременно отремонтировали куртину 20, примыкающие к ней башни XVII/1 и XVIII.

В западном районе к городу присоединили участок некрополя площадью около 0,5 га. Новый участок оградил стеной.

Через некоторое время возвели прямоугольную башню Ia и удвоили толщину куртин 1 и 2, а напротив них в материковой скале начали вырубать широкий и глубокий ров (ил. 17; рис. 26). В южной части рва сохранилась разметка камня на блоки, которые одновременно добывали для строительства оборонительных стен. Строители рва, наткнувшись на три больших поздне-римских склепа, оставили его незавершенным [Айбабин 1999, с. 124–127, рис. 50]. В результате строительства куртин 1 и 2 была создана ломаная линия обороны и улучшена возможность продольного обстрела (рис. 26). Вероятно, тогда же разобрали западную античную оборонительную стену [Ajbabin 2011, S. 112, Abb. 50]. Как показала Л. А. Голофаст, в ранневизантийский период в западном районе города отсутствовала сплошная жилая застройка. В данной части городища выявлены гончарная печь, мастерская по производству свинцовых изделий, печь для изготовления извести и засыпанные колодцы. Рядом с оборонительной стеной создали комплекс по переработке рыбы, состоявший из двух помещений площадью более 80 м², двора с гидротехническими сооружениями и большой рыбозасолочной цистерны. Представление о времени строительства помещений дают фрагменты краснолаковой керамики и амфор V – первой четверти VI в. из нивелировочной прослойки земли, насыпанной под полы и стены [Голофаст 2007, с. 73–84, 123].

Не исключено, что данный участок некрополя оградил и в связи с обнаружением на его территории усыпальницы одного из почитаемых христианских мучеников. В 5 м от древней оборонительной стены раскрыт склеп, вырубленный в материковой скале. Арочный вход и сводчатый потолок его камеры аккуратно выложены рядами тонкой плинфы на цемянке. Порог входа вы-

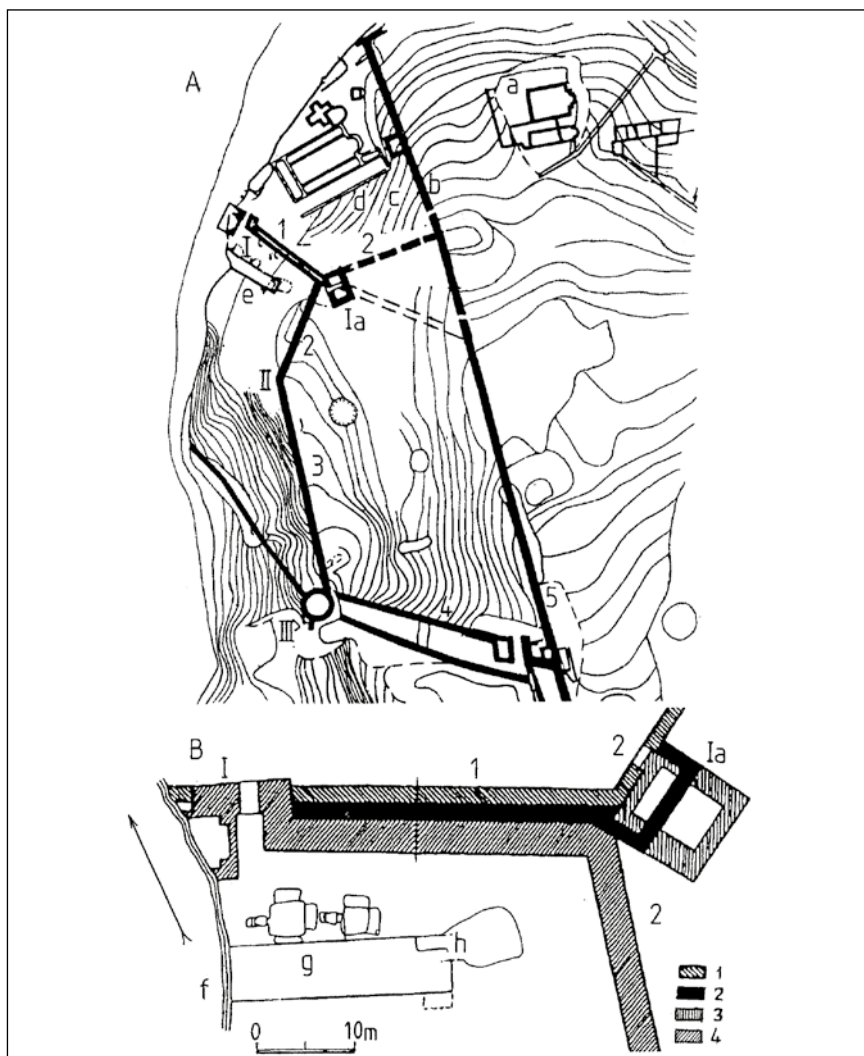

Рис. 26. Западный участок обороны Херсонеса.

1-5 – номера куртин; I-III – номера башен;

A – западный район Херсонеса: а – базилика на холме;
 б – фундамент античной оборонительной стены; с – участок,
 присоединенный к городу в конце V в.; d – Западная базилика;

B – оборонительный комплекс 1 куртины:

f – ров, g – позднеантичные склепы; h – склеп VII в.

1 – первый строительный период конца V-VI в.;

2 – второй строительный период VI-IX вв.; 3 – второй строительный
 период башни Ia; 4 – третий строительный период IX-X вв.

пилен из мраморного пьедестала статуи. Против входа располагается широкая продолговатая лежанка. Над склепом из больших тесаных блоков построена небольшая, квадратная в плане часовня Г, с полукруглой апсидой и, видимо, выложенным из кирпича куполом. Часовня возведена с учетом ориентации склепа, вход в который располагался как раз под ее северной стеной [Айналов 1905, с. 42–43; Якобсон 1959, с. 164–165]. По мнению А. Л. Якобсона, по архитектурному облику часовня близка ранним греко-восточным гробничным храмам [Якобсон 1959, с. 165].

В годы правления Юстиниана I началась масштабная перепланировка четырех городских кварталов. На освобожденных от позднеантичных построек участках соорудили большие базилики: на северном берегу (Северная базилика № 22), в центре города (базилика № 28), в юго-западной части (нижняя базилика № 15) [Якобсон 1959, с. 165–175] и так называемая базилика на холме (№ 14) [Айбабин 1999, с. 127–128]. Их композиция и декоративное оформление указывают на влияние Константинополя и Малой Азии на формирование раннехристианской архитектуры Херсона [Якобсон 1959, с. 183, 188; Завадская 2001, с. 274–275]. Судя по технике кладки зданий, их построили местные артели каменщиков.

Наряду с базиликами в северном районе в кварталах XV–XVIII и XXV и близ порта возводились жилые дома. Сам факт осуществления в городе столь значительных строительных работ свидетельствует о развитии городской экономики. Хотя строители VI в. обычно использовали камень из разобранных ранних домов, новостройки нуждались и в дополнительном количестве камня, в кровельной черепице, кирпичах, оконном стекле. Очевидно, все эти материалы производились в городе и его окрестностях. Рядом с крупными объектами (башнями, куртинами, базиликами) сооружались известеобжигательные печи и устраивались ямы для гашения извести.

В VI в. в городе продолжали засолку рыбы не только в ваннах, созданных в более раннее время, но и строили новые (например, в районе античного театра). По подсчетам А. И. Романчук, в городе в VI в. одновременно функционировали 10–11 ванн, вмещавших приблизительно 9900 ц рыбы. Рыбу в ванны загружали дважды в год – в осеннюю и весеннюю путины. Скорее всего, такое количество рыбы производили не только для собственно-

го потребления, но и на вывоз [Романчук 1976, с. 16–18]. При обработке рыбы потреблялось большое количество соли, которую, наверное, добывали в окрестных соляных озерах, существовавших до XIX в.

В первой половине VI в. в городских мастерских ремесленники копировали привезенные из Средиземноморья трехчастные литые бронзовые поясные пряжки. В городе изготавливали большие женские поясные пряжки с прямоугольным щитком с вытисненным в его центре крестом (ил. 18). Подобные пряжки встречены только в Херсоне и Горном Крыму [Айбабин 1999, с. 130, рис. 53, 1; Хайрединова 1999, с. 334–346, рис. 1–2]. В публикациях автора почти все данные пряжки датировались второй половиной VI – началом VII в. Самые ранние экземпляры однотипных пряжек с крестами найдены в Херсонесе в склепе 62/1909 и на некрополях в области Дори с византийскими пряжками и наконечниками первой половины VI в. (рис. 27) [Айбабин 2024, с. 61, рис. 2, 1–8; 3, 5].

На Северном берегу в районе XXV и XXVIII кварталов функционировала стеколделательная мастерская, в которой в конце V – VI в. производили рюмкообразные сосуды, бальзамарии, кувшины, оконное стекло [Голофаст 1998, с. 324]. В городских кварталах раскопаны крупные хранилища сельскохозяйственной продукции. На территории городской хоры на Гераклеяском полуострове раскопаны усадьбы индивидуальных землевладельцев, которые выращивали зерно, виноград, овощи.

В экономике Херсона VI в. большую роль играла торговля с другими регионами империи, с соседями и кочевниками. Для украшения новых базилик в город привозили цветную смальту для мозаик, изготовленные в императорских мастерских Проконнеса мраморные капители, колонны, плиты, алтарные преграды и другие детали [Якобсон 1959, с. 132, 152]. Из Византии импортировались краснолаковые сосуды, амфоры, стеклянные изделия, пряжки, а из Подунавья, Остготского королевства в Италии и Боспора – фибулы, пряжки и украшения (рис. 27, 2,3,9-12) [Айбабин 1999, с. 130–132; Ajbabin 2011, S. 118, Abb. 53, 1, Taf. 28, 1]. По сообщению Иордана, в Херсон доставляли свои товары и купцы из Азии [Иордан 1997, Getica, с. 67, 68]. Херсон являлся крупным транзитным портом на самом коротком морском пути из Византии, начинавшемся в Синопе.

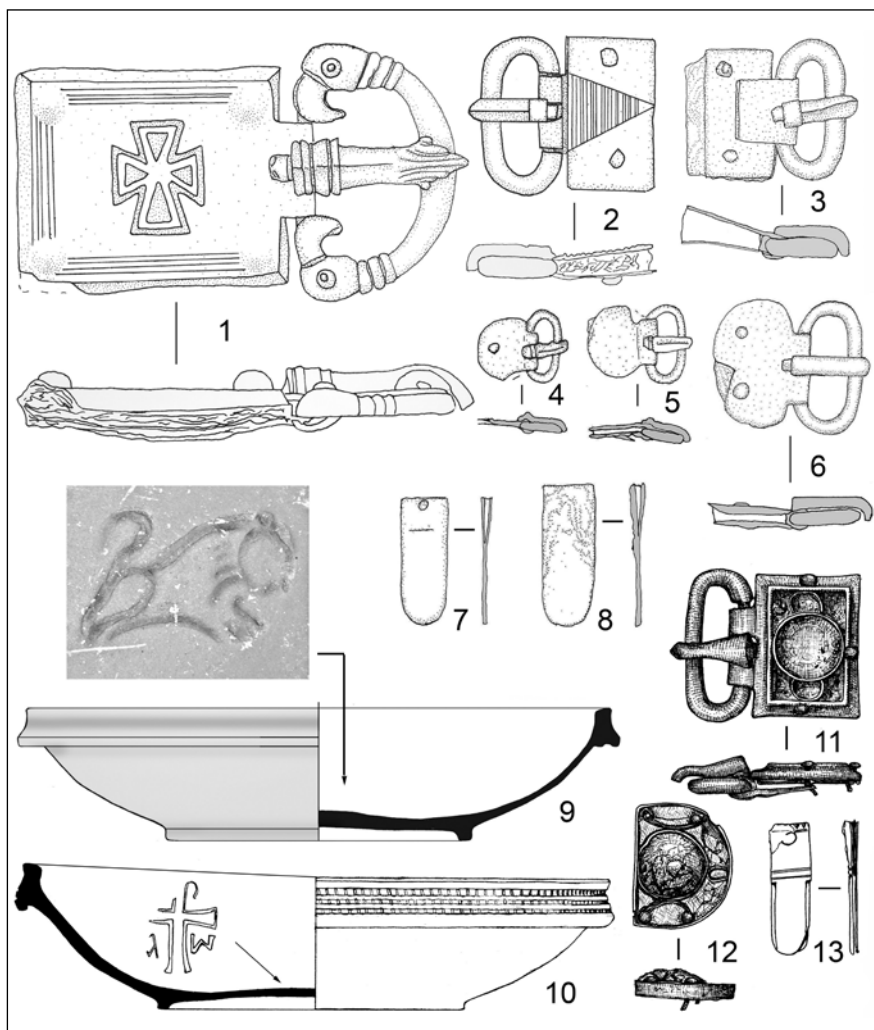

Рис. 27. Инвентарь из захоронений христиан первой половины VI в.

из могильников Юго-Западного Крыма.

1-9 – Алмалык-Дере (1-8 – склеп 192/2007,
9 – склеп 188/2008);

10-13 – Лучистое (10, 13 – склеп 211;
11, 12 – склеп 124)

В строительной надписи из Херсонеса содержатся сведения о реформировании в последней четверти VI в. управления владениями Восточной Римской империи в Таврике. Ее фрагменты нашли в раскопе у южной оборонительной стены. На одном из фрагментов В. В. Латышев прочитал вырезанные в генетивусе имя жены Юстина II Софии – Σοφίας, наименование должности δουκός, титул λαμπρότατος и имя Θεαγ[ένουος?]. По словам В. В. Латышева, на камне «...сделана запись о каком-то сооружении, произведенном под руководством дука в царствование Юстина II» [Латышев 1906, с. 121–123]. В результате изучения второго фрагмента плиты Э. И. Соломоник дополнила текст надписи:

«1. Κατεσκευά[σθη τὸ τίχος или ὁ πύργος — — — — —]
 ἐπὶ τῶν εὐ[σεβεστάτων ἡμῶν δεσποτῶν Ἰουστίνου]
 [κα]ὶ Σοφίας[]
 καὶ ἐπὶ τῆς [πράξεως — — — — —]
 5. δουκός [Χερσῶνος — — — — — τοῦ]
 λαμπρ[οτάτου — — — — —]
 7. Θεαγ[ένουος? — — —

Была построена стена (или башня) ... при благочестивейших наших владыках Юстине и Софии ... и при деятельности ... дука Херсона ... светлейшего Феагена (δουκός [Χερσῶνος... τοῦ] ... λαμπρ[οτάτο] ... Θεαγ[ένουος?])» [Соломоник 1986, с. 213–214].

В надписи впервые упомянут дука Херсона [Цукерман 1994/1995, с. 560]. Дука (δουξ, лат. Dux) со времени Диоклетиана командовал приграничными войсками и функционировал независимо от гражданской администрации [The Oxford Dictionary 1991, Vol. 1, p. 659; Treadgold 1995, p. 9, 97, 98, 240; Храпунов 2011, с. 44–45]. После должности δουξ помещен титул λαμπρότατος (греческий вариант титула clarissimus – клариссим). Если при Константине I титул vir clarissimus носили все лица сенаторского звания, то при Юстиниане I этот титул давали и вновь назначенным провинциальным чиновникам. Согласно Р. Гийану, в конце VI в. эпитет λαμπρότατος (светлейший или сиятельный) применяли по отношению к архонтам, отцам города и другим чиновникам [Гийан 1964, с. 42–48]. В новеллах и надписях титул чиновника помещали до наименования должности. По мнению А. Ю. Виноградова, в рассматриваемой надписи между титулом λαμπρ[οτάτου и именем Θεαγ[ένουος был союз καὶ (и)

[Виноградов 2015, V 7]. Титул $\lambda\alpha\mu\beta\rho\omicron\tau\acute{\alpha}\tau\omicron\varsigma$ мог принадлежать отцу города Херсона. Вероятно, в надписи сообщалось о восстановлении куртины или башни на южном участке обороны города дукой Херсона вместе с имевшим титул $\lambda\alpha\mu\beta\rho\omicron\tau\acute{\alpha}\tau\omicron\varsigma$ городским чиновником (отцом города?) и исполнителем работ Феогеном [Айбабин 2017, с. 39–40].

В. В. Латышев синхронизировал надпись с периодом соправительства Юстина II и Софии – 565–578 гг. [Латышев 1906а, с. 123]. События, происходившие в последние годы правления Юстина II, позволяют уточнить эту дату.

В 571 г. [Гадло 1979, с. 96; Кляшторный 2005, с. 95] или после 572 г. [Blockley 1985, p. 179, 276] граничившие с Азиатским Боспором степи между Меотидой и Кавказскими горами захватили тюрки, подчинив утигуров и алан [Айбабин 1999, с. 132–133; Ajbabin 2011, S. 118–120, 122]. Каган тюрков Истеми (Сильзибул в византийских и Синджибу в арабских источниках) [Mogavcsik 1958, S. 275, 276; Кляшторный 2005, с. 93] назначил наместником новых земель своего сына Турксанфа (Тянь-хань-хана в китайских источниках) [Blockley 1985, Fr. 19,1, p. 171–177; Гумилев 2003, с. 70]. Очевидно, Юстин II приказал отремонтировать оборонительные сооружения Херсона в ответ на возникшую угрозу нападения тюрков. В конце 574 г. больной Юстин II фактически устранился от управления государством. Он 7 декабря усыновил и провозгласил кесарем и соправителем Тиверия II, который стал реальным правителем империи и от своего имени издавал эдикты [Кулаковский 1996, с. 306, 307; Jones 1992, p. 306]. Поэтому дату рассматриваемой надписи следует ограничить периодом между захватом тюрками Приазовья в 571 или 572 гг. и 574 г. [Айбабин 2017, с. 40].

Юстин II, реагируя на активность племен тюркского каганата в близлежащих степях и в Крыму, учредил в регионе новый приграничный дукат, подчинив дуге Херсона гражданскую администрацию и византийские войска на полуострове. В VI в. в нуждавшихся в сильной военной охране Африканских провинциях, в том числе и в дукате в Ливии дука командовал местными войсками, возглавлял гражданскую администрацию, судебную власть и руководил сбором налогов [Успенский 1913, с. 576–580; The Oxford Dictionary 1991, Vol. 1, p. 659; Jones 1992, p. 281, 282]. Очевидно, император предоставил дуге Херсона аналогичные

полномочия. Он командовал гарнизонами в Херсоне, Алустоне, Горзубитах и Боспоре, а также возглавлял гражданскую, судебную и фискальную администрацию на территории дуката.

Вероятно, в администрации дуки были переводчики (ἐρμηνευτής – ерминевты). В Эрмитаже хранятся два моливдовула с крестообразной монограммой второй половины VI – первой половины VII в., называющие имя Стефана, переводчика ἐρμηνευτής Στέφανος [Соколова 1991, с. 206, № 16; Шандровская 2005, с. 110–111]. Переводчики входили в штат бюро варваров (σκρίνιον τῶν Βαρβάρων). Впервые оно было упомянуто в 441 г. в конституции Феодосия II. Это специальное бюро в Восточной Римской империи обеспечивало связи с «варварскими» народами и управлялось лагофетом дрома (λαγοθέτης τοῦ δρόμου) [Шандровская 2000, с. 105–106].

По определению И. В. Соколовой, обнаруженная в Херсоне печать 550–650 гг. аркария (αρκαρίου) принадлежала городскому сборщику налогов в кассы византийских ведомств *comitis sacrarum largitionum* и префекта претория. Аркарии в восточных районах империи подчинялись ведомствам *comitis sacrarum largitionum* и префекта претория. В более позднее время термин «аркарий» означал казначея, находившегося в подчинении у орфанотрофа (ὄρφανοτρόφος – византийское название куратора приюта) [Соколова 1991, с. 203, 206, № 13]. По замечанию Н. И. Храпунова, несмотря на отсутствие в легенде рассматриваемой печати названия города, она почти наверняка принадлежала служащему херсонской администрации невысокого ранга. Его полномочия не распространялись за пределы города. Очевидно, аркарий мог подчиняться префекту претория Востока [Храпунов 2011, с. 46–47]. По предположению Н. И. Храпунова, монетная чеканка в Херсоне в VI в. может свидетельствовать об упрочении власти империи в городе. Городская администрация руководила птохотрофом (πτωχοτρόφος), управлявшим приютом для бездомных и больниц для бедных (πτωχείων) [Храпунов 2011, с. 48]. Византийские власти должны были назначить для руководства деятельностью монетного двора и его работниками (монетариями) прокуратора, подчинявшийся ведомству «священных щедрот» (*sacrae largitiones*), контролировавшего финансы империи. В Боспоре с конца VI в. чеканились монеты заимствованных из Херсона типов [Айбабин 1999, с. 132–133; Ajbabin 2011, S. 118–120, 122].

На включение Херсона в состав дуката указывает и эдикт императора Тиверия II, изданный в 575 г. для Херсона и Боспора. Тиверий II по случаю восшествия на престол в 575 г. издал эдикт, предписывавший префектуре возместить жителям Боспора, Херсона и Лазики стоимость поставлявшихся ими в счет плоймы (πλωϊμοίς) изделий или продукции для флота [Corpus juris civilis 1895, Vol. III, Nov. CLXIII, p. 751]. Э. Арвейлер оправданно считала эдикт императора Тиверия II 575 г. доказательством постоянного базирования в гавани Боспора византийских военных кораблей [Ahrweiler 1966, p. 12, 13]. Ю. А. Кулаковский указал на отличие имперской фискальной политики в присоединенном регионе. Империя «обложила население податями», но ввела не традиционный поземельный налог, а морскую повинность – τὰ πλώϊμα, обязывавшую жителей Боспора, так же как Херсона и Лазики, поставлять в империю суда, припасы и корабельное снаряжение [Кулаковский 1914, с. 61]. Э. Арвейлер, ссылаясь на этот эдикт Тиверия II, предположила, что в VI–VII вв. в портах названных городов базировались военные корабли [Ahrweiler 1966, p. 12].

В 576 г. Тиверий, стремясь получить помощь тюрков в возобновившейся с 573 г. войне с Персией, направил в ставку правителя тюрков Сильзибула для переговоров посольство во главе с мечником Валентином. В тот же год посольство прибыло в Херсон. По тексту Менандра довольно сложно восстановить маршрут передвижения посольства по Крыму. По его словам, посольство «на кораблях направилось через Синопу в Херсон и к Апатуре (в район Фанагории, где в античности находилось святилище Афродиты Апатуры), ... еще и через племена (...ἔτι τε καὶ διὰ φούλων), пройдя пески..., он (Валентин) пересек горы Таврики, которые тянутся к югу. Валентин и его компаньоны через равнину, покрытую камышом, кустарниками и болотами, прибыли в регион, находившийся под властью вождя скифов, женщины по имени Аккага, которую назначил вождь племени утигуров Анагей» [Blockley 1985, Fr. 19,1, p. 170, 173, 179; Айбабин 1999, с. 134; Ajbabin 2011, S. 122]. Пройдя трудными дорогами, Валентин достиг ставки только что умершего Сильзибула и встретился с его преемником и сыном Турксанфом. На переговорах Турксанф грубо упрекал ромеев союзом императора с врагами тюрков, а после завершения встречи отправил Валентина к своему брату Гарду. В то же самое время Турксанф приказал Анагею начать

военные действия против византийских владений в Таврике и осадить город Боспор, который был захвачен с помощью тюркских войск Бохана [Blockley 1985, Fr. 19,1,2, p. 178, 179; Кулаковский 1996, с. 324]. В 579 г. на переговорах с аварскими послами Тиверий сообщил им о том, что тюрки встали лагерем в местности, из которой виден Херсон [Blockley 1985, Fr. 25,2, p. 223–225]. Очевидно, они совершили переход из Боспора по равнине Северо-Западного Крыма и остановились на берегу севастопольской Северной бухты, с которого хорошо просматриваются стены Херсона.

В 581 г. после смерти кагана тюрков Арслана Тобохана, которого византийцы именовали Арсила (Ἀρσίλας) [Blockley 1985, fr. 19,1, p. 172, 173; Moravcsik 1958, S. 72], началась борьба за власть между членами правившего в каганате рода [Артамонов 1962, с. 138; Гумилев 2003, с. 105–107]. Правитель напавших на Таврику тюрков вступил в борьбу за власть каганате и в 581 г. тюркское войско оставило лагерь близ Херсона и вернулось в Азию [Ajbabın 2011, S. 124, 128].

4.2. Область Дори в период правления Юстиниана I (527–565)

Топоним Дори впервые упомянут в VI в. в учебнике *Institutionum Grammaticarum* Присциана (родом из Кесареи в римской провинции Мавритания) [Prisciani Grammatici 1855, Libri XVIII, VI,1, S. 195; VII,1, S. 283; Vasiliev 1936, p. 41–42]. Присциан преподавал грамматику в Константинополе в первой трети VI в. [Jones 1992, p. 991; The Oxford Dictionary 1991, Vol. 3, p. 1720–1721]. В одном из грамматических упражнений Присциан написал: «Дори ...название Понтийского опидума – Dory ... nomen oppidi Pontici», в другом – «hoc Dory ...nomina civitatum» [Prisciani Grammatici 1855, Libri XVIII, VI,1, S. 195; VII,1, S. 283]. В некоторых рукописях Присциана название города написано на греческом Δόρι [Vasiliev 1936, p. 42]. Несомненно, оба примера заимствованы из какого-то исторического или географического трактата, в котором шла речь о городке Дори, находившемся в понтийском регионе.

Более определенно информирует о местонахождении топонима Dori составленная в конце VII в. «Космография» Равенн-

ского Анонима. В списке городов страны Босфорании рядом с Херсоном указан город Дори (civitas Dori): «in qua Bosforiana patria plurimas fuisse civitates legimus, ex quibus aliquantas designare volumus, id est ... Ermonassa, ... Boristenida, Olbiapolis, Capolis, Dori, Chersona, Theosiolis, Careon, Trapezus – Мы читали, что в этой стране Босфорании было много городов, мы же хотим перечислить лишь некоторые из них, а именно (Г)ермонасса, ... Бористенида, Ольбиаболис, Каполис, Дори, Херсона, Теосиополис, Кареон, Трапезус» [Ravennatis anonymi 1860, p. 172–174; Vasiliev 1936, p. 42, 66]. А. А. Васильев сомневался в достоверности топонима Дори, поскольку у Иордана в соответствующем месте, послужившем источником для «Космографии», отсутствует топоним Дори [Vasiliev 1936, p. 42]. Сомнение А. А. Васильева вряд ли оправдано. Скорее всего, автор написанной в конце VII в. «Космографии» внес в список известный с VI в. городок Дори. По мнению А. А. Васильева, Прокопий назвал страну по имени существовавшего уже в конце V в. и упомянутого в грамматике Присциана города Дори [Vasiliev 1936, p. 42].

Единственное пространное описание области Дори и ее жителей содержится в сочинении Прокопия Кесарийского *De Aedificiis* (О постройках), написанном в 560 году [Cameron 1985, p. 11]. Неполный перевод рукописи «*De Aedificiis*» на латинский впервые издал Беатус Ренанус (Beatus Rhenanus) в 1531 году в Базеле и переиздан в Париже в 1543 г. [Procopius 1940, *De Aedificiis*, p. XVIII]. Более полную версию текста опубликовал в 1663 г. в Париже Клод Мальтре. Его латинский перевод переиздан в 1838 году К. В. Диндорфом в Боннском *Corpus Scriptorum Historiae Byzantinae* [Procopius 1940, *De Aedificiis*, p. XVIII]. В 1913 г. текст *De Aedificiis* на греческом и в переводе на латинский Я. Хори опубликовал в Лейпциге в серии Б. Г. Тейбнера. Модифицированная версия этой публикации использована в подготовленном Г. Б. Дьюингом переводе *De Aedificiis* на английский [Procopius 1940, *De Aedificiis*, p. XVIII]. В напечатанном в 1837 г. «Крымском сборнике» П. И. Кеппен процитировал из издания К. Мальтре греческий текст описания области Дори, а также латинский перевод текста и впервые перевел его на русский [Кеппен 1837, с. 54–57]. Тот же отрывок *De Aedificiis*, но по изданию К. В. Диндорфа, перевел на русский В. Г. Васильевский [Васильевский 1912, с. 371]. Однако данная в обоих переводах геогра-

фическая характеристика области Дори не соответствует греческому тексту Прокопия. Точнее перевел географические термины Ю. А. Кулаковский [Кулаковский 1914, с. 61]. В 1939 году С. П. Кондратьев опубликовал перевод на русский всего труда Прокопия. Его трактовка географических и политических терминов подверглась обоснованной критике [Соломоник, Домбровский 1968; Иванов 1987, с. 27–33]. Поэтому в книге мы цитируем описание области Дори по отличающемуся терминологической точностью переводу Г. Б. Дьюинга.

Прокопий, повествуя о строительной деятельности Юстиниана I на побережье Эвксинского Понта, пишет: «10 Καὶ μὴν καὶ Βοσπόρου καὶ Χερσῶνος πόλεων, αἵπερ κατὰ τὴν ἐκείνη ἀκτὴν ἐπιθαλασσίδιαι μετὰ λίμνην τε τὴν Μαιώτιδα καὶ τοὺς Ταύρους καὶ Ταυροσκύθας ἐν ἐσχάτῳ οἰκοῦνται τῆς Ῥωμαίων ἀρχῆς, πεπονηκότα παντάπασι τὰ τεῖχη εὐρῶν ἐς μέγα τι κάλλους τε καὶ ἀσφαλείας κατεστήσατο χρῆμα. – Кроме того, что касается прибрежных городов Боспор и Херсон, которые расположены на том же побережье за Меотидским болотом, за таврами и тавроскифами, и находятся на краю пределов римской державы, то застав их стены в совершенно разрушенном состоянии, он сделал их замечательно красивыми и крепкими. 11 ἔνθα δὴ καὶ φρούρια πεποίηται τὸ τε Ἄλούστου καλούμενον καὶ τὸ ἐν Γορζουβίταις – В том регионе он построил две крепости, так называемая Алуста и в Горзубитах. 12 διαφερόντως δὲ τὴν Βόσπορον τῷ ἐρύματι ἐκρατύνατο, ἦνπερ ἐκ παλαιοῦ βεβαρβαρωμένην καὶ ὑπὸ τοῖς Οὐννοῖς κειμένην ἐς τὸ Ῥωμαίων αὐτὸς μετήνευκε κράτος – Особенно он укрепил стенами Боспор, с давних времен этот город стал варварским и находился под властью гуннов, император вернул его под власть римлян» [Procopius 1940, De Aedificiis, vol. VII, III, VII, 10–12]. По словам Прокопия, в том же прибрежном регионе находилась область Дори: «13 ἔστι δὲ τις ἐνταῦθα χώρα κατὰ τὴν παραλίαν, Δόρυ ὄνομα, ἵνα δὴ ἐκ παλαιοῦ Γότθοι ᾤκηνται οἱ Θεουδερῖχῳ ἐς Ἰταλίαν ἰόντι οὐκ ἐπισπόμενοι, ἀλλ' ἐθελοῦσιοι αὐτοῦ μείναντες, Ῥωμαίων καὶ εἰς ἐμέ εἰσιν ἔνσπονδοι· ξυστρατεῦσοσι τε αὐτοῖς ἐπὶ πολεμίους τοὺς σφετέρους ἰοῦσιν, ἠνίκα ἂν βασιλεῖ βουλομένῳ εἴη. – И есть некая область здесь вдоль побережья, именуемая Дори, где готы жили с древних времен, а именно те, кто не последовали за Теодорихом, когда он ушел в Италию, но остались здесь по их собственному согласию, и даже в мое время они

были в союзных отношениях с римлянами. И они выступают с римлянами против их врагов каждый раз, когда Император так желает. 14 ἐξικνοῦνται δὲ ἐς τρισχιλίους, καὶ τὰ τε πολέμια ἔργα εἰσὶν ἄριστοι τὰ τε ἐς τὴν γεωργίαν αὐτουργοὶ δεξιοί, καὶ φιλοξενώτατοι δὲ εἰσὶν ἀνθρώπων ἀπάντων. – Их число достигает до трех тысяч, и они – и превосходные воины, и искусные земледельцы, и самые гостеприимные люди в мире» [Procopius 1940, De Aedificiis, vol. VII, III, VII,13,14].

В трех параграфах Прокопий охарактеризовал страну готов: «15 αὐτὴ δὲ ἡ χώρα τὸ Δόρου τῆς μὲν γῆς ἐν ὑψηλῷ κεῖται, οὐ μέντοι οὔτε τραχεῖα οὔτε σκληρά ἐστιν, ἀλλ' ἀγαθὴ τε καὶ εὐφορὸς καρπῶν τῶν ἀρίστων. – Сама страна Дори находится на возвышенности, еще она ни неровна, ни тверда, однако плодородная почва и производящая лучшие зерновые. 16 πόλιν μὲν οὖν ἢ φρούριον οὐδαμῆ τῆς χώρας ὁ βασιλεὺς ἐδείματο ταύτης, κατείργεσθαι περιβόλοις τισὶν οὐκ ἀνεχομένων τῶν τῆδε ἀνθρώπων, ἀλλ' ἐν πεδίῳ ἀσμενέστατα ὤκημένων ἀεί. – Однако Император не построил ни города или крепости ни в какой части этой земли, так как люди страны не терпят сами, чтобы быть заключенными в каких-нибудь укрепленных местах, но всегда жили наиболее счастливо на открытой равнине. 17 ὅλη ποτὲ δὲ τῶν ἐκεῖνη χωρίον βάσιμα εὐπετῶς τοῖς ἐπιούσιν ἐδόκει εἶναι, ταύτας δὲ τειχίσμασι μακροῖς τὰς εἰσόδους περιβαλὼν, τὰς ἐκ τῆς ἐφόδου φροντίδας ἀνέστειλε Γότθοις... – Но везде, где область казалась легкодоступной для нападавших, он преградил эти подступы длинными стенами и таким образом освободил готов от страха перед вторжением...» [Procopius 1940, De Aedificiis, vol. VII, III, VII,15–17].

П. И. Кеппен локализовал сооруженную по повелению Юстиниана I крепость Горзубиты на выступающей в море скале Дженебез Кая, на которой сохранились руины генуэзской крепости [Кеппен 1837, с. 61]. В 1956–1966 гг. раскопки в крепости вела экспедиция О. И. Домбровского. По его словам, генуэзскую крепость построили поверх хазарской, которую соорудили над остатками крепости VI–VII вв. [Домбровский 1974, с. 9–13, рис. 4, 6].

В Алуште к периоду правления Юстиниана I отнесены руины, выявленные в 1984–1990 гг. в 200-х м от берега моря на вершине холма. Был раскопан участок оборонительной стены (длина 35 м, ширина 2,8 м, высота до 2,1 м) и стены казармы. Стена сложена

из некрупных необработанных камней, положенных в горизонтальные ряды на известняковом растворе. В кладке зафиксировано только несколько камней размерами 0,9×0,5×0,45 м [Мыц 1992, с. 171–175]. Однако подобная кладка оборонительной стены характерна для византийского фортификационного строительства конца X в. и более позднего периода [Lawrence 1983, p. 215–217, pl. 19, b]. Во время Юстиниана I и до конца VII в. на территории империи и её владений в Крыму византийские инженеры строили крепостные стены из хорошо обтесанных больших прямоугольных известняковых блоков [Lassus 1981, p. 13–16, fig. 21, 26–30, 90, 92, 162; Lawrence 1983, p. 185–209; Айбабин 2007, с. 132, рис. 4–5, 7–8]. К внутренней стороне восточной куртины примыкало здание «казармы» из двух помещений. Из слоя на уровне полов помещений извлекли как фрагменты византийских краснолаковых мисок [Мыц 1992, с. 176, рис. 2–5; Hayes 1972, p. 333, 335–337, fig. 67, 7, 6, 8, 15, 16, 28], фрагменты амфор типа Газа LRA 3 второй четверти V – VI в. [Мыц 1992, рис. 7; Hayes 1992, p. 64–65, fig. 22, 5] и типа 9 по Дж. Хейсу VI – середины VII в. [Мыц 1992, рис. 6; Hayes 1992, p. 66, fig. 22, 10–11], так и фрагменты амфоры VIII–IX вв. [Мыц 1992, рис 8–10; Якобсон 1979, рис. 13, 1–3]. Очевидно, крепость Юстиниана I находилась под описанными В. Л. Мыцом сооружениями.

Как справедливо отметила Э. И. Соломоник, во фразе «ἐξικνοῦνται δὲ ἐς **τρισχίλιους** – их число достигает три тысячи» цифра три тысячи обозначает не численность всех готов, а количество воинов [Соломоник, Домбровский 1968, с. 17, прим. 14].

Г. Б. Дьюинг глагол обитания **ῥῥκηνται** (perf. от οἰκέω) перевел как «...have lived from ancient times – жили с древних времен» [Procopius 1940, De Aedificiis, vol. VII, III, VII,13,14]. То есть, Прокопий считал население Дори подданными Теодориха остроготами, которые жили в своей стране с древних времен (ῥῥκηνται), задолго до 488 г. [Procopius 1940, De Aedificiis, vol. VII, III, 7, 13,14; Айбабин 2015, с. 315].

Г. Б. Дьюинг считал, что **τὰς εἰσόδους** означает «approaches – подходы». Согласно В. Томашеку, τὰς εἰσόδους – это перевалы и ущелья, позволяющие пройти из глубин полуострова через яйлу на Южный берег [Tomaschek 1881, S. 15]. Э. И. Соломоник интерпретировала лексему τὰς εἰσόδους как проходы через ущелья в горах, которые Юстиниан оградил (περιβαλὼν) длинными стена-

ми (τεῦξις αὐτῆς μακροῦς), обезопасив страну Дори от вторжения [Соломоник, Домбровский 1968, с. 17–19].

П. И. Кеппен, В. Томашек и вслед за ними О. И. Домбровский безосновательно соотносили с «длинными стенами» остатки оград, сложенных пастухами из некрупных необработанных камней на перевалах Первой (Главной) гряды в новое время [Кеппен 1837, с. 61; Tomaschek 1881, S. 15–17; Соломоник, Домбровский 1968, с. 33–44]. По предположению П. И. Кеппена, византийцы в том же столетии «вскоре после Юстиниана I» построили для защиты области Дори крепости и укрепленные монастыри [Кеппен 1837, с. 44–46, 61]. Дюбуа де Монпере в повествовании о путешествии в 1831–1833 гг. в Крым отождествил с «длинными стенами» Юстиниана I крепости, защищавшие ущелья, через которые реки текут в степи. В топонимах этих крепостей присутствует слово Кермен: Инкерман, Черкес-кермен (Эски-Кермен), Мангуп-Кале, Чуфут-Кале, Тепе-Кермен, Керменчик и другие [Dubois de Montpéreux 1843, p. 225–226]. Игнорируя однозначное утверждение Прокопия о том, что в стране Дори император «не построил ни города или крепости...» [Procopius 1940, De Aedificiis, vol. VII, III, VII, 16], А. А. Васильев, М. А. Тиханова, А. Л. Якобсон отождествляли с длинными стенами укрепленные «пещерные города» Мангуп, Эски-Кермен, Чуфут-Кале, Качи-Кальон, Бакла и другие [Vasiliev 1936, p. 72–73; Тиханова 1953, с. 324; Якобсон 1964, с. 11], а А. Г. Герцен приписал Юстиниану I сооружение в последнее десятилетие правления в горах крепостей, дополнивших длинные стены [Герцен 2003, с. 98]. Сопоставление с «длинными стенами» названных укрепленных «пещерных городов» не подтвердилось [Айбабин 2015, с. 312–313].

Тексту Прокопия [Procopius 1940, De Aedificiis, vol. VII, III, VII, 17] соответствует стена, перегораживающая 150-метровую балку Каралез (Сторожевая) у подножия плато Мангуп. Длина стены 150 м, толщина 2,3–2,4 м. Она сохранилась на высоту 2,5 м. Ее вплотную пристроили к вертикальным известняковым обрывам, возвышающихся над долиной плато. В местах примыкания стены в скале вырублены смотровые площадки с комплексом небольших пещерных помещений. Стена сложена из двух рядов подогнанных друг к другу известняковых блоков. В центральной части имелись ворота. Пространство между внешним и внутрен-

ним рядами блоков заполнено необработанными камнями, залитыми раствором из известки. Ее венчали зубцы. К сожалению, расчистивший стену В. А. Сидоренко не зафиксировал стратиграфию накопившихся у стены слоев и не классифицировал извлеченную из слоя керамику [Сидоренко 1991, с. 114–115]. По конструкции и кладке стена подобна ранневизантийским.

Полемика о локализации области Дори не прекращается свыше 150 лет [Айбабин, Хайрединова 2017, с. 10–23]. П. И. Кеппен, В. Томашек и В. Г. Васильевский [Кеппен 1837, с. 61; Tomaschek 1881, S. 15–17; Васильевский 1912, с. 371–372] помещали страну Дори на Южном берегу, тогда как Г. Караулов – неподалеку от Южного берега, но не на южном, а на северном склоне Крымских гор [Караулов 1870, с. 3–24].

Топонимом *‘Doru’* в первое десятилетие VI в. Присциан называл *oppidum* (крепость) или *civitas* (укрепленный город), а Прокопий около середины VI в. для обозначения крепостей, не построенных Юстинианом I в области Дори, использовал лексему *φρούρα*.

По мнению А. А. Васильева, в книге Прокопия «*De Aedificiis*» идет речь об учреждении Юстинианом I в Крыму *limes Tauricus* [Vasiliev 1936, p. 71–73]. Термином *limes* (лимес) в Римской Империи обозначали систему приграничных укреплений [The Oxford Dictionary 1991, p. 1229]. По словам А. А. Васильева, новый таврический *limes* включал приморские крепости, укрепления на расположенном в горах Мангупе, длинные стены и в миниатюре напоминал другие *limites*, устроенные Юстинианом на границах государства. А. А. Васильев принимал за длинные стены, перекрывавшие с севера проходы в готскую область, остатки оград, сложенных татарами-пастухами из мелких необработанных камней на перевалах Главной гряды [Vasiliev 1936, p. 71–73].

Н. И. Репников в статьях о раскопках на Эски-Кермене поместил на плато город Дорос – столицу области Дори. По предположению Н. И. Репникова, после разрушения хазарами в 962 г. укреплений Эски-Кермена резиденцию правителя крымских готов перенесли на гору Мангуп [Репников 1932, с. 181–211; 1932а, с. 116–117, 130, 136, 137, 144, 149–150]. В англоязычном издании «Готов в Крыму» А. А. Васильев согласился с предложенной Н. И. Репниковым локализацией Дороса на плато Эски-Кермен

[Vasiliev 1936, p. 71–73]. Эти бездоказательные утверждения уже неоднократно опровергались.

Гипотеза А. А. Васильева о лимесе противоречит сочинению Прокопия. Историк не писал ни слова о реформе имперской администрации на полуострове и об образовании лимеса. Отношения Восточной Римской империи с готами области Дори имели длительный постоянный характер. По мнению Д. Оболенского, византийские дипломаты стремились заключить союз с приграничными варварами. При Юстиниане I союзным варварам регулярно выплачивали деньги за охрану границ [Obolensky 1964, p. 56–58]. В IV и V веках союзные племена называли федератами (**φοιδεράτοι**) [The Oxford Dictionary 1991, p. 794]. В VI в. при Юстиниане I византийские историки в рассказах о союзных племенах термин федераты заменили на аналогичные по значению. В частности, Прокопий именовал гуннов, кочевавших между Херсоном и Боспором, **κατήκοι** (подвластными) [Procopius 1962, De Bello Gotico, Vol. V, VIII, V, 26; 27; 28], тогда как готов Дори **ἔνσπονδοι** – энспондами (союзниками) Восточной Римской империи, подчинявшимся приказу императора [Procopius 1940, De Aedificiis, Vol. VII, III, VII, 13].

Э. И. Соломоник и О. И. Домбровский нашли в цитированном выше тексте Прокопия достаточно указаний на локализацию области Дори на Южном берегу [Соломоник, Домбровский 1968, с. 17–21].

Л. В. Фирсов привел доводы против помещения области Дори только на Южном берегу. Вся территория Южного берега от Ласпи до Судака составляет не больше 1% от площади Крыма. На ней невозможно найти место для плодородной страны Дори с многочисленным населением. Узкая полоска (2,5–3 км) побережья отличается от описанного Прокопием ландшафта. Его круто наклоненный и пересеченный оврагами склон с несколькими маленькими речушками и щебенистыми почвами отличается от упомянутой Прокопием плодородной равнины, пригодной для интенсивного земледелия и пропитания готов. По утверждению Л. В. Фирсова, страна Дори могла находиться только в Юго-Западном Крыму, в Крымском нагорье между Главной грядой гор и невысокими куэстами Внешней гряды [Фирсов 1979, с. 107–113].

В некоторых новых публикациях страну Дори предложили локализовать в Восточной или Юго-Восточной части полуострова.

Бессмысленно дискутировать с теми сторонниками этой идеи, чьи измышления появились после публикации камня с фальшивыми рунами, якобы найденного на мысу Опук [Шалыга 2000, с. 205–207; Федосеев 2010, с. 127–128].

Для определения границ области Дори необходимо принимать во внимание как соответствие описанию Прокопия ландшафта местности, так и оставленную жителями Дори археологическую культуру, запечатленную в погребальной обрядности, в деталях традиционного костюма, в оружии и бытовой утвари.

Ландшафту области Дори, описанному в цитированных выше параграфах 15–17, близки местности между Внутренней и Главной грядами (от устья Чёрной речки и Балаклавы до склонов Демирджи и Чатыр-Дага) и на Южном берегу (на южных склонах Главной гряды близ Ялты, Ореанды и Симеиза). Следуя тексту §16, участок берега между крепостями Алустон и Горзубиты нельзя включать в Дори. Ведь в Дори император не строил крепостей. На территории области выявлена археологическая культура, существовавшая как во время правления короля остроготов Теодориха Великого (470–526 гг.), так и в период царствования Юстиниана I (527–565 гг.). Судя по материалам раскопок, данную археологическую культуру создали аланы, известные в Юго-Западном Крыму близ Херсонеса с начала II в., и германцы, мигрировавшие около середины III в. [Aibabin 2011, S. 96–104; Айбабин, Хайрединова 2017, с. 26–102; Айбабин 2022, с. 32–45]. Прокопий именовал готами не только жителей Дори. Например, в трактате «О войнах» он писал о готском племени алан [Procopius 1916, De Bello Vandalico, Vol. II, Book III, III,1; 1919, De Bello Gotico, Vol. III, Book V, I,3].

В захоронениях готов Дори, названных Прокопием земледельцами, например, в Лучистом в склепе 46а второй половины VI в. лежали серпы (рис. 28). В Скалистом в подбойной могиле 190 второй половины V в. найдена темноглиняная лепная миска, заполненная зернами злаков.

В материалах некрополей отсутствуют признаки большой имущественной и социальной дифференциации. Вероятно, не случайно Прокопий в описании крымских готов не выделяет вождей, как это он делал в разделе о дунайских готах.

В «De Bello Gotico» Прокопий локализовал на Керченском полуострове готов – тетракситов (**Τετραξίται**), преградивших путь гуннам утигурам, возвратившимся к Меотиде из Подунавья.

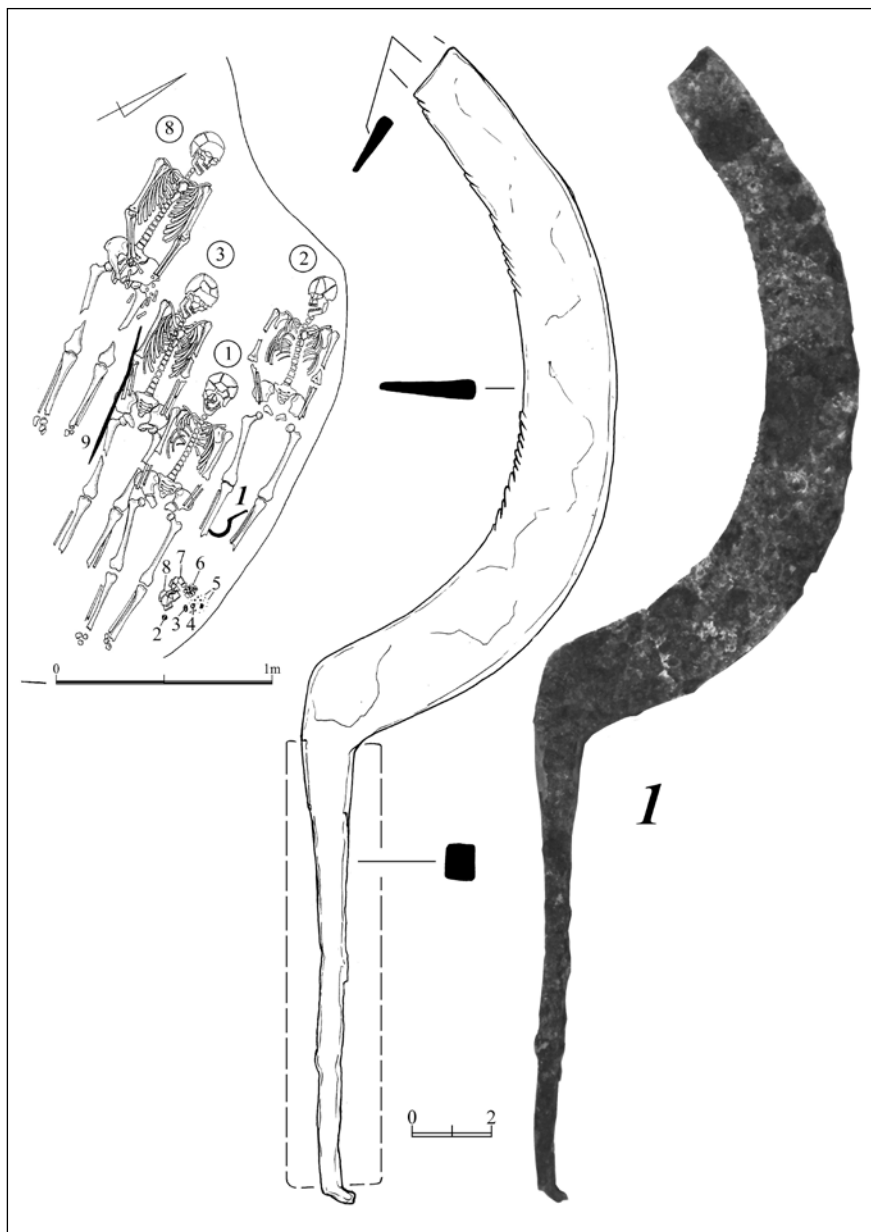

Рис. 28. Серп из склепа 46а могильника у с. Лучистое

В повествовании Прокопия указаны три даты пребывания тетракситов в Восточном Крыму: переселение вандалов в Ливии в 429 г., распад гуннского государства Аттилы в 454 г., переселение визиготов в Испанию в 488 г. По словам Прокопия, готов Тетракситов в древности называли скифами [Procopius 1962, De Bello Gotico, vol. IV, VIII, V, 5,6]. В параграфе V,23 он уточняет: «...скифы и тавры владеют всей страной, которая и теперь называется Таврикой» [Procopius 1962, De Bello Gotico, vol. IV, VIII, V,23].

А. А. Васильев сомневался в аутентичности этнонима «тетракситы» в рукописях и счел неудовлетворительными издания текстов Прокопия в XVI–XVII вв. и в 1833 г., подготовленную Г. Диндорфом (G. Dindorf) [Procopius Caesariensis 1833, De Bello Gothico]. Он считал более достоверными издания рукописи «De Bello Gotico», осуществленные Д. Компаретти (D. Comparetti) [Procopio di Cesarea 1898, La Guerra Gotica] и Я. Хори (J. Haury) [Procopii Caesariensis 1905, Opera omnia], в которых готы названы не тетракситами (**тетραξιται**), а трапезитами (**τραπεζιται**) [Vasiliev 1936, p. 66]. Однако в изданных Д. Компаретти (p. 360) и Я. Хори (Vol. II, VIII,4, p. 502) текстах использован этноним тетракситы (**тетραξιται**). А. А. Васильев связывал этноним готы трапезиты с топонимом реально существующей близ Алушты, упомянутой еще у Страбона, столовой горы Трапезус (Чатыр-Даг) [Vasiliev 1936, p. 66]. Иордан в перечне прибрежных городов поместил Трапезунт восточнее Мирмекия (Boristhenide, Olbia, Callipolida, Chersona, Theodosia, Careon, Myrmicion et Trapezunta) [Иордан 1997, с. 67, 127]. Е. Ч. Скржинская в комментариях к переводу «Гетики» на русский язык констатировала, что, судя по перечню Иордана, Трапезус находился восточнее Мирмекия на побережье Северного Кавказа. По ее предположению, крымские готы – союзники утигуров, перенесли из Таврики название своего поселения на склоне горы Трапезус на основанный на побережье Северного Кавказа Трапезунт [Иордан 1997, с. 198, 199]. В цитированной выше «Космографии» Равеннского Анонима, Трапезус также обозначен восточнее боспорских городов [Ravennatis anonimi 1860, p. 172–174]. Однако факт существования топонимов Trapezunt или Trapezus на Южном Берегу Крыма и на побережье Северного Кавказа не дает никаких оснований исправлять топоним в рукописи сочинения Прокопия. Г. Б. Дьюинг (H. B. Dewing), подготовивший новую редакцию изданной

Я. Хори рукописи De Bello Gotico, подтвердил правильность этнонима тетракситы [Procopius 1962, De Bello Gotico].

По утверждению Прокопия, при Юстиниане I (527–565) теракситы и другие готские народы уже были христианами: «παρὰ δὲ τὸν χώρον αὐτὸν ὄθεν ἢ τῆς Δίμνης ἐκβολὴ ἄρχεται, Γότθοι οἱ Ῥετραξίται καλούμενοι ὠκηνται, οὐ πολλοὶ ὄντες, οἱ δὲ τὰ Χριστιανῶν νόμιμα σεβόμενοι περιστέλλουσιν οὐδενὸς ἤσσαν.... Εἶτε δὲ τῆς Ἀρείου δόξης ἐγένοντο πότε οἱ Γότθοι οὗτοι, ὥσπερ καὶ τὰ ἄλλα Γοτθικὰ ἔθνη, εἶτε καὶ ἄλλο τι ἀμφὶ τῆς δόξης αὐτοῖς ἤσκητο, οὐκ ἔχω εἰπεῖν, ἐπεὶ οὐδὲ αὐτοὶ ἴσασιν, ἀλλ' ἀφελεῖα τε τανῦν καὶ ἀπραγμοσύνη πολλῇ τιμῶσι τὴν δόξαν. Οὗτοι ὀλίγω πρότερον (λέγω δέ, ἠνίκα πρῶτόν τε καὶ εἰκοστὸν ἔτος Ἰουστινιανὸς βασιλεὺς τὴν αὐτοκράτορα εἶχεν ἀρχὴν) πρέσβεις τέτταρας ἐς Βυζάντιον ἔπεμψαν, ἐπίσκοπον σφίσι τινὰ δεόμενοι δοῦναι ἐπεὶ ὅστις μὲν αὐτοῖς ἱερεὺς ἦν τετελευτήκει οὐ πολλῶ πρότερον, ἔγνωσαν δὲ ὡς καὶ Ἀβασγοῖς ἱερέα βασιλεὺς πέμψειε καὶ αὐτοῖς προθυμώτατα Ἰουστινιανὸς βασιλεὺς ἐπιτελῆ ποιήσας τὴν δέησιν ἀπεπέμψατο. – Но вблизи того места, где начинается выход из озера, (Меотида) живут готы, называемые тетракситами, народ не очень многочисленный, но они почитают и соблюдают христианские обряды так же тщательно, как и любой другой народ. ...А что касается того, придерживались ли эти готы когда-то арианской веры, как и другие готские народы, или же вера, исповедуемая ими, имела какую-то другую особенность, я не могу сказать, поскольку сами они совершенно невежественны в этом вопросе, но в настоящее время веру чтят в духе полной простоты и без пустых вопросов. Этот народ недавно (а именно когда исполнился двадцать один год единодержавного правления императора Юстиниана) послал к Византию четырех послов, умоляя его дать им епископа; ибо тот, кто был их священником, незадолго до этого умер, и они узнали, по их словам, что и абасгам император послал священника, и император Юстиниан очень охотно исполнил их просьбу, прежде чем отпустить их» [Procopius 1962, De Bello Gotico, vol. IV, VIII, IV, 6–12]. Обращение тетракситов к императору с просьбой прислать епископа демонстрирует их приверженность никейскому (православному) изводу.

Прокопий умолчал о религиозных воззрениях жителей Дори. Несомненно, они «как и другие готские народы» исповедовали христианство [Procopius 1962, De Bello Gotico, vol. IV, VIII, IV,9].

Готы – энспонды империи, получавшие за службу регулярные выплаты, в соответствии еще с эдиктом Феодосия I должны были быть христианами. На территории страны Дори не известны христианские храмы V – первой половины VI в.

Свидетельства христианского вероисповедания населения страны Дори в период правления Юстиниана I выявлены на некрополях. В Алмалык-Дере в камере склепа 56/1997 над входом в склеп изображен крест [Айбабин, Хайрединова 2017, с. 150, рис. 100]. Судя по находкам в захоронениях, в Дори женщины носили широкие пояса с большими пряжками с плоским в сечении кольцом и прямоугольным щитком с христианской символикой (ил. 18). На щитках пряжек вытиснены равноконечные кресты с углублениями на углах, а также звери, напоминающие львов или пантер, или более реалистично выполненные львы с гривами. По конструкции и форме язычка, рамки и щитка они близки остготским и гепидским пряжкам, а декор характерен для византийской продукции [Айбабин, Хайрединова 2008, с. 54; 2017, с. 156]. Захоронения с пряжками с прямоугольными щитками с вытисненными равноконечными крестами или львами найдены в Лучистом в подбойной могиле 99 (ил. 18, 1), в склепах 124, 216, в Карши-Баире в склепах 2 и 4, в Алмалык-Дере в склепе 192 с византийскими трехчастными литыми пряжками, деталями поясных и обувных наборов первой половины VI в. [Айбабин 1979, с. 31, 32; 1990, с. 36, рис. 37, 5–13; Айбабин, Хайрединова 2008, рис. 27, 11; 2017, с. 150–151, рис. 96; Хайрединова 2003, рис. 2, 3, 6]. Большие пряжки с христианской символикой на прямоугольном щитке известны только в Херсоне и Юго-Западном Крыму. Скорее всего, их изготовляли в Херсоне со второй четверти VI в. [Айбабин 2024, с. 61, рис. 2, 1–8; 3, 5].

Находки в Лучистом свидетельствуют о длительном использовании названных пряжек. Они встречены как в упомянутых захоронениях первой половины VI в., так и в склепах 42, 74, 207 – в слоях с погребениями с орлиноголовыми пряжками 1-го варианта второй половины VI в., в склепе 122А с фибулой с подвижной широкопластинчатой ножкой [Айбабин 2009, с. 60–65; Айбабин, Хайрединова 2017, рис. 177, 2, 3], в склепе 186 – с одновременной пряжкой типа Суцидава [Айбабин, Хайрединова 2017, рис. 175, 6], в склепах 176 и 283 – с фибулами типа Удине-Планис варианта 2 [Айбабин, Хайрединова 2017, рис. 175, 8].

Самые поздние пряжки этого варианта в Лучистом выявлены в склепах 10 и 228, в слоях с орлиноголовыми пряжками 3-го варианта второй четверти VII в. [Хайрединова 1999, с. 334–344; Айбабин, Хайрединова 2008, с. 54, 56, рис. 16].

В погребальных сооружениях с этими пряжками и деталями византийских поясных и обувных наборов лежали краснолаковые миски с христианской символикой. В Лучистом в склепе 211 выявлена краснолаковая миска группы «Поздний римский С/Фокейская краснолаковая» – типа LRC/PhRS 3F [Hayes 1972, p. 338, fig. 69, 23; Айбабин, Хайрединова 2008, с. 52, рис. 27, 1] с оттиснутым в центре дна клеймом в виде креста-монограммы с открытым завитком и буквами «А» и «Ω» под боковыми ветвями варианта 66.h по Дж. Хейсу (рис. 27, 10) [Hayes 1972, p. 365, fig. 78, 66.h]. Христограмма состоит из наложенных друг на друга греческих букв Χ и Ρ, которые являются первыми двумя греческими буквами имени Χριστός. В монограмме «А» и «Ω» сочетаются первая и последняя буквы греческого алфавита, которые являются наименованием Бога в Книге Откровения Иоанна Богослова, символами Бога как начала и конца всего сущего (Откр. 22:12, 13). Миски с изображением аналогичного монографического креста известны в Херсоне [Голофаст 2001, с. 118, рис. 69, 18]. Аналогичные миски найдены в комплексах второй четверти VI в. из Афинской Агоры, Коринфа, Антиохии и на острове Фасос [Hayes 1972, p. 338, fig. 69, 23; Abadie-Reynal, Sordini 1992, p. 27, fig. 9, CF132]. В Алмалык-Дере в склепе 192/2007 выявлена миска LRC/PhRS 3С [Айбабин, Хайрединова 2017, с. 150–151, рис. 97, 1] с крестом варианта 71b, подобная обнаруженным в Салониках и Афинах в слоях конца V – первой трети VI в. [Hayes 1972, p. 335–338, fig. 69, 31; 79, 71c]. В Алмалык-дере в склепе 188/2008 лежала однотипная одновременная миска с оттиснутым на дне изображением льва (рис. 27, 9; ил. 19) [Hayes 1972, p. 333, 336–338, fig. 67, 7; Айбабин, Хайрединова 2017, с. 150–151, рис. 94, 5]. На некрополе Черная речка в склепе 5/1988 фрагмент тарелки со штампованным крестом позднего варианта III группы первой половины VI в. [Hayes 1972, p. 349, 367–368, fig. 79, f, i, k, n] обнаружен с узкими наконечниками ремней и византийскими трехчастными пряжками с овальной рамкой и граненым язычком первой половины VI в. [Айбабин 1999, рис. 21, 4, 6–9, 12–15, 27, 29].

С середины VI в. жители страны Дори хоронили умерших вместе с носившимися при жизни индивидуальными предметами христианского культа (рис. 29). Византийские перстни с крестами или с греческими монограммами и наперсные кресты в Алонии и Лучистом найдены в женских погребениях с орлиноголовыми пряжками 1 варианта (ил. 20) [Chajredinova 2017, рис. 2, 8–15] второй половины VI в. [Айбабин 1990, с. 33, рис. 2, 81; 29, 1, 2]. В Алонии типичный для Византии наперсный крест обнаружен в склепе 2, в погребении 3 с большой пряжкой с прямоугольным щитком с вытисненным изображением льва [Chajredinova 2017, рис. 2, 7]. Указанное захоронение было совершено вдоль стены камеры. Одновременно, или чуть позже, рядом похоронили женщину с перстнем с вырезанным на щитке равноконечным крестом с расширяющимися концами, с орлиноголовой пряжкой 1-го варианта и с парой двупластинчатых фибул, датирующихся второй половиной VI в. (ил. 20) [Хайрединова 2019, с. 90, 91, 97, рис. 2]. На щитке перстня из захоронения в склепе 42 из Лучистого погрудно изображен ангел и прорезана греческая монограмма Μ (мю), Ι (йота), Χ (хи), Α (эта), Λ (лямбда), образующая имя Μιχαήλ – Михаил (ил. 21) [Хайрединова 2019а, с. 34, рис. 1, 9]. На щитке перстня из одновременного женского захоронения в склепе 154 с того же некрополя изображен равноконечный крест с поперечными черточками на концах, совмещенный с христограммой из инициалов имени Христа – Ι(ησοῦς) Χ(ριστός) [Хайрединова 2019, с. 93, 94, рис. 5, 2а]. С середины VI в. в области Дори носят амулеты с изображением святых всадников Сисиния, Мины и других (рис. 30) [Хайрединова 2007, с. 151–179; 2014, с. 171–181].

Материалы раскопок некрополей области Дори подтверждают сведения Прокопия. О численности населения Дори в период правления Юстиниана I свидетельствуют как продолжавшие функционировать упомянутые выше некрополи, так и могильники в Суук-Су, Артеке, Кореизе, Симеизе, в балке Каралез под Мангупом, Баштановка, Аромат, Большое и Малое Садовое и др., на территории которых хоронили или могли хоронить во второй половине VI в. Близ могильников в Гурзуфской котловине и некоторых других обнаружены связанные с ними сельские поселения [Якобсон 1954, с. 111, 120, рис. 48, 2–4; 50]. По расчетам Л. В. Фирсова, в середине VI в. население Дори могло достигать 60000 человек [Фирсов 1979, с. 109].

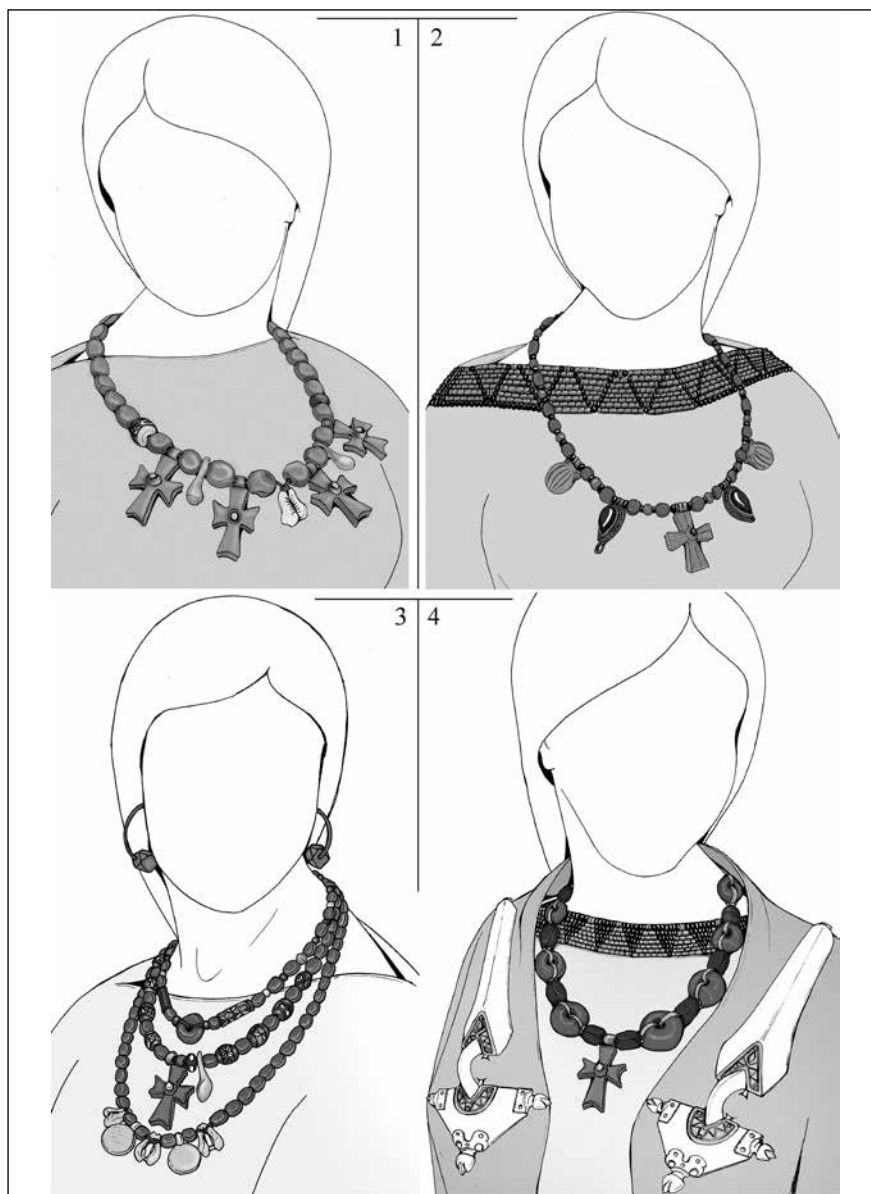

Рис. 29. Реконструкция женского парадного костюма крымских готв с ожерельями второй половины VI - начала VII в.

1,4 – Лучистое (1 – склеп 207, погребение 5;

4 – склеп 268, погребение 8); 3 – Мангуп, Тешкли-Бурунский клад;

4 – Алония, склеп 2, погребение 3.

(Реконструкция и рисунок Э. А. Хайрединовой)

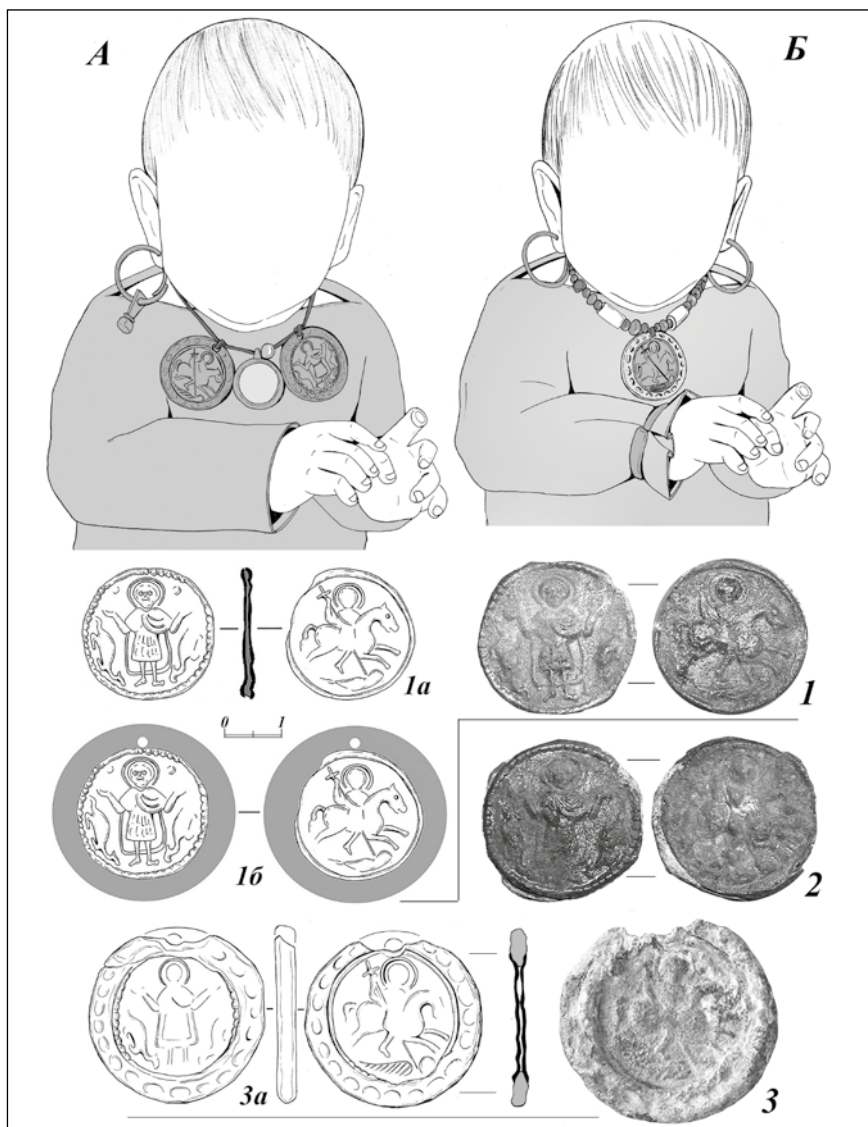

Рис. 30. Медальоны со святым всадником VII-VIII вв. из могильника у с. Лучистое (Юго-Западный Крым)

1,2,А – склеп 10, слой 3, погребение младенца
 (1а – прорисовка медальона; 1б – реконструкция медальона со свинцовым ободком; А – реконструкция костюма младенца);
 3,Б – склеп 202, погребение 4 (3а – прорисовка медальона;
 Б – реконструкция костюма младенца)
 [по: Хайрединова 2014, с. 194, рис. 1, 1,3,4]

В сочинениях византийцев сказано только об одном городе, очевидно, находившемся в области Дори. Напомню, что в первое десятилетие VI в. Присциану было известно об oppidum (крепость) или civitas (город) Δόρου. Судя по рассмотренной выше главе из «De Aedificiis», Прокопий не знал о каких-либо крепостях или городах в области Δόρου, основанных местными готами и аланами. Крепости, не построенные Юстинианом I в области Дори, историк назвал лексемой φρούρια. Проводившиеся в 1960-е – начале 2020-х годов археологические раскопки позволили обнаружить строительную активность времени правления императора Юстиниана I на плато Мангуп и Бакла и у их подножий.

Мангуп. Вероятно, на плато находился civitas (город) Δόρου (ил. 22, 1). С периодом правления императора Юстиниана I синхронизируют самую значительную на территории области Дори базилику, изучаемую на плато Мангуп. В 1913 г. в раскопе слева от центрального нефа базилики нашли известняковую плиту с надписью: «[Ι]ουστινιαν[οῦ] Αὐτοκράτο[ρος ... Σεβά]στοῦ – Юстиниана императора августа» [Латышев 1918, с. 18–19]. Плита перекрывала позднесредневековую могилу, открытую слева от центрального нефа базилики [Моисеев 1918, с. 74–75 ; Айбабин 2021б, с. 82–83]. По словам А. А. Васильева, доверившегося недостоверным сведениям в «Путеводителе по Крыму» об обстоятельствах находки плиты, в надписи идет речь о постройке по повелению императора Юстиниана I базилики на Мангупе [Vasiliev 1936, р. 71–72]. По определению А. Л. Якобсона, это ктиторская надпись, находившаяся над входом в базилику [Якобсон 1940, с. 215]. Он подчеркивал «стилистическую и архитектурную» близость Мангупской базилики VI в. раннесредневековой архитектуре Херсона и отмечал, что датировка Мангупской базилики VI в. «указывалась и раньше рядом авторов, но без достаточной аргументации» [Якобсон 1940, с. 216]. Доказательства не появились и в почти всех работах, изданных после 1940 г.

Только в опубликованном М. А. Тихановой отчете о продолжении исследования в 1938 г. базилики и раскопках соседней крещальни их строительная периодизация обоснована по прослеженной стратиграфии строительных остатков, отнесенных к двум периодам – VI в. и VII в. Согласно М. А. Тихановой, храм с крещальней соорудили в VI в. [Тиханова 1953а, с. 382–386]. В крещальне в I период сделали пол из мозаики красного, чер-

ного и белого цветов и вырубili в скале две гробницы IV–V, а позднее – гробницу VI. Время совершения захоронения в гробнице V она определяет по единственной находке – золотой серьге с тремя зернинками, отнесенной к VI–VII вв. Во II период поверх мозаики на слой известкового раствора уложили новый пол из хорошо обтесанных прямоугольных плит [Тиханова 1953а, с. 382–386]. К этому периоду необходимо причислить гробницы, прорезающие мозаичный пол и накрытые плитами вторичного пола. В заполнении гробниц содержались кубики мозаики и фрагменты штукатурки стен крещальни со следами фресок. Извлеченная из гробницы V золотая серьга типична не для VI–VII вв., а для VII–IX вв. [Хайрединова 2000, с. 98]. Крещальню могли разрушить при захвате плато хазарским отрядом, подавившим восстание готов под руководством епископа Иоанна Готского после 784, но до 787 г. [Айбабин 2010а, с. 218–221]. В конце VIII в. крещальню перестроили в храм. В нем поверх мозаичного пола сделали новый пол из больших плит и вырубili гробницы.

Многие годы базилику изучала Н. И. Бармина, так и не опубликовавшая материалы раскопок, но несколько раз менявшая свое мнение о хронологии и строительной периодизации храма. В недавней статье она повторила предложенную М. А. Тихановой дату базилики [Бармина 2017, с. 95–96].

А. Ю. Виноградов включил надпись на могильной плите в IOSPE: «[Εὐ]λουστίναν[οῦ] [το]ῦ αὐτοκράτο[ρος], [---] ἰνδ(ικτιῶνος) αἰ, ἔτος[ς ..]. – ...при (?) Юстиниане самодержцe ..., в 11-й индикт, в ...году». А. Ю. Виноградов отнес эту надпись к 547–548 гг. [Виноградов 2015, № V 171]. По уверению А. Ю. Виноградова, поскольку в надписи идет речь об описанной Прокопием деятельности Юстиниана I, то она происходит из стены, возведенной на краю самого плато у главного въезда [Там же].

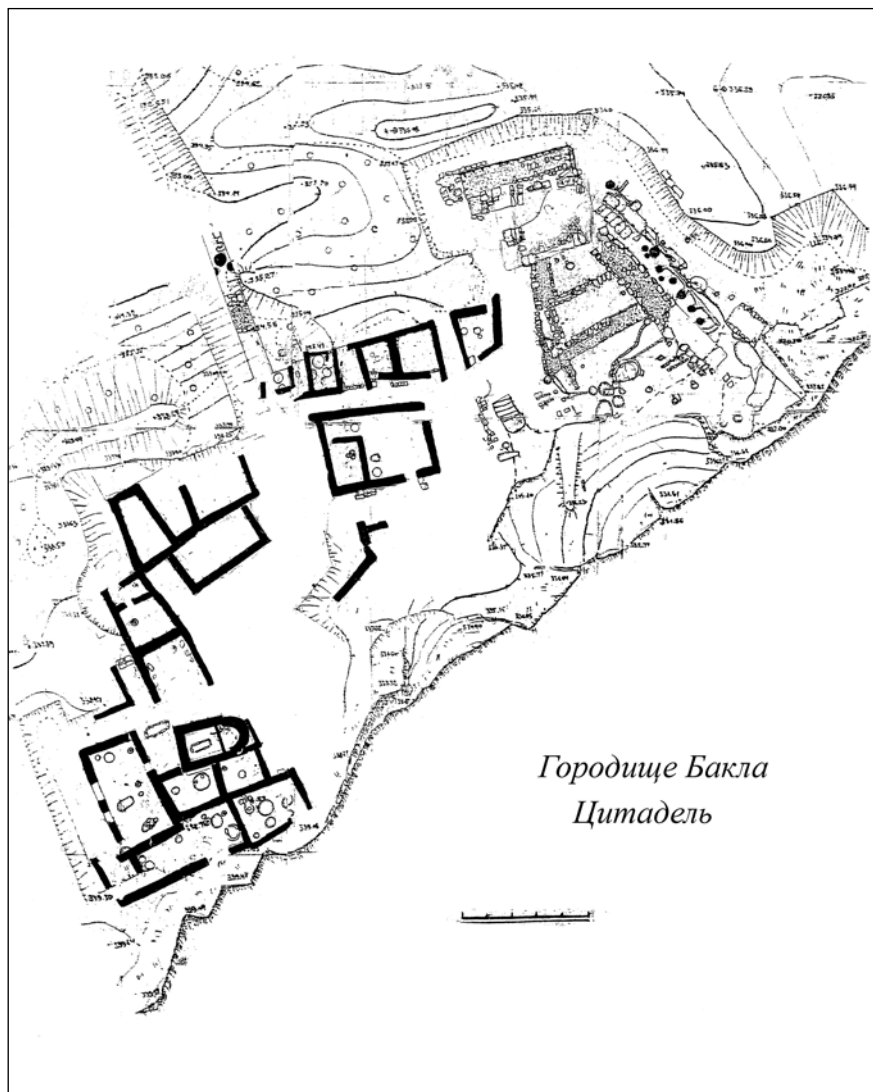
А. Г. Герцен считал плиту с именем Юстиниана I свидетельством сооружения в последнее десятилетие правления императора (555–565 гг.) на Мангупе крепости и большой базилики [Герцен 2003, с. 100, 101]. Время возведения оборонительной стены в расселине Демир-Капу (Железные ворота) А. Г. Герцен определял по керамике III–VII вв. и монете Юстиниана I, извлеченных из верхнего слоя заполнения расположенного рядом грота [Герцен, Манаев 2005, с. 328]. В. Е. Науменко также назвал сброшенный в грот грунт слоем строительства стены [Науменко

2023, с. 113]. Однако дата сброса содержавшегося в гроте слоя определяется не по монете, а по найденной в нем самой поздней керамике. То есть, слой сбросили в грот не при Юстиниане I, а позднее. Поскольку опубликованные находки VI в. из раскопок на плато Мангуп не связаны с оборонительными сооружениями, а комплексы керамики из слоев, возникших в процессе строительства оборонительных стен, не выделены, то отсутствуют основания для игнорирования цитированной выше информации из сочинения Прокопия [Procopius 1940, De Aedificiis, Vol. VII, III, VII, 10–17; Айбабин 2015, с. 311, 312; Айбабин, Хайрединова 2017, с. 6–7]. Как мы видим, по приказу Юстиниана I на плато византийцы стен не возводили. Очевидно, плиту с именем Юстиниана I на плато Мангуп вторично использовали для перекрытия поздней могилы у базилики [Айбабин 1999, с. 114; 2015, с. 312–313; 2022а, с. 9–11].

На публикацию этих моих выводов оперативно отреагировал В. Е. Науменко. Свои возражения мне он не аргументировал новыми фактами и представлением закрытых комплексов керамики из раскопанных объектов. Например, из предложенных А. Ю. Виноградовым трех вариантов даты плиты с именем Юстиниана I (532–533, 547–548 или 562–563 гг.) В. Е. Науменко понравилась поздняя дата, поскольку она позволяет игнорировать утверждение Прокопия о том, что Император не построил ни города или крепости ни в какой части страны Дори, и так же как А. Г. Герцен датировать постройку оборонительной стены на плато последними годами правления Юстиниана I. В. Е. Науменко определяет время её сооружения по дискуссионной дате написания «De Aedificiis», выбрав не 560 г. [Whitby 2001, p. 46–56; Greatrex 2013, p. 27, 28], а понравившиеся ему 550 г. или 554 г. [Науменко 2023, с. 111, 112]. Отмечу, поскольку Прокопий вообще ничего не писал о городах варваров в Дори, то некорректно судить по дате текста о хронологии оборонительной стены. Необходимо выявить закрытый комплекс керамики из слоя, возникшего при постройке обороны, а не синхронизировать возведение стены с поверхностью улицы с монетами Юстиниана I [Науменко 2023, с. 111, 112]. Находки монет Юстиниана I подтверждают слова Прокопия о союзных отношениях империи и жителей Дори. Огульная критика фрагмента «De Aedificiis» о стране Дори лишь указывает на непонимание достоверного источника.

Трехнефная базилика раскрыта в верховье балки Каралез, у северо-западного подножия Мангупа. Руководитель раскопок В. А. Сидоренко проигнорировал керамику и голословно отнес храм к VII–X вв. [Сидоренко 1991, с. 114]. В статье об архитектурных деталях он датировал базилику второй половиной VI в. Дату он обосновал лишь наличием в нескольких сотнях метров от базилики грунтового могильника со склепом с некими вещами второй половины VI века. По словам В. А. Сидоренко, около XI в. на основаниях стен центрального и одного из боковых нефов разрушенной базилики соорудили храм [Sidorenko 2010, S. 313]. К сожалению, руководитель раскопок не завершил камеральную обработку керамики из раскопок Каралезской базилики и поэтому не обосновал ее хронологию. Могильник в балке Каралез оставлен жителями неисследованного поселения. На некрополе раскопаны лишь несколько склепов и могил, не связанных с базиликой [Айбабин 2021, с. 8].

Φρούρια на плато **Бакла**. На вытянутой вдоль обрыва останца террасе с крутыми откосами (ширина – до 60 м, длина – до 200 м) (ил. 22, 2) и у подножия горы на рубеже IV–V вв. возникли поселения. Вероятно, их жители хоронили на некрополе Скалистое [Айбабин 1999, с. 82]. В юго-западной части плато Д. Л. Талис раскрыл руины цитадели, вытянутой вдоль обрыва (рис. 31). По предположению Д. Л. Талиса, фундаменты стены с забутовкой из бутового камня и башни сложены поверх засыпанного раннего винодельческого комплекса. Фундамент цитадели лежит на глиняной прослойке, нивелирующей поверхность скалы. Сохранившиеся нижние ряды внешней и внутренней облицовок фундамента сложены из камней (размером до 1,0×0,8×0,6 м), у которых подтесана одна нижняя сторона. Камни облицовок и забутовки после заливки известковым раствором образовали ровную горизонтальную поверхность фундамента. За время существования этих сооружений на протяжении двух строительных периодов образовался слой зеленого цвета, в котором Д. Л. Талис не фиксировал стратиграфию. По керамике из него он обосновывал даты и уничтожения винодельни, и возведения оборонительной стены [Талис 1974, с. 112; 1981, с. 65–66; 1982, с. 57–62]. Поскольку слой возник одновременно с винодельней еще до постройки стены, то, судя по керамике из зеленого слоя, винодельню создали в первой половине VI в., а перекрывшую

**Рис. 31. План цитадели
на Баклинском городище**

ее стену цитадели вряд ли соорудили ранее конца того же века [Айбабин, Хайрединова 2017, с. 159–160]. К цитадели примыкает участок городища, названный Д. Л. Талисом «посадам». На его территории обнаружены винодельческие комплексы [Талис 1981, с. 65] и общественное зернохранилище из десятков вырубленных в скале пифосовидных ям (ил. 23). Возможно, винодельческий комплекс, состоявший из тарапанов, цистерн, чанов и водоотводных желобов [Талис 1969, с. 58], функционировал на плато с начала VI в. [Айбабин, Хайрединова 2017, с. 158–160].

4.3. Дукат Херсона в период правления императора Маврикия (582–602)

Поскольку в 579 г. тюрки совершили поход в район Херсона, скорее всего, через степи Северо-Западного Крыма, то они не причинили вреда области Дори. В Горном Крыму не обнаружены какие-либо произведенные тюрками разрушения.

Император Тиверий 5 августа 582 г. объявил своим кесарем командовавшего войсками империи на Востоке Маврикия. Вскоре, 13 августа, Маврикия короновали императором. На следующий день Тиверий умер [Кулаковский 1996, с. 336–338]. Напомню, что за год до коронации Маврикия правитель напавших на Таврику тюрков вступил в борьбу за власть в каганате. Его воины ушли из Таврики в Азию [Ajbabın 2011, S. 124, 128]. Победивший в междоусобице каган тюрков стремился к союзу с Восточной Римской империей и направил в 598 г. посольство в Константинополь с письмом императору Маврикию [Кулаковский 1996, с. 373].

После ухода тюрков император Маврикий воспользовался благоприятной ситуацией и завершил реформирование системы управления владениями Восточной Римской империи в Таврике. Сведения о содержании реформы Херсонского дуката содержатся в тексте надписи, найденной в 1803 г. в сооружённой А. В. Суворовым в Тамани земляной крепости. Надпись издал В. В. Латышев:

«Πρὸς τοῖς λοιποῖς
μεγάλοις καὶ θαυμαστοῖς
κατορθώμασι καὶ τότε το
λαμπρὸν ἐν Βοοσπόρῳ

κ(αι)σάριον ἀνεπέωσεν
[Μαυρί]κις ὁ εὐ[σ]εβ(έστατος) κ(αι) θεοφύλακ(τος) ημῶν
δεσπότης δια του γνησίου αυτού
δούλου Εὐπατερίου, του ενδοξοτάτου
στρατηλάτου καὶ δουκὸς Χερσῶνος. Ἰνδ(ικτιῶνος) η.

Сверх прочих великих и дивных деяний и сие славное на Боспоре кесарское здание возобновил М[авр]икий, благочестивейший и богохранимый наш владыка, через собственного своего раба Евпатерия, славнейшего стратилата и дука Херсонского. Индикта 8-го» [Латышев 1894, с. 671–672; 1896, № 99, с. 108–109].

По В. В. Латышеву, 8-ой индикт приходится на 590 г. По мнению В. В. Латышева и согласившегося с ним Н. И. Храпунова, в названии магистратуры Евпатерия «Εὐπατέριος στρατηλάτης καὶ δοὺξ Χερσῶνος» стратилат означает титул, а дука – должность [Латышев 1894, с. 671; Храпунов 2011, с. 39–40].

А. Ю. Виноградов предложил вместо «...на Боспоре кесарское здание» читать «г. Кесарион в Боспоре» [Виноградов 2015, V 330]. В надписи, безусловно, идет речь не о регионе, а о городе Боспор. В правление императора Августа правитель Боспора Полемон I (9/8 г. до н.э.) для демонстрации верности Риму переименовал Пантикапей в Кесарию (Καισαρέων). Однако боспорцы не признали это переименование [Гайдукевич 1949, с. 458–459; Кузнецов 2007, с. 237]. Боспором столицу царства именовали историки Зосим [Zosime 1971, XXXI.3, XXXII.3, p. 30, 31], Стефан Византийский (527–565 гг.) [Латышев 1890, с. 256, 257, 264], Проконий, Малала и др. [Айбабин 2016, с. 190].

В надписи засвидетельствовано подчинение города Боспора дуке Херсона. Информацию о реформе дополняют материалы археологических раскопок в Горном Крыму, позволившие обосновать последней четвертью VI в. время возведения укреплений на плато Эски-Кермен, Бакла и Чуфут-Кале [Ajbabın 2011, S. 130]. Хронология их возведения согласуется с датой строительной надписи из Тамани. Несомненно, византийцы присоединили к своим владениям и подчинили дуке Херсона и населенную аланами и готами союзную область Дори. Дука руководил сооружением новых городов. Территорию области Дори византийцы разделили на подчиненные дуке районы – архонтии с резиденцией архонта в civitates на плато Мангуп (Дорос), Эски-Кермен, Чуфут-Кале и Бакла [Айбабин 2007, с. 137–138; 2017, с. 42].

Civitas Dóru. Как уже отмечалось выше, на плато Мангуп до настоящего времени не выявлены закрытые комплексы керамики или надписи, дающие возможность отнести к последним годам правления Юстиниана I возведение ранневизантийских укреплений и базилики. Возможно, после включения области Дори в новый дукат, византийские инженеры в последней четверти VI в. спроектировали и соорудили в одноименном городе Дори на плато Мангуп оборонительную систему и крупнейшую на Внутренней гряде базилику с крещальней.

Civitas на плато **Эски-Кермен** (рис. 32). На известняковой горе-останце с плоской вершиной в юго-западной части Внутренней гряды Крымских гор путешественники в XVI–XIX вв. видели руины стен и большой базилики. Понижающаяся к северу гора заканчивается мысом, отделенным от основного массива седловиной и возвышающимся над местом схождения трех ущелий. Восточная сторона горы и большая часть ее западной стороны представляют собой почти вертикальные обрывы. Некоторые участки западной стороны менее крутые. На восточном и западном фасадах горы выступают скальные мысы. Южный склон более пологий. Гора окружена глубокими балками. Подступающая с юго-запада седловина облегчает подъем на плоскую вершину горы. Ее длина с севера на юг – 1040 м, наибольшая ширина – 200 м, высота – до 30 м. Верхняя часть склонов и поверхность изрезана высеченными в известняке пещерами (ил. 24).

В 1578 г. «древний город и крепость» поблизости от плато Мангуп осмотрел Мартин Броневский. По его словам, в то время название «пещерного города» уже не знали ни турки, ни татары, ни даже сами греки, именовавшие гору так же, как близлежащую деревню Черкес-Кермен (Черкесская крепость). Он впервые описал сохранившиеся в центральной части заросшей лесом плоской вершины горы руины храма с мраморными и «серпентиновыми» колоннами [Броневский 1867, с. 344]. Эту информацию пересказал в опубликованном в 1784 г. сочинении шведский историк Иоганн Эрик Тунман [Тунман 1936, с. 35]. В опубликованных в конце XVIII в. географических трактатах «пещерный город» Черкес-Кермен начали именовать и топонимом Иски (Эски)-Кермен – Старая крепость. Весной 1784 г. по Горному Крыму вояжировал француз барон Шарль-Александр-Бальтазар-Франсуа де Поль Бар дю Оллан (Le baron Charles-Alexandre-Balthasar-François

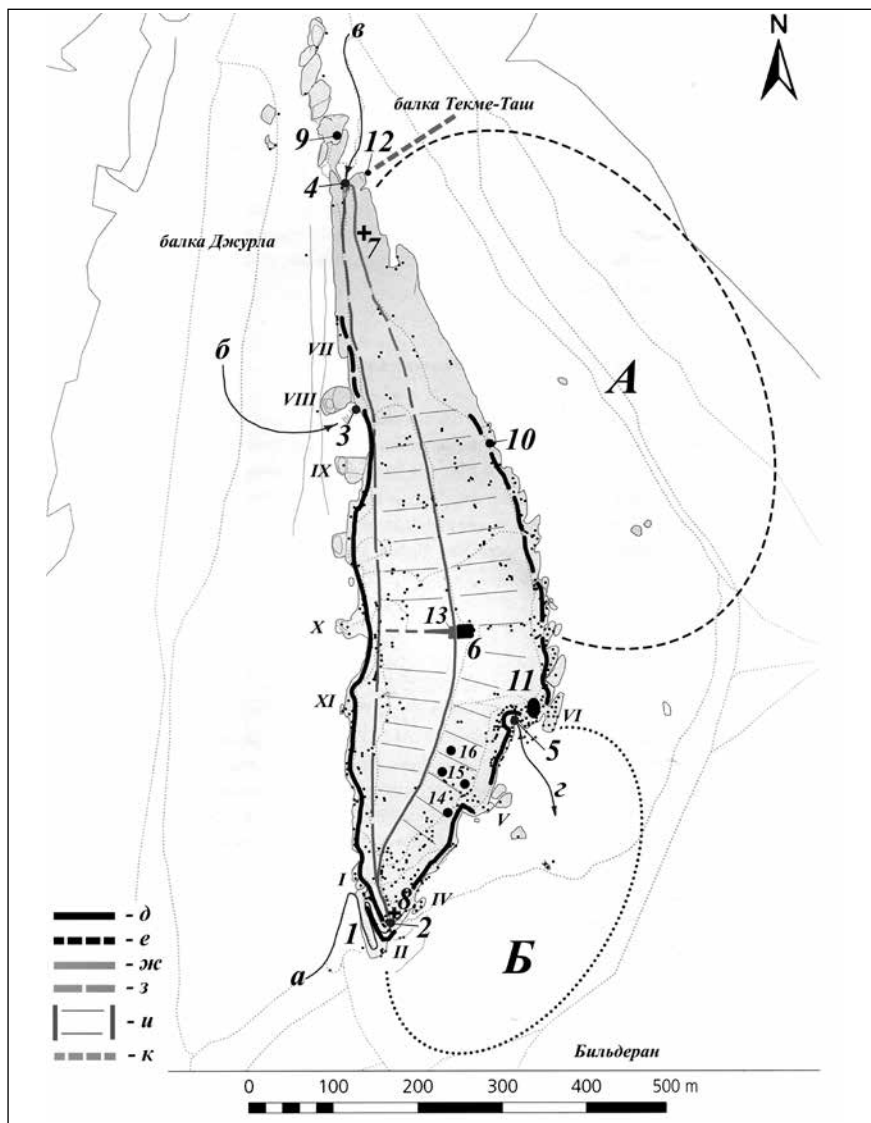

Рис. 32. План крепости и города на плато Эски-Кермен во второй половине VI – первой половине IX в.:

- А – раннесредневековое поселение, проастиий;
- Б – раннесредневековый некрополь; а – колесный путь;
- б–г – пешие тропы; д – оборонительные стены;
- е – «постели» – подрубки на скале под стены; ж – главная улица;
- з – вторая продольная улица; и – кварталы;
- к – большая поперечная улица [по: Хайрединова 2022а, рис. 11]

de Paule Baert du Hollant) [Cadot, Van Regemorter 1969, p. 374], назвавший «пещерный город» топонимом Искикермен (Iskikerman). Он видел на горе большие пещерные храмы со сводами, поддерживаемыми колоннами, и заполненные костями крипты, а на скальной поверхности городской улицы – колеи от колес повозок [Mémoire 1798, p. 20]. Его рассказ повторил Фредерик Дюбуа де Монпере [Dubois de Montperreux 1845, p. 292]. К. И. Габлиц топонимом Черкес-Кермен обозначал татарскую деревню и западную скалу, а топонимом Эски-Кермен – руины крепости с колодцем [Габлиц 1788, с. 22]. П. С. Паллас в книге о предпринятом им в 1793–1794 гг. путешествии по Крыму упомянул укрепления пещерной крепости Черкес-Кермен близ одноименной татарской деревни: «Всего замечательнее в этом старом укреплении, где уцелели только башня и часть стен, высеченный в скале в нескольких сотнях саженей от укрепления глубокий колодезь; в него спускаются с опасностью по ступеням, высеченным также в скале» [Паллас 1999, с. 54]. Правда, судя по цитате, в представлении П. С. Палласа расположенные на соседних горах башня Кыз-Куле и осадный колодец принадлежали одному укреплению [Pallas 1801, Bd. 2, S. 95–96]. В 1802 г. крепость Черкес-Кермен посетил П. И. Сумароков [Сумароков 1805, с. 47, 48]. По утверждению П. И. Кеппена, в первой трети XIX в. татары называли Эски-Керменом (Старая крепость) упомянутый Мартином Броневским древний безымянный город близ деревни Черкес-Кармен [Кеппен 1837, с. 260]. П. И. Кеппен заимствовал у М. Броневского сведения о храме с колоннами в центральной части городища [Кеппен 1837, с. 252].

Военный инженер А. Л. Бертъе-Делагард в 1886 г. сделал схематический план города и впервые зафиксировал кладку оборонительных стен на западном краю плато Эски-Кермен [Бертъе-Делагард 1920, с. 90; Шмит 1932, с. 213]. В 1926–1927 гг. руины и пещеры на плато Эски-Кермен обследовал Н. Л. Эрнст. Он сделал топографическую съемку, обмеры, зарисовки и фотографии сохранившихся средневековых пещерных и наземных сооружений и впервые охарактеризовал оборонительную систему городища. Он считал единственным удобным подходом к округе Эски-Кермена узкое ущелье, ведущее к нему с севера из степи. По его утверждению, с длинных сторон гора ограничена глубокими ущельями и защищена оборонительными сооружениями

и многочисленными сторожевыми пещерами. Следы или явные остатки оборонительных стен видны у каждого из 4–5 пологих «доступов» на плато. Особенно внушительны такие остатки в одном из пунктов западного края плато, где видна кладка стены из огромных квадров. У южного края горы на плато в скале высечена дорога, ведущая к главным воротам с каменным сводом [Эрнст 1929, с. 23–25], описанным П. Сумароковым [Сумароков 1805, с. 48 ; Айбабин 2021а, с. 5–6].

В 1928, 1929, 1931, 1933 и 1937 гг. в процессе широкомасштабных раскопок Эски-Керменская экспедиция Государственной академии истории материальной культуры (ГАИМК), Музея антропологии и этнографии (МАЭ) и Центральных государственных реставрационных мастерских (ЦГРМ) раскопала оборонительные сооружения, базилику, храмы и дома. На склоне южного края плато зачищена вырубленная в скале дорога, ведущая к главным воротам (рис. 33). На юго-восточном склоне плато был выявлен принадлежавший обитателям крепости и городища могильник. В 1933 г. могильник изучался совместно с Пенсильванским университетом США. По словам Н. И. Репникова, на плато Эски-Кермена находится значительный для средневековья город с улицами, домами, общественными зданиями и водопроводом. По всему периметру плато Эски-Кермен изучались фортификационные сооружения [Репников 1932, с. 211; 1935, с. 18–40]. Руководитель раскопок Н. И. Репников назвал домыслом утверждение Н. Л. Эрнста о многочисленных остатках оборонительных сооружений и сторожевых пещерах в узком ущелье к востоку от Кыз-Куле и таких же пещерах на западном склоне плато [Репников 1932а, с. 145–146]. Н. И. Репников датировал сооружение крепости V–VI вв. и выделил в фортификации города четыре участка: северный, западный, южный и восточный. По его наблюдению, главные и боковые ворота были сильно укреплены, а в доступных местах плато защищали крепостные стены. Скальные выступы-мысы с вырубленными пещерами являлись природными башнями. По мнению Н. И. Репникова, башенные комплексы группируются в основном вдоль восточного фаса. Одну башню зачистили над началом подъемной дороги. Н. И. Репников полагал, что в башнях и на их поверхности устанавливали баллисты, малые камнеметательные орудия и стрелометы [Репников 1932, с. 185–187; 1932а, с. 114–117]. Од-

**Рис. 33. Плато Эски-Кермен.
Верхние марши подъемной дороги
после их зачистки в 1930 г. Общий вид с севера**

нако все эти рассуждения далеки от реальности. Через отверстия в пещерах невозможно стрелять из этих орудий.

Е. В. Веймарн, работавший чертежником в экспедиции Н. И. Репникова, издал текст кандидатской диссертации об оборонительных сооружениях города на плато Эски-Кермен, в котором детализировал опубликованные Н. И. Репниковым описания оборонительных сооружений и сделал детальный план укреплений, расположенных вдоль края обрывов. Е. В. Веймарн представил собственную реконструкцию стен. По его словам, столь мощные стены (толщина 1,7 м) невозможно использовать в качестве бруствера, поскольку перед стеной имелось слишком большое мертвое пространство. Поэтому на плитах перекрытия стен должны были выкладывать зубчатый парапет высотой до 2 м, за которым мог укрыться стрелок. Е. В. Веймарн пронумеровал почти все выступающие скалы на плато, оставив без номера выступающую скалу, расположенную между мысами IX и X. Он считал, что оборонительными башнями являлись все скальные выступы-мысы на плато. Е. В. Веймарн, вслед за Н. И. Репнико-

вым, писал о незастроенной северной части плато и отнес возникновение крепости к V в., а время разрушения оборонительных сооружений – к концу VIII в. [Веймарн 1958, с. 7–48].

Экспедиция автора в 1978–1982 гг. изучала городской некрополь на склоне плато. Проводившиеся в 2003–2008, 2016 и 2022–2023 гг. раскопки велись совместно с Э. А. Хайрединовой. Были полностью изучены квартал на главной улице на плато Эски-Кермен и получена новая информация о топографии городской застройки и фортификации крепости.

Все доступные для подъема на плато более пологие участки склона защищали оборонительные сооружения.

На **южном** краю в скальном массиве вырубili три марша подъемной дороги для повозок и всадников (рис. 33; ил. 25). Нижний марш длиной 66 м, шириной около 5 м расположен вдоль края основной скалистой террасы, с юго-западной стороны ограничен скальным парапетом с двумя пешеходными проходами (ил. 25, I). Второй, центральный марш достигает в длину 51,5 м, ширину – около 5 м (ил. 25, II). Третий, верхний марш длиной 30 м, шириной около 5 м поворачивает к главным городским воротам (ил. 25, III). На скальной поверхности всех трех маршей видны узкие параллельные колеи от колес повозок. Между маршами сохранились отчетливые следы древней ломки камня. Вдоль края третьего марша и перед главными воротами выявлены постели протейхизмы. Тем самым участок марша между протейхизмой и массивом плато превратили в перибол с двумя воротами [Репников 1935, рис. 6–8, 16, 17, с. 18–38]. Главные ворота сооружены в передней части вырубленного в скальном массиве искусственного коридора (ил. 26). Судя по подрубкам в скале, ворота были двустворчатыми, открывались внутрь и запирались брусом-болтом. Ворота защищались специальными сооружениями – большой башней III и боевыми площадками у ворот. От них, по верхнему краю скалы, главная крепостная стена отходила в двух направлениях – к скальной башне I и к выступающему скальному мысу IV. В основании скалы по обеим сторонам проезда симметрично расположены вырубленные в скале пазы, которые, по мнению Н. И. Репникова, служили для падающей сверху железной решетки – катаракты [Репников 1932а, с. 123]. Камни из нижних рядов кладок оборонительных стен на этом участке были зафиксированы в ходе раскопок 1928–1930 гг.

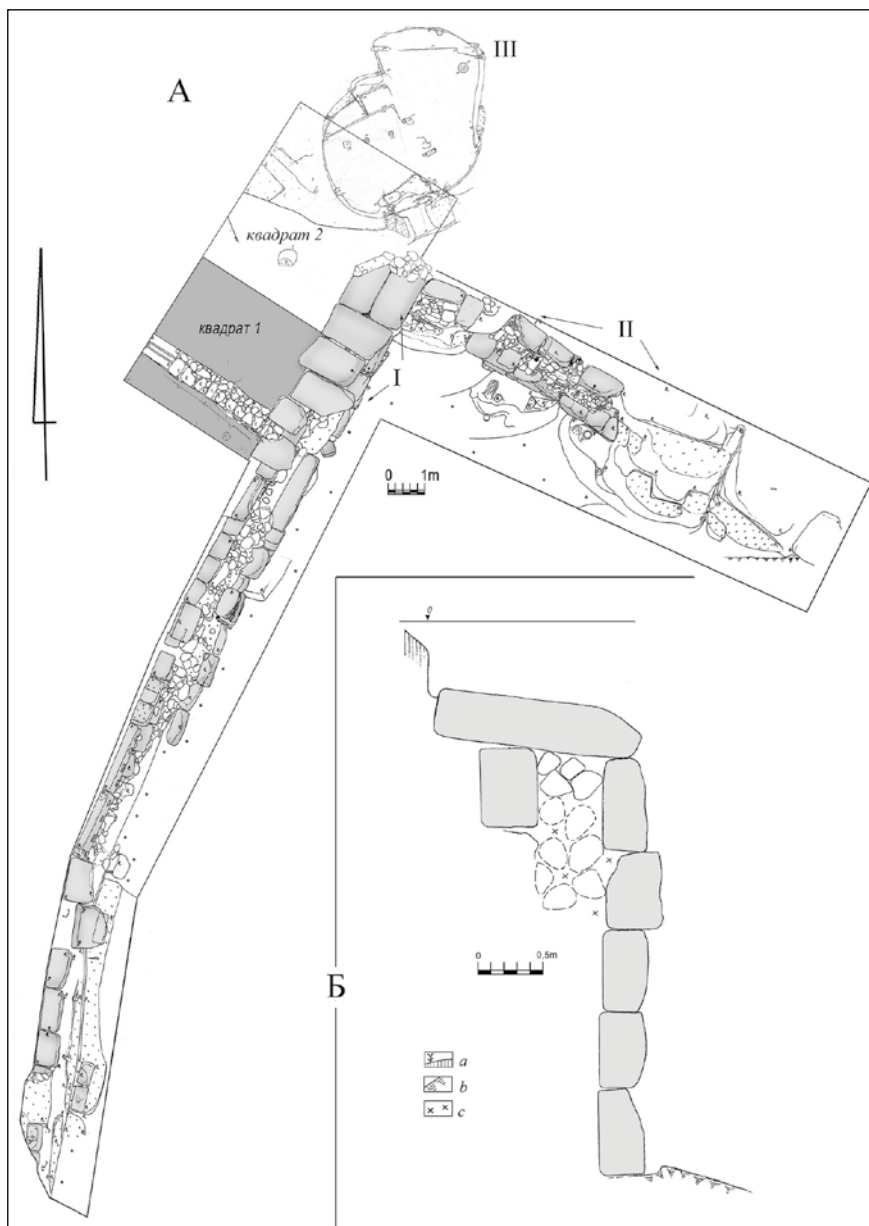
**Рис. 34. Плато Эски-Кермен. Скальный мыс I.
Общий вид сверху**

В выступающем скальном мысу, нависающем над началом нижнего марша подъемной дороги, высечена пещерная башня I (рис. 34). Мыс разделен расселиной на две части: южную и северную. В толще верха скалы зачищена большая вырубленная пещера, потолок которой поддерживает массивный опорный столб. С площадки скалы в неё ведет лестенка, с нижней ступеньки которой через расселину перебрасывались в древности деревянные мостки. Это нижнее помещение башни представляет собой большую пещеру с двумя боковыми отделениями. В стенах главной пещеры сделано шесть отверстий («бойниц»): в виде окна с заплечиками на уровне пола или в форме круглых окон на половинной высоте стены. Из трех бойниц виден подход к дороге из долины, из остальных – дорога на всём её протяжении [Репников 1932, с. 186–187, рис. 45].

В выступающем скальном мысу IV, находящемся в 40 м к востоку от главных ворот и нависающем над подъемом к калитке «Д», вырублены четыре помещения. Каждая пара помещений имеет отдельный вход сверху. Между помещениями «1» и «2» расположена небольшая площадка-коридор с обрушившимся скальным потолком. Во внешней стене площадки на уровне пола вырублено отверстие шириной от 40 до 62 см, которое Е. В. Веймарн считал амбразурой для скатывания камней. В помещении 1 с этой же стороны в стене на уровне пола пробиты отверстия диаметром 25 и 36 см, принятые Е. В. Веймарном за бойницы для стрельбы из лука. В помещении 3 на уровне пола и чуть выше пробиты три отверстия, названные Е. В. Веймаром амбразурами для скатывания камней и бойницей [Веймарн 1958, с. 24]. Однако, эти отверстия были непригодны для стрельбы. По мнению Н. Д. Денисенко, их вырубili в поздний период, когда в пещерах укрывали домашних животных [Денисенко 2023, с. 69–70]. Продолговатая бойница (высота 126 см, ширина 20 см) прорублена лишь в помещении 2. Возможно, оно предназначалось для наблюдателя.

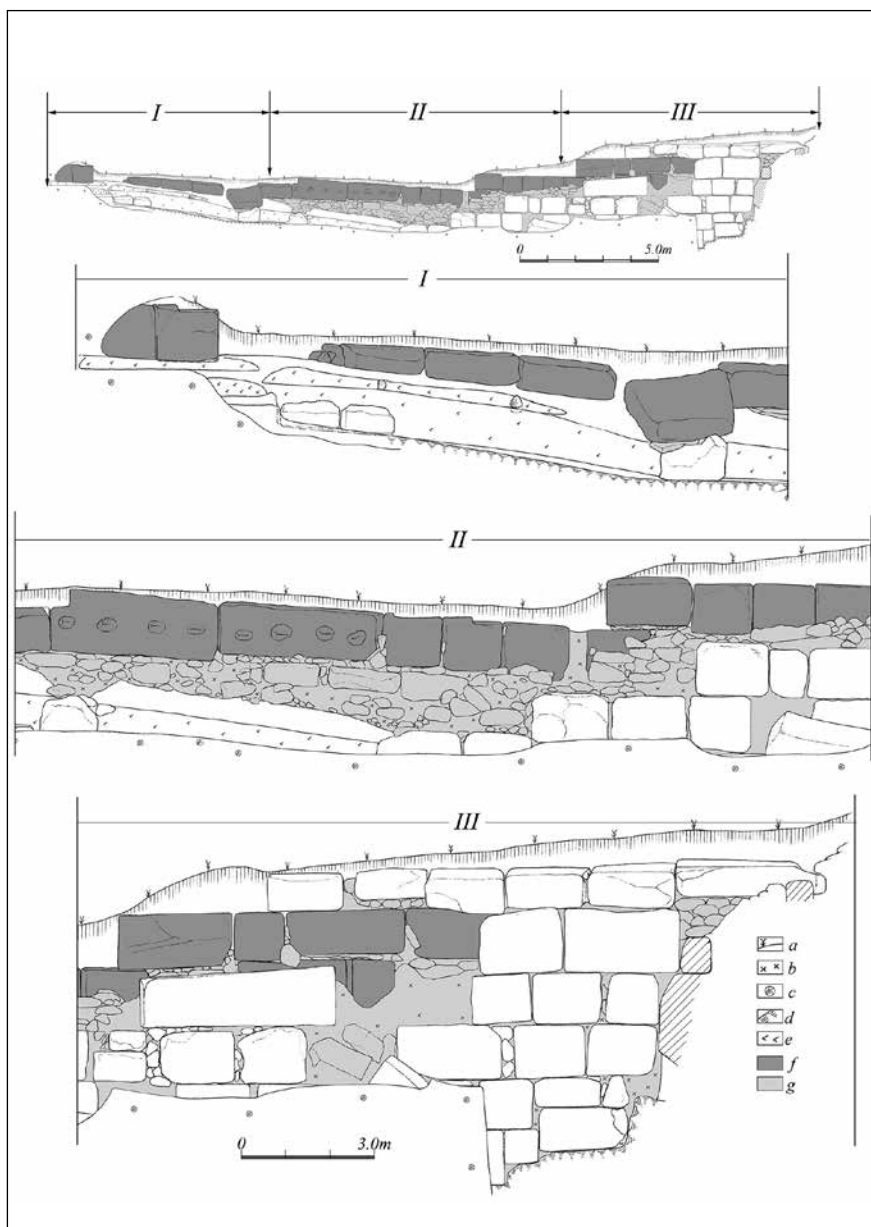
Восточный край плато и вход в город защищали оборонительная стена и вырубленные в выступающих на восточном фасаде скальных мысах высотой 30–44 м пещерные башня V и каземат VI (ил. 27) [Айбабин 2023а, с. 149–160].

Оборонительная стена прослежена на краю плато между выступающими скальными мысами IV и VI (рис. 32, д). У пещерного каземата VI сохранились лишь высеченные в скале постели стены. Для выяснения хронологии и стратиграфии культурного слоя оборонительных стен в 2005–2008 гг. экспедиция автора возобновила ее изучение (рис. 35; 36). Длина участка раскопа между краем скального мыса с пещерной башней V до угла стены – 14 м, а длина его продолжения от того же угла к юго-западу – 25 м, ширина – 2,5 м. В раскоп включен участок траншеи, выкопанной экспедицией Н. И. Репникова вдоль внешнего панциря (рис. 37). В раскопе открыты сохранившиеся участки оборонительной стены и вырубленные в скале постели. Внешнюю и внутреннюю облицовку соорудили из хорошо обтесанных больших прямоугольных известняковых блоков разных размеров, скрепленных раствором из извести и песка (ил. 28). Блоки плотно подогнаны один к другому. Нижние ряды внешней кладки постав-

**Рис. 35. Крепость на плато Эски-Кермен.
Участок восточной оборонительной стены.**

А – раскопы у оборонительной стены: I – траншея Н. И. Репникова,
II – раскопы 2006-2007 гг.; Б – сечение верхней части
и внешнего панциря восточной оборонительной стены

**Рис. 36. Крепость на плато Эски-Кермен.
Участок восточной оборонительной стены.
Фасировка внешней облицовочной кладки стены**

лены в вырубленные в скале постели. Внутренняя лицевая кладка, в отличие от внешней, поставлена на предварительно очищенную и подготовленную скальную поверхность крутого склона. Внутренняя лицевая кладка аналогична внешней. Длина лицевых крупных блоков – 2,3 м, ширина – 0,6 м, высота – 0,8 м, длина малых блоков – 0,8 м, ширина – 0,6 м, высота – 0,8 м. Высота стены и количество рядов кладки зависели от рельефа поверхности материковой скалы. Пространство между лицевыми кладками заполнено необработанными камнями и известковым раствором. В юго-западной части раскопа открыты постели и нижний ряд кладки. Сверху стену накрыли длинными (1,6–1,8 м), широкими (1 м), прямоугольными плитами толщиной 0,5 м. В углу раскопа зафиксирована наибольшая высота лицевой кладки – 3,6 м от уровня материковой скалы. Здесь на постель положили пять рядов блоков. В 2,5 м к юго-западу от угла кладка состояла из четырех рядов блоков (высота стены – 2,4 м). На примыкающей к стене поверхности склона вырублены дренажные каналы. Щели между нижним рядом внутренней лицевой кладки и скалой заполнены необработанными камнями, широкие щели (шириной 0,15–0,2 м) между торцами верхних камней и склоном мыса с пещерным казематом V замазали раствором из извести и песка. Крупные брызги раствора сохранились на поверхности скалы. В одном из блоков нижнего ряда кладки сделано водопропускное отверстие. На вновь зачищенных плитах перекрытия оборонительной стены не обнаружены какие-либо следы парапета. Поскольку в стене отсутствовали бойницы, то можно предположить, что гарнизон контролировал этот участок склона плато с перекрытия стены.

Для выравнивания примыкающей к стене поверхности крутого склона у основания стены подсыпали слои насыщенного песком грунта, а также известнякового и темно-коричневого грунта. В результате вдоль стены была создана горизонтальная площадка шириной 1 м. Высота стены с внутренней стороны от поверхности нивелировочного слоя до верхней поверхности плит перекрытия достигала 2,4–2,6 м [Айбабин 2007, с. 132–135, рис. 2, 3; Ajbabin 2013, Abb. 7, 11, 12].

По керамике, извлеченной из нивелировочной подсыпки из известнякового отеса у внешней облицовки стены, следует судить о времени сооружения оборонительной стены [Айбабин,

**Рис. 37. Плато Эски-Кермен.
Восточная оборонительная стена. Раскопки 2005 г.
Общий вид с северо-востока**

Хайредино́ва 2017, с. 162–163]. В слое нашли фрагменты амфор типа Зеест 95 [Зеест 1960, с. 118, 119, табл. XXXVIII, 95], амфор типа Якобсон 9 [Якобсон 1979, с. 9, 12–14, рис. 1, 1, 2, 6] или LR 1 [Riley 1979, p. 212–215, fig. 41, 42], амфор типа Якобсон 1 [Якобсон 1979, с. 9, рис. 1, 1], амфор 5 типа по херсонесской классификации [Якобсон 1979, с. 11, рис. 3, 6; Антонова и др. 1971, с. 85, рис. 6] и лепных сосудов. В нижнем слое нивелировочной подсыпки в темно-коричневом грунте обнаружены фрагменты амфор типа Зеест 95, амфор типа Якобсон 9 или LR 1, амфоры типа Якобсон 1, амфор 5 типа по херсонесской классификации, амфор с сужением корпуса типа Якобсон 7 [Якобсон 1979, с. 12], красноглиняных амфор, гончарных кувшинов, краснолаковой миски, покрытой светло-розовым лаком, лепных сосудов. В нижнем слое нивелировочной подсыпки самыми поздними являются фрагменты краснолаковой миски, подобной относимым Дж. Хейсом к концу VI – началу VII в. [Hayes 1968, p. 208, fig. E,

55]. Рассмотренный закрытый комплекс керамики сформировался в конце VI в. [Айбабин 2007, с. 132–138; Айбабин Хайредина 2017, с. 162–163; Ajbabin 2013, S. 191].

У борта раскопа, напротив стены раскрыта часть вырубленного в скале прямоугольного углубления с горизонтальным полом (длина – 4,1 м, максимальная глубина – 0,5 м). На поверхности боковых бортов высечены дренажные канавы и две круглые ямы. На расстоянии 2,2 м от оборонительной стены зачищены четыре высеченные в скале квадратные ямы (размеры от 0,1 до 0,13 м, глубина от 0,12 до 0,15 м) для установки в них деревянных квадратных столбов.

Пещерная башня V вырублена в массиве выступающей скалы и в отколовшихся от него скалах. В помещениях были высечены дверные проемы и лестницы для сообщения. В каждом помещении сделаны амбразуры.

Пещерный каземат VI является самым большим казематом (ил. 29). Он вырублен в выступающем скальном мысу, находящемся в 100 м от башни V. Два яруса просторных пещерных помещений с амбразурами связаны между собой внутренними дверными проемами и лестницами. Первоначально в массиве мыса вырубил пещеры нижнего яруса, а над ними – зерновые ямы (ил. 29, 2). Каземат предназначался для защиты восточного подъема на плато. На верхней плоской поверхности каземата VI находится крупнейший на плато, вероятно, государственный зерновой склад. В скале вырублены 19 ям, имевших форму пифосов и закрывавшихся круглыми плоскими крышками. От многих ям уцелели только горловины, а их нижнюю часть уничтожили в поздний период жизнедеятельности на плато при вырубке верхнего яруса пещер. Вероятно, горожане хранили зерно в ямах, которым могли выплачивать государственные налоги.

Восточный вход в крепость, или восточная «калитка» сооружена на площадке напротив нижнего яруса пещер каземата VI (ил. 29, 1). В массиве скалы прорублен проход, от которого к подножию плато на скальной поверхности склона были высечены ступени.

Осадный колодец прорубили в толще 30-метровой скалы на восточном краю обрыва (ил. 30). От входа в колодец вела крутая лестница в шесть маршей из 95 ступеней, завершающаяся капотажной галереей длиной 10 м, прорубленной к роднику у само-

го подножья. Еще школьником в 1960-х гг. я неоднократно набирал воду из родника перед подъемом на плато. Скорее всего, во время строительства крепости начались работы и по обеспечению города водой по водопроводу из родников, расположенных к югу от плато, в балке Бильдеран.

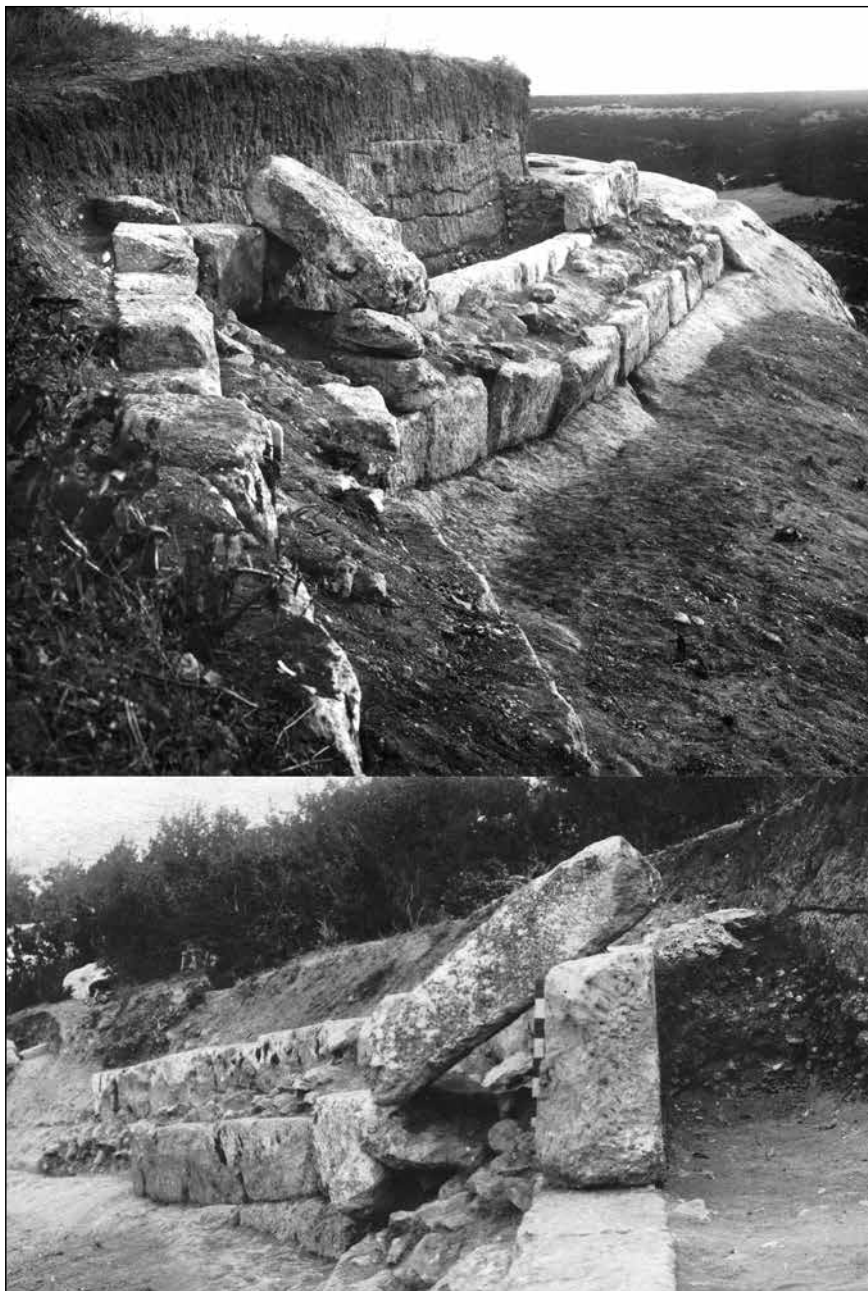
На восточном склоне плато и в балке Текме-Таш в шурфах выявлен комплекс керамики второй половины VI – XI в. [Хайрединова 2022а, с. 524; Айбабин, Хайрединова 2023, с. 13, 21-22, рис. 7; 8]. Несомненно, с этого поселения начинается история города на плато Эски-Кермен. В долине Текме-Таш проживала одна из общин гото-аланского населения Юго-Западного Крыма. С возникновением города на плоской вершине плато Эски-Кермен поселение стало своего рода проастием – подгородным районом, который снабжал население города на скальной вершине плато необходимыми продуктами питания.

Северный массив заканчивается господствующим над местом схождения трех ущелий мысом с изолированными площадками на вершине. С севера на плоскую вершину плато имеется два входа – по тропе через прямую узкую расселину в скалах, по дну которой вырубил ступени, и по двум маршам лестницы в 33 ступени, высеченной вокруг скального мыса, нависающего над расселиной с востока (ил. 31). Лестница начинается с дверного проема, прорубленного в подножии скалы на уровне седловины. Одностворчатая дверь открывалась внутрь и запиралась брусом. По ходу лестницы справа находится небольшая прямоугольная в плане пещера с окном, сделанная одновременно со всеми этими сооружениями. Выше по ходу лестницы вырублена вторая трапециевидная в плане пещера. С лестницы в нее ведет дверной проем, в который в древности, вероятно, устанавливалась деревянная дверь. С порога внутрь ведут 2 ступеньки. В восточной стене пробиты два отверстия, одно – амбразура в виде окна с заплечиками на уровне поля, другое – небольшая бойница, вертикальная, продолговатая, на половине высоты стены. Амбразура и бойница обращены на восток. На северном конце площадки над обрывом имеется продолговатая прямоугольная в плане вырубка, а симметрично ей, на противоположном обрыве отдельной скалы, отстоящей от площадки на несколько метров – еще такая же. Несомненно, в древности здесь перекидывались деревянные мостки для сооб-

щения с недоступной ныне северной оконечностью столовой горы. Комплекс создан не только для защиты северного входа, но и для наблюдения [Репников 1932, с. 188–190; Веймарн 1958, с. 38–39]. С площадок мыса видны дальние подступы к городищу и северные части огибающих его с востока и запада балок.

Западный край плато защищали оборонительная стена, башня и два наблюдательных пункта, сооруженных на выступающих скала. Западная сторона плато начинается от его северной оконечности вертикальным обрывом высотой около 20 м, переходящим в высокий крутой склон (ил. 32). У края плато на протяжении 210 м не видно оборонительных сооружений. Между скальными выступами VIII и IX находится искусственный вход на западную сторону плато. Хорошо видно, как этот проход начинался лестничным подъемом снизу и входил в массив основной скалы с обрывом высотой до 8–10 м, затем, через площадку на половине высоты обрыва, проход поворачивал под прямым углом к северу и шел вторым лестничным маршем, вдоль края скалы на плато.

На фотографиях, сделанных до землетрясения 1927 г., видна часть оборонительной стены с перекрывающими ее большими плитами (рис. 38). По словам Н. И. Репникова, в 1927 г. часть крепостной стены на западном склоне разрушили при добыче камня. Вдоль обрыва плато был зачищен участок длиной 100 м. На поверхности скалы проследили линию «постели» от снесенной стены. Ее зафиксировали почти до северных скалистых неприступных обрывов [Репников 1932, с. 181–212; 1932а, с. 128–131, рис. 22]. По информации Ф. И. Шмита, экспедиция обнаружила на западном краю сравнительно хорошо сохранившийся участок стены, состоявшей из двух параллельных стенок из квадратных блоков с забутовкой между ними. Высота стены 3,2 м, толщина 1,7 м [Шмит 1932, с. 26]. В отчете и публикации идет речь о зачистке наружной облицовки и верхней поверхности стен. Небольшой участок внутренней облицовки раскрыли в короткой траншее глубиной до 0,4 м. Облицовки оборонительных стен сложили из хорошо обтесанных больших прямоугольных блоков. Пространство между лицевыми кладками забутовано необработанными камнями, залитыми известковым раствором без примеси песка. Сверху стену перекрыли большими прямоугольными плитами (ил. 33). Н. И. Репников опубликовал аб-

**Рис. 38. Плато Эски-Кермен.
Западная оборонительная стена. Раскопки 1928 г.**

страктную реконструкцию разреза стены [Репников 1932, рис. 54]. В траншее у внутренней облицовки стены зафиксирована лишь стратиграфия слоев, накопившихся на скале [Репников 1932а, с. 128–131, рис. 22]. На дне траншеи раскрыта подтесанная поверхность материковой скалы, на которой после возведения стены сделали 10-ти сантиметровую вымостку из мелких камней и отесков, залитых известняковым раствором. Н. И. Репников считал вымостку «военной улицей (*pomoerium*)» [Репников 1932, с. 193]. *Pomoerium* (*poterium* – померий) – термин на латыни, обозначающий свободное пространство по обеим сторонам городской стены. На вымостке прослежены 30-ти сантиметровый слой земли с фрагментами керамики, отнесенными Н. И. Репниковым к V–VI вв., перекрытый накопившимся во второй половине первого тысячелетия 50-ти сантиметровым слоем глины, содержавшим золу, уголь, кости животных и керамику. Поверх этих слоев лежал метровый слой чернозема [Репников 1932а, с. 129–130]. Н. И. Репников определял время сооружения стены по отнесенным к V–VI вв. фрагментам лепных сосудов из темной глины из слоя, лежавшего на отмостке у внутренней облицовки стены [Репников 1932, с. 203; 1932а, с. 130]. Однако эти сосуды изготавливали во второй половине VI – VII в. [Айбабин 2007, с. 135–136; 2023, с. 164].

Е. В. Веймарн пронумеровал почти все выступающие скалы на западной стороне плато, оставив без номера выступающую скалу, расположенную между мысами IX и X. В результате проведенного автором в 2024 г. обследования фортификационных сооружений на сильно заросшем лесом и кустарником западном краю плато получена новая информация о его обороне.

Вновь обследованы все выступающие скалы, названные Е. В. Веймарном пещерными башнями. По его утверждению, скала VIII, «по-видимому, была использована для сооружения на его вершине башни», а скалу IX «приспособили для устройства в ней пещерного каземата с тремя бойницами, направленными в долину» и, вероятно оборудовали на её вершине боевую площадку. Обе «башни» защищали западный проход на плато [Веймарн 1958, с. 40–41]. В результате нового осмотра выяснилось, что на обозначенных как «пещерные» башни номер VII и VIII скалах отсутствуют пещеры, а рельеф их вершин препятствует устройству наблюдательных постов (ил. 32). В небольшой

пещере с прямоугольным входом, вырубленной в средней части скалы IX, в стенах нет амбразур со стороны долины или западного подъема. Скорее всего, пещера являлась позднесредневековой кельей.

В 1929 г. экспедиция Н. И. Репникова на поверхности одной из выступающих на западном краю скал (по Е. В. Веймарну № X) зачистила квадратную выемку, а по ее краю – «постели боевой кладки» (рис. 39). Н. И. Репников «усмотрел» в этом углублении вырубленное основание квадратной башни, в поздний период «использованное под храм с усыпальницами». Стены храма, сложенные из некрупных камней на «плохом известняковом растворе с толченной черепицей», рухнули в вырубку [Репников 1932, с. 187; 1932а, с. 131]. Е. В. Веймарн не сомневался в том, что на верхней поверхности скалы стояла квадратная башня, от кладки стен (толщина более 1 м) которой сохранились только «постели». После разрушения башни на ее основании построили небольшую часовню [Веймарн 1958, с. 41, рис. 15]. Однако, на выступающей скале X не обнаружены какие-либо остатки оборонительных сооружений. На поверхности скалы сохранилось только вырубленное основание одноапсидного храма [Завадская 2022, с. 322–325, рис. 9]. Вдоль его западной стены отчетливо видна «постель» шириной до 0,4 м. На столь узкой «постели» невозможно возвести даже облицовочный ряд оборонительной стены. «Постель» предназначалась для стен храма. Квартальные храмы с аналогичными стенами зачищены нами на главной улице города [Айбабин, Хайрединова 2020, с. 310–326].

В небольшой выступающей скале XI Е. В. Веймарн помещал пещерный каземат [Веймарн 1958, с. 44]. Очевидно, эта пещера была хозяйственной.

За выступающим мысом X после расчистки от кустарника и деревьев удалось вновь открыть исследовавшийся в 1929 г. участок оборонительной стены, который в 1926–1927 гг. осматривал Н. Л. Эрнст. Длина участка 32,7 м. Внешнюю и внутреннюю облицовку сложили из хорошо обтесанных крупных прямоугольных известняковых блоков (ил. 33). Нижние ряды кладок поставлены в вырубленные на поверхности скалы «постели». Пространство между кладками заполнено необработанными камнями, залитыми известняковым раствором. Длина больших

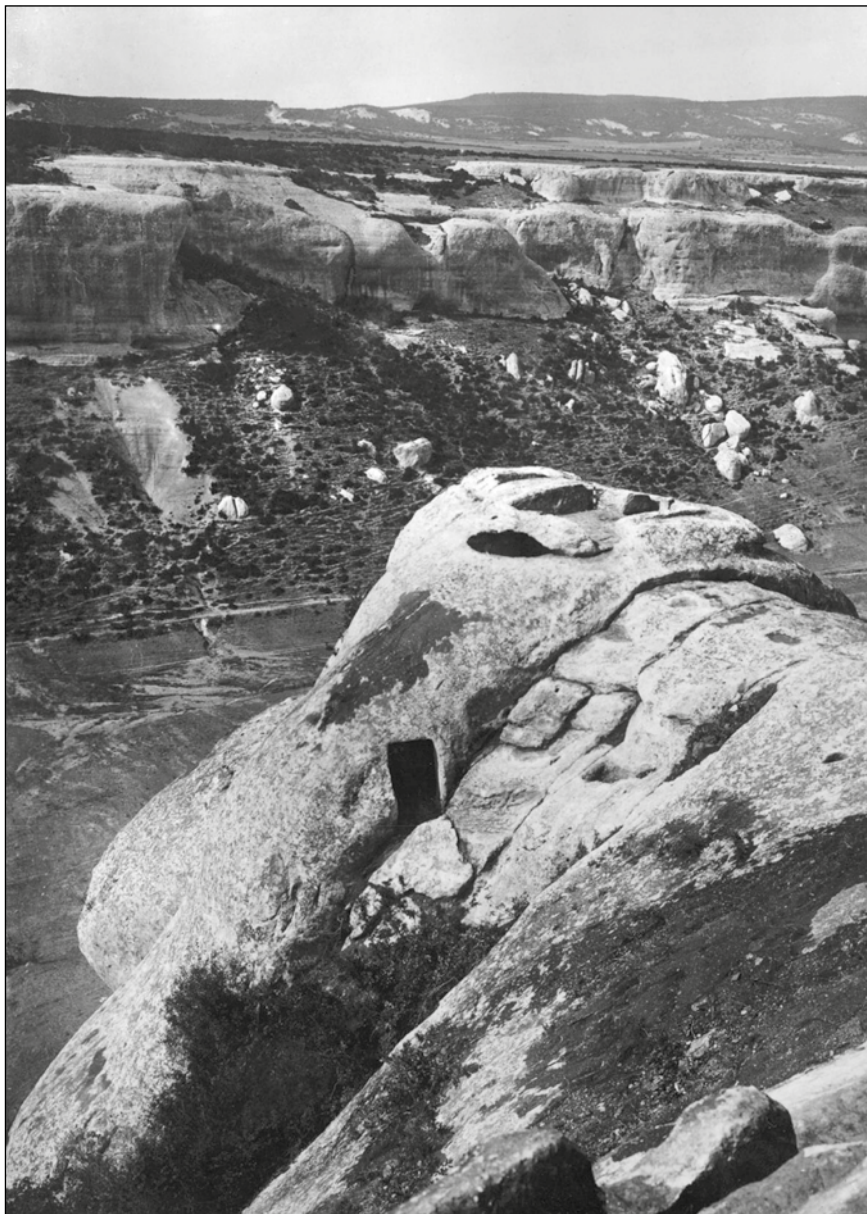
блоков 3,02 м, толщина 0,4 м, высота 0,82 м, длина меньших блоков 1,28 м, толщина 0,35–0,4 м, высота 0,82 м, толщина забутовки 0,85 м, общая толщина стены 1,6–1,65 м. Одна из плит перекрытия бала прислонена к внешней облицовке. Эта же плита видна на фото 1929 г. Блоки облицовки западной стены значительно длиннее блоков восточной стены [Айбабин 2023а, с. 158]. Очевидно, западную и восточную стены сложили разные артели каменщиков. Южный крайний блок внешней облицовки вставлен в подрубку в скале небольшого мыса. На его поверхности сохранилось зернохранилище из 6 вырубленных в скале зерновых ям в форме пифоса, закрывавшихся круглыми каменными крышками (рис. 40) [Репников 1932а, с. 129–130, рис. 21].

Полученная в результате нового исследования информация позволяет пересмотреть опубликованные Н. И. Репниковым и Е. В. Веймарном реконструкции обороны на западной стороне плато. Опровергнут вывод Е. В. Веймарна о наличии почти на всех выступающих на западном краю скалах оборонительных сооружений.

На плато в соответствии с еще античной гипподамовой системой запланировали прямоугольные кварталы, ограниченные улицами, пересекавшимися под прямым углом (рис. 13). В центре были спланированы большая базилика с поперечным притвором (нартексом) и тремя нефами, перед западной стеной базилики – городская площадь, от которой к воротам проложена широкая (до 4,8 м) главная улица (ил. 34). На площади могли собираться горожане. В 2020 г. в ее юго-западной части, напротив базилики, зачищены скамьи (ил. 35). В месте соединения поперечной улицы и площади, напротив центрального входа в базилику стояла каменная стела – гномон солнечных часов. По ней горожане могли определять полдень и даты привязанных к дням равноденствий и солнцестояний праздников [Хайрединова 2021, с. 127–128, рис. 90–94]. Расположенные по обе стороны продольных главной и параллельной ей улиц кварталы ограничены проулками шириной до 2 м. В процессе раскопок храма не выделен ранний культурный слой. Очевидно, его удалили в ходе неоднократных перестроек. В какой-то степени о дате постройки базилики приходится судить по характеру кладки уцелевших участков первоначальных стен нефов. Они сложены так же, как стены херсонесских базилик VI–VII вв. [Ajabin 2013, S. 183; Ай-

бабин 2014, с. 241]. На плато, несмотря на неоднократные перестройки и удаление раннего культурного слоя, строительные остатки и культурные слои конца VI – VII в. прослежены у восточного участка оборонительной стены, раскрытого на главной улице квартала, равно как у северного входа в город.

По утверждению Н. И. Репникова, застроенную часть плато от незастроенной отделяла поперечная стена. В 2022 г. в раскопах на участке предполагаемой поперечной стены найдены руины двух хозяйственных помещений. Скорее всего, Н. И. Репников за поперечную стену в этой части плато принял земляной вал, образовавшийся над разрушенными стенами нескольких усадеб [Хайрединова 2022а, с. 523]. На якобы незаселенном участке раскрыт новый храм и прослежены остатки застройки [Хайрединова 2023, с. 27–30]. В процессе раскопок 2022–2024 гг. в 40 м к югу от северной калитки полностью раскопан «Северный» храм (рис. 41). Прямоугольное в плане здание длиной 17,8 м, шириной 6,0–6,2 м ориентировано апсидой на восток. Его нижняя часть вырублена в скале, а трехслойные стены возведены на скале, со сложенными из крупных известняковых блоков панцирей. Наос отделялся от нартекса стеной, сложенной из камня. В храме имелось два входа: один устроен в западной стене, второй – в восточной, с вырубленными в скальном цоколе тремя ступенями. Над западным входом располагалась известняковая плита, украшенная врезными крестами в круге. Стены внутри храма были оштукатурены и расписаны – вдоль стен в слое разрушения выявлены обломки штукатурки со следами красной краски. В центре алтарной части *in situ* сохранился каменный престол высотой 0,72 м, сделанный в виде стола на граненом столбе, установленном на вырубленной в скальном монолите подставке (рис. 42). В центре престольной прямоугольной плиты прорезан крест из прямых пересекающихся линий, а ее контур подчеркнут врезной линией. Столб под престольную плиту сделан в виде слегка расширяющейся в верхней части восьмигранной колонны с 4-мя широкими, обращенными к сторонам света гранями. На западной и восточной гранях вырезано по кресту и по одному углублению для размещения реликвий [Хайрединова 2023, с. 27–32]. В слое, исследованном на центральной площади и у «Северного» храма, содержались фрагменты ранневизантийской тарной и строительной керамики [Хайрединова 2022, с. 20;

**Рис. 39. Плато Эски-Кермен. Скальный мыс X.
Общий вид с юго-востока**

Рис. 40. Плато Эски-Кермен. Зерновые ямы, вырубленные в толще скалы у западного обрыва

Смокотина 2022, с. 109–112]. У стены 1 усадьбы, раскрытой на поперечной улице, обнаружен фрагмент нижней части ножки бронзовой пальчатой фибулы с концентрическими ромбами конца VI – первой половины VII в. [Хайрединова 2022, с. 20, рис. 85, 15]. В слое, накопившемся у внешнего панциря восточной оборонительной стены, нашли бронзовую воинскую широкопластинчатую подвязную фибулу серии 16-4/III второй половины VI – первой половины VII в. с изображением знака почетного консула (ил. 36, 1) [Айбабин, Хайрединова 2017, с. 161, рис. 140, 1–2]. В культурном слое, накопившемся у внутренней стороны восточной оборонительной стены, найдена бронзовая накладная бляшка, отлитая в форме фигурки человека с согнутыми в коленях ногами и руками на коленях, подобная бляшкам из Мартыновского клада первой половины VII в. (ил. 36, 5) [Айбабин, Хайрединова 2017, с. 161–162, рис. 140, 5].

Оборонительные стены, общественные и жилые здания строились из известняковых прямоугольных блоков и камней, вырубленных в каменоломнях, созданных на плато. Одну из

**Рис. 41. Плато Эски-Кермен. Северный храм.
Общий вид сверху**

них расчистили на нижнем марше дороги к городским воротам. В ней вырубали большие блоки для оборонительных стен. Показательно, что размеры вырубавшихся блоков базируются на византийской системе мер длины (рис. 43) [Хайрединова 2016, с. 193–196].

На юго-восточном склоне плато был выявлен принадлежавший обитателям города могильник, на территории которого защищены многочисленные захоронения, совершенные в первый период жизнедеятельности на городище. Склепы являлись коллективными семейными усыпальницами, в них захоронено по 2–3 взрослых человека, либо 4–5 взрослых с детьми. В подбойных могилах, как правило, находилось по одному погребенному. В мужских погребениях встречены детали воинских геральдических поясных наборов третьей четверти VI – VII в. и воинские фибулы. Очевидно, в гарнизоне служили также офицеры и солдаты византийской армии. В захоронениях женщин выявлены типичные для восточногерманского женского костюма орлино-головые пряжки и фибулы. В подбойной могиле 315 на лопатках скелета женщины лежали две двухпластинчатые фибулы варианта IIв-3 (ил. 37) [Айбабин, Хайрединова 2017, с. 168, рис. 163, 1, 2, 4] второй половины VI – первой половины VII в. В склепах и могилах обнаружены не только погребения мужчин и женщин, но и многочисленные захоронения детей. Воины жили на плато вместе с семьями. Материалы, полученные в раскопанных на территории крепостного некрополя погребальных сооружениях VII в., убедительно свидетельствуют о том, что византийские военные инженеры построили город для алан и готов.

Византийские инженеры спроектировали и возвели на плато Эски-Кермен не крепость с маленьким гарнизоном, а город. Очевидно, так же как и другие подобные города, его соорудили в короткий срок. Согласно А. Гийу, город Анастасиополис с крепостными стенами и храмом в начале VI в. воздвигли за два или три года [Гийу 2005, с. 271–272]. Городская фортификация типична для горных регионов империи [Bouras 1981, р. 638, 639; Ousterhout 1997, р. 193; Гийу 2005, с. 271–273; Динчев 2006, обр. 7, 11–23, 25–34, 36, 40, 79, 81, 93–95]. Для позднеримских и византийских крепостей VI–VII вв. типична конструкция стен с облицованными с двух сторон хорошо обтесанными крупными прямоугольными блоками и забутовкой между ними [Lawrence

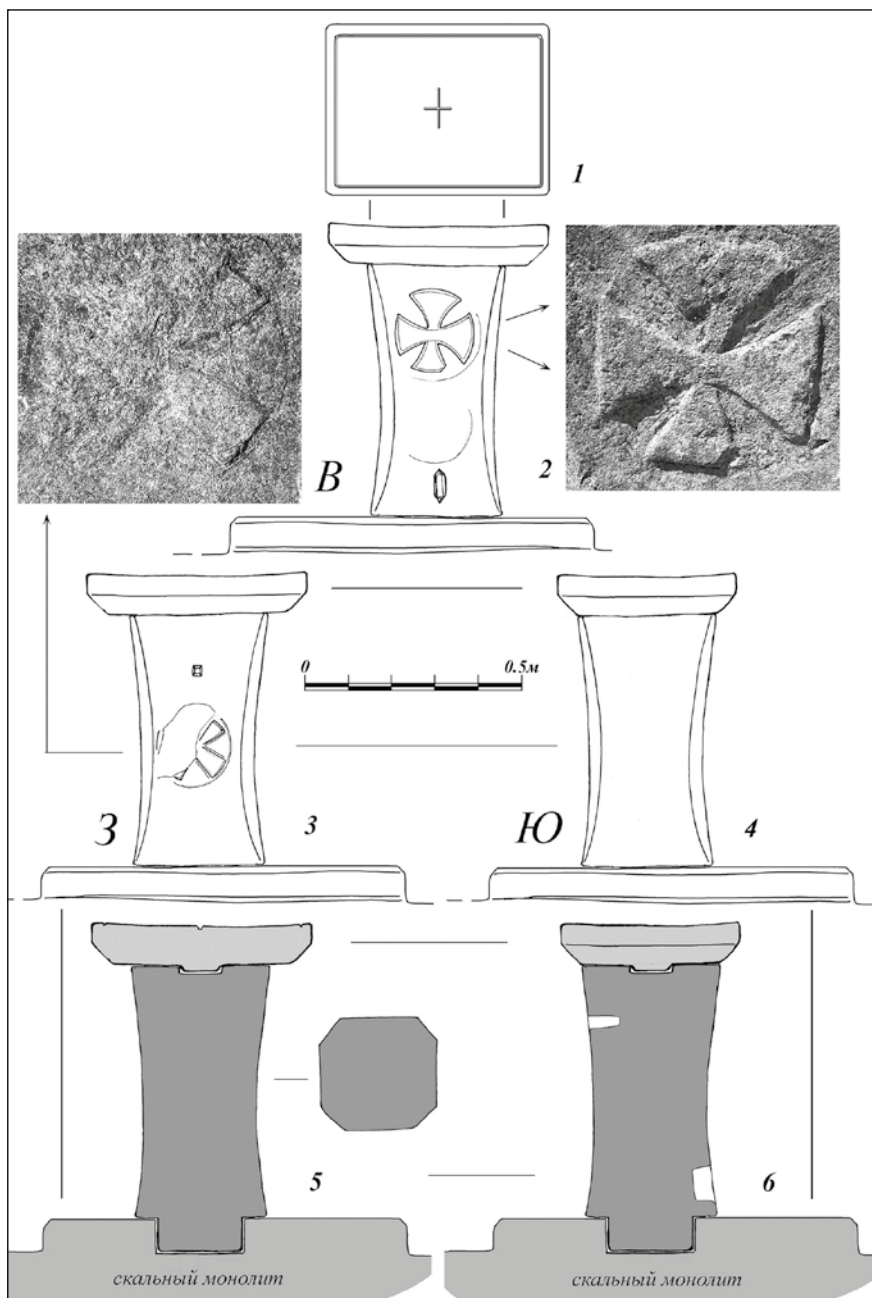
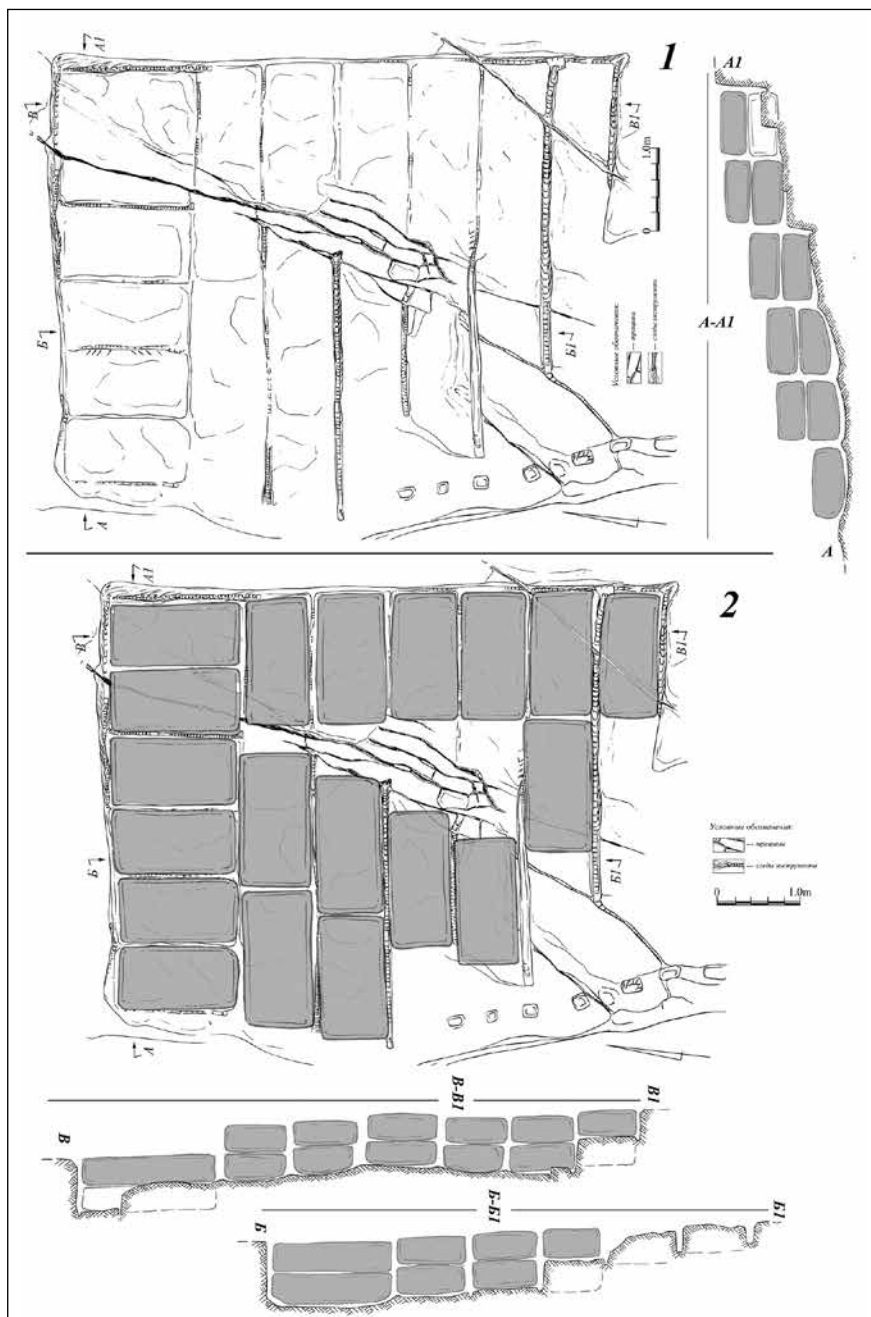

Рис. 42. Плато Эски-Кермен. Престол северного храма
 [по: Хайрединова 2023, рис. 6]

**Рис. 43. Плато Эски-Кермен.
Каменоломня у нижнего марша подъемной дороги**

1983, p. 185–209; Foss, Winfield 1986, p. 25–27, 240, fig. 92]. Дата возведения города и его оборонительных стен определяется по комплексу керамики конца VI в. из нижнего слоя нивелировочной подсыпки у восточной оборонительной стены [Айбабин 2007, с. 132–138; Айбабин, Хайрединова 2017, с. 163].

На плато **Чуфут-Кале** (ил. 38) жизнедеятельность продолжалась и в Новейшее время. Вероятно, все раннесредневековые постройки, в том числе оборонительные, уничтожили в процессе поздних перестроек. Самое узкое место на плато перегораживает «Срединая» стена, большая часть которой восстановлена в XVIII в. (ил. 39). На ее южном фланге сохранился нижний ярус лицевой кладки из одного–трех рядов известняковых блоков размером 1,0×0,7 м. А. Л. Якобсон считал эту кладку типичной для стен византийских крепостей, возведенных в Крыму Юстинианом I [Якобсон 1974, с. 111–113].

У сооруженных в поздний период Южных ворот выявлены постели от снесенной более ранней стены [Герцен, Могаричев 1992, с. 188]. На северо-западный край плато можно подняться по двум расселинам (ил. 38). Они перекрыты стенами, возведенными на крутом склоне ниже кромки плато. У стен скапливается культурный слой, смыываемый с плато. В нижней надскальной части слоя, образовавшейся сразу же после возникновения стен, обнаружены мелкие обломки керамики [Герцен, Могаричев 1992, с. 185–186].

А. Г. Герцен и Ю. М. Могаричев опубликовали невыразительные рисунки керамики из шурфов, раскопанных в разные годы в не застроенной части плато и на склоне. Фрагменты керамики описаны весьма обще: «ранневизантийская керамика VI–VII вв.» или «характерные для раннего средневековья VI–X вв.» [Герцен, Могаричев 2016, с. 76–89, рис. 48, 68]. По кладке облицовки «Срединой» стены и мелким неопределенным фрагментам керамики из шурфов невозможно установить время строительства укреплений на плато.

Жившие на плато аланы и готы хоронили на расположенном ниже по склону могильнике. Зачищенные на его территории захоронения позволяют судить о дате возникновения на плато укрепленного поселения или крепости. Самый ранний склеп с золотым субэратным подражанием монеты с изображением Юстиниана I 527–565 гг. [Кропоткин 1958, с. 210] перекрывала

подбойная могила с большой пряжкой с прямоугольным щитком III варианта и двухпластинчатыми фибулами варианта IIв-3 первой половины VII в. Вероятно, поселение на плато и принадлежавший его жителям некрополь на склоне возникли не ранее последней четверти VI в. Быть может, тогда же соорудили его первые оборонительные стены [Айбабин 1999, с. 111, 114; Ajbabin 2011, S. 98, 100–102].

4.4. Боспор под властью Восточной Римской империи в VI в.

Опубликованная В. В. Латышевым в 1888 г. строительная надпись из Керчи [Latyšev 1891, p. 23] подтверждает сохранение правления в Боспорском царстве династии Тибериев-Юлиев до конца V в. [Айбабин 1999, с. 78; 2016, с. 191; Ajbabin 2011, S. 70]. Ю. Г. Виноградов уточнил прочтение надписи и убедительно датировал ее 483 г.:

«Ἀγαθῇ τύχη.
+ Ἐπὶ Τιβερίου Ἰουλίου Δουπτουνο[u]
βασιλ(έως) εὐσεβοῦς, φιλοκέσαρος καὶ
φιλωρωμέου, ἀγέστη ὁ πύργος οὗ-
5 [το]ς καὶ ἐπὶ ἐπάρχου Εἰσγυδίου
[καὶ ἐ]πὶ τοῦ κόμ(ητος) Σπαδίνου τοῦ ἐ-
[πὶ τῆς] πινακίδος καὶ ἐπὶ τοῦ πρῶ-
[του ἐπὶ κόμ]ητας (?) Σαυαγού καὶ ἐπὶ τοῦ
[ἐπιμελετο]ῦ τοῦ ἐπὶ τοῦ ἔργου
10 [τοῦ δεῖνος, μηνός] Горπιαίου κ'· Οἰκ
[τοβρίου. ἴνδ(ικτιῶνος) ς', ὡς δὲ Βόσπ](ορος) ἄγι, ἔτ(ους) θο[ψ']».

В добрый час. При царе Тиберии Юлии Дуптуне благочестивом, друге цезаря и друге римлян, восстала башня сия при епархе Исгудии и комите Спадине, личном секретаре владыки, при первом среди комитов Саваге, и распорядителе работ ... месяца Горпиея 20, Октября, 6 индикта, а как ведет счет Боспор, в году 779 (483 г. н.э.)» [Виноградов 1998, с. 234–238]. Титул «φιλόκεσαρ καὶ φιλωρωμέος – друг цезаря и друг римлян» указывает на союзные отношениях с Восточной Римской империей. Судя по римскому *nomina* «Τιβέριος Ιούλιος», βασιλεύς Δουπτουνος возводил себя к правившей на Боспоре с I в. н.э. династии Тибериев-Юли-

ев. Изображения крестов и помещенный в начале титула эпитет «εὐσεβής – благочестивый» подчёркивают христианство царя Дуптуна [Latyšev 1891, p. 23, 24]. Вероятно, Дуптун укреплял оборону города, опасаясь гуннов, обитавших в соседних степях.

Византийские историки сообщают противоречивые сведения о взаимоотношениях Боспорского царства с Юстином I (правил в 518–527 гг.). Прокопий Кесарийский в первой книге «De Bello Persico» (завершена в 550-е годы) [Cameron 1985, p. 10, 11] рассказал о поездке в 522 г. посла Юстина I патриция Пробоса (Πρόβος) в **город Боспор** с большой суммой денег для заключения с обитавшими между Херсоном и Боспором гуннами симмахии (союза) и направления их в Иберию для войны с персами. Его миссия закончилась неудачей [Procopius 1914, De bello Persico, Vol. I, I, XII, 6–12]. Хроника же псевдо-Захарии Ритора (завершена в 569 г.) информирует о направлении императором Юстином I посольства Пробоса к гуннам, кочевавшим **на Северном Кавказе**, «для того, чтобы купить из них воинов» [Пигулевская 2011, с. 307, 308, 382, 596].

Прокопий в De bello Persico и в De Bello Gotico излагает несколько версий присоединения Боспора к империи. В первой книге «Войны с персами» упомянуты жившие издавна независимо боспорцы, которые отдали себя под власть василевса Юстина I [Procopius 1914, De bello Persico, Vol. I, I, XII, 8], а во второй книге этого сочинения идет речь о захвате Юстинианом I подвластного гуннам Боспора [Procopius 1914, De bello Persico, Vol. I, II, III, 40]. Тогда как в книге «Война с готами» в рассказе о правлении Юстиниана I говорится о не так давно подчинившемся римлянам городе Боспоре [Procopius 1962, De Bello Gotico, Vol. V, VIII, V, 26]. Еще одна версия изложена в книге «О постройках», в описании деяний Юстиниана I: «с давних времен этот город стал варварским и находился под властью гуннов; император вернул его под власть римлян» [Procopius 1940, De Aedificiis, Vol. VII, III, VII, 12]. Как мы видим, в цитированных сочинениях Прокопия Боспор назван как независимым от гуннов, так и городом, принадлежавшим гуннам, которых он локализовал в степях между Херсоном и Боспором, у Понта и у Меотиды. В обоих сочинениях, в «Книгах о войнах» и «О постройках», речь шла только о городе. Остальная же территория Восточного Крыма и степи по-прежнему контролиро-

валась гуннскими племенами, названными Иорданом альциагирами [Iordanis 1882, Getica, V, 37].

В сочинениях Прокопия отсутствует дата присоединения Юстинианом I Боспора к империи. Современники Прокопия Иоанн Малала (ок. 491–578 гг.) и Иоанн Эфесский (507–586 гг.) описывали прибытие в Константинополь правителя живших близ Боспора гуннов Горда, его крещение и возвращение на Боспор [Joannis Malalae 1831, Fr. 432, 250, 251; Кулаковский 1891, с. 26–27; Пигулевская 2011, с. 310–311]. Рассказ Иоанна Малалы об этом событии повторен в более поздних хрониках Иоанна Никиусского [The Chronicle of John Bishop of Nikiu 1916, p. 141, 66] и Феофана [The Chronicle of Theophanes 1997, p. 267], а также в Сагах Ландульфа [Landulfus Sagax 1879, p. 369] и «Историческом синопсисе» Георгия Кедрина [Georgius Cedrenus 1838, T. I, p. 644–665]. Вторая часть «Истории» Иоанна Эфесского включена в сочинение псевдо-Дионисия Телльмахрского и Михаила Сирийца [Пигулевская 2011, с. 216, 310–311]. Согласно Малале, Горд прибыл в Константинополь в первый год правления Юстиниана I, а по Иоанну Эфесскому – в 534 г. По словам Малалы, сам василевс стал восприемником Горда и, богато одарив, отпустил его домой с тем, чтобы он охранял области римлян и Боспор. Император разместил в городе арифм стратиотов, которые были италийцами, называемыми испанцами, под командой трибуна. В городе Боспор шел обмен между римлянами и гуннами. По утверждению Феофана, трибуну поручили собирать ежегодный налог. Вернувшись на родину, Горд переплавил гуннских идолов, сделанных из серебра и электрона, и обменял их на милиарисии в Боспоре. По наущению возмущенных жрецов гунны убили Горда. К власти пришел его брат Муагерий. Гунны захватили Боспор и уничтожили византийский гарнизон [The Chronicle of Theophanes 1997, p. 267; Joannis Malalae 1831, Fr. 431–433, 250, 251]. Согласно Прокопию, соседние варвары (возможно, гунны Муагерия), видимо, тогда же разрушили византийские города на Таманском полуострове Кепы и Фанагорию [Procopius 1962, De Bello Gotico, Vol. V, VIII, V,27,28].

Слой, насыщенный многочисленными фрагментами керамики конца V – первой половины VI в., прослежен в упомянутых выше раскопах в Кооперативном переулке [Айбабин 1999, рис. 54, 2, с. 135, 137]. Синхронный гуннскому восстанию слой разру-

шения зафиксирован в рыбацком квартале в Босфорском переулке (ил. 6, 2). Были разгромлены постройки раннего периода в усадьбах рыбаков № 3 и № 4, а также засыпаны ванны 5 и 10 [Айбабин и др. 2023, с. 8–9].

Для определения этникона гуннов Горда и Муагерия важны свидетельства письменных источников. Равенский аноним конца VII в., ссылаясь на Либания (314–393 гг.), местность близ Меотидского болота назвал родиной оногуров (*patria Onogoria*) [Ravennatis anonimi 1860, IV, 2]. По Приску, племена оногуров обитали у восточных пределов Римской империи. Спасаясь от сабиров, они бежали на земли авар [Blockley 1992, p. 73]. Согласно Иордану, «Альтциагиры, которые летом кочуют по степям, на обширных пространствах в зависимости от [того, куда] повлечет [их] корм для скота; зимой, возвращаясь к Понтийскому морю, [живут] возле Херсоны, куда алчный купец возит добро из Азии» [Iordanis 1882, *Getica*, p. 63, V,37; Иордан 1960, с. 109]. По рассказу Прокопия, в том же регионе жили гунские племена утигуров и кутригуров. Первые занимали земли к востоку от Меотиды (Азовского моря), а вторые – к западу [Vasiliev 1936, p. 58–59]. Из текста Иордана следует, что альтциагиры выпасали скот к западу от Меотиды в припонтийской степи, принадлежавшей, по Прокопию, кутригурам. Вероятно, оба автора по-разному называли одних и тех же кочевников. Скорее всего, гуннами Горда были альтциагиры-кутригуры.

Император, не желая отказаться от контроля над проливом Боспор, через который проходил путь из Византии в Меотиду, в Прикаспийские степи, в Западный Тюркский каганат и в Китай, послал на Боспор морем эскадру с отрядом готов под командой комита устьев Евксинского Понта апоипата Иоанна и одновременно отправил в поход против гуннов по суше от Одиссополя Годилу и стратига Фракии стратилата Бадурия. Гунны, узнав о приближении византийцев, бежали из города, которым овладели войска ромеев. Малала и Феофан отнесли эти события к 527/528 гг. [The Chronicle of Theophanes 1997, p. 267; Joannis Malalae 1831, Fr. 431–433, 250, 251].

Как явствует из цитированных выше слов Прокопия, Юстиниан I «возвратил» город Боспор под управление римской администрации. Он повелел укрепить разрушенные стены города Боспора [Procopius 1940, *De Aedificiis*, Vol. VII, III, VII,10].

Информация об имперской администрации в городе Боспор и в других портовых городах на берегах Боспорского пролива содержится в строительных надписях на плитах, найденных в крепости, построенной А. В. Суворовым. В соответствии с данным В. В. Латышевым со слов П. И. Сумарокова описанием условий находки надписи, камень лежал в траве на земле [Латышев 1894, с. 671, 672; 1896, № 99, с. 108–109]. Его могли привезти для использования при постройке Суворовской крепости как из близлежащей Гермонассы, так и из города Боспор.

В строительной надписи, найденной в 1893 г., идет речь о городской администрации, назначенной Юстинианом I:

«[---]σηφων
 [---]η τὸ μερικὸν
 [---]ς Ἰουστινια [νοῦ τοῦ αἰ]ωνίου Αὐγ[οῦς]του
 [καὶ αὐτοκρά]τορος σπουδῆ
 [--- τ]οῦ λαμπροτά
 [του κόμητο?]ς ταύτης τῆς πό
 [λεως, πράττ]οντος Ἀνγουλᾶ
 [τοῦ ἐνδοξοτ]άτου τριβού
 [νου καὶ ἐργο?]λάβου, μηνὶ
 [..., ἰνδι]κτι(ῶ)νι ἐνδεκάτη.

...отчасти [в царствование] Юстиниана, вечного августа [и само]держца, стараниями..., светлейшего [комита(?)] этого города, [при содействии] Ангулата, [светлейшего] трибуна и подрядчика, в месяце [мае], в 11-й индикт». В. В. Латышев отнес надпись к 533 году [Латышев 1894, с. 660; 1896, № 98, с. 102–103]. В тексте надписи он прочитал имя и часть титула императора Юстиниана, а в 9–11 строках – «...πράττ]οντος Ἀνγουλᾶ [τοῦ ἐνδοξοτ]άτου τριβού[νου καὶ ἐργο?]λάβου», в 8 и 9 строках восстановил титул представителя императорской власти «светлейшего комита этого города – λαμπροτά κόμητο?]ς ταύτης τῆς πό[λεως, ...]». Хотя В. В. Латышев был не уверен в уместности лексемы «комит», он не согласился и с заменой κόμητος на слишком длинное восстановление πρωτεύοντος [Латышев 1896, с. 100]. Согласно Д. Фисселю, трибун этого города, возможно, военный, был мастером-строителем и имел «довольно простой титул clarissimus – [λαμπροτ]άτου» [Feissel 1987, p. 219–220]. Титул λαμπρότατος (греческий вариант титула clarissimus –

клариссим) при Юстиниане I давали не только сенаторам, но и вновь назначенным провинциальным чиновникам. В конце VI в. титул λαμπρότατος (светлейший или сиятельный) присваивали архонтам, отцам города и другим чиновникам [Гийан 1964, с. 42–48]. В новеллах и надписях титул чиновника помещали до наименования должности. Д. Фиссель, отметив, что в византийской городской администрации отсутствовала должность комита города, предложил иное восстановление «...[του πατρός (genitive singular от πατήρ) ταύτης τῆς πόλεως,...] – отца этого города». Д. Фиссель пришел к выводу о происхождении трибуна Ангуласа из Исаврии [Feissel 1987, p. 220]. В Византии πατήρ τῆς πόλεως (лат. pater civitatis) с IV в. возглавлял городскую администрацию [Feissel 2004, p. 105], отвечал за сбор налогов [Jones 1992, p. 286, 521, 726, 730, 731, 755]. А. Х. М. Джонс отмечал, что после завоевания Северной Италии в Ломбардии местным гарнизоном командовал трибун или комес города, который фактически управлял городом, то есть исполнял обязанности pater (curator) civitatis [Jones 1992, p. 760].

А. Ю. Виноградов предложил второе новое восстановление σῆψω[ν... Он увидел вместо омеги ро и, вероятно, омикрон. Такое сочетание он истолковал как начало слова φόρον – «форум», а предшествующее ему σῆ, вероятней всего, как окончание слова [Ἐρμωνάσ]σῆ, т.е. названия города Гермонассы. Д. Фиссель счел восстановление [ἐν Ἐρμωνάσ]σῆ φῶρο[v?] слишком смелым [Feissel 2016, № 589]. На камне отчетливо видна только ω и предлагаемая А. Ю. Виноградовым ее замена на “ρ” и “ο” не аргументирована. Топоним Ἐρμώνασσα упомянут только в «Periplus Ponti Euxini», скомпилированном в середине VI в. из периплов римского времени [Diller 1952, p. 2, 130], но отсутствует в сочинениях Прокопия и других авторов, описывавших события, происходившие в регионе в VI–VII вв. Вероятнее всего, в надписи сообщается о назначенных по повелению Юстиниана I в город Боспор отце города и командире гарнизона трибуне исаврийце Ангулас, руководившем строительством, возможно, описанным Прокопием восстановлением стен [Айбабин 2017а, с. 142].

Значительные строительные работы велись и в малых боспорских городах. В юго-восточной части Тиритаки на месте разрушенного рыбозасолочного комплекса построили базили-

ку с колоннами из проконесского мрамора с импостной ионической и коринфской капителями [Гайдукевич 1952, с. 67–72, рис. 79–81]. Тогда же на азиатском берегу боспорского (Керченского) пролива византийцы возвели новую крепость. В 1960–1980-е гг. ее раскопали близ поселка Ильич у основания косы Чушка [Николаева 1981, с. 88–92; 1991, с. 50].

При Юстиниане I городской гарнизон сформировали из упомянутого Малалой и Феофаном армейского отряда готов, изгнавшего гуннов из Боспора [The Chronicle of Theophanes 1997, p. 267; Joannis Malalae 1831, Fr. 431–433, 250, 251]. Военные поселились в городе Боспоре с семьями. Скорее всего, тогда и распространился в городе традиционный женский костюм, состоявший из большой пряжки на широком поясе и пары пальчатых фибул на плечах (ил. 40). На щитках двух пряжек изображены христианские кресты [Хайрединова 2013, с. 300]. Такой же гарнитур носили остроготские женщины на Среднем Дунае в V в., а после образования в 488 г. остроготского королевства – на территории Италии и Далмации до прихода лангобардов в 568 г. [Bierbrauer 1975, S. 13, 25–39, 71–80, 89–91; 1994, S. 134–152, fig. 31; Vinski 1978, S. 34, 36–39, Tav. VIII, XII]. Во второй трети VI в. городские мастера стали копировать дунайские пальчатые фибулы с концентрическими ромбами на ножке, а с середины VI в. – пальчатые фибулы типов Керчь и Удине-Планис и серийно изготавливать боспорские орлиноголовые пряжки (ил. 40) [Ajbabın 2011, S. 90, Abb. 36; 37, 61]. Правда, пряжки теперь делали не из серебра, а из медных сплавов. Гнезда со вставками имитировали цилиндрическими выступами. В Керченском музее хранится каменная модель для отливки пальчатых фибул с декором из завитков на головке и мелких ромбов с углублениями в центре на ножке (рис. 44). Такие фибулы есть в составе нескольких зарубежных коллекций. Полагают, что их нашли в Керчи [Werner 1961, S. 31, Taf. 30, 119]. Однотипные фибулы из Италии и Подунавья датируют VI–VII вв. [Kühn 1981, Taf. 263, 66, 1; 268, 12, 15, 16, 23, 24, 27, 31–3; Bierbrauer 1991, p. 130, 133, fig. 13, 3, 6]. Городские мастера отливали византийские пряжки и украшения, которые боспорцы носили наряду с германскими.

На территории Италии и Далмации остроготы-христиане [Riemer 2000, Abb. 4, 9–12, 16, 23, 24, 28–31, 33, 34, Taf. 1, 1; 46, 1–3;

53; 55; 57; 59, 6; 69; 74; 112; 113,3; Ivanišević et al. 2006, pl. 1, 6, fig. 1; 4; 5, 6, 23; 6, 131; 31, 6], так же как и визиготы-христиане в Швейцарии, Бургундии и Испании, хоронили в могилах, выложенных и накрытых плитами из необработанного сланца или выпиленными из известняка [Marti 1990, Abb. 7–11, Taf. 20–28, 3, 4; 29, 5; 30; 32; Cavada 1994, p. 224, 228, Tab. III, 132, 138; Ripoll 1991, fig. 12]. В империи однотипные могилы традиционны для христианских храмовых некрополей V–VII вв. [Travlos, Frantz 1965, pl. 42, c, d; 49, № 11; 53, a; Williams II et al. 1974, pl. 1c, 2; Martini, Steckner 1993, S. 119–142; Poulou-Papadimitriou 2012, p. 379–381; Popović 2012, p. 119–127, 130, 132, fig. 2, 3, 6–8, 11, 13, 19; Вагалински 2022, фиг. 482–483, 486].

Рис. 44. Каменная литейная форма для изготовления пальчатой фибулы, найденная в Керчи

В таких же могилах около середины VI в. начали хоронить расквартированные в городе Боспоре готы из Подунавья. Принадлежавшие им плитовые могилы зачищены на склонах горы Митридат на некрополе на Эспланадной улице. В плитовой могиле 1/1905 на скелете женщины на шейных позвонках нашли пятнадцать золотых треугольных подвесок, бусины из янтаря и сердолика, а на тазовых костях – остроготскую орлиноголовую пряжку второй половины VI в. (ил. 40, 3,4) [Айбабин 1999, с. 100, рис. 37, 1, 2]. В другой плитовой могиле, зачищенной в 1977 г. на 1-ой Митридатской улице, на скелете женщины на височных костях лежали по золотой серьге с витым кольцом и инкрустированным гранатами многогранником (ил. 40, 1) [Айбабин 1999, с. 100, 104, рис. 38, 2; Bierbrauer 1975, Tav. LXXVIII,

6, 7, S. 112, Anm. 77], на верхних ребрах – две серебряные боспорские фибулы типа Удине-Планис 2 варианта второй половины VI – первой половины VII в. [Айбабин, Хайрединова 2008, с. 55] и низка бус, на локтевых костях – серебряные браслеты, в области таза – серебряная боспорская орлиноголовая пряжка [Айбабин 1999, с. 100, 104].

Новую моду восприняли и боспорские женщины. Остроготские фибулы типа Керчь и Удине-Планис обнаружены и в типичных для городского некрополя могилах [Айбабин 1990, с. 69, рис. 16, 1; Засецкая 1998, с. 438, 439, 446, 448, табл. I, 1–4; III, 35, 36; IV, 56; V, 69, 70]. В грунтовой могиле 19/1904 в южном подбое у черепа мужского скелета стояла краснолаковая миска типа LR-C формы 3-F с костью барана на дне, а в северном подбое на женском скелете найдены: на височных костях – по бронзовой серьге с многогранником, на костях рук – по серебряному браслету, на левой плечевой кости и тазовых костях – по серебряной позолоченной фибуле типа Керчь, у правой кисти – краснолаковая миска типа LR-C формы 3-F со штампованным крестом. Однотипные миски на Хиосе и в Киликии содержались в слоях VI в. и в Стамбуле в квартале Сарачаны в слое конца VI в. В данной могиле в одном из подбоев выявлена присущая для алан деталь обряда – остатки пищи, тогда как в другом подбое – украшения и детали остроготского женского костюма. Скорее всего, в могиле похоронены члены двуэтничной алано-остроготской семьи.

В 1891 г. Ю. А. Кулаковский на Госпитальной улице доследовал два уже ограбленных склепа с лежанками, которые он называл катакомбами. По его словам, грабители через вход проникли в склеп, из которого прокопали лаз в соседний и сложили немногочисленные, разрозненные и сильно истлевшие кости нескольких скелетов, железные вещи из двух склепов у входа. Из этой кучи извлекли и медную, затертую византийскую монету с отверстием для подвешивания императора Льва (457–473 гг.), обломки из бронзы и стекла, две золотые детали поясного набора [Айбабин 1990, рис. 52, 23, 24], кусочки златотканой материи, два железных кинжала, около двух десятков железных наконечников стрел, два железных меча (один из них с остатками кожи от деревянных ножен), бронзовые круглое зеркало и круглая на трех ножках подставка под лампу, два железных шлема (один в

обломках, другой цельный с прикипевшей к нему и загнувшейся внутрь железной бармицей), железный наконечник копья, большое количество панцирных пластин, наплечников и других деталей доспеха [ОАК 1893, с. 59–61; Амброз 1994/1995, с. 55, 56, рис. 11, 20, 21, 29, 30; Кубарев, Журавлев 2012, с. 135–141, рис. 1–5; Казанский 2019, с. 205]. Шлемы аналогичны найденным в византийских крепостях на Балканах, разрушенных в первое десятилетие VI в. [Bavant 1990, p. 247–257, pl. XLI, 267; Bugarski 2005, p. 161, 178, 179] и у села Ильичевка на азиатской стороне Боспора (разрушена в 660-е гг.) [Николаева 1986, с. 183–188, рис. 1, 1]. Подобные шлемы использовали в византийской армии с VI в. [Sodini 1993, p. 168–169, fig. 25] или с конца того же столетия [Bugarski 2005, p. 161, 178, 179]. В последней четверти VI – начале VII в. привезли из Византии золотые детали поясных наборов, накладки на уздечные ремни с инкрустацией из красного стекла. Поскольку описанные доспехи нашли в типичных боспорских склепах, можно предположить, что в них были погребены знатные боспорцы, служившие офицерами в византийской армии [Амброз 1994/1995, с. 55, 56, рис. 11, 20, 21, 29, 30; Айбабин 1999, с. 141–142].

Свидетельства возрождения города Боспора выявлены в раскопах в его приморской части. В раскопе у церкви Иоанна Предтечи зачищены остатки базилики (баптистерий и колодец), видимо, построенной при Юстиниане I [Макарова 1991, с. 130–136, 143]. Слой с керамикой VI–VII вв. обнаружен у северо-восточной подошвы горы Митридат в 1990 г. на улице Театральной [Занкин 2001, с. 46; Fedoseev et al. 2012, p. 63–87] и в 1996 г. – на ул. Ленина [Сапрыкин, Куликов 1999, с. 201]. В Кооперативном переулке открыты участок узкой улицы и фрагменты нижних рядов кладок трех прямоугольных домов, возведенных на месте разобранных позднеантичных строений [Айбабин 1999, рис. 54, 3; 55, 1–17, с. 135, 137].

В квартале рыбаков в Босфорском переулке над засыпанными ваннами 1, 2, 3, 6 и 7 возвели стены усадьбы 2, а также восстановили усадьбы 3 и 4. Усадьбы с прямоугольными в плане помещениями с каменными стенами и застекленными окнами, сложенными на высоком фундаменте, и огороженными каменными стенами дворами, зачастую мощенными плоскими камнями и прямоугольным плитами. В усадьбе 4 в хозяй-

ственном помещении 1 устроили мастерскую для изготовления посуды из стекла. В доме усадьбы 3 была зачищена печь 1, сооруженная впритык к внутренней стороне стены (ил. 41, А). Печь состоит из двух прямоугольных в плане частей: из топочной с закругленными углами со стенами из обожженной глины и тремя столбиками для поддержания глиняной плиты (длина 1,4 м, ширина 1 м, высота 1,25 м) и со стенами из хорошо обтесанных плит. Пространство между плитами заложено шестнадцатью каменными якорями для рыболовных сетей и необработанными камнями. Топочная часть была заполнена золой [Айбабин 2019а, рис. 8, с. 8–9]. В изученном в усадьбах слое найдена византийская керамика VI в. [Айбабин 2019а, с. 7–11; Смокотина 2008, с. 103–123; 2014, с. 72–78], в том числе фрагменты краснолаковых сосудов со штампованными крестами [Смокотина 2009, с. 132–156].

Рядом построили усадьбы 1 и 5 с сооруженными во дворе небольшими прямоугольными отштукатуренными темно-розовой цемянкой рыбозасолочными ваннами (верхние размеры – 1,0×0,7 м, размеры по дну – 0,9×0,6 м, глубина – 0,55 м) (ил. 41, Б). В рыбозасолочном комплексе были вновь расчищены ванны 5 и 10. Последнюю поперечными перегородками, возведенными из больших прямоугольных плит, разделили на четыре малые прямоугольные ванны. Следует отметить, что усадьбы восстанавливали на одном и том же участке. Скорее всего, жители квартала обслуживали рыбозасолочный комплекс весь период его функционирования и вылавливали рыбу для переработки. Видимо, в византийском городе изменилась экономика переработки рыбы. Большой рыбозасолочный комплекс, возможно, принадлежавший государству или богатому боспорцу, перестали использовать, а жители квартала начали солить рыбу в небольших ваннах во дворах усадеб 1 и 5.

В слое, перекрывшем ванну 5, яму 3 и двор усадьбы 4, выявили как минимум пять фрагментов стенок светлоглиняных и красноглиняных амфор типов V по АДСВ-71, класс 2 по ХК-95 [Смокотина 2008, с. 109–110], с дипинто красной краской в форме схематично изображенной меноры (семирожкового светильника) (ил. 42, 1-3). Рядом с раскопом в 1958 году на неисследованном участке рыбацкого квартала на пересечении 1 Босфорского пер. и ул. Свердлова нашли красноглиняную амфору с дипинто красной краской в фор-

ме меноры [Зинько, Пономарев 2016, с. 116, рис. 7, 2], аналогичную обнаруженным в слое разрушения в византийской Фанагории [Голофаст 2021, с. 56, рис. 1] и в Тиритаке [Зинько 2022, рис. 3]. В верхнем слое во дворе усадьбы 3 обнаружен сделанный в форме красноглиняный с вкраплениями толченого известняка светильник с оттиснутым по сырой глине изображением семирожковой меноры с шофаром (еврейский ритуальный духовой музыкальный инструмент из рога животного) и лулаба (листа финиковой пальмы) (ил. 42, 4) [Айбабин 2019а, с. 8, рис. 7]. По форме и глине он отличается от керамических светильников V–VI вв. с менорой, найденных в иудейских храмах. Судя по керамике с изображением менор, в квартале жили члены иудейской общины, поселившиеся здесь в середине I в.

Обнаруженные в принадлежащих Восточной Римской империи Боспоре, Тиритаке и Фанагории, а также в городах Средиземноморья разнотипные ранневизантийские маркированные менорами амфоры, очевидно, использовали в иудейских общинах специально для транспортировки кошерных продуктов [Arthur 1989, p. 138, 139; Cesteros et al. 2016, p. 218, 222; Голофаст 2021, с. 55].

На изготовленных в Восточном Средиземноморье амфорах из Калабрии и Равенны нанесены дипинто на иврите. В этих амфорах перевозили не только кошерное вино, но и гарум или какой-то рассол. С. Краусс собрал и прокомментировал талмудические свидетельства употребления рассола (гр. ἄλμη), оксигарума (гр. ὀξύγαρον), соуса из уксуса и других подобных продуктов, которые потреблялись еврейскими общинами в римский и позднеантичный периоды. В дипинто упоминаются некоторые из этих продуктов. В текстах Талмуда подчеркивается важность качественного консервирования рыбы и необходимость консервирования в кошерной соли или в соленой воде, если ее не собираются употреблять в свежем виде. Требованиям кошерности соответствовала скумбрия и, вероятно, она была основным ингредиентом разновидностей гарума [Krauss 1910, S. 110–112; Cesteros et al. 2016, p. 218–227].

Быть может, кошерный гарум изготавливали в построенных в правление Юстиниана I в рыбацком квартале Боспора усадьбах 1 и 5 с небольшими прямоугольными рыбозасолочными ваннами во дворе.

В выявленных в городе Боспор слоях VI в. найдены разнотипные амфоры (ил. 43), краснолаковые и стеклянные сосуды, привезенные из многих центров Восточной Римской империи, свидетельствующие об активной торговле с Причерноморскими и Средиземноморскими городами [Айбабин 1999, с. 105; 2017, ил. 3–6; Смокотина 2008, с. 103–123; 2009, с. 132–156; 2014, с. 72–78; 2018, с. 272–277, рис. 6–10; 2019, с. 160–166; Fedoseev et al. 2012, p. 66–87].

В первый год соправительства в апреле 575 г. Тиверий II написал уже упоминавшийся эдикт о налоге плойма (τὰ πλώϊμα) [Corpus juris civilis 1895, Vol. III, Nov. CLXIII, p. 751]. Э. Арвейлер оправданно считала эдикт императора Тиверия 575 г. доказательством постоянного базирования в гавани Боспора византийских военных кораблей [Ahrweiler 1966, p. 12, 13].

По приведённому выше рассказу Менандра, в 576 г тюрки напали на город Боспор [Blockley 1985, Fr. 19,1–20,1, p. 171–179; Гумилев 1993, с. 48–50; Кляшторный 2005, с. 95–95]. Тюрки и их союзники сожгли и разрушили городские кварталы на холме Митридат и в приморской части. В раскопах в Кооперативном переулке зафиксирован слой пожара, содержащий фрагменты амфор и краснолаковой керамики, позволяющие синхронизировать его с нападением тюрков в 576 г. [Айбабин 1999, с. 137, рис. 54, 14а; Ajbabin 2011, S. 123–124, Abb. 54, A]. В квартале рыбаков во дворах усадеб зачищены засыпанные одновременно хозяйственные ямы [Смокотина 2008, с. 123]. В заполнении ямы 20 найден комплекс амфор и краснолаковых сосудов, в том числе амфоры LR-1 с дипинти красной краской (ил. 43). Из засыпи ямы 21, помимо фрагментов однотипных амфор, извлекли фрагменты фокейской краснолаковой миски и фрагменты сирийского сосуда VI в. из оливкового стекла (ил. 44). Аналогичный сосуд из Керчи хранится в Эрмитаже [Kunina 1997, Ill. 106, cat. 177]. Слои пожаров, связанных с тем же набегом тюрков, обнаружены и в малых городах и поселениях Европейского Боспора, население которых значительно уменьшилось. Большая часть их жителей, наверное, погибла или была уведена тюрками. В Тиритаке и Илурате многие усадьбы остались в руинах [Гайдукевич 1952, с. 119–125, рис. 149, 1; 150–151; 157; Зинько, Зинько 2008, с. 93].

В 581 г. напавшие на Крым тюрки вернулись в Азию. В рассмотренной выше надписи из Тамани сказано о том, что в 590 г.

дука Херсона руководил восстановлением города Боспора, включенного в состав пограничного Херсонского дуката [Айбабин 1999, с. 141; Айбабин и др. 2023, с. 19, 25, 26]. Вероятно, империя вернула в городской порт военные корабли и восстановила контроль в Боспорском проливе и портах на его берегах [Айбабин 2023а, с. 26].

В конце VI – начале VII в. в Боспоре так и не восстановили все кварталы. На участке, раскопанном в Кооперативном переулке, из трех сгоревших усадеб заново отстроили одну [Айбабин 1999, рис. 54, 3; 2013, с. 284–285]. Жители еврейской общины по неизвестной причине не вернулись в рыбацкий квартал. Его руины сравняли, а ванны засыпали [Айбабин и др. 2023, с. 26]. Дука Херсона, вероятно, содействовал возобновлению разрушенных тюрками общественных (кесарских) зданий и оборонительных сооружений в приморской части города. В районе церкви Иоанна Предтечи боспорцы реконструировали базиликальный комплекс с мраморными полами [Макарова 1991, с. 132].

ГЛАВА 5

ТАВРИКА НА ГРАНИЦЕ ВОСТОЧНОЙ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ И ХАЗАРСКОГО КАГАНАТА

5.1. Боспор под властью Хазарского каганата

Миграция хазар к Понту началась после дезинтеграции разгромленного китайцами в 659 г. Западного тюркского каганата [Golden 2002, IV, p. 50; Кляшторный 2005, с. 98]. Вторжение хазар в Причерноморье Феофан Исповедник отобразил в составленной в 813–814 гг. «Хронографии», а патриарх Никифор – в написанном в 770–780 гг. «Бревиарии». По Феофану и Никифору, Кубрат скончался во времена «Константина, который жил на западе» (Констант II) [Чичуров 1980, с. 37, 61, 153, 154, 162; Nikephoros 1990, 42,6–8, p. 86–89; The Chronicle of Theophanes 1997, p. 498], то есть между 641 и 668 годами [Кулаковский 1996а, с. 247; Jenkins 1966, p. 36]. После кончины правителя Великой Булгарии Кубрата болгары разделились и рассеялись. По словам Феофана «ἐξῆλθε τὸ μέγα ἔθνος τῶν Χαζάρων ... καὶ ἐδέσποσε πάσης τῆς περατικῆς γῆς μέχρι τῆς Ποντικῆς θαλάσσης... – великий народ хазар стал господствовать на всей земле по ту сторону вплоть до Понтийского моря» и подчинил себе племя старшего сына Кубрата Батбаяна [Чичуров 1980, с. 37, 61; The Chronicle of Theophanes 1997, p. 497–498]. По рассказу Никифора, племя хазар безнаказанно совершало набеги: «Τὰ τοιαῦτα πάντα κατέδραμον χωρία τῆς ὑπὲρ Πόντου τὸν Εὐξεινον γῆς καὶ θαλάττης ἐπέρασε – Они подвергли нападениям все селения в землях за Понтом Эвксинским и достигли моря» [Чичуров 1980, с. 153, 154, 162; Nikephoros 1990, 42,6–8, p. 86–89].

Более достоверная информация о дате вторжения хазар в степи между Каспием и Черным морем приведена в «Армянской географии» современника этого события Анания Ширакаци. Известны составленная около 665 г. пространная редакция текста и, вероятно, спустя несколько лет – сокращенная и измененная редакция [Цукерман 2001, с. 325]. В пространной редакции сообщается о бегстве от хазар до 665 г. болгар сына Кубрата Аспаруха, которые с Гиппийских или Булгарских гор перебрались в дельту Дуная [Патканов 1883, с. 28; Newsen 1992, р. 48, 55, 93, 94, 110]. По рассказу Мовсеса Дасхуранци, хазары вторглись на территорию Албании через два года после того, как Константин II на девятнадцатом году своего царствования (659/660 г.) совершил поход в Персию [Мовсес Каганкатвацци 1984, Кн. II, гл. 22–24].

Опираясь на текст Дасхуранци, П. Голден датировал хазарские рейды в Албанию не ранее 661–662 гг. По его утверждению, к 670-м годам хазары полностью разгромили болгар, а тех из них, кто не бежал к Дунаю, включили в возглавляемый хазарами союз племен [Golden 2002, р. 50]. К. Цукерман, основываясь на текстах Ширакаци и Дасхуранци, утверждал, что хазары разбили Аспаруха незадолго до составления в 665 г. длинной версии «Армянской географии» [Цукерман 2001, с. 330–332].

И. С. Чичуров в комментарии труда Никифора локализовал на Восточном побережье Черного моря «селения в землях за Понтом Эвксинским», подвергнувшиеся нападению хазар [Чичуров 1980, с. 153, 154, 162, 178; Nikephoros 1990, 42,6–8, р. 88–89]. Однако, материалы раскопок боспорских городов позволяют говорить о захвате хазарами территории, принадлежавшей до VI в. Боспорскому царству [Айбабин 1999, с. 137, 190; Ajbabin 2011, S. 124, 177].

В городе Боспоре на примыкавшей к церкви Иоанна Предтечи бывшей Рыночной площади (ил. 6, 1) в 1960–1980-е гг. Т. И. Макарова в раскопе площадью около 400 м² выявила слой пожара, перекрывший развалины городских кварталов и базилику с крещальней VI–VII вв. Она связала пожар с вторжением хазар в VII веке [Макарова 1965, с. 76; 1982, с. 98, 99, рис. 5; 1998, с. 345, 356–358, 390, рис. 2; Айбабин и др. 2023, с. 15].

Terminus post quem для даты вторжения хазар в Северное Причерноморье и Приазовье дает мощный слой пожара, кото-

рый экспедиция автора в 1990–1993 гг. выявила в раскопе в Кооперативном переулке [Айбабин 1999, с. 135–137, рис. 54–55; 2000, с. 169; Aibabin 2006, p. 33, 35, fig. 2; Ajbabin 2011, S. 170–171, Abb. 54–56]. На всей площади раскопа прослежен слой серо-коричневого суглинка Г, который перекрывал слой пожара В, уничтожившего дома VI–VII вв., сооруженные в слое Д [Aibabin 2006, p. 33, 35, fig. 2; Ajbabin 2011, S. 170–171, Abb. 54]. В слое серо-коричневого суглинка Г обнаружены остатки сооружений двух строительных периодов: VIII – первой половины IX в. и конца IX – X в. У основания жилища раннего строительного периода [Ajbabin 2011, S. 174] нашли фоллис первого периода правления Юстиниана II (686/687 гг.) [Grierson 1968, p. 584. pl. XXXVII, 18a]. В слое пожара В находились фрагменты краснолаковых мисок формы LRC-10C первой половины VII в. [Hayes 1972, p. 345, 346, fig. 71, 15] и фрагменты амфор конца VI – VII в. [Айбабин 2013, с. 284, рис. 2, 29–31]. Из слоя Д извлекли полуфоллис Константа II, чеканенный между 654 и 659 гг. [Grierson 1968, p. 38–39, 510], а также фрагменты амфор типа Sarachane, типичные для слоев VII–VIII вв. [Hayes 1992, p. 66, fig. 23, 7], и фрагменты краснолаковых блюд, использовавшихся во второй половине VI – VII в. [Hayes 1998, p. 13–15]. По сочетанию циклов бытования рассмотренной керамики и монете 654–659 гг. период существования слоя Д следует ограничить последней четвертью VI – 60-ми гг. VII в. Перекрывающий его слой пожара В образовался не ранее 660 г. Судя по зафиксированной в раскопах, открытых в Кооперативном переулке и на бывшей Рыночной площади, стратиграфии, большая часть византийского Боспора была уничтожена пожаром [Айбабин 2013, с. 284–285]. Дата пожара согласуется с рассказом «Армянской географии» о захвате хазарами до 665 г. Северного Причерноморья [Newsen 1992, p. 55; Цукерман 2001, с. 331–332]. В 661–664 гг. начался период хазарского господства в городе.

Вероятно, для управления Европейским и Азиатским Боспором хазары создали в Боспоре и Фанагории свою администрацию, а также разместили в Боспоре военный отряд, контролировавший пролив – важнейший участок пути из Византии в Приазовье и далее в Азию. О хазарской администрации в этих городах вполне определенно сказано в повествованиях Феофана и Никифора о событиях 704 г. Феофан упомянул наместника

кагана в Фанагории Папаца (Παπατζύν) и архонта Боспора Валгицу (καὶ Βαλγίτζιν, τὸν ἄρχοντα Βοσφόρου), посланных убить Юстиниана II [Чичуров 1980, с. 39/62, 63]. Никифор писал об «архонте из единоплеменников (кагана), жившем при Юстиниане, а также архонте Скифского Боспора – ἔτι δὲ καὶ τῷ ἄρχοντι τῷ τοῦ Βοσπόρου τοῦ Σκυθικοῦ ἐπιτηρεῖν ἡνίκα αὐτοῖς ἐπιτρέψει ἀνελεῖν αὐτὸν ὡς τάχιστα» [Чичуров 1980, с. 155/163; Nikephoros 1990, § 42,20]. Слово «Βαλγίτζις» тюркское. Его этимологию возводят к тюркскому *Bulgi*, (*Bolgi*)*tsi*, *Balgichi* – «управитель» [Dunlop 1954, p. 172; Minorsky 1960, S. 130–137; Golb, Pritsak 1982, p. 137–138; Zuckerman 1995, p. 256]. А. А. Васильев считал термины ὁ ἐκ προσώπου и ὁ ἀρχῶν греческой интерпретацией тюркского титула тудун [Vasiliev 1936, p. 84, 85]. В составленном в X в. греческом словаре лексемой «тудун» обозначен наместник у тюрков – «Τούδουνοι: Οἱ τοποτηρηταὶ παρὰ Τοῦρκους» [Etymologicon Magnum 1848, S. 763,24]. Титул тудун известен в древнетюркских и китайских источниках (*tu-tun* – на китайском) [Chavannes 1903, p. 263; Moravcsik 1958, S. 318, 319]. По свидетельству китайского историка, тудун занимал пятое по рангу место в тюркской иерархии [Mau-tsai Liu 1958, S. 8–9; Чичуров 1980, с. 101, 129, 130]. В хазарско-еврейском документе X в., хранящемся в Кембридже, упомянут управлявший Боспором наместник кагана “*ha-pakid*”. В древнееврейском языке это слово означает «начальник отряда, гарнизона» [Golb, Pritsak 1982, p. 116–117].

В годы правления хазар в городе Боспоре сохранилось и прежнее население – в основном, греки, аланы, готы и другие, а также их религиозные общины. Хазарская администрация не запрещала деятельность Боспорской епархии. Она названа в *Notitia Episcopatum* (*Notitia* 3) [Darrouzès 1981, p. 31,232], составленной после Седьмого Вселенского Собора между 787 и 805 гг. [Цукерман 2010, с. 402–405] и в *Notitia* 4, составленной после Восьмого Вселенского Собора 869 г. [Darrouzès 1981, p. 45,250].

Христиан продолжали хоронить на некрополе на горе Митридат в плитовых могилах. В одной из плитовых могил нашли византийские пряжки второй половины VIII – IX в. [Айбабин 1999, с. 189]. Судя по материалам второй половины VII – VIII в. из плитовых могил, изученных с 1905 г. на разных участках христиан-

ского городского плитового некрополя, в захваченном хазарами Боспоре сохранилась христианская община. В результате раскопок 2007–2009 гг. в Босфорском переулке, в рыбацком квартале исследован участок городского плитового некрополя с 99 могилами конца VI / VII – первой половины VIII в. Могилы располагались по всей площади раскопа на уровне нижних рядов кладки современных построек под слоями разрушения более ранних усадеб, а также накопившихся в XIX–XX вв. Некоторые могилы были сооружены в кладках стен построек ранневизантийского периода. Камни и плиты из кладок последних использовались для облицовки бортов могил. В некоторых могилах на плитах прочерчивались кресты (ил. 45; рис. 45). Для датировки исследованного участка некрополя показательны происходящие из могил фоллисы Юстина II (выпуск 577/8 г.) и Ираклия (510–641 гг.) или Константа II (641–668 гг.) и византийские пряжки (ил. 46; рис. 46) [Хайрединова 2013, с. 286–287; Айбабин, Хайрединова 2015, с. 354–359, рис. 1–16; 2018, с. 33–34, 36–37, рис. 1, 2].

Подобная стратиграфия зафиксирована в захваченных хазарами городах Европейского и Азиатского Боспора. В Тиритаке экспедиция В. Ф. Гайдукевича на участке XIII раскопала руины базилики VI–VII вв., в северо-восточном нефе которой на остатках кладки стен и на полу вскоре после ее разрушения [Гадло 1980, с. 144–145] построили типичное для салтовской культуры жилище VIII–IX вв. [Гайдукевич 1940, с. 203–204, рис. 1; 1952, с. 67–72]. В Тиритаке [Гайдукевич 1952, с. 49–55, 126–131, рис. 160, 161, 163, 164], а также в Илурате [Гайдукевич 1958, с. 134–136] руины с вещами и керамикой VI–VII вв. перекрывали жилища VIII–IX вв. [Айбабин 1999, с. 137, 190; Ajbabin 2011, S. 124, 177; Гадло 2004, с. 74–77]. В Фанагории [Долгопуков 1975, с. 56–58, рис. 3; Кузнецов, Голофаст 2010, с. 393–428], Кепях, Гермонассе [Плетнева 1963, с. 63, табл. 63] и Патрее [Башкиров 1957, с. 317–320, 344, рис. 1; Паромов 1993, с. 148, рис. 8] поверх слоев с руинами построек VI–VII вв. соорудили жилища VIII–IX вв. [Гадло 2004, с. 74–77].

Судя по тексту письма, написанного около 873 г. патриархом Фотием архиепископу Боспора, в городе существовала иудейская община [Photii Patriarchae 1983, S. 132]. Видимо, к данному периоду следует отнести некоторые найденные в Керчи надгробия с менарами [Соломоник 1997, с. 19].

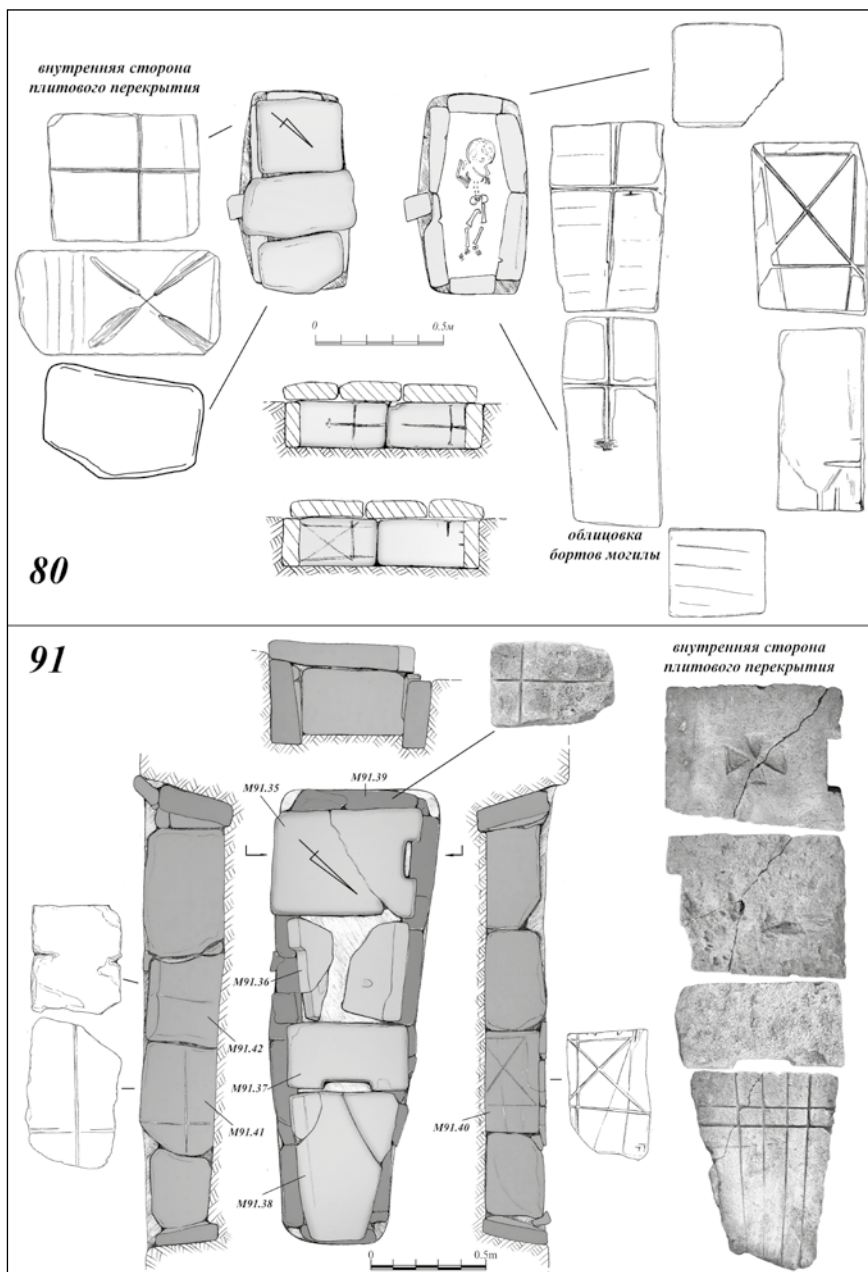
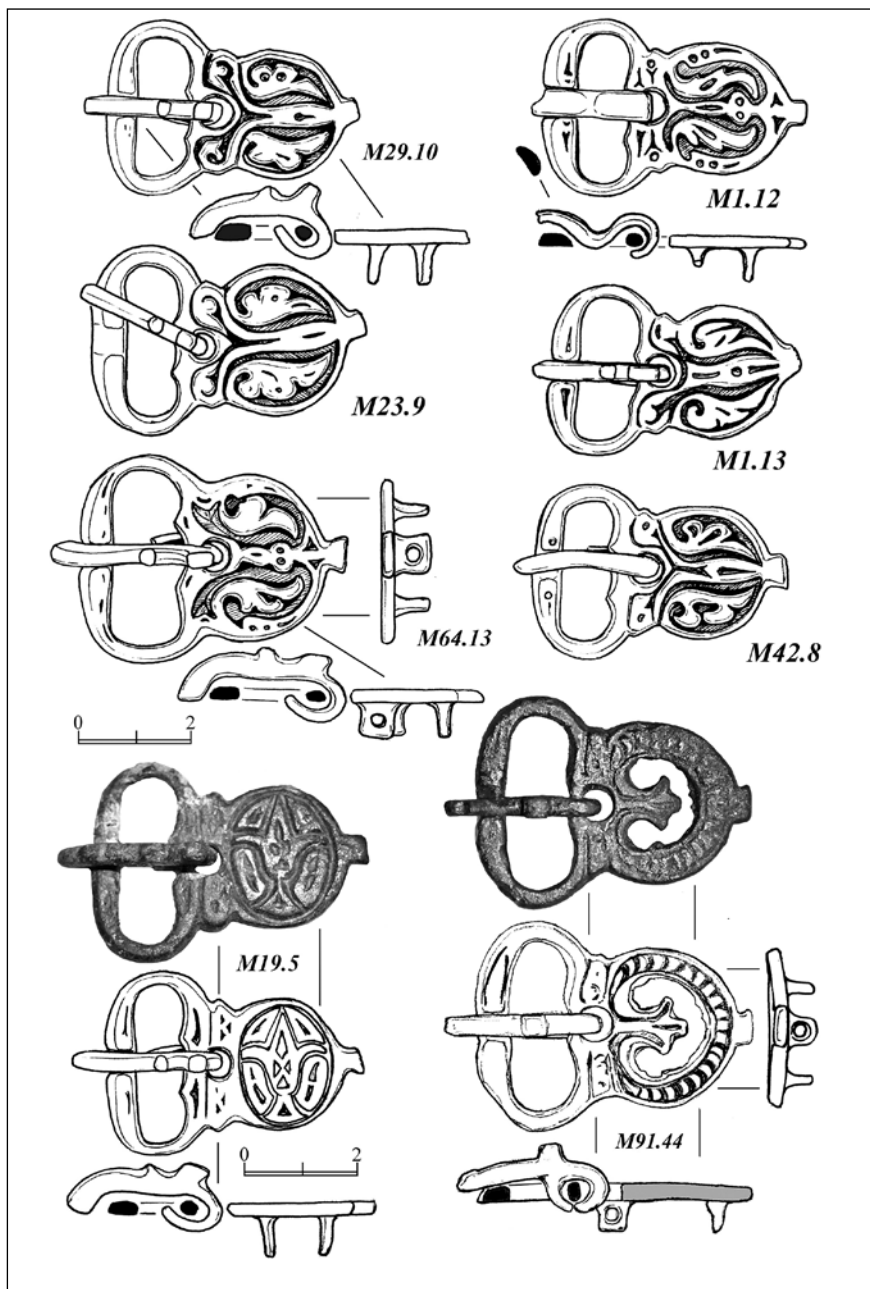

Рис. 45. Керчь. Участок раннесредневекового некрополя в Босфорском переулке. Плитовые могилы 80 и 91, в облицовке и перекрытии которых использованы плиты с прорезанными крестами

**Рис. 46. Керчь. Византийские пряжки VII в.
из погребений раннесредневекового некрополя
в Босфорском переулке**

В приморской части города Боспора раскопаны стены возведенной хазарами цитадели [Макарова 1998, с. 345, 356–358, 390]. Хазары поселились в приморских кварталах рядом с цитаделью. В раскопе в Кооперативном переулке поверх домов византийского периода без регулярной планировки сооружены хазаро-булгарские постройки, зачищены безфундаментные, фактически наземные прямоугольные постройки и дома пятистенки с огороженными дворами. Стены домов сложены на каменном цоколе так называемой кладкой в ёлку. В качестве раствора использовалась глина. Во дворах имелись хозяйственные постройки и очаги. Строители, сложившие стены без фундамента и без перевязи, явно не знали технологию каменного домостроительства. Такими же жилищами застраиваются и захваченные хазарами Фанагория и другие города на Таманском полуострове [Айбабин 1999, с. 185, 187, 189, рис. 79; Ajbabin 2011, S. 172–176, Abb. 80; Кузнецов, Голофаст 2010, с. 393–428]. Прием кладки в ёлку, видимо, привнесен хазарами из Приморского Дагестана. Очевидно, новый тип жилища возник на захваченной хазарами территории бывшего Боспорского царства. Из местной боспоро-византийской домостроительной традиции заимствованы лишь отдельные элементы описанных домов – каменные цоколи и глинобитные стены [Айбабин 2000, с. 173–174; 2013, с. 296; Ajbabin 2011, S. 176]. В цитированном выше письме патриарха Фотия архиепископу Боспора в 873 г. о Боспоре написано как о византийском городе [Photii Patriarchae 1983, S. 132].

5.2. Сугдея в последней четверти VII – VIII в.

Расположенный на юго-восточном побережье Крыма портовый город греки именовали Σουγδαῖα или Σουγδαία – Сугдайя или Сугдея. Многие, ссылаясь на приписки, сделанные на полях Сугдейского Синаксаря в 1296, 1345 и 1411 годах, считали, что город основан в 212 г. н.э. [Брун 1980, с. 122–123; Васильевский 1915, с. CLXX; Νυσταζοπούλου 1965, σελ. 12, 127(94), 130(130), 136(195)]. В достоверности приписок сомневался Ю. А. Кулаковский [Кулаковский 2000, с. 70–73]. Данная дата не подтверждается другими письменными источниками. В процессе раскопок на территории Сугдеи обнаружены две визан-

тийские пряжки второй половины VII в. [Майко, Хайрединова 2020, с. 177–178, рис. 1, 1–2] и фрагменты амфор, использовавшихся до конца VII в. [Майко 2023, с. 235], но не выявлены культурные слои или постройки ранее последней четверти VII в. [Айбабин 1999, с. 194]. Первое вызывающее доверие упоминание города Сугдабон – Sugdabon содержится в написанной в конце VII в. «Космографии» Равеннского анонима [Ravennatis anonimi 1860, p. 176].

Вероятно, город основали сугды, переселившиеся под давлением хазар в Юго-Восточный Крым [Айбабин 2017б, с. 306]. Так византийцы именовали низовых прикубанских адыгов [Гадло 1991, с. 100]. Под водой на пляже у подножия крепостной горы на месте порта Сугдеи найдено около пятисот свинцовых печатей византийских чиновников. По мнению В. С. Шандровской и Е. В. Степановой, печати были подвешены к документам из портового архива [Šandrovskaja 1993, S. 85; Шандровская 2000а, с. 251; Степанова 2001, с. 97–98]. В. С. Шандровская ранней печатью из Судака считала моливдовул 696/697 гг. Кириака апоипата и главного лагофета Константинополя [Шандровская 1995, с. 120–121]. Е. В. Степанова в раннюю группу включила печати с крестовидной монограммой, получившие наибольшее распространение во второй половине VI – первой половине VII в. или в VI–VII вв. Она признала, что данные печати датируются широким хронологическим диапазоном и не пригодны для обоснования времени основания Судака [Степанова 2001, с. 98, 99]. Профессор Венского университета В. Зайбт во время нашей беседы любезно сообщил мне свое мнение о ранних печатях с крестовидной монограммой из Судака, за что я приношу ему искреннюю благодарность: буквы монограммы на одной из печатей типичны для всего VII в., на другой – для конца VII в., а ещё на двух – для VIII – начала IX в. [Seibt, Zarnitz 1997, S. 166–168].

В первой половине VIII в., благодаря динамичному росту экономики Восточного Крыма, Сугдея стала важным торговым портом подвластного хазарам региона. Вероятно, хазары сохранили в городе местную администрацию и создали таможенную. Опубликованная В. С. Шандровской печать второй половины VIII в. с именем Феофана, халкопрата из Судака была прикреплена к деловому документу, сопровождавшему доставку груза (медных слитков или изделий из меди). Этой бул-

лой могли опечатать послание Феофана, сообщающего об отсылке товаров или, напротив, предложение об их продаже [Шандровская 2000а, с. 253–254; Майко, Хайрединова 2020, с. 179–180, рис. 2]. Упомянутая печать Кириака и печати главных коммеркиариев аптеки Онориады, Пафлагонии и побережья Понта императорского волнителя Анастася и ипата Иоанна периода совместного правления Льва III и Константина V 720–741 гг., «императорских коммеркий епархий богохранного императорского Опсикия» 745/746 гг. говорят о ведении Сугдеей прямой торговли с Константинополем и другими византийскими портами Малой Азии [Šandrovskaja 1993, S. 86–90; Шандровская 1995, с. 120–122].

В протоколе пятого заседания созванного в Никее в 787 г. Седьмого Вселенского Собора есть подпись епископа Сугдайского Стефана: «Στέφανος, ἀνάξιος ἐπίσκοπος πόλεως Σουγδάων... – Стефан, недостойный епископ города Сугдайского» [Sacrorum conciliorum 1767, Col. 137; Васильевский 1915, с. CLXIII]. Участники собора, как оказалось временно, отменили иконопочитание. Подпись епископа Стефана свидетельствует об учреждении Константинопольским патриархом в городе во второй половине VIII в. епархии. Однако в нотициях Вселенских Соборов епархия Сугдеи впервые упомянута в составленной в 920 г. Notitia 7 свода Жана Даррузеса [Darrouzès 1981, p. 31, 232; Цукерман 2010, с. 427], как входящая в Зихскую автокефальную епархию [Darrouzès 1981, p. 274].

В. Г. Васильевский считал, что протоколы VII Вселенского Собора подписал исповедник Стефан, основавший в Сугдее епископскую кафедру в годы правления Константина Копронима (741–775 гг.) [Васильевский 1915, с. CLXIII], именуемый после канонизации Святитель Стефан исповедник, архиепископ Сугдейский (Сурожский). В датированной 15 декабря 1318 г. приписке на полях Сугдейского Синаксаря говорится о праздновании в городе 15 декабря дня памяти святого Стефана исповедника, архиепископа Сугдейского, который «просветлил сугдейцев и сделал (горожан) христианами» [Νουσταζοπούλου 1965, σελ. 131(141)]. Самое раннее сообщение о св. Стефане Сугдейском содержится в Минологии, составленном в конце X или в начале XI в. В ней, после рассказа о мученичестве Стефана Нового, сказано о высылке в Сугдею Стефана [Айбабин 2017б,

с. 307]. По мнению М. -Ф. Озепи, его изгнали в Сугдею после смерти в ноябре 765 г. Стефана Нового [Auzéry 2000, p. 326].

Жизнь и деяния Св. Стефана описаны в житии, вероятно, составленном в конце VIII в. или в начале IX в. вскоре после его кончины [Ivanov 2006, p. 110]. В. Г. Васильевский опубликовал обнаруженную в Сугдейском синаксаре краткую греческую версию жития святого Стефана Сугдейского [Антонин 1863, с. 623]. В ней много несообразностей. Патриарх Герман, отправленный в 730 г. в отставку Львом Исаврийским, назван современником Льва Армянина (813–820 гг.). Если по более достоверному тексту Минологии Стефана Сугдейского, обличавшего императора-иконоборца Константина, вначале заточили в тюрьму, а потом изгнали в Судак, где он стал епископом, то в греческой версии Стефан сперва занял уже существовавшую в Сугдее епископскую кафедру, затем прибыл в Константинополь для борьбы с иконоборцами [Васильевский 1915, с. CLVIII, CCXVIII–CCXXIII; Ševčenko 1977, p. 114, n. 8].

Изданная В. Г. Васильевским славянская версия жития Св. Стефана Сурожского еще менее достоверна [Васильевский 1915, с. CCXXIII–CCLX]. По меткому определению В. Г. Васильевского, она является компилятивным произведением русского книжника XV в. Анализируя ее текст, В. Г. Васильевский выявил в нем большие заимствования из Духовного Луга Иоанна Мосха (VII в.), житий Иоанна Златоуста и Петра митрополита, искажения исторических событий и измышления автора. Например, в житии говорится об убийстве Львом Исавром в 730 г. сына императора Феодосия III. Тогда как, по Феофану и Никифору, Феодосий в 717 г. отрекся от престола и вместе с сыном принял посвящение в клир [Nikephoros 1990, 121, 52,19; The Chronicle of Theophanes 1997, p. 390, 19–26; Кулаковский 1996а, с. 309]. Жена Константина Ирина названа Феодорой, дочерью Керченского царя [Васильевский 1915, с. CCXXIII–CCLXV]. Скорее всего, автор славянской версии вымыслил и эпизод о походе спустя несколько лет после смерти Стефана в Крым князя Новгорода русского Бравлина. Этот эпизод отсутствует в греческой редакции. Да и город Новгород в то время еще не существовал.

С. А. Иванов переиздал славянскую версию Св. Стефана Сурожского и сравнил его текст с малоизвестной армянской версией Жития. По его мнению, армянский текст входил в рукописный

древнеармянский Айсмавурк (синаксарь), написанный в Сугдее. По словам С. А. Иванова, армянская версия Жития полнее известных греческой и славянской версий. Он предположил, что поскольку армянский агиограф подчеркнул благочестие иконоборца Константина V Копронима, то греческий оригинал жития возник в иконоборческую эпоху [Ivanov 2006, p. 109–167]. Однако использование в Житии ревностного иконопочитателя эпитета благочестивый по отношению к одному из инициаторов иконоборчества скорее свидетельствует о поздней дате армянской версии Жития. Армянский агиограф, за давностью лет, видимо, и не знал обо всех реалиях борьбы с иконами в Византии.

А. Бозоян, изучил происходящие из Каффы и Сугдеи рукописи армянской версии Жития, составил и опубликовал его целостный текст [Vozoyan 2006, p. 87–107], а Т. Э. Саргсян перевела этот текст на русский язык [Саргсян 2008, с. 282–293].

Все исследователи отмечают наличие искажения хронологии изложенных событий в текстах всех версий. В армянской версии Жития также много несообразностей, как и в греческой, и в славянской. Согласно армянскому житию, Стефан в 18 лет прибыл в Константинополь и встретился с патриархом Германом (715–730 гг.). Через 17 лет, когда Стефану исполнилось 35, умер епископ Сугдеи, и знатные горожане обратились с просьбой к патриарху Герману и императору Феodosию III Андрамандину (715–717 гг.) прислать нового епископа. Стефана рукоположили в епископы. Правда, в Константинополе патриархом был уже Анастасий (730–754 гг.), а Лев III Исавр, незадолго до кончины (в 741 году) отправил Стефана в тюрьму. Из тюрьмы Стефана отпустил Константин V Копроним (718–775). Если в цитированном выше Минологии шла речь о св. Стефане Сугдейском, то его в 59 лет освободили из тюрьмы и послали в Сугдею в 765 г. Судя по армянской версии, св. Стефан скончался в 70 лет [Vozoyan 2006, p. 104] (в 786 г.) и не мог в 787 г. подписать протокол VII Вселенского Собора. Армянский агиограф засвидетельствовал миссионерскую деятельность святого среди местных язычников (булгар, сугдов и хазар). В славянской и армянской версии правителем Сугдеи назван Юрий или Георгий по прозвищу Тархан. Вероятно, он подчинялся наместнику хазарского кагана “на-пакиду” Боспора-Керчи [Golb, Pritsak 1982, p. 116–117].

5.3. Херсон в VII в.

В VII в. Херсонес оставался главным византийским городом на полуострове. Подчинение городу крепостей соседних племен засвидетельствовано в Collectanea Анастасия Библиотекаря IX в. Сохраненный в Collectanea «Scholion sive Hypomnesticum» Феодора повествует о ссылке в 644 г. императором монахов Евпрепия (умер в 655 г.) и Феодора (умер в 667 г.) в Херсон, где они были принудительно разделены и отправлены в крепости **(castris) племен, живших по соседству**: «flagellaque mortalia a praefecto suscipientibus, et Chersonem in exilium missis, et illic vi saepius ab invicem separatis et **in castris gentium ibidem adjacentium deputatis**» [Anastasii Bibliothecarii 1879, Col. 684; Шестаков 1908, с. 120; Vasiliev 1936, p. 78]. Феофан Исповедник в составленной в 813–814 гг. «Хронографии» сообщил о высылке императором Константином II (641–668 гг.) римского папы Мартина I «в Херсон и Климаты – ἐν Χερσῶνι καὶ τοῖς κλίμασιν» [Шестаков 1908, с. 120; Чичуров 1980, с. 36, 59, 60, 106; The Chronicle of Theophanes 1997, p. 462–463, 491; Бородин 1991, с. 173–176].

Из Херсона происходят печати VII в. чиновников византийской администрации: ипата Стефана [Соколова 1991, с. 208, № 27], нотария [Соколова 1991, с. 213, № 56] и византийского сановника патрикия Мариана [Соколова 1991, с. 209, № 35].

В Херсоне найдены также печати VII в. епископов Стефана и Диогена [Соколова 1991, с. 208, № 31, 32]. В 692 г. епархию возглавлял участвовавший в Трулльском Вселенском соборе Георгий «...Γεώργιος ἀνάξιος ἐπίσκοπος Χερσῶνος τῆς Δόραντος» [Öhme 1990, S. 151].

В Херсоне поддерживалось стабильное денежное обращение, соответствующее общеимперским стандартам. В обращении преобладали медные монеты. И. В. Соколова отнесла к правлению императора Фоки (602–610 гг.) фоллисы и полуфоллисы с именем Маврикия и с неправильным написанием Херсона [Соколова 1983, с. 25–26]. При Ираклии (610–641 гг.) городской монетный двор продолжил чеканку фоллисов [Анохин 1977, с. 102; Соколова 1983, с. 26–27; Hahn 1978, November, p. 521]. По предположению В. А. Анохина, тогда же с целью унификации номинала имевших хождение разновременных херсонских и римских монет IV–VI вв., на них надчеканили хризму и прировняли к номиналу в 5 нуммий [Анохин 1977, с. 108].

Монетами, выпущенными в предшествующий период, жители Херсона оплачивали товары из Юго-Западного Крыма, где они обнаружены, в основном, в захоронениях второй половины VII в. [Айбабин 1999, с. 164].

В городе производились значительные строительные работы. На западном участке обороны перестроили башню I (рис. 26). На присоединенном к городу участке в процессе подготовки к сооружению новой Западной базилики (№ 13) в конце VI – начале VII в. снесли рыбоперерабатывающий комплекс и засыпали цистерну [Голофаст 2007, с. 90–92]. На подготовленном участке возвели трехнефную базилику с большим центральным нефом с двумя колоннадами из девяти колонн, полукруглой внутри и пятигранной снаружи апсидой, нартексом и, видимо, открытым экзонартексом (рис. 26, А). К ее южной стороне примыкает галерея с апсидой. Пол среднего нефа вымощен мраморными плитами, а полы боковых нефов покрыты мозаикой. Вероятно, у базилики было стропильное перекрытие с черепичной кровлей. Вперевязь с восточной частью северной стены здания построена прямоугольная крещальня с широкой апсидой, к которой пристроен крестообразный мавзолей с усыпальницей [Якобсон 1959, с. 160–165].

В начале главной улицы близ городских ворот в западном районе, вероятно, тогда же в VII в. соорудили четырехапсидный храм. О дате следует судить по извлеченным из слоя под полом храма краснолаковым мискам второй половины VI – VII в. и одновременно амфорам [Кутайсов 1982, с. 55–166, рис. 8, 5, 6; Ajbabin 2011, S. 153–154, Abb. 72].

В конце VI – начале VII в. в северном районе в связи с сооружением двух новых больших трехнефных базилик [Белов 1953, с. 26; Якобсон 1959, с. 176] были перепланированы кварталы XIX и XXV. Одна из них в 1932 г. раскопана в квартале XXV. В ней сохранились мраморные базы колонн, а в боковых нефях и около солеи – мозаичные полы. Рядом зачищены известковые ямы и известеобжигательная печь, в которых готовили раствор для базилики. Ямы и печь впущены в слой, перекрывавший снесенные более ранние помещения и содержащий фрагменты амфор, краснолаковых сосудов и монету Константа II (641–668 гг.). После завершения стройки ямы засыпали, а площадь перед базиликой осталась свободной. Зафиксированная в данном квар-

тале стратиграфия позволяет синхронизировать постройку базилики с началом правления Константа II [Ajbabın 2011, S. 150–152].

Вторую одноапсидную базилику с нартексом и экзонартексом раскрыли в 1935 г. в квартале XIX и доследовали в 1950, 1956, 1957 гг. (ил. 47). Она возведена на руинах упомянутой выше синагоги. Полы боковых нефов базилики вымощены мозаикой, центрального нефа – мраморными плитами, сделанными из стенок античных саркофагов. Ее украшали мраморные феодосианские и коринфские капители, скульптура «Добрый пастырь» (ил. 48). В слое, в котором соорудили фундамент базилики, найдены фрагменты амфор и херсонесские монеты Маврикия Тиверия (582–602 гг.). При строительстве базилики были перепланированы соседние кварталы XV–XVIII. В них возвели новые дома и засыпали цистерны. Дата строительства базилики определяется по монете Константа II (641–668 гг.) из засыпи цистерны 74. Одновременно с базиликой построили дом в кварталах XV–XVI и дом с кладовой в подвале в квартале XVIII. На его полу нашли бронзовую поясную пряжку типа Сиракузы, фрагменты краснолаковой миски со штампованным крестом и амфоры. Названные пряжки изготовляли в Византии и в Херсоне в VII в. [Айбабин, Хайрединова 2008, с. 56, рис. 12, 19; Avraméa 1997, p. 90, pl. IVa, 1; Ic, 1].

В северо-восточном районе целый квартал занимает комплекс, называемый Уваровской базиликой (рис. 47; ил. 49). Трехнефное одноапсидное здание с нартексом и экзонартексом и галереей вдоль южного нефа возвышалось над берегом моря. В атриуме перед экзонартексом находился шестигранный фиал. Улица перед базиликой была вымощена плитами [Якобсон 1959, с. 152–160, рис. 58; Айбабин 1999, с. 165–166, рис. 31]. Рядом с базиликой расположен небольшой храм с триконхальной апсидой [Якобсон 1959, рис. 58, 1]. Предложенные В. В. Латышевым даты баптистерия и малого храма опровергнуты в ходе многократных археологических исследований комплекса «Уваровская базилика». Стена ее внутреннего нартекса поставлена на засыпанный колодец с чеканенной в Херсоне анонимной монетой со знаком стоимости D, отнесенной к императору Маврикию [Косцюшко-Валюжинич 1902, с. 80–82]. Как показал В. Хан, данные монеты выпускались в Херсоне меж-

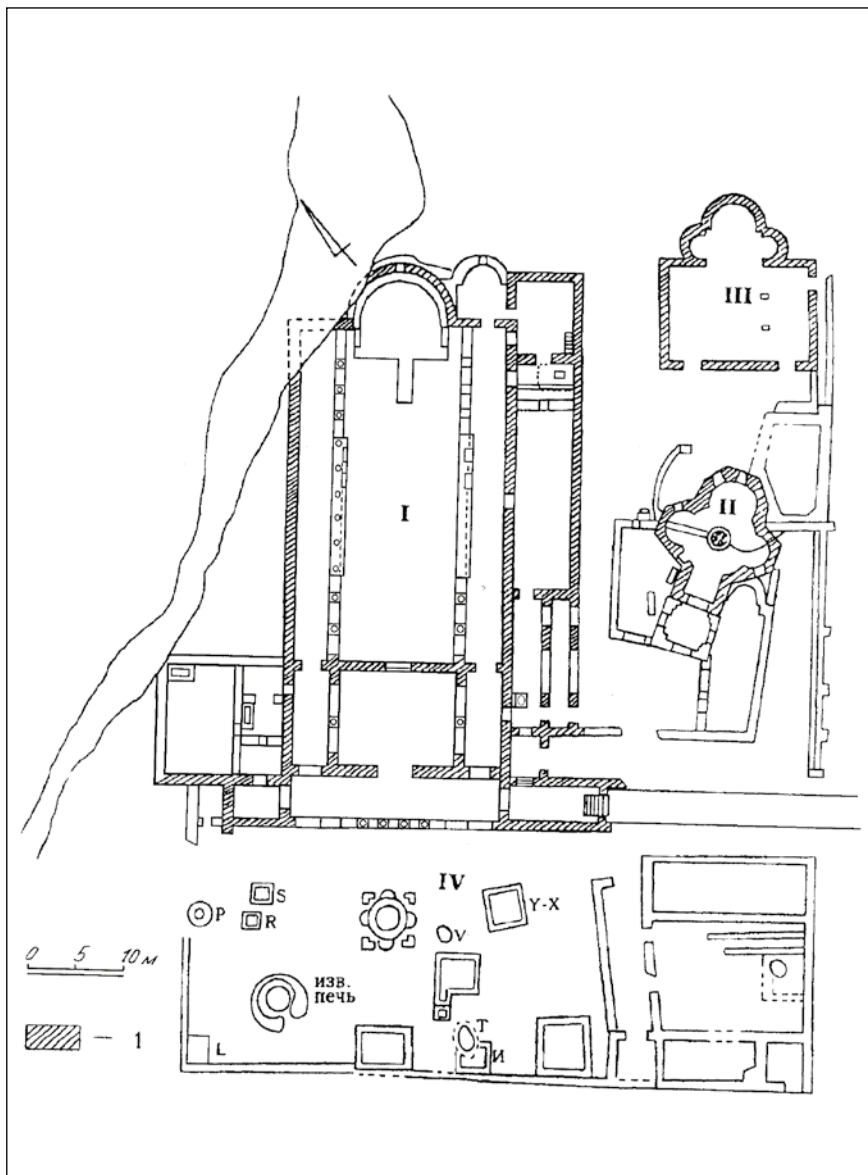

Рис. 47. Херсон. Комплекс Уваровской базилики.

I – базилика; II – крещальня; III – храм А; IV – атриум с фиалом;
1 – ранний этап существования комплекса

ду 574 и 602 гг. [Hahn 1978, September, p. 415; 1978, October, p. 471, 472]. Монета указывает на дату сооружения базилики на рубеже VI–VII вв. [Айбабин 2010, с. 359–360]. В водостоке баптистерия найдена херсонская анонимная монета с надчеканкой к [Косцюшко-Валюжинич 1902, с. 95], вероятно, выпущенная между 578–590 гг. [Орешников 1911, с. 108–109; Айбабин 2010, с. 360]. Очевидно, баптистерий одновременен базилике. А. Л. Бертъе-Делагард доказал, что упомянутый в труде В. В. Латышева малый одноапсидный храм был построен позже баптистерия [Бертъе-Делагард 1907, с. 79–80].

На площади, замыкающей главную улицу, построили трехнефную Восточную базилику (№ 36), возвышавшуюся над входом в Карантинную бухту [Якобсон 1959, с. 165–166, 168, рис. 72–74]. До начала строительства при перепланировке участка, предназначенного под храм, был засыпан колодец. Судя по содержащейся в извлечённой из колодца земле керамике и херсоно-византийским монетам Маврикия, колодец засыпали на рубеже VI–VII вв. [Романчук и др. 1995, с. 10–11], а базилику построили в первой четверти VII в.

На протяжении всего VII в. в городе функционировали металлообрабатывающие мастерские. Одна из них выявлена в северо-восточном районе в III квартале. В 1910–1912 гг. в помещениях XI и 26 нашли тигли, шлаки и форму для отливки металлических вещей. В 1995–1996 гг. в том же районе в море у берега аквалангисты собрали шлак, бронзовые слитки и бракованные византийские пряжки. Химический состав обнаруженных в разные годы на городище бронзовых слитков, полуфабрикатов и пряжек типа Сиракузы идентичен (рис. 48, 7). В мастерских отливали и другие популярные среди горожан поясные пряжки, в том числе с прямоугольной рамкой (рис. 48, 11). С помощью матриц, привезенных из Константинополя и Подунавья, в VII в. делали детали поясных наборов. Продукция мастерских продавалась в Херсоне и в области Дори (рис. 48, 6, 8–10) [Айбабин 1982, с. 190–196; Айбабин 1993, р. 196].

Городские гончары изготавливали пифосы, кухонную посуду и строительную керамику (кирпичи с клеймами конца VI – начала VII в., черепицу, трубы) [Якобсон 1979, с. 25–28; Романчук 1976, с. 23, 29, 30]. Во второй половине VII в. в Северном районе зафиксированы значительные строительные работы, в резуль-

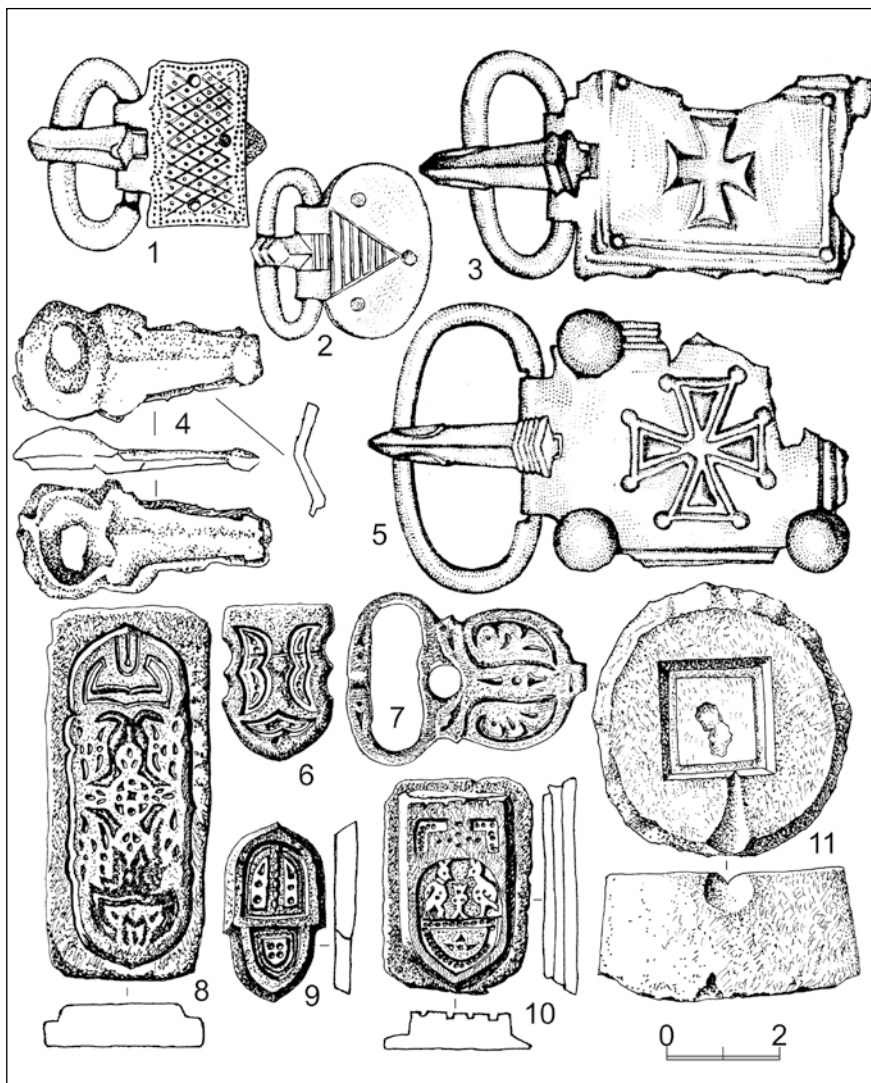

Рис. 48. Раннесредневековые предметы одежды и литейные формы и матрицы для их изготовления из Херсонеса.

1,2 – трехчастные византийские пряжки; 3,5 – большие пряжки с прямоугольным щитком с вытисненным изображением креста; 4 – бракованная пряжка; 6,8-10 – матрицы VII в. для производства деталей поясных наборов; 7 – пряжка типа Сиракузы; 11 – литейная форма для изготовления пряжек

тате которых были перепланированы несколько усадеб и засыпаны восемь крупных рыбозасолочных ванн. Ликвидация такого количества ванн привела к сокращению переработки рыбы. Однако в городе сохранилось товарное производство соленой рыбы. Ее продолжали перерабатывать не менее чем в 16 ваннах [Романчук 1976, с. 16].

В VII в. произошли изменения на сельских усадьбах городской хоры на Гераклеийском полуострове. Некоторые из них были заброшены. Видимо, поэтому уменьшилось производство зерна, и горожане весной испытывали недостаток хлеба. Информация о положении в Херсоне содержится в письмах посланного в 655 г. в город папы Мартина. В первом письме, написанном в июне, он писал: «...голод и нужда в этой земле таковы, что хлеб в ней только упоминается по названию, однако его совсем не видят. ...Ведь в этой стране нельзя ни за какую цену найти в обеспечение себе хотя бы умеренное пропитание». Во втором письме, отправленном в сентябре, сказано: «Но до сих пор я не мог купить зерна из нового урожая иначе, чем за номисму четыре модия». Конечно же, в словах старого, больного, не по своей воле оказавшегося в Херсоне папы содержатся риторические преувеличения. В сердцах он и херсонцев, и соседних варваров называл язычниками: «Ведь те, кто обитает в этой области, все являются язычниками, и языческие нравы восприняли те, которые известны, как живущие здесь...» [Бородин 1991, с. 178–180]. Следует полагать, что он описал реальные сезонные затруднения с продовольствием и его доставку. Однако из его писем нельзя сделать вывод о крахе городской экономики, натурализации хозяйства и ликвидации денежного обращения. В одном из писем римского папы Мартина I сообщается о вывозе из города в империю соли [Бородин 1991, с. 179, 187].

Рассмотренные выше факты характеризуют Херсон VII в. как византийский город с развитым товарным производством и с широкими торговыми связями. Последние документируются и происходящими из Херсона печатями VII в. византийских коммерциариев, в том числе главного коммерциария Константинополя 688/689 гг. [Соколова 1991, с. 205, 206, 208, №№ 10, 26].

Во второй половине VI – VII в. городские христианские некрополи располагались на западном берегу Карантинной бух-

ты и за западной оборонительной стеной. Довольно часто хоронили в семейных склепах, сооруженных в позднеимперское время. На некрополях раскопано более тридцати склепов и несколько могил, вырубленных в материковой скале в данный период. В склепах лежанки отделялись от остальной части камеры низкими перегородками. Иногда в центре камеры делали подпорный столб. Покойников погребали в одежде с украшениями в деревянных гробах. На гробы ставили керамические и стеклянные сосуды. В дромосе устанавливали надгробные кресты с христианскими, в основном греческими, именами (Георгий, Стефан, Христофор, Федор, Дамиан, Маргарита, Лазарь) [Айбабин 2010, с. 372–373]. В. В. Латышев отнес к VI–VII вв. надпись на надгробном кресте из склепа с захоронениями пресвитеров: «О памяти и упокоении пресвитеров Стефана, Стефана и Христофора. Аминь» [Латышев 1896, с. 31, № 34]. В нескольких склепах найдены деформированные черепа и скелет с южнокрымской орлиноголовой пряжкой. Видимо, эти захоронения принадлежали выходцам из области Дори. Ссылный римский папа Мартин I отличал ромеизированных горожан – «живущие здесь» от «варваров» соседнего региона – «те, кто обитает в этой области» [Бородин 1991, с. 179, 186].

5.4. Климаты Херсона в Юго-Западной Таврике в конце VII – начале VIII в.

Топоним Климаты Херсона впервые упомянут в повествованиях о событиях, происходивших в Юго-Западной Таврике во второй половине VII – начале VIII в. Феофан Исповедник в «Хронографии» писал о ссылке в «Херсон и Климаты – ἐν Χερσῶνι καὶ τοῖς κλίμασιν» или «Климаты Херсона – ἐν Χερσῶνι τοῖς κλίμασιν или τῆς Χερσῶνος κλίματα» [Шестаков 1908, с. 120; Чичуров 1980, с. 36, 59, 60, 106; The Chronicle of Theophanes 1997, р. 462–463, 491] римского папы Мартина I, умершего в 655 г. В рассказе Феофана о мести Юстиниана II Ринотмета (Ῥινότμητος – с отрезанным носом) херсонцам в 711 г. фигурируют жители Херсона, Боспора «и других Климатов – καὶ τῶν λοιπῶν κλιμάτων», а также «жители Херсона и других крепостей – τότε Χερσῶνος καὶ τῶν λοιπῶν κάστρων» и Дорос [Чичуров 1980, с. 40, 41, 63, 64; The Chronicle of Theophanes 1997, р. 520,

527, 528; Zuckerman 1997, p. 218–220]. Об этносе жителей крепостей климатов можно судить по найденным в погребальных сооружениях типичными для готов и алан орлиногловым пряжкам и фибулам, а также геральдическими поясными наборами (ил. 50-54).

В составленном патриархом Никифором в 770–780-х годах «Бревиарии», в описании ссылки и возвращения на трон Юстиниана II отсутствует топоним Климаты. По словам Никифора, Юстиниан II «...скрылся в крепости, называемой Дорос и лежащей в стране готов – εἰς τὸ φρούριον τὸ λεγόμενον Δόρος πρὸς τῇ Γοτθικῇ κείμενον χώρα ἀπέδρασεν» [Чичуров 1980, с. 155, 163; Nikephoros 1990, 42,6–8, p. 100, 101]. Никифор также упомянул «народ в Херсоне и Боспоре и других архонтствах – τοὺς ἐν Χερσῶνι καὶ Βοσφόρῳ καὶ τοὺς τῶν ἄλλων ἀρχοντιῶν λαοὺς», архонтов тех областей «οἱ δὲ τῶν χωρῶν τούτων ἄρχοντες» и «управляющих другими городами – τοὺς δὲ τῶν ἐτέρων πρῶτατεύοντας πολισμάτων ἄνδρας» [Чичуров 1980, с. 156, 164, 165; Nikephoros 1990, p. 100–101, 106–109]. Из этого рассказа Ф. К. Брун делал вывод о том, что крепость назвали по имени страны Дори [Брун 1880, с. 210–212]. Аналогичное мнение высказал А. А. Васильев. По его словам, топоним 'Δόρυ' (Дори) после сочинения Прокопия впервые использован в конце VII в. в подписи епископа Херсона Георгия в форме 'Δόρας' ('Δόρας' gen. 'Δόραντος') [Vasiliev 1936, p. 78]. Ф. К. Брун в подписи участвовавшего в 692 г. в Трулльском Вселенском соборе епископа Херсона Георгия, «...ἐπίσκοπος Χερσῶνος τῆς Δόραντος» [Öhne 1990, S. 151] в топониме 'Δόραντος' видел название страны Dory, свидетельствовавшее об увеличении ее территории до Херсона в период после кончины Юстиниана I. В «Scholion sive Hupomnesticum» Феодора в граничащем с Херсоном регионе помещены «castris gentium ibidem adjacentium» – крепости племен, живших по соседству [Anastasii Bibliothecarii 1879, Col. 684; Шестаков 1908, с. 120], скорее всего, готов и алан [Айбабин 2019б, с. 10].

Цитированные источники вполне определенно свидетельствуют о локализации крымских Климатов на территории соседней с Херсоном области Дори. Видимо, в конце VI – начале VIII в. данную территорию именовали Климатами Херсона.

5.5. Противостояние Восточной Римской империи и хазар в Юго-Западной Таврике

Дискуссия о дате захвата хазарами Климатов Херсона продолжается уже более века. В 695 г. освобожденный из тюрьмы полководец Леонтий организовал восстание жителей Константинополя и сверг непопулярного Юстиниана II (685–695 и 705–711 гг.). На ипподроме у него отрезали нос и язык (за что Юстиниан был прозван *Ρινότμητος* – Ринотмет – «с отрезанным носом») и отправил в ссылку в Херсон. Леонтий (695–698 гг.) был провозглашен императором. В 698 г. военные моряки выступили против Леонтия, захватили столицу и провозгласили императором друнгария (командующего флотом) морской фемы Кивирреоты в провинции Памфилия Апсимара, принявшего имя Тиверия III (698–705 гг.) [Кулаковский 1996а, с. 260–261, 264–265; Jenkins 1966, p. 56; Nikephoros 1990, p. 96–97; The Chronicle of Theophanes 1997, p. 515–518].

Историки по-разному интерпретируют цитированные выше повествования Феофана и Никифора о злоключениях сосланного в 695 г. в Херсон императора Юстиниана II [Чичуров 1980, с. 39–41/62–65, 154–157/163–166]. В 704 г. в Херсоне Юстиниан стал говорить о желании вернуть престол. Напуганные горожане, опасаясь репрессий из Константинополя, решили либо убить его, либо выдать императору. Юстиниан II бежал из Херсона в соседнюю страну готов в крепость Дорос, где оказался не только вне досягаемости византийской администрации, но и получил возможность связаться с каганом Хазарии, который разрешил Юстиниану II поселиться в Фанагории и выдал за него свою сестру [Чичуров 1980, с. 155/163; Nikephoros 1990, 42,6–8, p. 100, 101]. Феофан также сообщал о том, как Юстиниан II спасался бегством из Херсона «...καὶ εἰς τὸ Δαρᾶς καταδραμὼν ἤτήσατο τῷ τῶν Χαζάρων Χαγάνῳ συνοψισθῆναι – ...и достигнув Дараса, потребовал свидания с каганом хазар» [Чичуров 1980, с. 39/62; The Chronicle of Theophanes 1997, p. 520]. Каган разрешил Юстиниану II поселиться в Фанагории и дал ему в жены свою сестру. В 705 г. в ответ на просьбы императора Византии Тиверия III Апсимара каган приказал своему наместнику в Фанагории Папацу и архонту Боспора из единоплеменников Валгицу убить Юстиниана II [Чичуров 1980, с. 39/62, 63, 153, 163; Nikephoros 1990, § 42,20]. По словам компилировавшего в XI в.

«Хронографию» Феофана Георгия Кедрина, каган поручил убить Юстиниана II своим людям [Georgius Cedrinus 1838, p. 779,7]. Поскольку слуга кагана известил о приказе жену Юстиниана Феодору, то она сообщила о заговоре Юстиниану. Он позвал Папача и задушил его струной, а потом задушил Валгица. Юстиниан отослал Феодору в Хазарию, а сам сбежал в Фанагорию. Найдя галиаду, беглец приплыл в бухту Символа (Σθμβόλου – Балаклава), где на борт поднялись его сторонники.

В 706/707 г. после прибытия корабля в устье Дуная Юстиниан II обратился за помощью к хану булгар Тервелю и возвратил себе власть в Константинополе. Император послал флот для возвращения жены, но корабли утонули. Каган вернул ему жену и сына.

В 711 г. Юстиниан II решил отомстить херсонитам, жителям Боспора и климатов «τῶν Χερσωνιτῶν καὶ Βοσφριανῶν καὶ τῶν λοιπῶν κλιμάτων» и собрал большой флот под командой патриарха Мавра и Стефана и приказал истребить жителей крепостей. С ними также отправил спафария Илью, которого хотел назначить архонтом Херсона. Ромеи без сопротивления захватили Херсон, перерезали взрослых, но пощадили подростков. Ромеи пленила в Херсоне «Τουδοῦνον δέ, τὸν ἄρχοντα Χερσῶνος ὡς ἐκ προσώπου τοῦ Χαγάνου ὄντα – Тудуна – архонта Херсона, бывшего там от лица Хагана» [Чичуров 1980, с. 40/64; The Chronicle of Theophanes 1997, p. 527] или «Τονδοῦνον δὲ τὸν Χερσῶνος ἄρχοντα καὶ Ζωῖλον πρωτοπολίτην λεγόμενον καὶ ἐτέρους ἄνδρας τεσσαράκοντα τῶν ἐμφανεστέρων δεσμώτας σὺν γυναίξει καὶ παισὶ πρὸς Ἰουστινιανὸν ἐπέμψεν ... Τοὺς δὲ τῶν ἐτέρων προστατεύοντας **πολισμάτων** ἄνδρας ἄχρι καὶ εἰς εἴκοσι ἀκατίῳ ἐμβαλῶν... – Тудуна – архонта Херсона, Зоила, называемого протополитом, и прочих сорок мужей известных вместе с женами и детьми, связанными послал к Юстиниану ... Он также двадцать мужей управляющих другими **городами...**» посадил в лодку и утопил [Чичуров 1980, с. 156/164; Nikephoros 1990, 45,15, p. 108, 109].

Согласно Феофану и Никифору, выдвигенец императора архонт спафарий Илья сменил пленённого хазарского тудуна. Сам факт назначения архонтом Херсона видного военачальника спафария дорифора Ильи дает основание говорить о намерении Юстиниана II не только наказать жителей Херсона и соседних крепостей, но и вернуть регион империи. Вероятно, импе-

ратор планировал включить Херсон и крепости во вновь образованную архонтию. Подобный статус имели некоторые другие укрепленные приморские города в Греции и Албании [Treadgold 1988, p. 17]. Для улучшения отношений с каганом Юстиниан II решил вернуть в Херсон тудуна и бывшего главу самоуправления протополита Зоила. Император отправил их в сопровождении патрикия и министра финансов Георгия Сирийца, эпарха города Иоанна и 300 стратиотов под командой турмарха Фракийцев Христофора. Тудун на обратном пути умер.

По Феофану, жители Херсона и других крепостей отреклись от Юстиниана II и провозгласили императором сосланного в город Вардана. Примечательно, что херсонцы не разрешили возглавлявшему при хазарах местное самоуправление протополиту Зоиле вернуться в город. Херсонцы убили Георгия и Иоанна, а протополита Зоилу и турмарха с тудуном и тремястами стратиотами передали подступившим к городу хазарам и отослали кагану. Как мы видим, херсонцы стремились остаться в составе Византии. Тудун умер в дороге и при его погребении хазары принесли ему жертву, убив турмарха и триста стратиотов. Херсониты и жители других крепостей заявили о свержении Юстиниана «Τότε οἱ Χερσῶνος καὶ τῶν λοιπῶν κάστρων τὸν μὲν Ἰουστινιανὸν ἀνέσκαψαν» и провозгласили новым василевсом бежавшего к кагану Вардана, прозванного Филиппиком. Разгневанный Юстиниан II отправил в Херсон флот во главе с патрикием Мавром. Войска ромеев разбила тараном две городские башни. Призванные на помощь войска хазар заставили ромеев прекратить осаду. Патрикий Мавр и его воины, опасаясь возвращаться к Юстиниану II, отреклись от императора. Каган потребовал от ромеев дать клятву верности Вардану и уплатить по номисме за каждого воина. Вардан с войском патрикия Мавра на кораблях отплыл к г. Византию, сверг и казнил Юстиниана II, его сына и сторонников [Чичуров 1980, с. 41/64,65; Nikephoros 1990, p. 45,32–65].

Феофан и Никифор красноречиво охарактеризовали как реальные роли Византии и каганата на полуострове после 711 г., так и администрацию Херсона. Протополит Зоила был главой городского сената, состоявшего из знатных горожан протевонов [Якобсон 1959, с. 37, 38; Seibt 2000, с. 308]. Они, опасаясь мести Юстиниана II, обратились за помощью к хазарам. Присланный каганом тудун руководил городом вместе с протополитом [Ай-

бабин 1999, с. 195–196]. По предположению Ж.-К. Шене, в период Юстиниана II в городе сосуществовали два архонта, один – назначенный императором, другой – каганом [Шене 2000, с. 315]. Однако, согласно Феофану и Никифору, назначенец императора архонт спафарий Илья сменил пленённого назначенца кагана тудуна.

Архонт Херсона являлся наивысшим представителем византийской гражданской и военной администрации в архонтии [Шене 2000, с. 314–316], в которую в рассматриваемое время входили город и его ближняя хора на Гераклейском полуострове. В городе найдены печати архонтов Херсона, имевших византийский титул ипата или стратора, или спафарокандидата, датированные первой половиной VIII в. [Alekséenko 2012, p. 73], второй третью VIII в. [Соколова 1983, с. 145, №1; Seibt 2000, с. 309] и второй половиной VIII – началом IX в. [Соколова 1983, с. 76, 145–147, №№ 1, 5, 5а, 67; Nesbitt, Oikonomides 1991, p. 183; Alekséenko 2012, p. 74–79]. Из города происходят печати VIII в. представителей византийской армии – ипата и комита Косьмы [Соколова 1983, с. 145–146, № 2] и офицеров интендантов и турмарха [Соколова 1991, с. 203, 212, № 49–51], указывающие на присутствие в городе византийского воинского контингента.

По предположению В. Г. Васильевского, хазары, завладевшие в начале VIII в. Херсоном и Горным Крымом, вскоре (в 711 г.?), «по-видимому», не желая ссориться с Византией, вернули город и Климаты империи [Васильевский 1912, с. 388–390]. С В. Г. Васильевским согласился А. А. Васильев [Vasiliev 1936, p. 87]. Несмотря на отсутствие в письменных источниках каких-либо сведений о возвращении византийской администрации в Климаты после окончательного свержения Юстиниана II или после женитьбы в 732 г. сына императора Льва III Исавра на дочери хазарского кагана, предположения В. Г. Васильевского и А. А. Васильева поддержали и некоторые современные историки [Чичуров 1980, с. 125, прим. 312; Герцен, Науменко 2018, с. 620–621].

Однако содержащиеся в приведенном выше рассказе факты говорят о доминировании хазар в Горном Крыму. Ведь именно к хазарам жители Херсона, Боспора «и других Климатов – καὶ τῶν λοιπῶν κλιμάτων» или «жители Херсона и других крепостей – τότε Χερσῶνος καὶ τῶν λοιπῶν κάστρων» дважды обраща-

лись за военной помощью для защиты от карателей Юстиниана II [Чичуров 1980, с. 40, 41, 63, 64; The Chronicle of Theophanes 1997, р. 520, 527, 528; Zuckerman 1997, р. 218–220]. Хазары не только фактически поддержали «лояльного» кандидата на Константинопольский престол, но и вынудили византийские войска захватить для него власть. Поэтому многие историки [Кулаковский 1996а, с. 270; Якобсон 1964, с. 27–29, 35; Артамонов 1962, с. 196–199, 200, 252–258; Golden 1980, р. 60; Новосельцев 1990, с. 109, 111; Цукерман 1998, с. 675; Айбабин 1999, с. 185, 187–189; Ajbabin 2011, S. 170–183] пришли к выводу о подчинении Горного Крыма хазарами с начала VIII в.

Хазары признали принадлежность Херсона империи, но установили свою власть над остальным Крымом и не желали мириться с присутствием крупных византийских войск даже в Херсоне.

5.6. Готия в составе Хазарского каганата

В отображении происходившего в VIII–X вв. византийцы называли Климаты Херсона Готией и ее Климатами [Айбабин 1999, с. 196; 2018, с. 74]. В 704 г. крепость Дорос или Дарас локализовали в стране готов: «...в крепости, называемой Дорос и лежащей в стране готов – εἰς τὸ φρούριον λεγόμενον τὸ Δόρος πρὸς τῇ Γοτθικῇ κείμενον χώρα ἀπέδρασεν», не зависевшей от византийской администрации, но подчиненной кагану Хазарии [Чичуров 1980, с. 39/62, 155/163; Nikephoros 1990, 42,6–8, р. 100, 101; The Chronicle of Theophanes 1997, р. 520].

Вероятно, каган объединил климаты (архонтии) Горного Крыма в новую область Готию со столицей в Доросе для облегчения сбора дани. Очевидно, правителем Готии каган назначил архонта климы Дорос и поручил ему сбор дани для каганата [Айбабин 1999, с. 210–211]. Правитель Готии выпускал собственные монеты. Из них состоял обнаруженный в оборонительной стене Дороса клад медных имитаций солидов Льва III 725–732 гг. и литой монеты периода соправительства Льва III и Константина V в 717–741 гг. [Айбабин 1999, с. 211]. Находка в склепах некрополя Чуфут-Кале позолоченных подражаний солидам Константина V 741–751 гг. [Кропоткин 1965, с. 114, рис. 44, 3, 4] подтверждает предположение об их использовании в местном обращении.

Византия смирилась с потерей почти всех своих владений в Крыму и поддерживала дружественные отношения с Хазарией. Император Лев III (717–741 гг.) в 732–733 гг. женил своего сына, будущего императора Константина V (741–775 гг.) на дочери кагана, «...обратив ее в христианство и назвав Ириной» [Чичуров 1980, с. 68, 166, 183; Nikephoros 1990, р. 63,1–3]. Каган, относясь благосклонно к христианам, не препятствовал созданию в Хазарии новых епархий. В упомянутой Notitia 3 в перечне подчиненных митрополиям епархий под номером 37 описана Готская епархия в ранге митрополии. Согласно списку, в митрополию помимо Готской входили семь епархий, учрежденных на территории Хазарии [Darrouzès 1981, р. 31, 232, 241–242; Кулаковский 1898, с. 175–176; Vasiliev 1936, р. 97–101; Цукерман 2010, с. 414].

Местонахождение двух из них пояснено в завершающей Notitia 3 географической схолии: ΛΖ' ἐπαρχία Γοθθίας / α' ὁ Χοτζίρων σύνεγγυς Φούλων καὶ τοῦ Χαρασίου, ἐνῶ λέγεται τὸ Μάβρον Νερόν. / β' ὁ Ἀστήλ, ἐνῶ λέγεται ὁ Ἀστήλ ὁ ποταμὸς τῆς Χαζαρίας, ἔστιν δὲ κάστρον [Darrouzès 1981, р. 245] – 37 епархия Готия / 1 епископ хотциров (находится) близ Фул и Харасиу, что значит Черная вода. / 2 Астиль, что значит Астиль, река Хазарии, но есть и город [Vasiliev 1936, р. 98].

По словам А. А. Васильева, согласно схолии, епископ хотциров (ὁ Χοτζίρων), хоциров или хозиров находился в Восточном Крыму. Хазарскую реку Астиль (ὁ Ἀστήλ) он отождествлял с рекой Итиль, а город Астиль – с одноименной реке столицей Хазарии [Vasiliev 1936, р. 98–99]. По мнению А. А. Васильева, список входивших в Готскую митрополию епархий свидетельствовал о существовании в Константинополе никогда не реализованного проекта по распространению христианства в Хазарии [Vasiliev 1936, р. 103]. Его мнение не подтверждается письменными и археологическими источниками.

Существование хазарской епархии около 765 г. подтверждается содержащимся в Минологии времени Василия II рассказом о ссылке после отрезания носа иконопочитателя в Херсон и о его побеге в Хазарию, где он стал епископом [Delehaye 1992, col. 263, 264, f. 92:2; Auzéry 2000, с. 326].

Хранящаяся в архиве ИИМК (Санкт-Петербург) фотография строительной надписи из Эски-Кермена [Айбабин 2010а, с. 219–220] «В царствован]и[е] (?) ...ута хагана, Иза (?)тудуна, воздвигнут

храм Божий 14 апреля...» [Виноградов 2015, № V 226], показывает толерантное отношение правителей Хазарии к населению Готии.

В сочинении Феофана приведено свидетельство возвращения климатов в состав империи и их подчинение Херсону в правление Льва IV (775–780 гг.). По словам Феофана, в 776 году Император подавил мятеж брата Никифора и «Василевс высек мятежников, остриг их и выслал в Херсон и климаты под стражу и для безопасности – ὁ δὲ βασιλεὺς τοὺς μὲν νεωτερίσαντας δείρας τε καὶ κουρεύσας ἐξώρισεν εἰς Χερσῶνα καὶ τὰ κλίματα ὑπὸ παραφυλακὴν καὶ ἀσφάλειαν» [Theophanis 1883, S. 450–451; Чичуров 1980, с. 46, 69]. В 808 г. Феодор Студит возмущался распутным поведением нарушившего церковные правила архонта Готии и ее Климатов – «Γουθία καὶ τοῖς κλίμασιν αὐτῆς» [Migne 1860, col. 1013; Theodori Studitae 1992, S. 88; Vasiliev 1936, p. 106]. В Ватиканской версии составленного после 868 г. «Жития Святого Федора Студита» наряду с королем Лангобардии упомянут гех или правитель Готии – «...ὁ τῆς Ῥήξ Λογγιβαρδίας, ὁ τῆς Γότθίας...» [Migne 1860, p. 137, not. 3; Ajbabin 2011, S. 198–199].

Византия активизировала идеологическую и культурную экспансию в Горном Крыму. В созданном между 815 и 842 гг. «Житии Святого Иоанна Готского» упомянута «крепость, называемая Дорос – τὸ κάστρον αὐτῶν τὸ λεγόμενον Δόρος») и сказано об уже существовавшей в 754 г. епархии с кафедрой в Доросе [Auzéry 2006, p. 78–80; Айбабин 2006, с. 617–618]. Ее епископ (Γοτθίας ἐπίσκοπος) на иконоборческом соборе 754 г. подписал решение об отмене иконопочитания и был возведен в сан митрополита Гераклеи Фракийской [Auzéry 2006, p. 78–79; Айбабин 2006, с. 617–618; 2010а, с. 214–215; Ajbabin 2011, S. 196].

В «Житии Святого Иоанна Готского» идет речь о нежелании прихожан Готии признавать решения иконоборческого собора 754 г. В 755 г. прихожане предложили Иоанна в епископы и послали его в Иверию, где в 758 или 760 г. католикос рукоположил Иоанна в сан епископа. После смерти в 780 г. Льва IV Хазарина, сторонница иконопочитания императрица Ирина позволила Иоанну посетить столицу, где он встречался с патриархом Павлом (780–784) [Васильевский 1912, с. 396–397; Auzéry 2006, p. 78–81]. По словам автора жития, после VII Вселенского (II Никейского) собора, восстановившего иконопочитание 787 г., епископа Готии вместе с паствой выдали хазарским властителям.

Епископ Иоанн примкнул к заговору «τῶ κυρῶ τῆς Γοτθίας καὶ τοῖς ἄρχουσι αὐτοῦ – господина Готии и ее архонтов» и ее народа против захвата хазарами Готии. Каган ввел «τὸ κάστρον αὐτῶν τὸ λεγομένον Δόρος – в крепость, называемую Дорос» хазарский военный отряд. Не смирившиеся с этим, епископ Готии Иоанн и его паства изгнали хазар из Дороса и «завладели горными проходами – τὰς κλεισοῦρας ἐκράτησεν». Жители одного селения предали архиерея. Каган пощадил господина Готии, но казнил «семнадцать рабов – δεκαεπτὰ δὲ δούλους». Возможно, рабами названы крестьяне. Иоанна же отправили в хазарскую тюрьму в Фулы, из которой он бежал в Амастриду, где через четыре года скончался. Епископ Амастриды святой Георгий возглавлял торжественную процессию по отправлению мощей святого Иоанна на родину в Партениты, к месту погребения в монастыре св. Апостолов Петра и Павла [Васильевский 1912, с. 396–398; Auzéry 2006, р. 78–81]. В Партените в 1871 г. Д. М. Струков раскопал предалтарную часть базилики. В вымостке пола Партенитской базилики нашли плиту с надписью, сообщающей о возобновлении митрополитом города Феодоро и Готии Дамианом в 1427 г. храма Апостолов Петра и Павла, основанного «...архиепископом города Феодоро и всея Готии Иоанном Исповедником...» [Латышев 1896, с. 77, 78, № 70]. Н. И. Репников исследовал храм, раскрыв трехнефную трехапсидную базилику с резными мраморными капителями и мозаиками. Судя по выявленной в раскопе стратиграфии, храм дважды разрушали (в конце X в. и в 1475 г.) и восстанавливали в 1472 г. и в XVI в. [Репников 1909, с. 91–137].

Изложенная в житии последовательность событий противоречит данным протоколов VII Вселенского (II Никейского) собора. Протоколы первого и третьего заседаний монах Кирилл подписал по поручению епископа Готии Никиты [Sacrorum conciliorum 1766, col. 993–994, C; 1767, 384 B], а решение четвертого заседания монах Кирилл подписал за епископа Готии Иоанна [Sacrorum conciliorum 1767, col. 384]. В протоколах седьмого заседания в подписи Кирилла вместо имени представляемого им епископа написано название города Никополь. В латинском переводе Анастасия имя епископа исправлено на Niceri [Sacrorum conciliorum 1767, col. 383–384]. По предположению В. Г. Васильевского, в протоколе седьмого заседания по ошибке

вместо имени епископа Никиты вписали название города [Васильевский 1912, с. 415–416]. Как установил изучавший протоколы Э. Ламберц, протоколы VII Вселенского (II Никейского) собора 787 г. подписал монах Кирилл по поручению епископа Готии (ἐπίσκοπου Γοτθίας) Никиты, а в более позднее время в один из протоколов дописали имя Иоанна [Lamberz 2004, S. 31, 46, 47; Ajbabin 2011, S. 196]. Учитывая вывод Э. Ламберца, следует предположить, что Иоанн отсутствовал на заседаниях собора, поскольку он уже находился в хазарской тюрьме. Очевидно, епископ Иоанн участвовал в восстании против хазар не по окончании заседаний VII Вселенского собора, а до его созыва (но после 784 г). Восстание против хазар могло произойти в период после возвращения Иоанна из Константинополя в 784 г. и до созыва VII Вселенского собора в 787 г. Новым епископом Готии назначили Никиту. Его и представлял на заседаниях собора монах Кирилл [Айбабин 2006, с. 619].

Очевидно, в 784 году хазарские войска вторглись в Готию для пресечения попытки императора Восточной Римской империи Льва IV вернуть климаты. Против хазар неудачно выступили господин Готии и архонты крепостей.

Агиографические источники подтверждают сохранение во второй период иконоборчества клириками и паствой Готской епархии приверженности к иконопочитанию. В написанном между 821 и 826 гг. ответном письме архимандриту Готии Филарету Федор Студит обличал нарушителей правил монашеской жизни в монастырях Готии [Theodori Studitae 1992, Vol. I, Елѡт. 486, S. 443–444; Vol. II, Елѡт. 486, S. 714–716]. Интересен сам факт обращения архимандрита Готии с просьбой разрешить спор к опальному во второй период иконоборчества духовному вождю иконопочитателей. В составленном в 816 г. житии поборника иконопочитания Святого Стефана Нового дан совет монахам после собора 754 г. искать убежище в регионе близ Херсона [Auzéry 1999, p. 125, 19, 219]. А. А. Васильев, А. Л. Якобсон и другие используют данные свидетельства для доказательства массовой эмиграции в период иконоборчества монахов-иконопочитателей в Готию и связывают с этим событием возникновение в горах новых пещерных монастырей в Шулдане, Качи-Кальоне и других [Vasiliev 1936, p. 88, 89; Якобсон 1964, с. 32–33]. Однако М.-Ф. Озепи отметила весьма приблизительное отражение в

тексте жития Стефана Нового ситуации времени его создания [Auzéry 1997, p. 283]. Достоверно известно только о создании во второй половине VIII в. монастыря в Партенитах.

Нарративы свидетельствуют о сохранении хазарами в Готии существовавшей административной системы. В «Житии Святого Иоанна Готского» отмечены страна Готов (χώρας τῶν Γότθων), проходы по горным ущельям – клисуры (τὰς κλεισοῦρας ἐκράτησεν), господин Готии (κύριος τῆς Γοτθίας), архонты крепостей и крепость, называемая Дорос (τὸ κάστρον αὐτῶν τὸ λεγόμενον Δόρος) [Auzéry 2006, p. 78–81; Айбабин 2006, с. 617–618]. Феодор Студит в 808 г. упоминал архонта Готии и ее климатов (Γουθία καὶ τοῖς κλίμασιν αὐτῆς) [Theodori Studitae 1992, Vol. II, Еπιστ. 31, 95, p. 84, 88; Vasiliev 1936, p. 106], а Игнатий (умер вскоре после 845 г.) в житии патриарха Никифора (808–815 гг.) писал о правителе народа Таврических климатов [Vita Sancti Nicephori 1865, Col. 71, 72]. Патриарх Никифор в 808 году в Константинополе встречался с правителем Готии [Les régestes 1989, p. 37, n. 377a] и возмущался поведением правителя тамошнего народа (ὁ γὰρ τὴν τότε τοῦ ἔθνους ἡγεμονίαν ἐπανηρημένος) в Таврических Климатах (ἐν τῶν Ταυρικῶν κλιμάτων) [Nicephori 1880, p. 160; Vasiliev 1936, p. 106; Ajbabin 2011, S. 198–199].

Должности архонт или «господин Готии – κύριος τῆς Γοτθίας» и «правитель народа Таврических климатов» отсутствуют в византийских табелях о рангах. Следует отметить, что лишь однажды в источниках шла речь о крестьянах – в рассказе о казни хазарами участвовавших в восстании «δὲ δούλους – рабов».

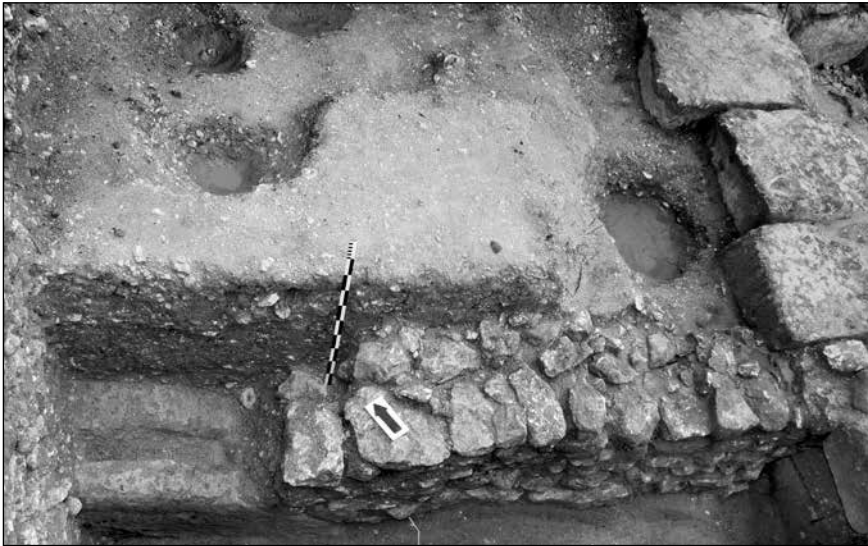
В рассмотренных нарративных источниках упомянуты расположенные на Внутренней гряде столица Готии **φρούριον** или **κάστρον** Дорос, а также безымянные другие населенные пункты – **κάστρον** или двадцать **πολισμάτων** (gen pl. от **πόλισμα** – город). Скорее всего, **πόλισμα** находились на плато Эски-Кермен, Бакла, Чуфут-Кале и на других останцах Внутренней гряды. Можно предположить, что Никифор писал о двадцати архонтах городов и поселений Климатов. По словам А. П. Каждана, византийцы в рассказах о первой четверти IX в. лексемой **κάστρον** именовали как большие и маленькие поселения Фракии и Македонии, так и приграничные и другие крепости и города, например, Авидос и Адрианополь [Каждан 1954, с. 176]. Он считает лексемы **κάστρον**, **πόλις** и **πόλισμα** взаимозаменяемыми [The

Oxford Dictionary 1991, Vol. 3, p. 1692]. По заключению М. Я. Сюзюмова, центральная власть признавала **κάστρον** городом (**πόλις** и **πόλισμα**), в котором выполнялись какие-либо управленческие (государственные и церковные) функции. По его мнению, поскольку в обстановке постоянной военной опасности ни один город не мог существовать без солидных укреплений, равно как ни один военный центр не мог обходиться без соответствующего развития экономики, то в терминологии источников VII – середины IX в. наименования «кастрон» и «полис» переплетаются [Сюзюмов 1967, с. 40]. Об эквивалентности терминов **κάστρον** (крепость) и **πόλισμα** писал и К. Цукерман [Zuckerman 1997, p. 218, note 28].

Наше представление о городах Готии дополняют материалы археологических раскопок. После VII Вселенского Собора между 787 и 805 гг. [Цукерман 2010, с. 402–405] проект преобразования Готской епархии в митрополию отражает стремление Константинополя через Готию распространить христианство.

Φρούριον или **κάστρον Δόρος** на плато **Мангуп**. В хазарский период Дорос был столицей Готии. В городе находилась резиденция епископа Готии. По мнению А. Г. Герцена и В. Е. Науменко, Дорос являлся крепостью-убежищем для относительно немногочисленного населения, с редкими усадьбами и хозяйственными комплексами, сосредоточенными в основном в северо-восточной части Мангупского плато. Они отнесли к хазарскому периоду вырубленные в скале тарапаны, свидетельствующие о занятии населения виноградарством и экспортным виноделием [Герцен, Науменко 2018, с. 624–626]. В ходе восстания против хазар боевые столкновения происходили лишь в Доросе и клисурах. Захватившие Дорос хазары разрушили участки городских оборонительных стен. В конце VIII в. в Доросе ремонтировались разрушенные хазарами оборонительные стены. Видимо, одновременно восстановили кафедральный храм Готской епархии, а на руинах крещальни построили храм [Тиханова 1953а, с. 382–386].

Πόλισμα на плато **Эски-Кермен**. В хазарский период на плато продолжалась жизнедеятельность в возведенных в предшествующий период жилых кварталах и функционировала базилика [Айбабин 2007, с. 137]. Немногочисленные находки этого периода встречены и в слоях, перемещенных жителями

**Рис. 49. Город на плато Эски-Кермен.
Усадьба хазарского времени, построенная
около засыпанной восточной оборонительной стены.
Вид с юго-запада. Фото автора**

Эски-Кермена к оборонительным стенам [Айбабин 2010а, с. 218–221]. Слой пожара, обнаруженный при зачистке притвора и центрального нефа базилики, Ф. И. Шмит синхронизировал с подавлением хазарами в конце VIII в. восстания под руководством епископа Иоанна Готского [Шмит 1932, с. 223, 253]. Однако слой разрушения, выявленный в помещениях усадеб, раскрытых на главной улице и на противоположной от западной стены базилики стороне площади, образовался не в конце VIII в., а в конце XIII в. [Айбабин 2010а, с. 214–239; 2014, с. 240–277; 2018а, с. 277–304; Хайрединова 2021, с. 27–31].

Как установлено в результате раскопок восточной оборонительной стены, ее внутреннюю сторону засыпали в конце VIII в., вполне вероятно, по приказу хазарского военачальника. На вновь образованной дневной поверхности соорудили усадьбу (рис. 49). В 2006 г. зачистили участок ее двора с ямами для четырех пифосов для хранения зерна и северо-восточную часть прямоугольного подвала, вплотную пристроенного к внутренней облицовке оборонительной стены. Северо-восточный борт кот-

лована подвала был облицован кладкой, сооруженной в перевязь с плитой перекрытия оборонительной стены [Айбабин 2010а, с. 218].

Судя по раскопанным на территории некрополя на юго-восточном склоне плато многочисленным захоронениям хазарского времени, численность населения города, по крайней мере, не сократилась [Айбабин 2010а, с. 219–222]. На плато Эски-Кермен в исследованных с 2003 г. усадьбах этого периода имелись зернохранилища, кормушки для домашних животных. В двух усадьбах раскрыты тарапаны [Айбабин 2010а, с. 222]. Жители города на плодородных землях в прилегающих к плато долинах выращивали злаки, возделывали сады и виноградники, а также содержали домашний скот.

Πόλισμα на горе **Бакла**. Д. Л. Талис и В. Е. Рудаков в примыкающем к цитадели посаде раскрыли дома, которые по керамике отнесли к VIII–IX вв. [Талис 1969, с. 60–61; Рудаков 1975, с. 25–28; 1979, рис. 2, 1, 3–5]. К сожалению, в публикациях и отчетах авторы не отразили зафиксированную в помещениях стратиграфию и не указали из каких построек происходят комплексы керамики. По публикациям можно лишь с уверенностью говорить об активной жизнедеятельности на плато в хазарский период.

В 600 м от подножия склона Баклы находится одновременное поселение. На его территории раскрыты строительные остатки однефного храма с притвором. В зачищенных в храме и рядом с ним плитовых могилах найдены салтовские перстень со стеклянной вставкой, подвеска и украшения VIII–IX вв. [Рудаков 1984, с. 40]. В храме и рядом с ним зачищены гробницы, сложенные из грубо обтесанных блоков местного известняка. В гробнице, изученной мною вместе с И. А. Барановым в 1984 г. на храмовом некрополе, на блоках боковой стены было вырезано граффити: «+Υπὲρ μνήμης (καὶ) ἀναπαύσεως τοῦ δούλου σου Θεωδώρα (καὶ) τῆς συβίου αὐτοῦ Τζᾶλ βανδᾶ, ἀμήν – +Ради памяти и вечного покоя раба твоего Феодора и жены его Чал мастерил. Аминь!» [Сидоренко 1997, с. 642–643]. На другом блоке из склепа вырезаны буквы двухстрочного граффити ...ΟΤΑΧΙ... ΜΑΝ... и фигура лошади. На полу лежали кости четырех погребенных по христианскому обряду, фрагменты стеклянного бокала, бронзовые салтовские поясные пряжка, наконечник и бляшка второй половины VIII – IX в. и другие

вещи, типичные для готов и алан. В склепе, несомненно, погребены местные аланы.

Πόλισμα на плато **Чуфут-Кале**. Достоверные свидетельства продолжения жизнедеятельности на плато обнаружены только в погребальных сооружениях на расположенном ниже по склону могильнике. Отмечу позолоченное подражание солидам Константина V 741–751 гг. из склепа 110 [Кропоткин 1965, с. 110, 114, рис. 44, 3, 4].

А. Л. Бертье-Делагард, А. А. Васильев и другие локализовали на Чуфут-Кале известное по агиографическим источникам поселение Фулы [Бертье-Делагард 1920, с. 91, 127; Vasiliev 1936, р. 98]. Как явствует из текста «Жития Святого Иоанна Готского», Фулами был приморский город, которым управлял хазарин, назначенный каганом. В тексте жития «ὁ κύριος τῶν αὐτῶν Φούλων – правитель (господин) тех же самых Фул» освобождает из хазарской тюрьмы Святого Иоанна [Auzéry 2006, р. 84–85]. Поскольку Чуфут-Кале расположен далеко от моря в горах, то Фулы следует локализовать на холме Тепсень в современном Коктебеле [Айбабин 1999, с. 215].

ТАВРИКА В ФЕМНЫЙ ПЕРИОД

Константин Багрянородный в написанном между 948 и 952 гг. трактате «De administrando imperio» сообщает о восстановлении императором Феофилом (829–842) имперской администрации в Климатах Готии [Constantine Porphyrogenitus 1967, p. 184–185]. О том же повествуется и в завершенных в 963 г. анонимных хрониках, приписанных Продолжателю Феофана (συνεχιστᾶί Θεοφάνους) [The Oxford Dictionary 1991, p. 2061, 2062]. В возвращенных Климатах Готии Константинополь дважды реформировал административную структуру и усилил роль православной церкви.

6.1. Первая реформа структуры управления Климатами

В сочинениях Константина Багрянородного и Продолжателя Феофана описано прибытие в Константинополь послов кагана хазар и пеха (бека). Они привезли императору Феофилу послание с просьбой построить для хазар крепость Саркел (Белый дом) на реке Танаис, разделяющей печенегов и хазар, для защиты от варваров, угрожавших хазарским землям [Constantine Porphyrogenitus 1967, p. 182–183; Константин Багрянородный 1989, с. 170–171; Theophanes Continuatus 1838, p. 122–123; Продолжатель Феофана 2009, с. 84]. О дате события судят по рассказу Продолжателя Феофана о приезде послов в Константинополь через год после избрания патриархом Иоанна Грамматика, то есть в 838 г. [Treadgold 1988, p. 313, 448; Zuckerman 1997, p. 211]. По мнению Э. Арвейлер и Д. Оболенского, обратившиеся за военной помощью к Византии хазары опасались венгров [Ahrweiler 1971, p. 48; Obolensky 1978, p. 128–129].

Император Феофил отправил в место сближения рек Волги и Дона экспедицию во главе со спафарокандидатом Петроной Каматиром. Приплывшая в Херсон экспедиция погрузилась на плоскодонные корабли (εἰς καματέρὰ καράβια) и отправилась по реке Танаис. Под руководством Петроны византийцы возвели там для хазар крепость Саркел [Constantine Porphyrogenitus 1967, p. 183–185; Константин Багрянородный 1989, с. 170–173]. По возвращении в Константинополь Петрона в отчете о постройке Саркела предложил Феофилу назначить своего стратига в Херсон: «Εἰ θέλῃς ὅλως τὸ τῆς Χερσῶνος κάστρον καὶ τοὺς ἐν αὐτῇ τόπους κυρίως ἐξουσιάζειν καὶ τοὺς μὴ τῆς σῆς ἐκτὸς γενέσθαι χειρὸς, προβάλλου στρατηγὸν ἴδιον, καὶ μὴ τοῖς ἐκείνων καταλιτεύσης πρωτεύουσι τε καὶ ἄρχουσι – Если ты хочешь всецело и самовластно повелевать крепостью Херсоном и местностями в нем и не упускать их из своих рук, избери собственного стратига и не доверяй их протевонам и архонтам» [Constantine Porphyrogenitus 1967, p. 184–185; Константин Багрянородный 1989, с. 172–173].

Феофил воспользовался союзными отношениями с хазарами и вернул империи Херсон и Климаты Готии. Восточный и равнинный Крым остались под контролем хазар до 873 г. [Айбабин 2021в, с. 486]. Император присвоил Петроне ранг протоспафария и назначил его стратигом в Херсон «...ὄν καὶ πρωτοσπαθάριον τιμήσας, προεβάλετο στρατηγόν, καὶ εἰς Χερσῶνα ἐξαπέστειλεν» [Constantine Porphyrogenitus 1967, p. 184–185]. Тем самым император создал новый военно-административной округ фему (θέμα), стратиг которой управлял крепостью Херсона «и местностью в нем» – «τὸ τῆς Χερσῶνος κάστρον καὶ τοὺς ἐν αὐτῇ τόπους...» [Constantine Porphyrogenitus 1967, p. 184–185; The Oxford Dictionary 1991, p. 2034].

Традиционно описанное событие относили к 833 г. [Vasiliev 1936, p. 108; The Oxford Dictionary 1991, p. 419; Haldon 1999, tabl. 3, 2; Оболенский 2012, с. 187] или 837 г. [Васильевский 1889, с. 273–274]. К. Цукерман аргументировал возведение крепости Саркел зимой 840/841 гг., а образование фемы летом 841 г. [Zuckerman 1997, p. 214].

В датированном 842–843 гг. «Тактиконе Успенского» упомянуты «патрикий и стратиг Климатов – ὁ πατρίκιος καὶ στρατηγὸς τῶν Κλιμάτων» и «οἱ ἄρχοντες (Χερ)σῶνος – архонты Херсона» [Oikonomidès 1972, p. 45, 48–49; Шене 2000, с. 311]. Н. Икономи-

дис отождествлял Климаты с Херсоном: «la mention du stratège des Klimata, c'est-à-dire de Chersôn – упоминание о стратиге Климатов, то есть Херсона» [Oikonomidès 1972, p. 45]. В коллекции Дамбартон-Оукс хранится печать с надписью «...τῶν πέντε Κλιμάτ(ων) – пяти Климатов» [Nesbitt, Oikonomides 1991, p. 182]. Очевидно, пятью Климатами были Херсон и климы соседней Готии [Айбабин 1999, с. 211; Айбабин, Хайрединова 2017, с. 306–307]. В надписи на печати из Херсона И. В. Соколова восстановила «...τῶν Κλιμάτων τῆς Χερσῶνος – ...Климатов Херсона» [Соколова 1983, с. 74, 75, 149, 150, № 14]. К. Цукерман предложил иное чтение: «τῶν Κ(λιμάτων) (καὶ) Χερσ(ῶνος) – Климатов и Херсона» [Zuckerman 1997, p. 220]. По мнению К. Цукермана, фему пяти Климатов на полуострове учредили в 841 г., спустя некоторое время ее стали именовать фемой Климатов и Херсона, а в начале 850-х гг. – фемой Херсона [Zuckerman 1997, p. 214–215, 217]. Однако из Херсона, Сугдеи и Готии происходят и другие печати с легендой «...στρατηγῶ τῶν Κλιμάτων τοῦ Χερσῶνος – ...стратиг Климатов Херсона» [Алексеев 2017, с. 264–269].

Новая фема по структуре отличалась от других приграничных фем, разделенных на две или четыре турмы [Успенский 1900, с. 158–162; Glycatzi-Ahrweiler 1960, p. 80–81; Мохов 2004, с. 16]. В Херсоне не найдены печати турмархов. Согласно Константину Багрянородному, фема состояла из Херсона и соседних Климатов: «...Χερσῶνα καὶ τὰ λεγόμενα κλίματα – Херсон и так называемые Климаты» [Constantine Porphyrogenitus 1967, p. 48], «...Χερσῶν καὶ τὰ κλίματα – Херсон и Климаты» [Constantine Porphyrogenitus 1967, p. 64]. Император «...повелел тогдашнему протевону и всем повиноваться ему (стратигу). С той поры до сего дня стало правилом избирать для Херсона стратигов из здешних – ...δρίσας τῶν τότε πρωτεύοντα καὶ πάντας ὑπείκειν αὐτῷ, ἐξ οὐ καὶ μέχρι τῆν σήμερον ἐπεκράτησεν ἀπὸ τῶν ἐντεῦθεν εἰς Χερσῶνα προβάλλεσθαι στρατηγοῦς» [Constantine Porphyrogenitus 1967, p. 184–185].

Н. Икономидис отождествлял Климаты с Херсоном: «la mention du stratège des Klimata, c'est-à-dire de Chersôn – упоминание о стратиге Климатов, то есть Херсона» [Oikonomidès 1972, p. 45]. Он полагал, что стратиг обладал верховной властью в данном регионе, а упоминание в тактиконе архонтов Херсона показывает, что они также были признаны чиновниками империи [Oikonomidès 2000, с. 321]. Как глава гражданской администра-

ции, стратиг ведал судебными, финансовыми, налоговыми делами провинции, отвечал за порядок на вверенной ему территории [Glycatzi-Ahrweiler 1960, p. 35–38]. В Херсоне известны и печати имперских коммеркиариев (κομμερκιάριος) середины IX – X в. [Алексеевко 2017, с. 122–123, 358–400]. В составленном Филофеем в 899 г. таблице о рангах (Κλητορολόγιο) имперские коммеркиарии контролировали импорт и экспорт и собирали некоторые пошлины в фемах и портах, в том числе и в Херсоне [Oikonomidès 1972, p. 113, 313].

Восточная Римская империя создала в Климатах Херсона структуру администрирования, подобную существовавшей до захвата региона хазарами. После 845 г. Климаты возглавлял правитель народа Таврических климатов [Ignatii 1880, p. 160; Ajbabin 2011, S. 198–199]. Резиденции правителя Климатов и епископа Готии находились в φρούριον или κάστρον Дорос на плато Мангуп, а резиденции архонтов клим в πολίσιμα – на плато Эски-Кермен, Бакла и Чуфут-Кале [Айбабин 2021в, с. 486; Айбабин, Хайрединова 2017, с. 306–307].

Видимо, в 850 или 860 г. распространились печати стратигов фемы Херсона [Зайбт, Зайбт 1995, с. 91–92]. В таблице о рангах Филофея уже упомянут стратиг Херсона [Oikonomidès 1972, p. 101, 105]. По утверждению К. Цукермана, Ж.-К. Шене и примкнувшего к ним Н. А. Алексеевко, фему переименовали в связи с неспособностью имперской администрации контролировать Климаты [Zuckerman 1997, p. 214–215, 217; Шене 2000, с. 310; Алексеевко 2017, с. 81, 264]. Как аргументированно отмечал Н. Икономидис, замена топонима Климаты названием Херсон не имела административного значения: «L'abandon du terme Klimata et son remplacement par le nom de Cherson n'a pas, à mon avis, de signification administrative...». Власть стратига Херсона распространялась на Климаты и во второй половине IX – X в. [Oikonomides 2000, p. 321, 323]. Константин VII отчетливо указывал на вхождение крепостей в состав фемы Херсона. В случае восстания херсонитов император рекомендовал: «Ἐἶθ' οὕτως ὀφείλει δέξασθαι καὶ ὁ στρατηγὸς τοῦ κόψαι καὶ τὰς δέκα λίτρας, τὰς διδομένας ἀπὸ τοῦ δημοσίου εἰς τὸ κάστρον Χερσῶνος, καὶ τὰς δύο τοῦ πάκτου, καὶ τηνικαῦτα ἀναχωρῆσαι ἀπὸ Χερσῶνος τὸν στρατηγὸν καὶ ἀπελθεῖν ἐν ἑτέρῳ κάστρῳ καὶ καθεσθῆναι ἐκεῖσε. καὶ τηνικαῦτα ἀναχωρῆσαι ἀπὸ Χερσῶνος τὸν στρατηγὸν καὶ ἀπελθεῖν ἐν ἑτέρῳ κάστρῳ καὶ

καθεσθῆναι ἐκεῖσε – Затем также и стратиг должен приняться за дело и отменить десять литр, выдаваемые крепости Херсон из казны, и две [литры] пакта, а затем стратиг уйдет из Херсона, **и отправится в другую крепость** и обоснуется там» [Constantine Porphyrogenitus 1967, p. 286–287]. То есть, стратиг должен был покинуть Херсон и поселиться в другой крепости, из которой будет управлять регионом. Херсон же лишался преимуществ, получаемых от постоянного присутствия в городе имперской администрации – ренты и субсидий. Из-за смещения экономической деятельности и торговли в новую столицу региона, она могла бы соперничать с Херсоном.

По мнению Н. Икономидиса, стратиг ежегодно выплачивал городу Херсону (κάστρον Χερσῶνος) очень значительную сумму в десять λίτρας (фунтов = 72 золотых солида) для обеспечения лояльности херсонитов. Бенефициариями были в основном знатные люди города или власти муниципальной администрации. Раздача денег иностранным нотаблям была характерна для византийской политики. Н. Икономидис считал пактон в две литры платой за помещение, предоставляемое стратигу и его свите для резиденции [Oikonomides 2000, p. 322], а Ж.-К. Шене – вознаграждением за оказываемые херсонитами услуги войску [Шене 2000, с. 310]. В комментарии к изданию перевода «Об управлении империей» на русский язык пакт отождествлен с платой за воинскую помощь [Константин Багрянородный 1989, с. 457]. В американском издании этого сочинения лексема λάκτων переведена на английский как tribute – дань, оброк, подношение [Constantine Porphyrogenitus 1967, p. 287]. В труде Константина VII плательщиками пакта всегда являлись подвластные города или племена, или их вожди, но не жители империи [Константин Багрянородный 1989, с. 436]. Очевидно, и стратиг фемы Херсона получал «две [литры] пакта» [Constantine Porphyrogenitus 1967, p. 286–287] от архонтов подвластных Климатов.

После учреждения фемы в названных выше κάστρον и πόλιςμα восстановили некоторые оборонительные сооружения.

Φρούριον или **κάστρον Δόρος** на плато **Мангун** сохранил статус административной и экономической столицы Климатов, а также резиденции епископа Готии [Айбабин 2021в, с. 487]. По данным исследователей Дороса, на плато раскрыты не менее восьми архитектурно-археологических объектов, отнесенных к фемному

периоду [Науменко и др. 2022, с. 166]. В процессе археологического изучения выявлены свидетельства реконструкции в середине IX в. укрепления А.ХI Главной линии обороны крепости, перегородаживающего балку Табана-дере [Герцен и др. 2021, с. 38, 40]. Наземные и скальные постройки второй половины IX – XI в. расчищены на месте дворца князей Феодоро 1425–1475 гг. [Науменко, Душенко 2017, с. 226–231]. Слой с керамикой и монетами фемного периода второй половины IX – X в. выявлен в цитадели на мысе Тешкли-Бурун. В Лагерной балке прослежен слой разрушения одновременной застройки. Продолжали функционировать многочисленные винодельни. На плато и его склонах строились новые храмы [Герцен, Науменко 2018, с. 626–627].

Πόλιςμα на плато **Эски-Кермен**. В фемный период в πόλιςμα на плато Эски-Кермен, так же как и в других одновременных византийских городах, активизируется жизнь [Bouras 2002, p. 501–503; Kazhdan, Epstein 1985, p. 31–39; Айбабин 2019а, с. 23]. В πόλιςμα сформировался градостроительный облик позднего периода [Айбабин 2014, с. 240–241]. По периметру плато восстановили такие ключевые элементы оборонительной системы как башни с бойницами и казематы, вырубленные в скальном массиве мысов, выступающих на восточном и западном фасадах горы, а также главные ворота. Башня, защищавшая главные ворота, функционировала до гибели города. Ее сложенные из прямоугольных блоков стены зачистили в 1929 г. [Репников 1932, с. 193].

В X–XI вв. многие византийские города представляли собой хаотичное скопление построенных без соблюдения какого-либо плана домов [Bouras 1981, p. 638–639; Rheidt 1990, p. 195–204, Abb. 11, 12]. На плато Эски-Кермен в застроенной части сохранили многие созданные в раннее средневековье элементы градостроительного облика: сетку кварталов правильной прямоугольной формы, главную проезжую улицу, проложенную между главными воротами и центральной площадью с большой базиликой. На скальной поверхности широкой главной улицы колесами повозок выбиты глубокие колеи (рис. 50). Вторая продольная улица прослеживается на нижней террасе между главной улицей и западным краем плато. Расположенные по обе стороны продольных главной и параллельной ей улиц прямоугольные кварталы состояли из нескольких двухэтажных усадеб (ил. 55; 56; рис. 51). Первые хозяйственные этажи заглублены в материковую скалу.

**Рис. 50. Город на плато Эски-Кермен.
Главная дорога, на скальной поверхности которой
видны глубокие колеи от колес повозок. Фото Э. А. Хайрединовой**

Во всех усадьбах в хозяйственных помещениях зачищены вырубленные в скале зернохранилища с пифосами, ямы для ручных мельниц и кормушки для домашних животных (ил. 58; рис. 52; 53), а также найдены каменные мукомольные жернова, железные серпы, садово-виноградарские ножи и другие орудия труда (ил. 57; рис. 54) [Айбабин 2014, с. 240–241, 243–245; 2018а, с. 279, 283; Айбабин, Хайрединова 2015, с. 394–397]. Между кварталами на поверхности скалы под прямым углом к широким продольным улицам проложены узкие поперечные улицы [Айбабин 2014, с. 241–243; 2018а, с. 277–304].

Пóлиςμα на горе **Бакла**. В результате раскопок Д. Л. Талиса на Бакле зафиксирована реконструкция цитадели. На ее северо-восточном участке засыпали вырубленные в скале цистерны, а по верх заполнения из хорошо отесанных каменных блоков (0,9×0,5×0,4 м) на известняковом растворе сложили новую облицовку ранней куртины. Промежутки между ней и ранней кладкой заполнили бутом и залили тем же раствором. На юго-восточном фланге стены у обрыва зачищено высеченное в скале полукруглое

Рис. 51. Город на плато Эски-Кермен. Кварталы I и II, выходящие на главную улицу. Сводный план.

а – номера усадеб; б – номера помещений в усадьбах;
в – следы несохранившихся стен

основание башни или боевой площадки. Внешний и наружный панцири второй мощной куртины (толщина 2,5 м) сооружены на материковой скале из хорошо отесанных блоков от 0,4×0,4×0,3 до 0,6×0,4 м на известняковом растворе. В северном углу цитадели в месте стыка обеих куртин зачищены калитка или ворота и прямоугольная башня с фундаментом из плит и стенами, сложенными так же, как и новые куртины [Талис 1974, с. 99–104]. По конструкции и характеру кладки оборонительные стены Баклы аналогичны куртинам и башням, возводившимся в Херсоне и других регионах Византии с IX в. [Foss, Winfield 1986, p. 142–145, fig. 10, 15, 18]. Дата реконструкции куртины определяется по содержащимся в земле из засыпанных цистерн фрагментам красноглиняных

**Рис. 52. Город на плато Эски-Кермен.
Квартал I, усадьба 2 и прилегающие к ней постройки**

Рис. 53. Город на плато Эски-Кермен. Квартал I.

1 – усадьба 2, зернохранилище в помещении 5;

2 – усадьба 1, помещения 5 и 6

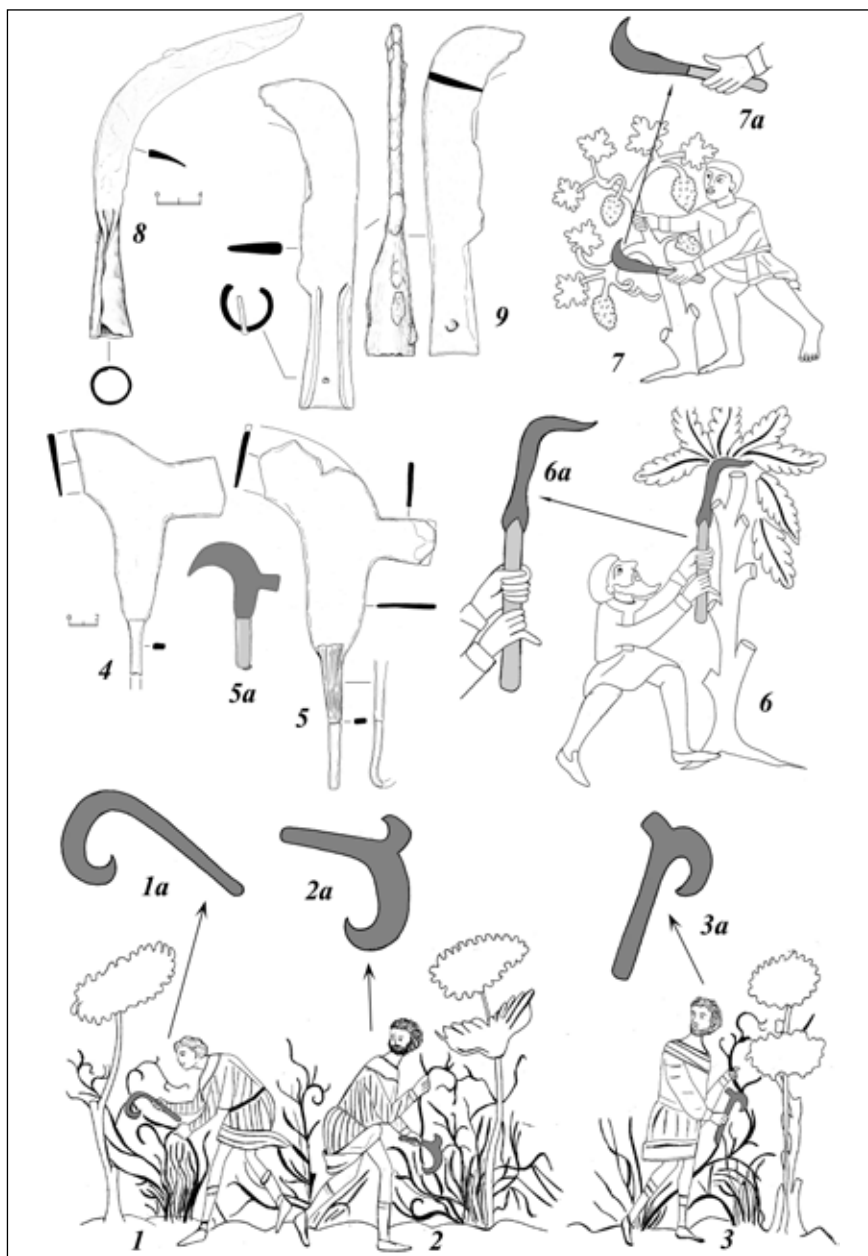

Рис. 54. Город на плато Эски-Кермен.

Садово-виноградарские (8,9) и виноградарские (4,5) ножи из раскопок усадеб и изображение аналогичного инструмента на византийских миниатюрах (1-3,6,7) [по: Хайрединова 2022б]

ойнохой VII–IX вв., северопричерноморских амфор, а также горшков с венчиками с насечкой и с туловом со сплошным линейным и волнистым декором [Талис 1982, с. 57, 58, 63] второй половины VIII – X в. Д. Л. Талис, указав на отсутствие в заполнении цистерн фрагментов высокогорлых кувшинов с плоскими ручками и белоглиняных поливных сосудов, отнес извлеченную из них керамику к первой половине IX в. [Талис 1974, с. 104]. Слои, накопившийся в период функционирования оборонительных сооружений, перекрывших цистерны, он синхронизировал с IX–X вв. [Талис 1974а, с. 107]. Скорее всего, стены цитадели восстановили около середины IX в. [Талис 1974, с. 104], то есть вскоре после учреждения фемы Климатов [Айбабин 1999, с. 218]. В центральной части цитадели строится квартал домов. По утверждению Д. Л. Талиса, владельцу цитадели принадлежал двухэтажный дом с семью помещениями и двором. Одна из стен сложена из двух рядов массивных хорошо обтесанных блоков с забутовкой между ними. Нижний нежилой этаж углублен в скалу, на поверхности которой сохранились вырубki для деревянных столбов и сосудов. В юго-западной стене находились три дверных проема. Дом отделен узким проулком от другого жилого здания из двух помещений. В одном из них прослежен слой, содержащий высокогорлые кувшины с плоскими ручками и белоглиняную поливную посуду [Талис и др. 1973, с. 336]. Примыкающий к цитадели посад в X в. перепланировали и плотно застроили жилыми двухэтажными усадьбами. На первом этаже находились заглубленные в материк хозяйственные помещения с глиняными полами, а на втором этаже – жилые. Сохранились основания лестниц на второй этаж. В помещениях имелся выход в переулочек или в открытый двор. В. Е. Рудаков на участке площадью 205 м² раскопал 4 усадьбы, либо примыкающие одна к другой, либо разделенные узкими проулками шириной 0,6–0,7 м. Кварталы разделялись улицей шириной до 4 м [Талис 1971, с. 301; Рудаков 1975, с. 24–25; 1984, с. 39]. В 2003 году на посаде зачистили одноапсидный храм (ил. 60).

Πόλις на плато **Чуфут-Кале**. На южном фланге возведенной посредине плато стены сохранился нижний ярус лицевой кладки из одного–трех рядов известняковых блоков. Рассматриваемая кладка характерна для стен IX в. и более поздних [Foss, Winfield 1986, p. 142–145, fig. 10, 15, 18]. В шурфах на плато обнаружены

фрагменты керамики фемного периода, но не выделены закрытые комплексы керамики и инвентаря, позволяющие аргументировано отнести к этому времени какие-либо строительные остатки. На некрополе у подножья хоронили до конца IX в. [Айбабин 1993, рис. 2, 46; 5, 33].

Кáстро́в на плато **Сюйрень** априори относили к сооруженным Юстинианом I крепостям. Ее датировали по внешней и внутренней облицовочным кладкам возведенных на оконечности ограниченного обрывами мыса Куле-Бурун двух куртин и башни [Якобсон 1974а, с. 193–194]. Лицевые кладки сложены из хорошо обтесанных блоков на известковом растворе с примесью речного песка (ил. 61). На разрушенных участках западной куртины сохранились высеченные в скале постели. Узкий промежуток между ними заполнен бутом. Башня возведена вперевязь со стенами. В 1968 г. И. А. Баранов в выкопанном у юго-западного участка оборонительной стены шурфе зачистил вырубленную в скале постель для ее основания, а также проследил стратиграфию слоев. По керамике он отнес верхний слой к XIV–XV вв., средний слой с остатками пожара – к XII–XIII вв., а нижний слой – к VIII–IX вв. По утверждению И. А. Баранова, ранний материал содержался в слое, образовавшемся после возведения стены. Из слоя извлекли фрагменты гончарных ойнохой VII–IX вв. [Айбабин, Хайрединова 2014, с. 23, рис. 5, 13], причерноморских амфор второй половины IX – X в. и характерных для салтовской культуры горшков [Баранов 1971, с. 90–91; 1990, с. 61]. Одновременная керамика выявлена в нижнем слое в ходе раскопок на плато в 1978–1979 гг. [Воронин и др. 2014, с. 458, 463]. И. А. Баранов бездоказательно утверждал, что поскольку стены на плато сложены без фундамента, то они типичны для хазар. Однако вырубленные в скале под нижним рядом кладки постели обычны для византийских горных крепостей. По конструкции и характеру кладки оборонительные стены Сюйрени аналогичны куртинам и башням, возводившимся в Херсоне и других регионах Византии с IX в. [Foss, Winfield 1986, p. 142–145, fig. 10, 15, 18; Айбабин, Хайрединова 2017, с. 160, 162].

Отмечу отсутствие в слое фрагментов высокогорлых кувшинов с плоскими ручками, изготовлявшихся со второй половины IX в. Вероятно, кáстро́в на плато Сюйрень византийцы соорудили около середины IX в. после образования фемы Климатов.

6.2. Климаты после восстановления иконопочитания

Согласно агиографическим источникам, во второй период иконоборчества клирики и паства Готской епархии сохранили приверженность к иконопочитанию. В первой четверти IX в. архимандрит Готии Филарет советовался с опальным духовным вождем иконопочитателей Федором Студитом [Theodori Studitae 1992, Vol. I, Елѣт. 486, S. 443–444, 714–716]. В составленном в 816 г. житии поборника иконопочитания Святого Стефана Нового идет речь о совете монахам после собора 754 г. искать убежище в регионе близ Херсона [Auzéry 1999, p. 125, 19, 219]. А. А. Васильев, А. Л. Якобсон и другие используют данные свидетельства для доказательства массовой эмиграции в период иконоборчества монахов-иконопочитателей в Готию и связывают с этим событием возникновение в горах новых пещерных монастырей на Тепе-Кермене, Чилтере, Качи-Кальоне, Шулдане и в Инкермане [Vasiliev 1936, p. 88–89; Якобсон 1964, с. 32–33]. Вот только М.-Ф. Озепи указывала на весьма приблизительное отражение в тексте жития Стефана Нового ситуации времени его создания [Auzéry 1997, p. 283]. Поскольку почти все названные монастыри не раскапывались, то их датировки умозрительны [Могаричев 1997, с. 31–38, 77–82]. В какой-то степени о времени функционирования монастырей можно судить по выявленным в них граффити XIII–XVII вв. [Латышев 1896, с. 48, 62; Виноградов 2015, № V 160–165, 213–214, 218].

В 842–843 гг. в Византии была осуществлена церковная реформа. После кончины 20 января 842 г. Феофила императором провозгласили его малолетнего сына Михаила III, а реальную власть в Константинополе получили ставшие регентами сторонники иконопочитания его мать Феодора и ее соратники. На Соборе, созванном в Константинополе, низложили иконоборческого патриарха Иоанна Грамматика и 4 марта рукоположили патриархом Мефодия [Афиногенов 2004, с. 63–65]. Собор 11 марта 843 г. окончательно восстановил иконопочитание [Васильев 1900, Прил. III, с. 142–146; Успенский 1996, с. 776–781; Jenkins 1966, p. 150–152].

Торжество православия в империи усилило влияние церкви во всех сферах общественной жизни. Церковь продолжила миссионерскую деятельность в Причерноморье, в том числе в крымских епархиях [Оболенский 2012, с. 189]. Бесспорные свидетельства повсеместного укрепления позиции церкви выявлены в Климатах

отдаленной приграничной фемы. В процессе раскопок установлено, что с конца IX в. в городах на плато Эски-Кермен и Бакла были перепланированы городские кварталы, в каждом из которых на специально выделенных местах в X–XI вв. возводили новые общинные приходские церкви. Вероятно, тогда же на Внутренней горной гряде Крыма были основаны монастыри.

В **πόλις** на плато **Эски-Кермен** раскопано уже шесть квартальных однефных храмов (ил. 62; 63) [Айбабин, Хайрединова 2011, с. 429; 2020, с. 312–324]. В это же время прекращают использовать расположенный на юго-восточном склоне плато городской некрополь. На его территории распланировали огороды. Из Сирии и Малой Азии распространился аскетический христианский обряд захоронения в практически безынвентарных могилах и усыпальницах, с последующим перезахоронением в костницах. Умерших хоронят на небольших некрополях у стен квартальных храмов в пристенных гробницах и внутри церквей в вырубленных в скале могилах. В каждом храме сооружают костницы [Айбабин, Хайрединова 2020, с. 324]. В 2018 г. обнаружены археологические доказательства реконструкции в фемный период нартекса главного городского храма. В кладке нижнего ряда основания западной стены нартекса найдены залитые известковым раствором керамида IX–XI вв. [Хайрединова 2021, с. 111; Завадская 2021, с. 294]. Экспедиция Н. И. Репникова раскрыла пещерные храмы с усыпальницами, вырубленные в нижней части основного массива скалы и на площадках подъемной дороги к главным воротам (рис. 55; 56) [Репников 1932, с. 209; 1935, с. 22–35, рис. 7–9, 11, 14–15]. В храмовых усыпальницах найдены браслеты из синего стекла, деревянные гребни, бронзовые бубенчики, пуговицы и браслеты, серьги и височные кольца из гладкой бронзовой проволоки с сомкнутыми концами, перстень, свитый из двух бронзовых проволок [Айбабин 1991, с. 46, 47, рис. 6, 6–8, 16–17; 7, 1, 2, 5–8, 10, 16–17]. Судя по инвентарю, рассматриваемые усыпальницы и храмы вырублены в фемный период – не ранее X в. [Ajba bin 2013, S. 207–208, Abb. 37].

В **πόλις** на плато Бакла, по словам Д. Л. Талиса, в так называемом доме владельца цитадели, в одном из помещений соорудили домашнюю часовню с тщательно вымощенным полом, с одной апсидой и с некрополем [Талис и др. 1972, с. 370; 1973, с. 336; Рудаков 1984, с. 40]. Скорее всего, авторы информации о раскоп-

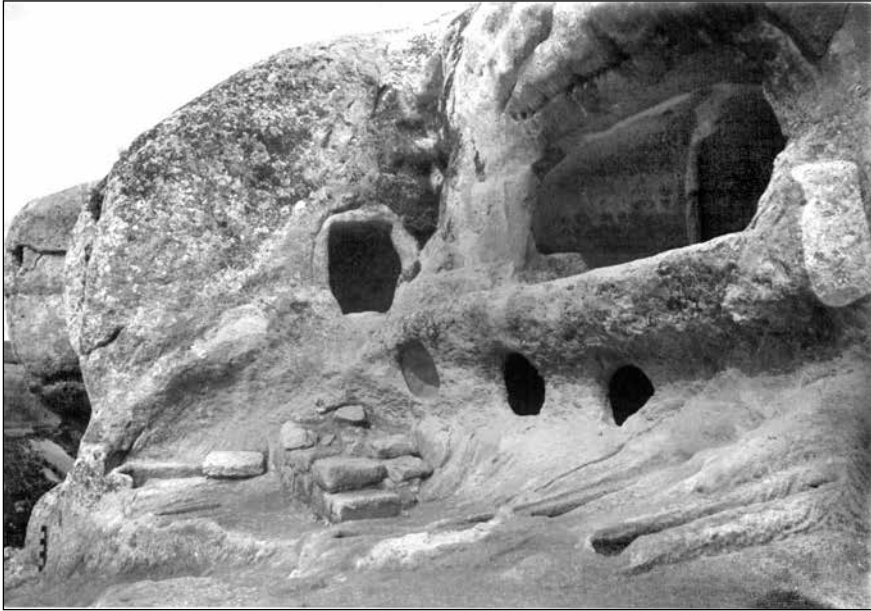

Рис. 55. «Большой пещерный храм» на верхнем марше подъемной дороги. Фото 1930 г. после расчистки дороги

ках не поняли стратиграфию строительных остатков. Отмечу, что одну могилу выкопали рядом с храмом, то есть якобы в жилом помещении. Вероятно, это помещение, так же как на плато Эски-Кермен, в конце IX – X в. разобрали и построили квартальный храм [Айбабин, Хайрединова 2020, с. 323]. Очевидно, среди его руин нашли арку с вырезанной надписью $\text{I}(\eta\sigma\theta\upsilon)\text{C X}(\rho\iota\sigma\tau\omicron)\text{C v}\kappa\acute{\alpha}$ [Соломоник 1991, с. 173–174]. После восстановления иконостаса, к концу IX в. жители города и ближайших поселений прекратили использовать некрополи «Скалистое» и «Баклинский овраг» и начали хоронить во вновь сооруженных квартальных храмах. Д. Л. Талис в 12 м от оборонительной стены раскрыл сложенную из хорошо обработанных блоков (0,6×0,4×0,3 м) стену храма длиной 19 м. Рядом с руинами храма зачищены гробницы [Талис 1968, с. 184–187]. Видимо, храм функционировал в X–XIII вв. Еще один одновременный одноапсидный храм с наосом и нартексом открыли в 2003 г. в 40 м к востоку от цитадели. На архитектурной детали из его южной стены вырезаны греческие буквы [...] ΕΤ[...] ...]Θ[...], отнесенные к X в. [Виноградов 2015, № V

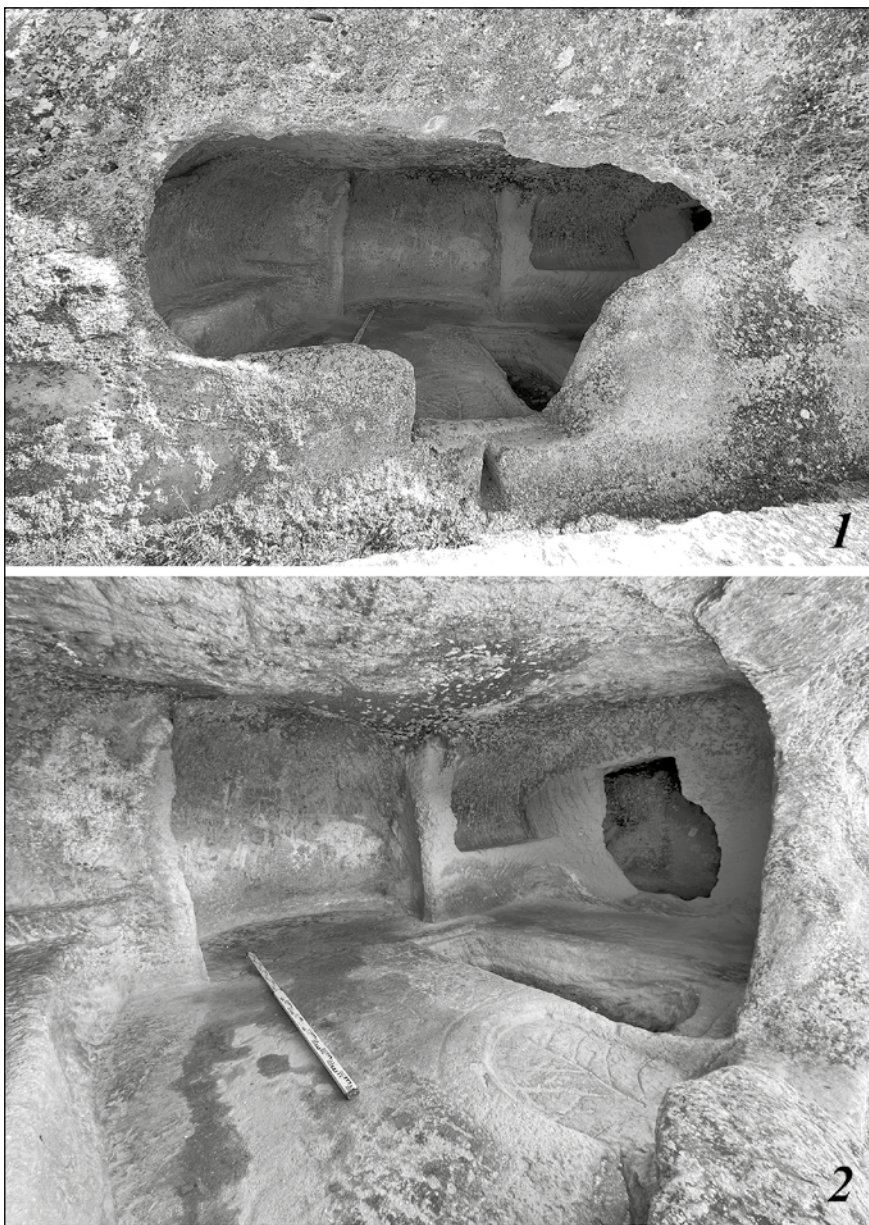

Рис. 56. Город на плато Эски-Кермен. Верхний марш подъемной дороги. «Пещерный храм у городских ворот».

1 – вход в храм, общий вид с юго-запада;

2 – внутренний вид храма с северо-запада.

Фото Э. А. Хайрединовой

120]. В 500 м к западу от городища на первой верхней скальной террасе вырублен храм с высеченными крестами на стенах [Маркевич 1889, с. 112; Волошинов, Клепинин 1913, с. 157–160; Петровский 1994, с. 67–70].

Созданные, возможно, в X в. храмы найдены близ Баклы. Руины храмов и плитовые могилы В. Е. Рудаков расчистил в долине в 600 м к югу от городища [Рудаков 1984, с. 40]. В северо-восточной части ущелья Глубокий Яр в естественном неглубоком гроте находился «полупещерный» христианский храм. На северо-восточной стене его наоса вырезано девять греческих invocативных надписей-граффити. В нескольких надписях А. Ю. Виноградов прочитал даты: «В 6490 (982?) году, я написал 12 (?) января, аминь» [Виноградов 2015, № V 134,3], «+Ἐτελεύτησεν ὁ παστὴρ τοῦ Ἀσθην ὦ καὶ Ἰωάννης, μὴνὴ δεκεμβ[βρί]ο κδ´, εἰμέρα β´ γ´ ἡνδ(ικτιῶνος) ἔτ(ους) ,[ς] φμ[γ]´. ὦ καὶ... – Скончался пастырь Астина (?) (он же) Иоанн, 24 дека[бр]я, во вторник, в 3-ий индикт, в [6]54[3] (1034) году» [Виноградов 2015, № V 134,8], «Ἐτους ,ςπθ´ – В 6489 (980–981) году» [Виноградов 2015, № V 134,9].

С XVIII в. высказывались противоречивые суждения об интерпретации и хронологии строительных остатков и около 250 пещер, сохранившихся на высоком, ограниченном с юга и запада вертикальными обрывами и пологим северо-восточным склоном останце **Тепе-Кермен** (ил. 64) [Боровко 1913, с. 107–183]. И. Тунман помещал на останце «остатки замка или крепости ... седой древности» [Тунман 1936, с. 36], Дюбуа де Монпере – сооруженную императором Юстинианом I крепость [Dubois de Montrépeux 1843, р. 225–226], тогда как П. И. Кеппен не увидел «явные приметы сего укрепления» [Кеппен 1837, с. 301–305]. Дюбуа де Монпере и Г. Э. Караулов считали многие пещеры хозяйственными погребками для домов [Dubois de Montrépeux 1843, р. 307; Караулов 1872, с. 66–67]. Они относили уцелевшие на Тепе-Кермен пещерные церкви «к очень отдаленной эпохе» [Dubois de Montrépeux 1843, р. 312–314; Караулов 1872, с. 67–71]. М. А. Тиханова вслед за Дюбуа де Монпере приписывала строительство крепости на Тепе-Кермен Юстиниану I [Тиханова 1953, с. 324]. Согласно Е. В. Веймарну, крепость на Тепе-Кермен возвели в V в. местные жители, потомки тавров и скифов [Веймарн 1958, с. 76]. На северном краю плато он проследил следы «постелей» боевой стены и несколько маршей дороги, ведущей в специально вырубленный в скале ко-

ридор [Веймарн, Чореф 1976, с. 21]. А. Л. Якобсон помещал на Тепе-Кермен основанный в VIII–IX вв. монахами иконопочитателями «пещерный монастырь» [Якобсон 1964, с. 32]. Экспедиция Д. Л. Талиса в северной части горы зачистила площадку, которой завершалась подъемная дорога на плато, участок высеченной в скале дороги для гужевого транспорта, лестницу для пешеходов [Талис 1970, с. 293] и вырубки от ворот. Д. Л. Талис полагал, что для контроля за воротами использовали верхние сторожевые пещерные помещения [Талис 1974, с. 96]. Экспедиция также раскрыла хозяйственное помещение с вырубленным в скале хранилищем с пифосами и одноапсидный храм [Талис 1977, с. 100–103]. Д. Л. Талис считал аналогичными оборонительные системы Тепе-Кермена, Мангупа и Эски-Кермена и датировал время основания городища на Тепе-Кермене V–VI вв. по нескольким неопределенным фрагментам амфор. Тем не менее, в раскопах он обнаружил керамику и вещи не ранее XI в. [Талис 1974, с. 96–97; 1977, с. 100, рис. 4, 3].

В 1999 г. В. А. Петровский на расположенном на северном склоне останца некрополе обследовал несколько уже разграбленных склепов и могилу. Он, ссылаясь на высказывание одного из посетивших могильник студентов, синхронизировал некрополь Тепе-Кермена с раскопанным на склоне Эски-Кермена могильником конца VI – IX в. Однако, судя по хранящемуся в архиве Института археологии Крыма РАН отчету о раскопках на некрополе Тепе-Кермена, в склепах найдены вещи X–XI и XII–XIV вв. [Петровский 1999, с. 2, 24]. Между тем, некоторые крымские историки в своих публикациях используют ничем не аргументированный рассказ В. А. Петровского для доказательства датировки некрополя и крепости временем Юстиниана I. В. А. Петровский, приводя в качестве доказательств домыслы и предположения (в том числе вводные слова вероятно или возможно), датировал строительные остатки на плато VI–XIII вв. По его уверению, поскольку так называемая «скальная мемория» с находками второй половины X – XIV в. высечена позднее пещерной церкви с баптистерием, то последнюю вырубili в VIII–IX вв., а «Церковь с ризницей» – «позднее» IX в. Тогда же на территории северо-восточного обрыва сформировался единый монастырский комплекс. Он допускал использование пещерных церквей монахами-отшельниками и жителями окрестных деревень после прекращения жизни на го-

родище в XIII–XIV вв. [Петровский 2002, с. 93, 96–98, рис. 6]. Вот только из названной «меморием» гробницы извлекли вещи, аналогичные украшениям XI–XII вв., обнаруженным в Лучистом с монетой 1143–1180 гг. [Айбабин, Хайрединова 2008, рис. 34]. Найденные на Тепе-Кермен археологические материалы [Талис 1971а, с. 250–262; 1974, с. 96–97; 1977, с. 98, 100, 103, рис. 4, 4] позволяют говорить о возникновении городища и монастыря не ранее XI в. Функционирование монастыря и в XIII–XV вв. зафиксировано в эпитафии, процарапанной над гробницей на южной стене «Храма с баптистерием»: «Вырублена эта могила от моего собственного монастыря мною, Асклепием (или: Алипием). Расширение сделано рабом Божьим Евстафием, худейшим со...» [Виноградов 2015, № V 204].

6.3. Вторая реформа структуры управления Климатами

Автор Кембриджского документа считал городами императора Романа города и деревни (Климатов), захваченные хазарским военачальником Песахом во время рейда, совершенного между 920–940 гг. [Golb, Pritsak 1982, p. 117]. В середине X в. Константин Багрянородный повествовал о Херсоне и Климатах, как о владениях империи. Он сообщает о расселении в степях Крыма печенегов: «Она (область печенегов) очень близка к Херсону, но еще ближе к Боспору» [Constantine Porphyrogenitus 1967, p. 168–169]. Вероятно, с первой половины X в. орда хазарских печенегов использовала Крымское Присивашье для сезонного кочевания. Именно здесь открыты все наиболее ранние печенежские погребения с вещами X в. [Айбабин 2003, с. 77]. Херсон играл ведущую роль в контактах империи с печенегами. Император советовал не осложнять отношений империи с печенегами: «Ὅτι γειτνιάζει τὸ τοιοῦτον ἔθνος τῶν Πατζινακίτων τῷ μέρει τῆς Χερσῶνος, καὶ εἰ μὴ φιλίως ἔχουσι πρὸς ἡμᾶς, δύναται κατὰ τῆς Χερσῶνος ἐξέρχεσθαι καὶ κούρσεύειν καὶ ληΐζεσθαι αὐτήν τε τὴν Χερσῶνα καὶ τὰ λεγόμενα κλίματα – Поскольку этот народ пачинакитов соседствует с областью Херсона, то они, не будучи дружески расположены к нам, могут выступать против Херсона, совершать на него набеги и разорять и самый Херсон, и так называемые Климаты» [Constantine Porphyrogenitus 1967, p. 48–49; Константин Багрянородный 1989, с. 36–37]. Соседнее с Херсоном печенежское племя выполняло

поручения византийского императора в Руси, Хазарии и Зихии. Посольства и караваны отправлялись из Херсона под охраной печенегов, которые оставляли в городе своих заложников и получали за эти услуги подарки от императора [Константин Багрянородный 1989, с. 41, 43].

Патриарх Николай Мистик I (852 – 11.05.925) в написанном в конце августа – начале сентября 917 г. письме болгарскому царю Симеону рассказывал о том, что стратиг Херсона собирал и сообщал в столицу сведения о действиях и намерениях соседних печенегов [Nicholas I 1973, № 9, p. 58; Vasiliev 1936, p. 116; Богданова 1991, с. 89].

Русские князья в записанных в «Повести временных лет» текстах договоров, заключенных в 944 г. князем Игорем с Романом I Лакапином (правил в 920–944 гг.) и его сыновьями Константином и Стефаном, а в 971 г. князем Святославом с императором Иоанном Цимисхием, обязались не нападать на «Корсунскую страну и все города тамошние». То есть Игорь и Святослав не сомневались в принадлежности Климатов Византии [Повесть... 2012, с. 35, 50; Пашуто 2019, с. 74, 82–83].

Верившие в подлинность «Записки готского топарха» А. А. Васильев и Н. И. Репников утверждали, что в 962 г. главный центр Готии Дорос с резиденцией готского топарха находился на плато Эски-Кермен. В тот же год после нападения хазар топарх «перенес» Дорос на Мангуп и в Киеве заключил с князем Святославом соглашение об установлении на 10 лет до 972 г. протектората Руси над Готией [Vasiliev 1936, p. 126–131]. А. А. Васильев, Н. И. Репников и многие другие приписывали топарху Готии авторство «Записки готского топарха». После публикации убедительных доказательств изготовления названного «источника» его издателем [Ševčenko 1971, p. 117–188; Медведев 2003, с. 160–172] все рассуждения о топархе Готии, о договоре со Святославом, о протекторате над Готией и набегах хазар на ее города в 962 г. лишились научного обоснования [Айбабин 2019а, с. 22–23].

На хребте Басман в карстовой пещере обнаружена эпитафия X в. пресвитера Херсайкеи Иоанна: «+Εκυμή(θη) ὁ δ[οῦ-]λως τοῦ θ(εο)ῦ [Ιο] ἀνου ΠΡ [τ]ῆς Χερσαικείας – +Почил раб божий Иоанн, пресвитер (?) Херса(й)кеи» [Соломоник 1986, с. 214–215; Виноградов 2015, № V 122]. По мнению Э. И. Соломоник, в надписи шла речь о подчиненном Херсону регионе Горного Крыма. Однако, в

письменных источниках этот регион называли Климатами Херсона или Готии [Айбабин 2019б, с. 11–12].

Во второй половине X – начале XI в. Никифор II Фока (963–969), Иоанн I Цимисхий (969–975) и Василий II (976–1025) реформировали пограничные фемы [Мохов 2004, с. 28–29].

Печати и надпись свидетельствуют о реформировании структуры фемы Херсона. Печать из Херсона с упоминанием «...Λέωντι βασιλικός σπαθαρίω καὶ τουρμάρχι Γωτθίας – ...Льва, императорского спафария и турмарха Готии» отнесена Н. А. Алексеенко к концу X – началу XI в. или ко второй половине X в. Той же парой штемпелей оттиснута печать турмаха Готии, хранящаяся в Керченском музее [Алексеенко 2006, с. 567]. Вопреки утверждению Н. А. Алексеенко, ее происхождение не известно. А. Ю. Виноградов по-новому прочитал надпись на камне в кладке башни укрепления А.ХI в балке Табана-дере на плато Мангуп и исправил ее дату: «+Εκτίσθη ὁ τῦχος τ(οῦ)τος ὑπὸ ἡμερῶν τοποτηριτοῦ Τζουλαβήγη, υ(ιο)ῦ Πολέτα ἔτος ,ςφγ´ – +Построена эта стена во дни местоблюстителя Цулы-бега, сына Полета, в 6503 году» (1 сентября 994 г. – 31 августа 995 г. по Р.Х.) [Виноградов 2015, № V 172]. Лексема τοποτηρητής – топотири́т (буквально «смотритель места») означает лейтенанта или заместителя старших военачальников фемы и византийского флота, которые командовали одной половиной соответствующего подразделения [The Oxford Dictionary 1991, p. 2095–2096]. В текстах IX–XI вв. топотиритом названы как заместитель командира тагмы схол, командовавший одним из двух ее подразделений, состоявшей из пятнадцати банд, так и командиры тагмы или банды, обладавшими управленческими полномочиями в той топотирисии, где размещалось его воинское подразделение (территории, где дислоцируется гарнизон), города или крепости [Glycatzi-Ahrweiler 1960, p. 31, 38; Кучма 2002, с. 161, 330; Арутюнова-Фиданян 2018, с. 18]. Константин Багрянородный писал о входивших в состав фем топотирисиях [Constantine Porphyrogenitus 1967, p. 236]. В результате археологических раскопок выявлены материалы, подтверждающие ремонт укрепления А.ХI в конце X в. [Науменко и др. 2022, с. 170].

Приведенные факты дают представление о новой структуре фемы. Очевидно, фему Херсона разделили на турмы Херсона и Готии, а климы реорганизовали в топотирисии. Командовать турмами и топотирисиями назначили офицеров армии. Турмарх Го-

тии носил типичный для византийских турмархов титул спафария. Скорее всего, его резиденция находилась в крепости на плато Мангуп. Как явствует из надписи, топотирит не только командовал отрядом, но и руководили реконструкцией укреплений. Содержащаяся в надписи дата 1 сентября 994 г. – 31 августа 995 г. указывает на причину реорганизации фемы Херсона. В сочинениях арабских, византийских, древнерусских авторов содержится противоречивая и фрагментарная информация о возникновении в конце X в. противостояния Восточной Римской империи и Древней Руси. В 988 г. русский князь Владимир захватил Херсон, но после выполнения Константинополем его требований Владимир вернул Корсунь империи и с войском возвратился в Киев [Айбабин 2019в, с. 459–460].

Во второй половине XI в. в фему Херсона включили Сугдею. В. В. Латышев опубликовал строительную надпись 1059 г. из Херсона: «+Εγένωντω αἱ πόρται τοῦ πραιτορίου σιδηραῖ, ἐνεκενίσθησαν καὶ αἱ λοιπαὶ τοῦ κάστρου ἐπὶ Ἰσακίου μεγάλου βασιλέ(ως) καὶ αὐτωκράτωρο(ς) Ῥωμέ(ων) τοῦ Κομνηνοῦ κ(αὶ) Αἰκατερίνης τῆς εὐσεβεστάτης Αὐγούστης διὰ Λέοντ(ος) π(ατ)ρικίου καὶ στρατηγοῦ Χερσῶνο(ς) κ(αὶ) Σουγδ(αίας) τοῦ Ἀλιάτ(ου), μη(ν)ὸς Ἀπρ(ιλίου) ι´, ἰνδ(ικτιῶνος) ιβ´, ἔτ(ους) ,ςφξζ´ – Сооружены железные ворота претория, обновлены и прочие [ворота] крепости при Исааке Комнине, великом императоре и самодержце ромеев, и Екатерине, благочестивейшей августе, Львом Алиатом, патрикием и стратигом Херсона и Сугдеи, 10 апреля, в 12-й индикт, в 6567 году». По мнению В. В. Латышева, надпись информирует о вхождении Сугдеи в состав фемы Херсона, которой при императоре Исааке Комнине управлял патрикий и стратиг Лев Алиат [Латышев 1896, с. 16–18]. Печати этого стратига известны в Херсоне.

ГЛАВА 7

ПОЛИТИКА ВОСТОЧНОЙ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ В ТАВРИКЕ В XI – НАЧАЛЕ XIII В.

Следует отметить, что сочинения византийских историков, тексты официальных документов и печати позволяют проследить значительные изменения в управлении большинства провинциями империи в XI–XII вв. Со второй половины X в. происходят глубокие преобразования в военной организации и провинциальной администрации, обусловленные военными, политическими и экономическими причинами. Гражданское управление провинциями возглавил фемный судья критес (θεματικός κριτής), которому часто поручается сбор налогов. С конца X в. все чаще встречается термин претор (πραιτωρ), обозначающий фемного судью – гражданского администратора провинции, эквивалентного критесу. Размеры фемы сократились. В начале XI в. старая фемная система разделения провинций пришла в упадок. Реорганизация армии привела к тому, что военного руководителя стратига заменили на гражданскую администрацию во главе с критесом. Исчезновение провинциальной армии, с одной стороны, и трансформация функций стратега, с другой, ускорили эволюцию термина фема θέμα. В письменных источниках XI в. этот термин почти всегда используется в его географическом значении; историки считают, что в начале XI в. этот термин использовался для обозначения географической области, например, κατά το θέμα των Ἀνατολικῶν, δὲ τῆς Φρουρίας ἐστὶ [Glycatzi-Ahrweiler 1960, p. 83]. Термин θέμα теряет то строгое техническое значение, которое имел в провинциальной администрации предыдущего периода, а также свое военное значение (подразделение, армейский корпус).

В XI в. термин $\theta\acute{\epsilon}\mu\alpha$ обозначал административный округ (регион, провинцию), которым управлял $\pi\rho\alpha\acute{\iota}\tau\omega\rho\text{-}\kappa\rho\iota\tau\acute{\eta}\varsigma$ и его службы. Административными единицами этой эпохи были не военные подразделения (они были независимы от армейских командований), а гражданские округа. В период от правления Никифора Фоки до воцарения Алексея I Комнина термин $\theta\acute{\epsilon}\mu\alpha$ также являлся налоговым округом. Термином $\theta\acute{\epsilon}\mu\alpha$ обозначали скромный налоговый округ (кадастровую единицу) со своими $\omicron\rho\rho\alpha$ (границами) [Glycatzi-Ahrweiler 1960, p. 67–86; Oikonomidès 1976, p. 148].

С конца X в. и в XI–XII вв. в наиболее уязвимых приграничных районах развивалась новая система крупных военных округов – дукатов и катепанатов. С X в. их возглавлял катепан ($\kappa\alpha\tau\epsilon\pi\acute{\alpha}\nu\omega$), а в XI в. звание катепан приравнивали к дуге ($\delta\omicron\upsilon\acute{\xi}$). На территории катепаната ему подчинялись все войска и гражданская администрация. Подчинявшийся дуге и катепану стратиг, в большинстве случаев, командовал гарнизоном крепости без каких-либо конкретных административных полномочий. Эти военные округа составляли ядро провинциальной администрации Комнинов [Glycatzi-Ahrweiler 1960, p. 64–68, 88; Kazhdan, Epstein 1985, p. 72].

Судя по печатям, около 1066 г. фему Херсона преобразовали в катепанат Херсона и Хазарии [Зайбт, Зайбт 1995, с. 94; Seibt 2013, с. 192; Алексеенко 2017, с. 416–417]. В летописи говорится об убийстве в 1067 г. в Корсуни «котопана» [Повесть... 2012, с. 112] (катепан – $\kappa\alpha\tau\epsilon\pi\acute{\alpha}\nu\omega$). Н. А. Алексеенко опубликовал печать Никифора Алана, вестарха и катепана Херсона и Хазарии [Алексеенко 2017, с. 426]. Границы катепаната Херсона не ясны. В него входили фема Херсона с топотирисиями турмы Готии, Сугдея и Хазария. В. А. Степаненко, ссылаясь на Н. Г. Коновалову, локализовал Хазарию в Крыму северо-восточнее турмархата Готии [Степаненко 2011, с. 157]. Однако, Н. Г. Коновалова помещала ал-Хазарийю, упомянутую в сочинении середины XII в. ал-Идриси, в западной части Северного Кавказа в районе Тмутаракани [Коновалова 2006, с. 218].

Ж.-К. Шене, основываясь на данных сфрагистики, предположил, что в конце правления Василия II (976–1025) дуки возглавили все новые фемы, а затем и все пограничные фемы, за исключением фемы Херсонеса. Ж.-К. Шене приписал императору

Константину Мономаху (1042–1055) реформирование приграничных провинций и интеграцию малых фем в большие дукаты под руководством дук и катепанов. По мнению Ж.-К. Шене, эту реформу уже почти завершили к коронации Алексея Комнина (1081–1118). В его правление сохранявшиеся в империи фемы возглавляли только дуки [Cheynet 1985, p. 93–94].

Термин $\theta\acute{\epsilon}\mu\alpha$ обретает прежнее свое административное значение после реформы Комнинов, восстановившей, по крайней мере в Малой Азии, старый принцип разделения территории империи на административные единицы, снова названные фемами и управляемые высокопоставленным военным – дукой, снова контролировавшем гражданскую администрацию [Glycatzi-Ahrweiler 1960, p. 88–90]. Эти военные округа составляли ядро комнинской провинциальной администрации. В то же время, в военном управлении особенно проявились центростремительные тенденции. Константинополю не удалось сохранить административное влияние, изменились роль и характер управления как военных, так и гражданских властей [Kazhdan, Epstein 1985, p. 70–72].

Согласно К. Цукерману, в Херсоне и Климатах фемный период завершился около 1070 г., а в конце XI в. власть перешла «в руки местных верхушек» [Zuckerman 2017, p. 312–314, 327–328; Цукерман 2019, с. 242]. По утверждению В. П. Степаненко, фема Херсона продолжала существовать до конца XI в. Отсутствие печатей в Крыму не исключение. Все-таки с конца XI в. сведения о фемах исчезают не только из сочинений византийских авторов, но и сходят на нет печати провинциальных чиновников в столице и в других провинциях [Степаненко 2018, с. 713–714].

В середине XI в. в Приазовскую степь вторглись куманы (половцы). В XII в. погребения куманов распространились по всему равнинному и горному Крыму [Айбабин 2003а, с. 277–278, рис. 1]. Однако из рассказа Анны Комниной следует, что в 1092 г. Херсон принадлежал Византии. Она писала о торговавших под городскими стенами Херсона куманских купцах, в 1092 г. содействовавших побегу сосланного в город самозванца Диогена [Анна Комнина 1996, с. 266].

А. А. Васильев высказал противоречивые суждения о взаимоотношениях Климатов Готии и куманов. Он, цитируя завершённый в 1154 г. труд арабского географа ал-Идриси и сочине-

ние побывавшего в Солдае в 1253 г. Гийома де Рубрука, утверждал, что некоторые населенные готами регионы Горного Крыма платили дань куманам-половцам на протяжении длительного времени до 1223 г. [Vasiliev 1936, p. 136–137]. Мы не знаем, когда Климаты начали выплачивать эту дань. В современном издании текста ал-Идриси нет ни слова о ее взимании: «От Карсуна (Херсона) до Джалита (Djalita) (Ялты) тридцать миль; это город [принадлежавший] к стране ал-Куманийа» [Коновалова 2006, с. 60, 115, 177]. То есть речь идет о принадлежности куманам вновь основанного на Южном берегу порта. Не вызывают доверия и слухи о взимании куманами дани с городов и укреплений, пересказанные Гийомом де Рубруком [Кеппен 1837, с. 46–49, прим. 58; Путешествия... 1957, с. 90].

А. А. Васильев обратил внимание на косвенные свидетельства подчинения Готии Восточной Римской империи. В Соборном эдикте 1166 года [Mango 1963, p. 317, 324] в титуле Мануила I (1143–1180) император назван властителем многих народов, в том числе готов (γοτθικός), то есть Готии [Vasiliev 1936, p. 140–144], а в договоре 1169 г. Византия разрешила Генуэзским кораблям торговать в Черном и Азовском морях. Основываясь на этих документах, А. А. Васильев утверждал, что при Мануиле Крымская Готия «снова перешла к Византии» и могла не платить дань куманам [Vasiliev 1936, p. 144–145].

По словам А. П. Каждана, в эдикте 1166 года Мануил I принял титул, который должен был указывать на его реальные или воображаемые победы. Он назван правителем венгров, боснийцев, хорват, грузин, болгар, сербов и других. В этом триумфальном перечне народов есть зихи, хазары и готы из Крыма и Приазовья. Как писал А. П. Каждан, через несколько лет, в договоре с Генуей 1169 г., Мануил I прямо заявил, что считает Тмутаракань (τὰ Μάτραχα) частью его империи [Kazhdan 1983, p. 347–349].

Д. Шепард отметил, что Херсон почти не упоминается в византийских письменных источниках XII века, и имперское правительство не сочло нужным запрещать генуэзским торговцам посещать этот или любой другой порт южного Крыма. Равным образом, существует мало свидетельств пристального административного внимания к Херсону в виде находок печатей местных или центральных чиновников. В XII в. в Херсоне больше не было стратига, хотя сюда по-прежнему приходили с визитами и

посланиями имперские агенты; и, судя по их печатям, «архивы Херсона» продолжали функционировать в XIII в. По-видимому, в XII в. административное влияние империи в Херсоне ослабло, а в районе Керченского пролива «императорское владычество было минималистским и в значительной степени непрямым», осуществляемым «небольшим штатом имперских агентов» [Shepard 2009, p. 429, 438-9]. Некогда важнейший стратегический порт Херсона утратил свое значение в условиях относительной безопасности со стороны степей; другие, меньшие порты вдоль южного побережья Крыма, такие как Согдайя, Алустон и Горзубиты, теперь также поддерживали периодическую связь с имперскими агентами и процветали как торговые центры.

По мнению А. П. Каждана, византийские владения в Крыму упомянуты в письме № 3 Митрополита Афин Михаила Хониата, около 1180 г. адресованном некоему Константину Пигониту [Успенский 1879, с. 390; Michaelis Choniatae 2001, p. 5, 6, 50, 51, 321]. В письме рассказывается о частых поездках назначенного сборщиком налогов (πρὸς τῶν φορολογικῶν παρεούρης πραγματῶν) Пигонита к жителям Климатов Понта (τὰ κλίματα Ποντικῆ) в «Тавроскифию». А. П. Каждан отождествил Тавроскифию с Крымом, а «Климаты Понта» локализовал в южном Крыму. По заключению А. П. Каждана, письмо Хониата к Пигониту фиксирует отправку в эти края из Константинополя сборщиков налогов и тем самым является свидетельством реальной власти Византии в Климатах и на Киммерийском Боспоре около 1180 г. [Kazhdan 1983, p. 348–353]. Вывод А. П. Каждана подтверждает найденная в районе крепости Ени-Кале в Керчи печать Иоанна Ангела, сына деспота Константина Ангела и дочери Алексея I Феодоры Комниной, датированная В. и Н. Зайбт около 1185 г. [Seibt, Seibt 1993, p. 363–364; Степаненко 2018, с. 714].

В 1198 г. византийский император Алексей III Ангел (правил в 1195–1203 гг.) подписал «хрисовул», повторявший «хрисовул» 1192 г. Исаака Ангела (1185–1195 и 1203–1204 гг.), и указал области, открытые для венецианцев. Отсутствие в содержащемся в «хрисовуле» перечне крымских портов дало основание А. А. Васильеву утверждать об обретении Готией независимости от Византии между 1192 и 1198 гг. [Васильев 1927, с. 273–275; Vasiliev 1936, p. 159]. Вместе с тем, Н. П. Соколов объяснял отсутствие в документе крымских и других черноморских портов

тем, что до XIII в. у Венеции не существовало экономического интереса к региону [Соколов 1963, с. 318].

В Восточной Римской империи почти отсутствуют источники и документальные свидетельства о повседневной деятельности различных ветвей провинциальной администрации в конце XI – XII в. в большинстве провинций империи. В империи произошли драматические перемены. Высшая военная элита была консолидирована в замкнутом сообществе могущественных семей, связанных смешанными браками и образующих «клан» вокруг правящей династии Комнинов. Высшие военно-административные функции были монополизированы кланом Комнинов, в то время как семьи военной аристократии, которые не входили в этот клан, либо исчезли, либо перешли в ряды гражданской знати. С начала XII в. практиковался новый принцип присвоения титулов. В то время как ранее титулы в конечном счете зависели от занимаемой должности, в период правления Комнинов они присваивались в зависимости от родственной близости (например, севастократор – сыновьям императора, севастос – племянникам). После основания клана Комнинов не поощрялись браки между членами династии Комнинов и чиновничьими семьями [Kazhdan, Epstein 1985, p. 69–70]. В последней четверти XII в. изменились роль и характер управления как военных, так и гражданских властей. Должности на государственной службе часто покупались, продавались и передавались через приданое и наследство. Губернатор провинции (δοῦξ или κατέλανω), который обычно назначался из числа родственников правящей династии, обладал как гражданской, так и военной властью. Самые богатые провинциальные семьи боролись за посты в центральной администрации, которые гарантировали место в придворной иерархии, в то время как менее состоятельные искали синекуры на местном уровне. Хотя продажа государственных должностей была традиционной, в XII в. практика не смогла обеспечить участие подходящих кандидатов. Это, несомненно, способствовало слабости Константинопольской администрации. Гражданские чиновники, тем не менее, отвечали за основное управление Элладой и Пелопоннесом. Губернатор (претор) назначался из Константинополя таким же образом, как и правители Малой Азии, обычно на трехлетний срок. Многие, однако, не занимали этот пост; они

просто руководили провинциальной администрацией из столицы, фактически став заочными губернаторами [Herrin 1975, p. 255–256]. При Комнинах главному должностному лицу фемы вместо титула «стратиг» присваивали титул «дукс» [Васильев 1998, с. 142–143]. В последней четверти XII в. фемы распались [The Oxford Dictionary 1991, p. 2035].

Очевидно, тогда же прекратила существование и фема Херсона. Происходящие с территории Климатов Готии печати византийских аристократов [Степаненко 2018, с. 716; 2019, с. 465] свидетельствуют о возможности продажи Комнинами административных должностей в Крыму представителям аристократических родов. Правление администрации Восточной Римской империи в регионе прервал ее разгром в 1204 г. крестоносцами.

Отображенные в «Аланском послании» злключения епископа Феодора происходили в том же самом регионе и в тот же период (1223–1225 гг.), что и события, отраженные в «Синописе чудес св. Евгения» (1223–1227 гг.). Судя по тексту «Синописа чудес св. Евгения», Херсон и принадлежавшие ему Климаты Готии, по крайней мере, в первой половине XIII в. входили в состав Трапезундской империи [Айбабин 2019б, с. 11–12].

Какие-либо свидетельства автономии Климатов Готии в первой половине XIII в., как, впрочем, и на протяжении всего периода их существования, отсутствуют [Айбабин 2019б, с. 7–12].

В 1261 г. император Никейской империи Михаил VIII Палеолог захватил Константинополь и восстановил Восточную Римскую империю. Трапезундская империя продолжала жить обособленной жизнью, а Херсон с так называемыми готскими климатами платили ей дань [Васильев 1998, с. 809–810].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

По данным эпиграфики, Боспорское царство еще до середины III в. находилось под опекой Рима. После победы над готами империя с последней четверти III в. возобновляет союз с Боспорским царством.

Восточная Римская империя уже в начале самостоятельного существования в 395 году унаследовала от Римской империи Херсонес. В конце III – начале IV в. в городе была сформирована римская вексилляция, состоящая из подразделений нижнедунайских легионов I Италийского и II Геркулийского. Римский гарнизон в городе возглавлял протектор, руководивший восстановлением лагеря вексилляции и оборонительных сооружений. В 364 г. в Херсонесе после неудавшегося восстания против императора Валента (364–378 гг.) пытался скрыться мятежник Прокопий, но был вынужден бежать из города. В надписи 370–375 гг. засвидетельствовано дислоцирование в городе воинского подразделения баллистариев и подчинение Херсонеса префекту претория Востока Домицию Модесту. Надпись с посвящением императорам Феодосию и Аркадию, датированная периодом между маем 392 и январем 393 г., подтверждает вхождение Херсонеса в состав Восточной Римской империи и признание императоров своими владыками. В надписи сказано о «механиках», которые, будучи архитекторами и специалистами по военным машинам, служили в легионе баллистариев под командой трибуна Флавия Вита, руководившего реконструкцией городской обороны.

Надгробия позднеримского периода, эпиграфические источники и «Жития св. епископов херсонесских» свидетельствуют о

присутствии в Херсонесе еврейской общины – синагоги. Ей принадлежала раскопанная на северном берегу в XIX квартале под базиликой 1935 г. просеухэ (προσευχή – молельня) с пятигранной апсидой, построенная не ранее 383 г.

О дате христианизации Херсонеса и готов Горного Крыма дискутируют более двухсот лет. В правление императора Феодосия I Херсонесская епархия впервые упомянута в документах II Вселенского собора 381 г., в котором участвовал епископ Херсонесский Еферий. Христианизация стимулировала не только проникновение в Херсонес с территории империи новой духовной и материальной культуры, но и начало масштабной перепланировки города. Очевидно, после церковных реформ императора Феодосия I интенсифицировалась христианизация приграничных «варваров». В конце IV в. готские и аланские христианские общины сформировались в Горном Крыму.

В результате церковных реформ Феодосия I в Херсонесе укрепилось влияние епископов на различные аспекты городской жизни. Сосланный в Херсон в 460 году Александрийский патриарх монофизит Тимофей II (Τιμόθεος Β'), прозванный Элуром (Αἰλουρος – кот), встретил в городе своих сторонников. Текст надписи из Херсонеса 488 г. аргументирует принадлежность города империи при императоре Зиноне и функционирование в Херсонесе имперских фискальных магистратур. В надписи идет речь о практике (таможне), викарии – заместителе для специальных поручений командующего войсками провинции (magister militum) Фракии, командовавшем «оторванным от империи гарнизоном Херсонеса». По табели о рангах 413 г. должность викария magister'a militum приравнивалась к должности дукса. В период правления Зинона были реконструированы важные узлы херсонесской оборонительной системы. В портовом районе перестроили самую мощную круглую башню XVII, называемую в публикациях башней Зинона.

Первые христианские храмы в Херсонесе, возможно, построили в IV–V вв. С укреплением церковной организации вместо них были сооружены большие базилики. Вероятно, один из таких храмов разобрали во время сооружения Восточной базилики.

По свидетельству Прокопия Кесарийского, император Юстиниан I (527–565 гг.) рассматривал Херсон, область Дори и город

Боспор как самостоятельные субъекты политики Восточной Римской империи в Таврике. Херсон в VI в. оставался и отдаленным византийским провинциальным городом, и крупнейшим форпостом империи в Юго-Западном Крыму. В конце V – VI в. императоры Анастасий I, Юстин I (518–527), Юстиниан I, Юстин II (565–578) и Тиверий II сохранили в Херсоне созданную при императоре Зиноне административную систему, в которой полисная администрация подчинялась викарию – назначенному из Константинополя начальнику византийского гарнизона. Возобновивший свою работу при императоре Зиноне городской монетный двор продолжил монетную чеканку в правление Юстина I или Юстиниана I. В годы правления Юстиниана I началась масштабная перепланировка четырех городских кварталов. На освобожденных от позднеантичных построек участках соорудили большие базилики: на северном берегу (Северная базилика № 22), в центре города (базилика № 28), в юго-западной части (нижняя базилика № 15) и так называемая базилика на холме (№ 14). Их композиция и декоративное оформление указывают на влияние Константинополя и Малой Азии на формирование раннехристианской архитектуры Херсона. В строительной надписи периода соправительства Юстина II и Софии – 565–578 гг. из Херсонеса сказано о восстановлении куртины или башни на южном участке обороны города дукой Херсона. Надпись сообщает сведения о реформировании в последней четверти VI в. управления владениями Восточной Римской империи в Таврике. Юстин II, реагируя на активность племен тюркского каганата в близлежащих степях и в Крыму, учредил в регионе новый приграничный дукат, подчинив дукату Херсона гражданскую администрацию и византийские войска на полуострове. Изданный в 575 г. эдикт императора Тиверия II указывает на включение Боспора в состав дуката Херсона. По словам Прокопия, в соседней с Херсоном области жили союзные империи готы. На плато Мангуп и Бакла и у их подножий выявлена строительная активность времени правления императора Юстиниана I. После набега тюрков в 579 г. на Крым император Маврикий воспользовался благоприятной ситуацией и завершил реформирование системы управления владениями Восточной Римской империи в Таврике. Византийцы присоединили к своим владениям и подчинили дукату Херсо-

на и населенную аланами и готами союзную область Дори. Дука руководил сооружением новых городов. Территорию области Дори византийцы разделили на подчиненные дуке районы – архонтии с резиденцией архонта в *civitates* на плато Мангуп (Дорос), Эски-Кермен, Чуфут-Кале и Бакла.

В Боспорском царстве династия Тибериев-Юлиев сохранила правление до конца V в. Согласно Малале, Боспор вошел в состав империи в первый год правления Юстиниана I. В найденной в 1893 г. строительной надписи идет речь о назначенной императором городской администрации. Город возглавил отец этого города «*πᾶτήρ ταύτης τῆς πόλεως*». В 581 г. напавшие на Крым турки вернулись в Азию. В надписи из Тамани сказано о том, что в 590 г. дука Херсона руководил восстановлением города Боспора.

В 659 г. после дезинтеграции разгромленного китайцами Западного тюркского каганата началась миграция хазар к Понту. К 665 г. хазары захватили Северное Причерноморье, в том числе и Боспор. Для управления Европейским и Азиатским Боспором хазары создали в Боспоре и Фанагории свою администрацию, а также разместили в Боспоре военный отряд. В принадлежавшем хазарам Юго-Восточном Крыму был основан портовый город Сугдея.

Херсон и в VII в. оставался главным византийским городом на полуострове. Видимо, в конце VI – начале VIII в. территорию области Дори называли Климатами Херсона. В начале VIII в. хазары подчинили горный Крым и несколько лет управляли Херсоном. Для предотвращения войны с Византией хазары признали принадлежность Херсона империи, но установили свою власть над остальным Крымом.

Вероятно, каган объединил климаты (архонтии) Горного Крыма в новую область Готию со столицей в Доросе для облегчения сбора дани. Очевидно, правителем Готии каган назначил архонта климы Дорас. Византия смирилась с потерей почти всех своих владений в Крыму и поддерживала дружественные отношения с Хазарией. Император Лев III (717–741 гг.) в 732–733 гг. женил своего сына, будущего императора Константина V (741–775 гг.) на дочери кагана. Очевидно, в 784 г. хазарские войска вторглись в Готию для пресечения попытки Льва IV вернуть климаты. Против хазар неудачно выступили господин Готии и архонты крепостей.

В рассмотренных нарративах упомянуты расположенные на Внутренней гряде столица Готии φρούριον или κάστρον Дорос, а также безымянные другие населенные пункты – κάστρον или двадцать πόλιςμάτων (gen pl. от πόλιςμα – город). Скорее всего, πόλιςμα находились на плато Эски-Кермен, Бакла, Чуфут-Кале и на других останцах Внутренней гряды.

В 841 г. император Феофил восстановил имперскую администрацию в Климатах Готии и учредил фему пяти Климатов на полуострове, а спустя некоторое время ее стали именовать фемой Климатов и Херсона и фемой Херсона. Новая фема по структуре отличалась от других приграничных фем, разделенных на две или четыре турмы. Фема состояла из Херсона и соседних Климатов: «...Χερσῶνα καὶ τὰ λεγόμενα κλίματα – Херсон и так называемые Климаты». Стратиг фемы возглавлял гражданскую администрацию, ведал судебными, финансовыми, налоговыми делами провинции, отвечал за порядок на вверенной ему территории. Имперские коммерции контролировали импорт и экспорт и собирали некоторые пошлины в фемах в Херсоне и в портах. В описаниях событий в 873 г. и первых десятилетий X в. византийским городом назван Боспор.

Во второй половине X – начале XI в. Никифор II Фока (963–969), Иоанн I Цимисхий (969–975) и Василий II (976–1025) реформировали пограничные фемы. После противостояния в 988 г. Восточной Римской империи и Древней Руси фему Херсона разделили на турмы Херсона и Готии, а климы реорганизовали в топотирисии. Командовать турмами и топотирисиями назначили офицеров армии. Турмарх Готии носил типичный для византийских турмархов титул спафария. Топотирит не только командовал отрядом, но и руководили реконструкцией укреплений. Во второй половине XI в. в фему Херсона включили Сугдею.

С конца X в. и в XI–XII вв. в наиболее уязвимых приграничных районах развивалась новая система крупных военных округов – дукатов и катепанатов. С X в. их возглавлял катепан (κατεπάνω), а в XI в. звание катепан приравнивали к дуке (δοῦξ). Около 1066 г. фему Херсона преобразовали в катепанат Херсона и Хазарии. При Комнинах главному должностному лицу фемы вместо титула «стратиг» присваивали титул «дукс». В последней четверти XII в. фемы распались. Очевидно, тогда же прекратила суще-

ствование и фема Херсона. Происходящие с территории Клима-тов Готии печати византийских аристократов свидетельствуют о возможности продажи Комнинами административных должностей в Крыму представителям аристократических родов.

Как показано выше, формирование владений Восточной Римской империи началось в 495 г. Город Херсонес был унаследован от Римской империи. Император Юстиниан I в начале своего правления подчинил Боспор. Однако он считал город Боспор, Херсон и союзную готскую область Дори самостоятельными субъектами политики Восточной Римской империи в Таврике. Юстин II, учредив в регионе новый приграничный дукат, завершил формирование владений империи в Таврике. В составе дуката были объединены Херсон, Боспор и область Дори. Правление администрации Восточной Римской империи в своих владениях в Таврике завершилось после ее разгрома в 1204 г. крестоносцами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Айбабин А. И.** Погребения второй половины V – первой половины VI в. в Крыму // КСИА. 1979. № 158. С. 22–34.
- Айбабин А. И.** О производстве поясных наборов в раннесредневековом Херсоне // СА. 1982. № 3. С. 190–198.
- Айбабин А. И.** Хронология могильников Крыма позднеримского и ранне-средневекового времени // МАИЭТ. 1990. Вып. I. С. 5–86.
- Айбабин А. И.** Основные этапы истории городища Эски-Кермен // МАИЭТ. 1991. Вып. II. С. 43–51.
- Айбабин А. И.** Могильники VIII – начала X вв. в Крыму // МАИЭТ. 1993. Вып. III. С. 121–133, 365–383.
- Айбабин А. И.** Раскопки могильника близ села Дружное в 1984 г. // МАИЭТ. 1994. Вып. IV. С. 89–131.
- Айбабин А. И.** Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь: Дар, 1999. 352 с.
- Айбабин А. И.** Хазарский слой в Керчи // МАИЭТ. 2000. Вып. VII. С. 168–185.
- Айбабин А. И.** Степь и юго-западный Крым. Крым в X – первой половине XIII вв. // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья IV–XIII века. М.: Наука, 2003. С. 74–81.
- Айбабин А. И.** Города и степи Крыма в XIII–XIV вв. по археологическим свидетельствам // МАИЭТ. 2003. Вып. X. С. 277–306.
- Айбабин А. И.** Некоторые аспекты истории Готской епархии в Юго-Западном Крыму // МАИЭТ. 2006. Вып. XII. С. 615–626.
- Айбабин А. И.** Проблемы хронологии византийской крепости на плато Эски-Кермен // МАИЭТ. 2007. Вып. XIII. С. 129–150.
- Айбабин А. И.** Ранневизантийские воинские фибулы с подвязной ножкой из Юго-Западного Крыма // АДСВ. 2009. Вып. 39. С. 60–70.
- Айбабин А. И.** Ранневизантийский Херсонес-Херсон // Труды Государственного Эрмитажа. 2010. Вып. LI: Византия в контексте мировой культуры. С. 353–379.
- Айбабин А. И.** Городище на плато Эски-Кермен в период господства хазар в Крыму // МАИЭТ. 2010а. Вып. XVI. С. 214–239.
- Айбабин А. И.** Археологическое наследие хазар времени создания каганата // МАИЭТ. 2013. Вып. XVIII. С. 277–315.

- Айбабин А. И.** Город на плато Эски-Кермен в XIII в // МАИЭТ. 2014. Вып. XIX. С. 240–277.
- Айбабин А. И.** О локализации области Дори // МАИЭТ. 2015. Вып. XX. С. 311–332.
- Айбабин А. И.** Византийские порты в Крыму в IV–VII вв. // Боспорские исследования. 2016. Вып. 33. С. 186–209.
- Айбабин А. И.** Боспорское царство в последней четверти III – третьей четверти IV вв. // МАИЭТ. 2016а. Вып. 21. С. 300–311.
- Айбабин А. И.** О реформе системы управления владениями Византии в Крыму в последней четверти VI века // Вестник ВолГУ. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2017. Т. 22, № 5. С. 38–45.
- Айбабин А. И.** Ранневизантийский Боспор // Труды Государственного Эрмитажа. 2017а. Т. LXXXIX: Византия в контексте мировой культуры. С. 140–150.
- Айбабин А. И.** Хазарская Сугдея // МАИЭТ. 2017б. Вып. XXII. С. 306–310.
- Айбабин А. И.** О дате образования Крымской Готии // Вестник ВолГУ. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2018. Т. 23, № 5. С. 71–78.
- Айбабин А. И.** Раскопки усадьбы 2 в квартале I на городище на плато Эски-Кермен // МАИЭТ. 2018а. Вып. XXIII. С. 277–304.
- Айбабин А. И.** Гунны в равнинном Крыму // Нижневолжский археологический вестник. 2019. Т. 18, № 2. С. 47–61.
- Айбабин А. И.** Усадьба рыбака в ранневизантийском Боспоре // Проблемы истории и археологии средневекового Крыма: Материалы международной научной конференции, посвященной 70-летию А. И. Айбабина, Симферополь, 10–11 января 2019 года / Ред.-сост. Э. А. Хайрединова. Симферополь: Антиква, 2019а. С. 7–16.
- Айбабин А. И.** Топоним Климаты в средневековом Крыму // Вестник ВолГУ. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2019б. Т. 24, № 6. С. 6–17.
- Айбабин А. И.** Противостояние Византии и древней Руси в Крыму в конце X в. // МАИЭТ. 2019в. Вып. XXIV. С. 454–463.
- Айбабин А. И.** К дискуссии об эпиграфических свидетельствах о деятельности Византии в горном Крыму в VI веке // Вестник ВолГУ. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2021. Т. 26, № 6. С. 6–18.

- Айбабин А. И.** Изучение центральной части города на плато Эски-Кермен // Итоги археологических исследований центральной части города на плато Эски-Кермен в 2018–2020 гг. Симферополь: Антиква, 2021а. С. 5–25. (Материалы Эски-Керменской экспедиции. Вып. 1).
- Айбабин А. И.** Об освоении греческого языка готами и аланами Горного Крыма // АДСВ. 2021б. Вып. 49. С. 79–96.
- Айбабин А. И.** Ранневизантийский и хазарский периоды эволюции городов на Внутренней горной гряде Крыма // МАИЭТ. 2021в. Вып. XXVI. С. 475–497.
- Айбабин А. И.** Миграции аланов и германцев в Равнинный и Горный Крым в конце I – III в. // КСИА. 2022. Вып. 268. С. 32–45.
- Айбабин А. И.** Эволюция городов на Внутренней гряде Крымских гор // Город на Внутренней гряде Крымских гор в средние века и новое время / Ред. А. И. Айбабин. Симферополь: Антиква, 2022а. С. 7–85.
- Айбабин А. И.** Συναγωγή τῶν Ἰουδαίων καὶ θεοσεβῶν (община иудеев и боящихся Бога) в Пантикапее-Боспоре // МАИЭТ. 2023. Вып. XXVIII. С. 497–509.
- Айбабин А. И.** Ранневизантийская фортификация на восточной стороне плато Эски-Кермен // АДСВ. 2023а. Вып. 51. С. 149–165.
- Айбабин А. И.** Христианизация готов и алан в Юго-Западном Крыму в IV–VI вв. // Stratum Plus. 2024. № 4. С. 55–71.
- Айбабин А. И., Хайрединова Э. А.** Могильник у с. Лучистое. Т. I. Раскопки 1977, 1982–1984 годов. Симферополь; Керчь, 2008. 336 с.
- Айбабин А. И., Хайрединова Э. А.** Позднесредневековая часовня на плато Эски-Кермен // МАИЭТ. 2011. Вып. XVII. С. 422–457.
- Айбабин А. И., Хайрединова Э. А.** Плитовые могилы с высеченными крестами из раннесредневекового некрополя Боспора // Боспорские исследования. 2015. Вып. 31. С. 354–378.
- Айбабин А. И., Хайрединова Э. А.** Крымские готы страны Дори (середина III – VII в.). Симферополь: Антиква, 2017. 366 с.
- Айбабин А. И., Хайрединова Э. А.** Ранневизантийский некрополь Боспора // АДСВ. 2018. Вып. 46. С. 33–53.
- Айбабин А. И., Хайрединова Э. А.** Квартальные храмы средневекового города на плато Эски-Кермен // АДСВ. 2020. Вып. 48. С. 310–326.
- Айбабин А. И., Хайрединова Э. А.** Археологические исследования города на плато Эски-Кермен в 2022 году // История и археология Крыма. 2023. № 19. С. 10–22.

- Айбабин А. И., Хайрединова Э. А., Смокотина А. В., Радочин В. Ю.** Некрополь византийского Боспора. Раскопки 2007–2009 гг. в Босфорском переулке. Симферополь: Антиква, 2023. 500 с.
- Айналов Д. В.** Развалины храмов // Памятники христианского Херсонеса. Том I. М., 1905. 143 с.
- Айналов Д. В.** Мраморная группа жертвоприношения Исаака // Seminarium Kondakovianum. Prague, 1927. I. С. 187–190.
- Алексеевко Н. А.** Византийская администрация на Боспоре во второй половине X в. (по данным памятников сфрагистики) // МАИЭТ. 2006. Вып. XII. С. 564–570.
- Алексеевко Н. А.** Византийский Херсон VI–XIII столетий в памятниках сфрагистики. 1. Чиновники Херсона VIII–XI вв. Севастополь: Колорит, 2017. 474 с.
- Анна Комнина.** Алексиада / Пер. с греч. Я. Н. Любарского. СПб.: Алетейя, 1996. 704 с.
- Амброз А. К.** Юго-западный Крым. Могильники IV–VII вв. // МАИЭТ. 1994/1995. Вып. IV. С. 31–88.
- Аммиан Марцеллин.** Римская история / Пер. Ю. А. Кулаковский, А. И. Сонни. СПб., 1996. 570 с.
- Анохин В. А.** Монетное дело Херсонеса. Киев: Наукова думка, 1977. 175 с.
- Анохин В. А.** Монетное дело Боспора. Киев: Наукова думка, 1986. 183 с.
- Антонин.** Заметки XII–XV века, относящиеся к крымскому городу Сугдея (Судак), приписанные в греческом синаксаре // ЗООИД. 1863. Т. V. С. 595–628.
- Антонова И. А.** Оборонительные сооружения Херсонесского порта в средневековую эпоху // АДСВ. 1971. Вып. 7. С. 102–118.
- Антонова И. А.** К вопросу о хронологии оборонительного строительства в средневековом Херсонесе // АДСВ. 1976. Вып. 13. С. 3–8.
- Антонова И. А.** Административные здания Херсонесской вексилляции и фемы Херсона // ХСб. 1997. Вып. VIII. С. 10–22.
- Антонова И. А., Даниленко В. Н., Ивашута Л. П., Кадеев В. И., Романчук А. И.** Средневековые амфоры Херсонеса // АДСВ. 1971. Вып. 7. С. 81–101.
- Артамонов М. И.** История хазар. Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1962. 524 с.
- Арутюнова-Фиданян В. А.** Субъекты экспансии византийской империи на Восток (X–XI вв.). Терминология // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 3: Филология. 2018. № 57. С. 11–23.

- Афиногенов Д. Е.** «Повесть о прощении императора Феофила» и Торжество Православия. М.: Индрик, 2004. 192 с.
- Баранов И. А.** Археологические разведки на территории Сьюренского укрепления в Крыму // Археологические исследования на Украине в 1968 г. Киев, 1971. Вып. 3. С. 88–92.
- Баранов И. А.** Таврика в эпоху раннего средневековья. Киев: Наукова думка, 1990. 168 с.
- Бармина Н. И.** Мозаики и фрески мангупской базилики // МАИЭТ. 2017. Вып. XXII. С. 89–106.
- Башкиров А. С.** Историко-археологические изыскания на Таманском полуострове в 1949–1951 гг. // Ученые записки Ярославского пединститута. 1957. Вып. XXII (XXXII). С. 309–491.
- Бейлин Д. В., Яйленко В. П.** Новые иудейские эпитафии II–IV вв. н.э. Из Керчи // Проблемы истории, филологии, культуры. 2022. № 4(78). С. 115–146. DOI 10.18503/1992-0431-2022-4-78-115-146.
- Беликов Д. Н.** Начало христианства у готов // Православный собеседник. Казань, 1886–1887. С. 1–198.
- Белов Г. Д.** Северный прибрежный район Херсонеса // Археологические памятники Юго-Западного Крыма (Херсонес, Мангуп). М., Л.: Изд-во АН СССР, 1953. С. 11–31. (МИА. № 34).
- Белов Г. Д.** Стеклоделие в Херсонесе // СА. 1965. № 3. С. 237–239.
- Белов Г. Д.** Стеклоделательная мастерская в Херсонесе // КСИА. 1969. № 116. С. 80–84.
- Белов Г. Д., Стржелецкий С. Ф., Якобсон А. Л.** Квартал XVIII // Археологические памятники Юго-Западного Крыма (Херсонес, Мангуп). М., Л.: Изд-во АН СССР, 1953. С. 160–236. (МИА. № 34).
- Бенешевич В. Н.** Синайский список отцов Никейского первого вселенского собора // ИАК. 1908. Серия VI. Т. 2, вып. 3. С. 281–306.
- Бертье-Делагард А. Л.** Надпись времени императора Зенона в связи с отрывками из истории Херсонеса // ЗООИД. 1893. Т. XVI. С. 45–88.
- Бертье-Делагард А. Л.** О Херсонесе // ИАК. 1907. Вып. 21. С. 1–208.
- Бертье-Делагард А. Л.** Исследование некоторых недоуменных вопросов средневековья в Тавриде // ИТУАК. 1920. Вып. 57. С. 1–135.
- Бехтер А. П., Чхаидзе В. Н.** Новые данные о «боящихся Бога» на Азиатском Боспоре // ВДИ. 2021. Т. 81, № 4. С. 922–937.
- Блаватский В. Д.** Материалы по истории Пантикапея // Материалы по археологии Северного Причерноморья в античную эпоху. Т. I /

Ред. В. Д. Блаватский, Б. Н. Граков. М.: Изд-во АН СССР, 1951. С. 9–62. (МИА. № 19).

Блаватский В. Д. Строительное дело Пантикапея по данным раскопок 1945–1949 и 1952–1953 гг. // Пантикапей / Отв. ред. И. Б. Зеест. М.: Изд-во АН СССР, 1957. С. 5–95. (МИА. № 56).

Блаватский В. Д. Раскопки Пантикапея в 1954–1958 гг. // СА. 1960. № 2. С. 168–192.

Блаватский В. Д. Работы подводной Азово-Черноморской экспедиции 1960 г. // СА. 1961. № 4. С. 148–157.

Блаватский В. Д. Отчет о раскопках Пантикапея в 1945–1949, 1952 и 1953 гг. // Пантикапей / Отв. ред. И. Б. Зеест, И. Д. Марченко. М., 1962. С. 6–85. (МИА. № 103).

Блаватский В. Д. Пантикапей. Очерки истории столицы Боспора. М.: Наука, 1964. 232 с.

Блаватский В. Д. Античная археология и история. М.: Наука, 1985. 280 с.

Богданова Н. М. Херсон в X–XV вв. Проблемы истории византийского города // Причерноморье в средние века. 1991. Вып. 1. С. 8–172.

Болтунова А. И. Надпись под статуей из Горгиппии // СА. 1958. XXVIII. С. 110–116.

Борисова В. В. Раскопки в цитадели в 1958–1959 гг. // Сообщения Херсонесского музея. 1963. № 3. С. 45–54.

Борисова В. В. Отчет о раскопках в Херсонесе в 1962 г. (цитадель) // Научный архив Института археологии НАН Украины.

Боровко Н. А. Тепе-Кермен // Записки Крымского общества естествоиспытателей и любителей природы. Симферополь, 1913. Т. 3. С. 107–183.

Бородин О. Р. Римский папа Мартин I и его письма из Крыма // Причерноморье в средние века. М., 1991. С. 173–190.

Броневский Мартин. Описание Крыма (Tartariae Descriptio) // ЗООИД. 1867. Т. VI. С. 333–367.

Брун Ф. К. Черноморские готы и следы долгого их пребывания в Южной России // Черноморье. Ч. II. Одесса, 1880. С. 189–241.

Вагалински Л. Ф. Хераклея Синтика. История через археология // Archaeologia Bulgarica Supplement 4. София, 2022. С. 1–330.

Васильев А. А. Прил. III. О годе восстановления православия // Византия и арабы. Политические отношения Византии и арабов за время Аморийской династии. СПб., 1900. С. 142–146.

- Васильев А. А.** Лекции по истории Византии. Т. 1: Время до эпохи крестовых походовъ (до 1081 года). Петроград: тип. Я. Башмаков, 1917. 355 с.
- Васильев А. А.** Готы в Крыму // Известия Российской академии истории материальной культуры. 1927. Т. V. С. 247–344.
- Васильев А. А.** История Византийской империи: От начала Крестовых походов до падения Константинополя. СПб.: Алетейя, 1998. 584 с.
- Васильевский В. Г.** О построении крепости Саркел // Журнал Министерства народного просвещения. 1889. № 10. Часть ССLXV, октябрь. С. 273–289.
- Васильевский В. Г.** Житие Иоанна Готского // Труды. СПб.: Тип. Имп. Академии наук, 1912. Т. II. Вып. 2. С. 351–427.
- Васильевский В. Г.** Житие св. Стефана Сурожского // Труды. Петроград, 1915. Т. 3. С. CLVII–CCLXXXVIII, 72–122.
- Веймарн Е. В.** Оборонительные сооружения Эски-Кермена // История и археология средневекового Крыма. М., 1958. С. 7–54.
- Веймарн Е. В., Чореф М. Я.** Корабль на Каче. Симферополь: Таврия, 1976. 88 с.
- Виноградов А. Ю.** Византийские надписи Северного Причерноморья // Inscriptiones antiquae Orae Septentrionalis Ponti Euxini graecae et latinae. Vol. V. Лондон: Кингс Колледж, 2015. <https://iospe.kcl.ac.uk/5/toc-ru.html>.
- Виноградов Ю. Г.** Позднеантичный Боспор и ранняя Византия // ВДИ. 1998. № 1. С. 233–247.
- Виноградов Ю. А., Горнчаровский В. А.** Военная история и военное дело Боспора Киммерийского (VI в до н. э. – середина III в. н. э.). СПб., 2009. 348 с.
- Волошинов И. М., Клепинин Н. Н.** Пещерное поселение Бакла в Крыму // Записки Симферопольского общества естествоиспытателей и любителей природы. Симферополь, 1913. Т. 3. С. 151–160.
- Воронин Ю. С., Майко В. В., Кутайсов В. А.** Археологические раскопки Суюреньского укрепления 1978–79 гг. Раскоп I // История и археология Крыма. 2014. № 1. С. 458–479.
- Габлиц К. И.** Физическое описание Таврической области, по ее местоположению, и по всем трем царствам природы. СПб.: Имп. тип. у Ивана Вейтбрехта, 1785. 198 с.
- Гадло А. В.** Этническая история Северного Кавказа IV–X вв. Л., 1979. 214 с.

- Гадло А. В.** К истории Восточной Таврики VIII–IX вв. // АДСВ. 1980. Вып. 17. С. 130–145.
- Гадло А. В.** Византийские свидетельства о Зихской епархии как источник по истории Северо-Восточного Причерноморья // Из истории Византии и византиноведения. Л., 1991 С. 93–106.
- Гадло А. В.** Предыстория Приазовской Руси. Очерки истории русского княжения на Северном Кавказе. СПб., 2004. 358 с.
- Гайдукевич В. Ф.** Памятники раннего средневековья в Тиритаке // СА. 1940. VI. С. 190–204.
- Гайдукевич В. Ф.** Боспорское царство. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1949. 623 с.
- Гайдукевич В. Ф.** Раскопки Тиритаки в 1935–1940 гг. // Боспорские города. I. Итоги археологических исследований Тиритаки и Мирмекия в 1935–1940 гг. М., 1952. С. 15–134. (МИА. № 25).
- Гайдукевич В. Ф.** История античных городов северного Причерноморья // Античные города Северного Причерноморья. Очерки истории и культуры. М., Л.: Наука, 1955. С. 23–147.
- Гайдукевич В. Ф.** Илурат Итоги археологических исследований 1948–1953 гг. // Боспорские города. II. Работы Боспорской экспедиции 1946–1953 гг. М., Л., 1958. С. 9–148. (МИА. № 85).
- Герцен А. Г.** Дорос-Феодоро (Мангуп): от ранневизантийской крепости к феодальному городу // АДСВ. 2003. Вып. 34. С. 94–112.
- Герцен А. Г., Манаев А. Ю.** Демир-Капу (укрепление А. XIX) в системе оборонительных сооружений Мангупа // МАИЭТ. 2005. Вып. XI. С. 314–345.
- Герцен А. Г., Могаричев Ю. М.** Еще раз о дате возникновения крепости на плато Чуфут-Кале // Проблемы истории «пещерных городов» в Крыму. Симферополь, 1992. С. 182–193.
- Герцен А. Г., Могаричев Ю. М.** Кырк-Ер – Чуфут-Кале. Крепость на краю седьмого климата. Симферополь: Антиква, 2016. 312 с.
- Герцен А. Г., Науменко В. Е.** К изучению истории Мангупа VIII–XI вв. Состояние источниковой базы и перспективы исследований // МАИЭТ. 2018. Вып. XXIII. С. 615–640.
- Герцен А. Г., Науменко В. Е., Душенко А. А. [и др.]** Археологические исследования укрепления А. XI Главной линии обороны Мангупской крепости в 2020 году // История и археология Крыма. 2021. № 15. С. 38–46.
- Гийан Р.** Очерки административной истории ранневизантийской империи (IV–VI вв.) // Византийский временник. 1964. Т. 24. С. 35–48.

- Гийу А.** Византийская цивилизация. Екатеринбург, 2005. 546 с.
- Голофаст Л. А.** Штампы V–VII вв. на посуде группы «африканской краснолаковой» из раскопок Херсонесского городища // МАИЭТ. 1996. Вып. V. С. 77–84.
- Голофаст Л. А.** К вопросу о стеклоделии в ранневизантийском Херсонесе // МАИЭТ. 1998. Вып. VI. С. 312–326.
- Голофаст Л. А.** Стекло ранневизантийского Херсонеса // МАИЭТ. 2001. Вып. VIII. С. 97–260.
- Голофаст Л. А.** Западный район Херсонеса в ранневизантийское время // МАИЭТ. 2007. Вып. XIII. С. 68–128.
- Голофаст Л. А.** Амфоры VI в. с изображением меноры из Фанагории // Российская археология. 2021. № 4. С. 53–64.
- Грушевой А. Г.** Архисинагоги в грекоязычных надписях первых веков н.э. // Иудаика и арамеистика / Ред. К. А. Битнер. СПб.: Петербургский институт иудаики, 2014. С. 71–85. (Труды по иудаике: Филология и культурология. Вып. 3).
- Гумилёв Л. Н.** Древние тюрки. М.: Товарищество «Клышников, Комаров и К^о», 1993. 512 с.
- Гумилёв Л. Н.** Древние тюрки. М., 2003. 526 с.
- Даньшин Д. И.** Фанагорийская община иудеев // ВДИ. 1993. № 1. С. 59–72.
- Денисенко Н. Д.** Дискуссионные вопросы реконструкций оборонительных укреплений средневекового города на плато Эски-Кермен // TERRA TATARICA: Крым и тюркский мир в эпоху Средневековья и в Новое время. Симферополь, 2023. С. 69–70.
- Динчев В.** Ранновизантийские крепости в Блгария и съседните земи (в диоцезите Thracia и Dacia). София, 2006. 140 с. (Разкопки и прочувания. Кн. 35).
- Долгоруков В. С.** Исследования береговой части Фанагории в 1971–1972 гг. // КСИА. 1975. № 143. С. 54–59.
- Домбровский О. И.** Средневековые поселения и “исары” Крымского Южного бережья // Феодальная Таврика. Киев: Наукова думка, 1974. С. 5–55.
- Домбровский О. И.** Архитектурно-археологическое исследование загородного крестообразного храма // МАИЭТ. 1993. Вып. III. С. 289–319, 403–426.
- Дюбрюкс П.** Собрание сочинений. Т. II. Иллюстрации / Сост. и ред. И. В. Тункина. СПб., 2010. С. 312.

- Жебелев С. А.** Боспорские этюды // ИГАИМК. 1935. Вып. 104. С. 7–56.
- Жеребцов Е. Н.** К изучению раннесредневековых памятников Херсонеса // Византийский временник. 1963. Т. 23. С. 205–213.
- Завадская И. А.** Проблемы стратиграфии и хронологии архитектурного комплекса “Базилика 1935 г.” в Херсонесе // МАИЭТ. 1996. Вып. V. С. 94–105.
- Завадская И. А.** О происхождении христианской архитектуры ранневизантийского Херсонеса // МАИЭТ. 2001. Вып. VIII. С. 261–289.
- Завадская И. А.** Декоративно-символическая система росписи Херсонесских христианских склепов: проблемы хронологии и генезиса // МАИЭТ. 2004. Вып. XI. С. 258–288.
- Завадская И. А.** Строительная керамика из раскопок центральной части города на плато Эски-Кермен в 2018–2020 г. // Итоги археологических исследований центральной части города на плато Эски-Кермен в 2018–2020 гг. Симферополь: Антикава, 2021. С. 290–325. (Материалы Эски-Керменской экспедиции. Вып. I).
- Завадская И. А.** Малые храмы на городище Эски-Кермен // МАИЭТ. 2022. Вып. XXVII. С. 310–353.
- Зайбт Н., Зайбт В.** Печати стратигов византийской фемы Херсон // АДСВ. 1995. Вып. 27: Византия и средневековый Крым. С. 91–101.
- Залесская В. Н.** Ранневизантийские мраморные блюда в собрании Эрмитажа // Византийский временник. 1976. Т. 37. С. 207–211.
- Залесская В. Н.** Два раннесредневековых глиняных светильника из Северного Причерноморья // СА. 1988. № 4. С. 233–237.
- Залесская В. Н.** Памятники византийского прикладного искусства IV–VII веков. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2006. 269 с.
- Занкин А. Б.** Коллекция граффити на амфорной таре из раскопок в г. Керчи // Морська торгівля в Північному Причорномор’ї. Київ, 2001. С. 46–51.
- Засецкая И. П.** Материалы боспорского некрополя второй половины IV – первой половины V вв. н.э. // МАИЭТ. 1993. Вып. III. С. 23–105.
- Засецкая И. П.** Датировка и происхождение пальчатых фибул боспорского некрополя раннесредневекового периода // МАИЭТ. 1998. Вып. VI. С. 394–478.
- Зеест И. Б.** Керамическая тара Боспора. М.: Изд-во АН СССР, 1960. 179 с. (МИА. № 83).

- Зинько А. В., Пономарев Л. Ю.** К топографии ранневизантийского Боспора и его плитово-грунтовых некрополей // Боспорские исследования. 2016. Вып. 32. С. 107–148.
- Зинько В. Н., Зинько А. В.** Тиритака в V–VI вв. н.э. // МАИЭТ. 2008. Вып. XIV. С. 93–104.
- Зинько В. Н., Зинько А. В.** Религиозные воззрения населения Тиритаки в IV–VI вв. // Проблемы истории, филологии, культуры. 2022. № 1 (75). С. 145–156.
- Зинько Е. А.** Грунтовые склепы некрополя Пантикапея – Боспора (исследования 1996–2009 гг.). Симферополь – Керчь: Пронда, 2017. 210 с.
- Зубарев В. Г.** Из истории Боспорского царства во второй половине III – начале V вв. н.э. // Боспорские исследования. 2006. Вып. 11. С. 187–193.
- Зубарь В. М., Сарновский Т., Антонова И. А.** Новая надпись из раскопок цитадели и некоторые вопросы позднеантичной истории Херсонеса // ХСб. 2001. Вып. XI. С. 106–115.
- Иванов С. А.** Понятия “союза” и “подчинения” у Прокопия Кессарийского // Этносоциальная и политическая структура раннефеодальных славянских государств и народностей. М., 1987. С. 27–33.
- Иванчик А. И.** Новые данные о римском военном присутствии на Боспоре // ВДИ. 2013. № 1. С. 59–77.
- Ильяшенко С. М.** Стандартные dipinti на узкогорлых светлоглиняных амфорах Танаиса и его округа III–IV вв. н. э. // Боспорские исследования. 2013. Вып. XXIX. 285 с.
- Иордан.** О происхождении и деяниях гетов. Getica / Пер. и ком. Е. Ч. Скржинской. М., 1997. 506 с.
- История Крыма / Ред. А. В. Юрасов.** М.: Кучково поле, 2017. Т. I. 558 с.
- Каждан А. П.** Византийские города в VII–XI вв. // СА. 1954. XXI. С. 164–188.
- Казанский М. М.** Пути проникновения на Боспор Киммерийский и природные условия Северного Причерноморья в III в. // Боспорские исследования. 2016. Вып. 33. С. 137–162.
- Казанский М. М.** О шлемах Боспора Киммерийского ранневизантийского времени: традиция или инновация // Боспорские исследования. 2019. Вып. 38. С. 205–224.
- Караулов Г.** Древнее Сюреньское укрепление и башня на Бельбеке // Новороссийский календарь на 1871 г. Одесса, 1870. С. 3–24.

- Караулов Г.** Крымские пещерные города и крипты // ЗООИД. 1872. Т. VIII. С. 39–111.
- Кёппен П. И.** О древностях Южного Берега и гор Таврических. СПб.: Тип. Имп. Академии наук, 1837. 409 с.
- Кляшторный С. Г.** Степные империи: рождение, триумф, гибель // Кляшторный С. Г., Савинов Д. Г. Степные империи древней Евразии. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2005. С. 9–182.
- Колесникова Л. Г.** Раннесредневековая скульптура Херсонеса // Херсонес Таврический. Ремесло и культура. Киев: Наукова думка, 1974. С. 55–60.
- Колесникова Л. Г.** Античная скульптура Херсонеса: Каталог. Киев: Мистецтво, 1976.
- Коновалова И. Г.** Восточная Европа в сочинении ал-Идриси. М.: Восточная литература, 2006. 325 с.
- Константин Багрянородный.** Об управлении государством / Текст, перевод, комментарий Г. Г. Литаврин, А. П. Новосельцев. М., 1989. 496 с.
- Корпус боспорских надписей (КБН)** / Отв. ред. В. В. Струве. М., Л.: Наука, 1965. 952 с.
- Кропоткин В. В.** Из истории средневекового Крыма // СА. 1958. XXVIII. С. 198–218.
- Косцюшко-Валюжинич К. К.** Отчет о раскопках в Херсонесе в 1901 г. // ИАК. 1902. Вып. 4. С. 51–119.
- Кропоткин В. В.** Могильник Чуфут-Кале в Крыму // КСИА. 1965. Вып. 100. С. 108–115.
- Кубарев Г. В., Журавлев Д. В.** Доспех из катакомбного погребения с Госпитальной улицы города Керчи (из раскопок 1891 года профессора Ю. А. Кулаковского) // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2012. Т. 11, № 5. С. 135–146.
- Кузнецов В. Д.** Новые надписи из Фанагории // ВДИ. 2007. № 1. С. 227–243.
- Кузнецов В. Д., Голофаст Л. А.** Дома хазарского времени в Фанагории // Проблемы истории, филологии, культуры. 2010. № 1. С. 383–429.
- Кулаковский Ю. А.** Керченская христианская катакомба 491 г. // Материалы по археологии России. СПб., 1891. Вып. 6. С. 1–30.
- Кулаковский Ю. А.** К истории Готской епархии в Крыму в VIII в. // Журнал Министерства народного просвещения. 1898. 2. С. 173–202.
- Кулаковский Ю. А.** История Византии. Т. 1: (395–518). Киев, 1913. 552 с.

- Кулаковский Ю. А.** Прошлое Тавриды. Киев: Типо-лит. С. В. Кульженко, 1914. 156 с.
- Кулаковский Ю. А.** История Византии. Т. III: (602–717). СПб.: Алетея, 1996а. 457 с.
- Кулаковский Ю. А.** История Византии. Т. II. 518–602 гг. СПб.: Алетея, 1996а. 456 с.
- Кулаковский Ю. А.** Избранные труды по истории аланов и Сарматии. СПб.: Алетея, 2000. 318 с.
- Куник А. А.** О записке готского топарха // Записки Императорской Академии наук. СПб., 1874. Т. XXIV. С. 61–160.
- Курбатов Г. Л.** Восстание Прокопия (365–366 гг.) // Византийский временник. 1958. Т. 14. С. 3–26.
- Кутайсов В. А.** Четырехапсидный храм Херсонеса // СА. 1982. № 1. С. 155–169.
- Кучма В. В.** Два византийских военных трактата конца X века. СПб.: Алетея, 2002. 412 с.
- Латышев В. В.** Известия древних писателей, греческих и латинских, о Скифии и Кавказе. Т. I. Греческие писатели. СПб., 1890. 968 с.
- Латышев В. В.** Краткий очерк истории Боспорского царства // ИТУАК. 1892. Вып. 17. С. 1–66.
- Латышев В. В.** Этюды по византийской эпиграфике // Византийский временник. 1894. Т. 1. С. 657–672.
- Латышев В. В.** Сборник греческих надписей христианских времен из Южной России. СПб., 1896. 143 с.
- Латышев В. В.** Греческие и латинские надписи, найденные в Южной России в 1895–1898 гг. // Материалы по археологии России. СПб., 1899. Вып. 23. 76 с.
- Латышев В. В.** Надпись о постройке Херсонесской стены // ИАК. 1901. Вып. 1. 111 с.
- Латышев В. В.** Известия древних писателей, греческих и латинских, о Скифии и Кавказе. Т. II. Латинские писатели. СПб., 1904. Вып. 1. 278 с.
- Латышев В. В.** Эпиграфические новости из южной России (находки 1901–1903 годов) // ИАК. 1904а. Вып. 10. С. 1–91.
- Латышев В. В.** *Жития св. епископов херсонесских: Исследования и тексты* // Записки Императорской Академии наук по историко-филологическому отделению. Серия VIII. 1906. Т. VIII. № 3. С. 1–81

- Латышев В. В.** Эпиграфические новости из южной России // ИАК. 1906а. Вып. 18. С. 95–137.
- Латышев В. В.** Житие свв. епископов Херсонских в грузинской минее // ИАК. 1913. Вып. 49. С. 75–88.
- Латышев В. В.** Эпиграфические новости из южной России // ИАК. 1918. Вып. 65. С. 9–21.
- Лебедев Д. А.** Список епископов Первого Вселенского собора в 318 имен: к вопросу о его происхождении и значении для реконструкции подлинного списка никейских отцов // Записки Императорской Академии наук по историко-филологическому отделению. Серия VIII. 1916. Т. XIII, № 1. С. 1–116.
- Левинская И. А.** Деяния апостолов на фоне еврейской диаспоры. СПб.: Логос, 2000. 352 с.
- Левинская И. А.** Община иудеев и боящихся Бога // Петербургский исторический журнал. 2019. № 1 (21). С. 314–321.
- Майко В. В.** К вопросу о дате основания средневековой Сугдеи. Современная источниковая база // Imperium et Barbaricum: взаимодействие цивилизаций. Сборник статей в честь 70-летия Михаила Казанского / Отв. ред. А. И. Айбабин, Э. А. Хайрединова. Симферополь: Антиква, 2023. С. 234–240
- Майко В. В., Хайрединова Э. А.** Византийские пряжки из Сугдеи // ΧΕΡΣΟΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: империя и полис. XII Международный Византийский семинар: материалы научной конференции, Севастополь – Балаклава, 25–29 мая 2020 г. Севастополь, 2020. С. 177–182.
- Макарова Т. И.** Средневековый Корчев (по раскопкам 1963 г. в Керчи) // КСИА. 1965. Вып. 104. С. 70–76.
- Макарова Т. И.** Археологические данные для датировки церкви Иоанна Предтечи в Керчи // СА. 1982. № 4. С. 91–106.
- Макарова Т. И.** Боспор-Корчев по археологическим данным // Византийская Таврика. Киев: Наукова думка, 1991. С. 121–146.
- Макарова Т. И.** Археологические раскопки в Керчи около церкви Иоанна Предтечи // МАИЭТ. 1998. Вып. VI. С. 344–393.
- Маркевич А. И.** Экскурсия на гору Бакла и в дер. Мангуп // ИТУАК. 1889. Т. 8. С. 108–113.
- Мацулевич Л. А.** Серебряная чаша из Керчи. Л., 1926. 66 с. (Памятники Государственного Эрмитажа. Вып. 2).

- Медведев И. П.** К вопросу о неподлинности так называемой «Записки готского топарха» // Мир Александра Каждана: К 80-летию со дня рождения. СПб.: Алетейя, 2003. С. 160–172.
- Мовсес Каганкатваци.** История страны Алуанк / Пер. с древнеармянск. Ш. В. Смбатяна; Институт древних рукописей им. Маштоца – Матенадаран. Ереван, 1984. 257 с.
- Могаричев Ю. М.** Пещерные церкви Таврики. Симферополь: Таврия, 1997. 384 с.
- Моисеев Л. А.** Раскопки в Мангупе // Отчет Археологической комиссии за 1913–1915 годы. Петроград, 1918. С. 72–84.
- Мохов А. С.** Военные преобразования в Византийской империи во второй половине X – начале XI в. // Известия Уральского государственного университета. 2004. № 31. С. 14–34.
- Мыц В. Л.** Алустон в VI–VII вв. // Византия и средневековый Крым // АДСВ. 1992. Вып. 26. С. 170–180.
- Надель Б. И.** Боспорские манумиссии и греческое право // Listy filologické / Folia philologica. 1968. Roč. 91, Čís. 3. P. 252–278.
- Наследие византийского Херсона / Т. Яшаева, Е. Денисова, Н. Гинькут, В. Залесская, Д. Журавлев. Севастополь – Остин: Телескоп, 2011. 708 с.
- Науменко В. Е.** К дискуссии о времени строительства византийской крепости на Мангупе // АДСВ. 2023. Вып. 51. С. 105–119.
- Науменко В. Е., Душенко А. А.** Княжеский дворец Мангупского городища: помещение Н южного участка комплекса (по материалам коллекции Р. Х. Лепера Государственного Эрмитажа и современных археологических исследований) // МАИЭТ. 2017. Вып. XXII. С. 187–238.
- Науменко В. Е., Душенко А. А., Ганцев В. К.** Историческая топография Мангупа фемного периода. Новые материалы археологических исследований // ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: империя и полис. XIV Международный Византийский Семинар: Материалы междунар. конф. Симферополь, 2022. С. 165–178.
- Николаева Э. Я.** Находки оружия на Ильичевском городище // Проблемы античной культуры. М.: Наука, 1986. С. 183–188.
- Николаева Э. Я.** Поселение у д. Ильич // КСИА. 1981. Вып. 168. С. 88–92.
- Николаева Э. Я.** Стеклоделие на Боспоре // КСИА. 1991. Вып. 204. С. 50–56.
- Новосельцев А. П.** Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М.: Наука, 1990. 256 с.

- Оболенский Д.** Византийское содружество наций. Шесть византийских портретов. М., 2012. 656 с.
- Овчаров Д.** Архитектура и декорация на старохристианските гробници в нашите земи // Археология. София, 1977. № 4. С. 20–29.
- Овчаров Д., Ваклинова М.** Ранновизантийски паметници от България IV–VII век. София, 1978. 76 с.
- Орешиников А. В.** Херсоно-византийские монеты // Нумизматический сборник. М., 1911. Вып. I. С. 107–304.
- Острогорски Г.** Историја Византије. Београд, 2022. 704 с.
- Отчет императорской археологической комиссии за 1891 год. СПб., 1893. 187 с.
- Павел Орозий.** История против язычников. Книги I–III. СПб., 2001. 384 с.
- Паллас Петр Симон.** Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным наместничествам Русского государства в 1793–1794 годах / Пер. с нем. С. Л. Белявской, А. Л. Бертье-Делагарда. М., 1999. С. 19–245. (Научное наследство. Т. 27).
- Паромов Я. А.** Археолого-топографический план Патрея // Боспорский сборник. М., 1993. Вып. 3. С. 136–162.
- Патканов К.** Из нового списка географии, приписываемой Моисею Хоренскому // Журнал Министерства народного просвещения. 1883. № 3. С. 21–32.
- Пашуто В. Т.** Внешняя политика Древней Руси. М.: Квадрига, 2019. 495 с.
- Петровский В. А.** Скальная часовня в районе Баклы // Проблемы истории и археологии Крыма. Симферополь: Таврия, 1994. С. 67–71.
- Петровский В. А.** Отчет о раскопках раннесредневекового грунтового могильника на северо-западном склоне городища Тепе-Кермен в Бахчисарайском районе близ с. Кудрино в 1999 г. // Научный архив Бахчисарайского музея-заповедника. Ф. 2. Оп. 14. Д. 182.
- Петровский В. А.** Православные памятники Тепе-Кермена // Православные древности Таврики. Киев: Стилос, 2002. С. 81–98.
- Пигулевская Н. В.** Сирийские источники по истории народов СССР // Труды Института востоковедения АН СССР. 1941. ХLI. 171 с.
- Пигулевская Н. В.** Сирийская средневековая историография: исследования и переводы / Сост. Е. Н. Мещерская. СПб., 2011. 832 с.
- Плетнёва С. А.** Средневековая керамика Таманского городища // Керамика и стекло древней Тмутаракани. М.: Изд-во АН СССР, 1963. С. 5–72.

Повесть временных лет / Пер. с древнерус. Д. С. Лихачёва, О. В. Творогова. СПб.: Вита Нова, 2012. 512 с.

Продолжатель Феофана. Жизнеописания византийских царей / Ред. и пер. Я. Н. Любарский. СПб.: Алетейя, 2009. 400 с.

Пуздровский А. Е., Зайцев Ю. П., Неневоля И. И. Новые памятники III–IV вв. н.э. в юго-западном Крыму // МАИЭТ. 2001. Вып. VIII. С. 32–50.

Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука / Ред., вступ. ст. и прим. Н. П. Шастиной. М.: Гос. изд-во геогр. лит-ры, 1957. 272 с.

Репников Н. И. Партенитская базилика // ИАК. 1909. Вып. 32. С. 91–140.

Репников Н. И. Остатки укреплений Эски-Кермена // ИГАИМК. 1932. Вып. XII. С. 181–212.

Репников Н. И. Эски-Кермен в свете археологических разведок 1928–1929 гг. // ИГАИМК. 1932а. Т. 12. Вып. 1–8: Готский сборник. С. 107–152.

Репников Н. И. Подъемная дорога Эски-Кермена // ИГАИМК. 1935. Вып. 117: Материалы Эски-Керменской экспедиции 1931–1933 гг. С. 18–42.

Романчук А. И. Херсонес VI – первой половины IX в.: Учеб. пособие. Свердловск: Изд-во УрГУ, 1976. 42 с.

Романчук А. И. План рыбозасолочных цистерн Херсонеса // АДСВ. 1977. Вып. 14. С. 18–26.

Романчук А. И. Очерки истории и археологии византийского Херсона. Екатеринбург: Изд-во Уральск. ун-та, 2000. 390 с.

Романчук А. И., Сазанов А. В., Седикова Л. В. Амфоры из комплексов Византийского Херсона. Екатеринбург, 1995. 170 с.

Ростовцев М. И. Римские гарнизоны на Таврическом полуострове и Ай-Тодорская крепость // Журнал Министерства народного просвещения. 1900. С. 140–158.

Ростовцев М. И. Новые латинские надписи из Херсонеса // ИАК. 1907. Вып. 23. С. 1–20.

Ростовцев М. И. Святилище фракийских богов и надпись бенефициари-ев в Ай-Тодоре // ИАК. 1911. Вып. 40. С. 1–42.

Ростовцев М. И. Представление о монархической власти в Скифии и на Боспоре // ИАК. 1913. Вып. 49. С. 1–62.

Ростовцев М. И. Античная декоративная живопись на Юге России. СПб., 1914. 537 с.

- Ростовцев М. И.** Эллинизация и иранство на юге России. Петроград, 1918. 200 с.
- Ростовцев М. И.** Государство и культура Боспорского царства. 2. Государство и социальный строй эпохи римского протектората // ВДИ. 1990. № 1. С. 175–183.
- Рудаков В. Е.** Исследования Баклинского городища в 1971–1972 гг. // АДСВ. 1975. Вып. 11. С. 23–29.
- Рудаков В. Е.** Элементы салтово-маяцкой культуры на посаде Баклинского городища // АДСВ. 1979. Вып. 16: Социальное развитие Византии. С. 105–111.
- Рудаков В. Е.** Христианские памятники Баклы. Храмовый комплекс X–XIII вв. // АДСВ. 1984. Вып. 21. С. 35–57.
- Сапрыкин С. Ю., Куликов А. В.** Новые эпиграфические находки в Пантикапее // Древнейшие государства Восточной Европы. 1996–1997 гг. Северное Причерноморье в античности: Вопросы источниковедения. М., 1999. С. 201–208.
- Саргсян Т. Э.** Житие Стефана Сурожского в армянских манускриптах // Бахчисарайский историко-археологический сборник. Симферополь, 2008. Вып. 3. С. 282–293.
- Сарновски Т.** Римское войско в Крыму в период принципата. Источники и состояние исследований // Крымская Скифия в системе культурных связей между Востоком и Западом (III в. до н.э. – VII в. н.э.). Симферополь, М., 2017. С. 350–370.
- Сарновски Т., Ковалевская Л. А.** О защите херсонесского государства союзным римским военным контингентом // Российская археология. 2004. № 2. С. 40–50.
- Сарновский Т., Савеля О. Я. Балаклава.** Римская военная база и святилище Юпитера Долихена. Warschau, 2000. 276 с.
- Седикова Л. В.** Базилика 1935 года // Ранневизантийские сакральные постройки. Том I. Poznan, 2004. С. 61–66.
- Сидоренко В. А.** «Готы» области Дори Прокопия Кесарийского и «длинные стены» в Крыму // МАИЭТ. 1991. Вып. II. С. 105–118.
- Сидоренко В. А.** Средневековая надпись с именем Тζῶλ из баклинского склепа // МАИЭТ. 1997. Вып. VI. С. 642–645.
- Смокотина А. В.** Керамический комплекс второй половины VI в. из раскопок г. Боспора // МАИЭТ. 2008. Вып. XIV. С. 103–123.
- Смокотина А. В.** Штампы на ранневизантийской краснолаковой керамике из раскопок г. Боспора // МАИЭТ. 2009. Вып. XV. С. 132–173.

- Смокотина А. В.** Амфоры LR 1 на Боспоре // МАИЭТ. 2014. Вып. XIX. С. 68–87.
- Смокотина А. В.** Импорт товаров в амфорах и краснолаковой керамики на Боспор в конце IV – первой половине VII вв. // *Stratum plus*. 2018. № 4. С. 263–279.
- Смокотина А. В.** Ранневизантийские критские амфоры в городах Боспора и Тиритаке // МАИЭТ. 2019. Вып. XXIV. С. 160–172.
- Смокотина А. В.** Керамика из раскопок центральной части города на плато Эски-Кермен в 2020–2021 гг. // *Исследования центральной части города на плато Эски-Кермен в 2020–2021 гг.* / Ред. А. И. Айбабин, Э. А. Хайрединова. Симферополь: Антиква, 2022. С. 109–136.
- Соколов Н. П.** Образование Венецианской колониальной империи. Саратов: Изд-во Саратовск. ун-та, 1963. 544 с.
- Соколова И. В.** Монеты и печати византийского Херсона. Л.: Искусство, 1983. 176 с.
- Соколова И. В.** Византийские печати VI – первой половины IX в. из Херсонеса // *Византийский временник*. 1991. Т. 52. С. 201–225.
- Соломоник Э. И.** К вопросу о населении Херсонеса Таврического // *АДСВ*. 1979. Вып. 16: Социальное развитие Византии. С. 119–125.
- Соломоник Э. И.** О пребывании римского флота в Крыму // *АДСВ*. 1973. Вып. 10. С. 142–145.
- Соломоник Э. И.** Новые эпиграфические памятники Херсонеса. Киев: Наукова думка, 1973а. 284 с.
- Соломоник Э. И.** Из истории религиозной жизни в северопонтийских городах позднеантичного времени // *ВДИ*. 1973б. № 1. С. 55–77.
- Соломоник Э. И.** Латинские надписи Херсонеса Таврического. М.: Наука, 1983. 136 с.
- Соломоник Э. И.** Несколько новых греческих надписей средневекового Крыма // *Византийский временник*. 1986. Т. 47. С. 210–218.
- Соломоник Э. И.** Новые греческие лапидарные надписи Средневекового Крыма // *Византийская Таврика* / Отв. ред. П. П. Толочко. Киев: Наукова думка, 1991. С. 172–179.
- Соломоник Е. І.** Написи на кримських амфорах перших століть нашої ери // *Археологія*. 1993. № 2. С. 102–116.
- Соломоник Э. И.** Две группы надписей на керамических сосудах из Крыма первых веков нашей эры // *Проблемы археологии древнего и средневекового Крыма*. Симферополь: Таврия, 1995. С. 38–46.

- Соломоник Э. И.** Древнейшие еврейские поселения и общины в Крыму // Евреи Крыма. Очерки истории. Симферополь, Иерусалим, 1997. С. 9–22.
- Соломоник Э. И., Домбровский О. И.** О локализации страны Дори // Археологические исследования средневекового Крыма. Киев: Наукова думка, 1968. С. 11–44.
- Сорокина Н. П.** Три стеклянных сосуда IV в. н.э. с рельефными изображениями из Северного Причерноморья // Матеріали з археології Північного Причорномор'я. Одеса, 1960. № 3. С. 228–233.
- Степанова Е. В.** Судакский архив печатей: предварительные выводы // АДСВ. 2001. Вып. 32. С. 97–108.
- Степаненко В. П.** Архонт Хазарии – стратиг Херсона? // ХСб. 2011. Вып. XVI. С. 15–162.
- Степаненко В. П.** Византия и Крым в постфемный период (конец XI – XII в.). (К постановке проблемы) // МАИЭТ. 2018. Вып. XXIII. С. 713–720.
- Степаненко В. П.** Поствизантийский Крым в XIII в. // МАИЭТ. 2019. Вып. XXIV. С. 464–469.
- Стржелецкий С. Ф.** XVII башня оборонительных стен Херсонеса (башня Зенона) // Сообщения Херсонесского музея. 1969. Вып. 4. С. 7–29.
- Сумароков П. И.** Досуги крымского судьи или второе путешествие в Тавриду. Часть II. СПб., 1805. 249 с.
- Сюзюмов М. Я.** Византийский город (середина VII – середина IX в.) // Византийский временник. 1967. Т. 27. С. 38–70.
- Талис Д. Л.** Черепицы с метками из раскопок Баклинского городища // СА. 1968. № 2. С. 184–194.
- Талис Д. Л.** Раскопки Баклинского городища в 1961–1965 гг. // КСИА. 1969. Вып. 120. С. 57–63.
- Талис Д. Л.** О работах Горнокрымской археологической экспедиции Государственного Исторического музея // Археологические открытия 1969 года. М., 1970. С. 293–294.
- Талис Д. Л.** Исследования в Горном Крыму // Археологические открытия 1970 года. М., 1971. С. 301–302.
- Талис Д. Л.** Позднесредневековая керамика Тепе-Кермена // История и культура Восточной Европы по археологическим данным / Под ред. С. М. Орешникова. М., 1971а. С. 250–262.

- Талис Д. Л.** Оборонительные сооружения Юго-Западной Таврики как исторический источник // Археологические исследования на юге Восточной Европы. М., 1974. С. 89–113.
- Талис Д. Л.** Новые материалы по истории Юго-Западного Крыма // КСИА. 1974а. Вып. 140. С. 103–109.
- Талис Д. Л.** Городище Тепе-Кермен // КСИА. 1977. Вып. 148. С. 98–104.
- Талис Д. Л.** Материалы к экономической и социальной истории Юго-Западного Крыма (цитадель Баклинского городища) // АДСВ. 1981. Вып. 18: Античный и средневековый город. С. 64–72.
- Талис Д. Л.** Керамический комплекс Баклинского городища как источник по этнической истории Горного Крыма в IV–IX вв. // Археологические исследования на юге Восточной Европы. М., 1982. С. 57–62.
- Талис Д. Л., Рудаков В. Е., Маркелова С. П.** Археологические работы в Юго-Западном Крыму // Археологические открытия 1971 года. М., 1972. С. 370–371.
- Талис Д. Л., Рудаков В. Е., Маркелова С. П.** Работы на второй гряде Крымских гор // Археологические открытия 1972 года. М., 1973. С. 335–337.
- Тиханова М. А.** Дорос-Феодоро в истории средневекового Крыма // Археологические памятники Юго-Западного Крыма (Херсонес, Мангуп). М., Л.: Изд-во АН СССР, 1953. С. 319–333. (МИА. № 34).
- Тиханова М. А.** Базилика // Археологические памятники Юго-Западного Крыма (Херсонес, Мангуп). М., Л.: Изд-во АН СССР, 1953а. С. 334–389. (МИА. № 34).
- Толстиков В. П., Журавлев Д. В.** Новые данные к топографии Пантикапея первых вв. н. э. // II Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и Понт в период античности и Средневековья. Керчь, 2001. С. 151–160.
- Томпсон Э. А.** Римляне и варвары. Падение Западной империи. СПб., 2003. 288 с.
- Тунман И. Э.** Крымское ханство / Пер. с нем. изд. 1784 г. Н. Л. Эрнста и С. Л. Белявского; Прим., предисл. и прил. Н. Л. Эрнста. Симферополь: Гос. изд-во Крым. АССР, 1936. 104 с.
- Туровский Е. Я., Филиппенко А. А.** Херсонесские склепы с живописной росписью. Севастополь: ГИАМЗ “Херсонес Таврический”, 2024. 120 с.
- Успенский Ф. И.** Неизданные речи и письма Михаила Акомината // Журнал Министерства народного просвещения. 1879. Ч. 201. С. 112–396.

- Успенский Ф. И.** Военное устройство Византийской империи // Известия Русского Археологического института в Константинополе. 1900. Т. 6, вып. 1–3. С. 154–207.
- Успенский Ф. И.** История Византийской империи. Т. I. СПб.: Изд-во Брокгауза и Ефрона, 1913. 872 с.
- Успенский Ф. И.** История Византийской империи. VI–IX вв. М.: Мысль, 1996. 829 с.
- Федосеев Н. Ф.** О достоверности рунических надписей Причерноморья // Археология. 2010. № 1. С. 127–128.
- Фирсов Л. В.** О положении страны Дори в Таврике // *Византийский временник*. 1979. Т. 40. С. 104–113.
- Хайрединова Э. А.** Боспор и морские походы варваров второй половины III в. н.э. // МАИЭТ. 1994/1995. Вып. IV. С. 517–528.
- Хайрединова Э. А.** Женский костюм с большими пряжками с христианской символикой из Юго-Западного Крыма // ХСБ. 1999. Вып. X. С. 334–348.
- Хайрединова Э. А.** Женский костюм с южнокрымскими орлиноголовыми пряжками // МАИЭТ. 2000. Вып. VII. С. 91–133.
- Хайрединова Э. А.** Новый письменный источник о варварских морских походах второй половины III в. н.э. // *Східний світ*. Київ, 2001. С. 296–304.
- Хайрединова Э. А.** Женский костюм варваров Юго-Западного Крыма в V – первой половине VI вв. // МАИЭТ. 2002. Вып. IX. С. 53–118.
- Хайрединова Э. А.** Обувные наборы V–VII вв. из Юго-Западного Крыма // МАИЭТ. 2003. Вып. X. С. 125–160.
- Хайрединова Э. А.** Раннесредневековые кресты из Юго-Западного Крыма // МАИЭТ. 2007. Вып. XIII. С. 151–182.
- Хайрединова Э. А.** Костюм городского населения Боспора в VII–VIII вв. (по находкам из некрополя в Босфорском переулке) // Боспорские исследования. 2013. Вып. XXVIII. С. 286–317.
- Хайрединова Э. А.** Медальоны с изображением святого всадника из могильника у с. Лучистое // МАИЭТ. 2014. Вып. XIX. С. 147–210.
- Хайрединова Э. А.** Каменоломня на подъемной дороге городища Эски-Кермен // МАИЭТ. 2016. Вып. XXI. С. 193–207.
- Хайрединова Э. А.** Византийские перстни с надписью «ΦΩΣ ΖΩΗ» из погребений крымских готов // Вестник ВолГУ. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2018. Т. 23, № 5. С. 88–104.

- Хайрединова Э. А.** Перстни с изображением креста второй половины VI–VII в. из Юго-Западного Крыма // АДСВ. 2019. Вып. 47. С. 89–109.
- Хайрединова Э. А.** Перстни с изображением архангела Михаила конца VI–VII в. из Крыма // Вестник ВолГУ. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения 2019а. Т. 24, № 6. С. 32–46.
- Хайрединова Э. А.** Археологические раскопки центральной части города на плато Эски-Кермен в 2018–2020 гг. // Итоги археологических исследований центральной части города на плато Эски-Кермен в 2018–2020 гг. / Ред. А. И. Айбабин, Э. А. Хайрединова Симферополь: Антиква, 2021. С. 26–143 (Материалы Эски-Керменской экспедиции. Вып. I).
- Хайрединова Э. А.** Могильник первой половины XIV в. на плато Эски-Кермен (по результатам археологических раскопок 2020–2021 гг.) // Исследования центральной части города на плато Эски-Кермен в 2020–2021 гг. / Ред. А. И. Айбабин, Э. А. Хайрединова. Симферополь: Антиква, 2022. С. 8–108. (Материалы Эски-Керменской экспедиции. Вып. II).
- Хайрединова Э. А.** Топография средневекового города на плато Эски-Кермен // МАИЭТ. 2022а. Вып. XXVII. С. 513–550.
- Хайрединова Э. А.** Повседневная жизнь средневекового города на плато Эски-Кермен // Город на Внутренней гряде Крымских гор в средние века и новое время / Институт археологии Крыма РАН. Симферополь: Антиква, 2022б. С. 86–109.
- Хайрединова Э. А.** Новые данные о ландшафте северной части византийского города на плато Эски-Кермен // Вестник ВолГУ. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2023. Т. 28, № 6. С. 25–42.
- Храпунов И. Н.** Могильник Дружное (III–IV вв. н.э.). Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu M. Curie-Sklodowskiej, 2002. 313 с.
- Храпунов Н. И.** К дискуссии о должности дуки Херсона // Византийский временник. 2011. Т. 70. С. 37–50.
- Цветаева Г. А.** Боспор и Рим. Наука. М.: Наука, 1979. 137 с.
- Цукерман К.** Епископы и гарнизон Херсонеса в IV веке. // МАИЭТ. 1994/1995. Вып. IV. С. 545–561.
- Цукерман К.** Венгры в стране Леведия: новая держава на границах Византии и Хазарии ок. 836–889 гг. // МАИЭТ. 1998. Вып. VI. С. 663–688.
- Цукерман К.** Хазары и Византия: первые контакты // МАИЭТ. 2001. Вып. VIII. С. 312–333.

- Цукерман К.** Политика Византии в Северном Причерноморье по данным Notitiae episcopatum // МАИЭТ. 2010. Вып. XVI. С. 399–435.
- Цукерман К.** Закат византийской власти в Крыму: полемический отклик // ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: империя и полис. XI Международный византийский семинар: Мат-лы науч. конф. Симферополь, 2019. С. 237–244.
- Чичуров И. С.** Византийские исторические сочинения: «Хронография» Феофана, «Бревиарий» Никифора. М.: Наука, 1980. 216 с.
- Шальга Д. А.** Об атрибуции «рунической» надписи на стеле с горы Опук // МАИЭТ. 2000. Вып. VII. С. 205–207.
- Шангин М. А.** Новый географический текст // ВДИ. 1938. № 4. С. 252–255.
- Шандровская В. С.** Таможенная служба в Сугдее VII–X вв. // Византия и средневековый Крым. Симферополь, 1995. С. 119–123.
- Шандровская В. С.** Печати ἐπί τῶν βαρβαρίων в Эрмитаже // АДСВ. 2000. Вып. 31. С. 105–116, 386–388.
- Шандровская В. С.** О нескольких находках византийских печатей в Крыму // МАИЭТ. 2000а. Вып. VII. С. 247–255.
- Шандровская В. С.** Печати византийских переводчиков // Albo dies notanda lapillo: коллеги и ученики Г. Е. Лебедевой. СПб., 2005. С. 109–115.
- Шелов Д. Б.** Узкогорлые светлоглиняные амфоры первых веков нашей эры. Классификация и хронология // КСИА. 1978. Вып. 156. С. 16–21.
- Шене Ж.-К.** Поздний архонт на примере Херсона // МАИЭТ. 2000. Вып. VII. С. 310–317.
- Шестаков С. П.** Очерки по истории Херсонеса в VI–X веках по Р. Хр. // Памятники христианского Херсонеса. М., 1908. 142 с.
- Шмит Ф. И.** Эски-Керменская базилика // ИГАИМК. 1932. Вып. 12. С. 213–254.
- Эрнст Н. Л.** Эски-Кермен и пещерные города Крыма // Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии. Симферополь, 1929. Вып. 3. С. 15–43.
- Якобсон А. Л.** Из истории средневековой архитектуры в Крыму. II. Мангупская базилика // СА. 1940. № 6. С. 205–226.
- Якобсон А. Л.** Средневековый Херсонес (XII–XIV вв.). М., Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 338 с. (МИА. № 17).
- Якобсон А. Л.** Разведочные раскопки средневекового поселения Горзувиты // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. 1954. Вып. 53. С. 109–120.

- Якобсон А. Л.** Раннесредневековые поселения Восточного Крыма // Боспорские города. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1958. С. 458–501. (МИА. № 85).
- Якобсон А. Л.** Раннесредневековый Херсонес: Очерки истории материальной культуры. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1959. 364 с. (МИА. № 63).
- Якобсон А. Л.** Средневековый Крым. М., Л.: Наука, 1964. 232 с.
- Якобсон А. Л.** О раннесредневековых крепостных стенах Чуфут-Кале // КСИА. 1974. Вып. 140. С. 110–114.
- Якобсон А. Л.** По поводу статьи Д. Л. Талиса «Сюреньская крепость» // Византийский временник. 1974а. Т. 36. С. 193–194.
- Якобсон А. Л.** Керамика и керамическое производство средневековой Таврики. Л.: Наука, 1979. 163 с.
- Якобсон А. Л.** Закономерности и этапы развития архитектуры средневекового Херсонеса // Византийский временник. 1988. Т. 49. С. 162–172.
- Яшаева Т. Ю.** Базилика Крузе (№ 7) // Ранневизантийские сакральные постройки. Том I. Poznan, 2004. С. 79–88.
- Abadie-Reynal C.** Les amphores romaines en mer Noire // Production et commerce des amphores anciennes en mer Noire. Actes du colloque internationale d'Istanbul, 25–28 mai 1994 / Ed. Y. Garlan. Aix-en-Provence, 1999. P. 255–263.
- Abadie-Reynal C., Sodini J.-P.** La céramique paléochrétienne de Thasos (Aliko, Delkos, Fouilles anciennes) // Études Thasiennes. 1992. XIII. P. 8–98.
- Age of Spirituality: Late Antique and Early Christian Art, Third to Seventh Century / ed. K. Weitzmann. New-York: The Metropolitan Museum of Art, 1979. 736 p.
- Ahrweiler H.** Byzance et la mer. La Marine de Guerre, la politique et les institutions maritimes de Byzance aux VIIe-XVe siècles. Paris: Presses Universitaires de France, 1966. 502 p.
- Ahrweiler H.** Les relations entre les Byzantins et les Russes au IXe siècle // Bulletin d'Information et de Coordination de l'Association Internationale des Études Byzantines. Athnes, Paris, 1971. P. 44–70.
- Aibabine A. I.** La fabrication des garnitures de ceintures et des fibules à Chersonèse, au Bosphore Cimmérien et dans la Gothie de Crimée aux VIe–VIIIe s. // Outils et ateliers d'orfèvre des temps anciens / Ed. Ch. Eluère. Saint-Germain-en-Laye, 1993. P. 163–170.

- Aibabin A. I.** Early khazar archaeological monuments in Crimea and to the North of the Black Sea // *La Crimée entre Byzance et le Khaganat Khazar* / Ed. C. Zuckerman. Paris, 2006. P. 31–65.
- Ajbabin A. I.** Das frühbyzantinische Chersonesos/Cherson // *Byzanz – das Römerreich im Mittelalter*. Mainz, 2010. S. 397–423. (Monographien der Römische-Germanischen Zentralmuzeum. Band 84,2,1).
- Ajbabin A. I.** Archäologie und Geschichte der Krim in byzantinischer Zeit. Mainz, 2011. 318 S. (Monographien der Römische-Germanischen Zentralmuzeums. Band 98).
- Ajbabin A. I.** Die mittelalterliche Siedlung auf dem Plateau Èski Kermen // *Die Höhensiedlungen im Bergland der Krim. Umwelt, Kulturaustausch am Nordrand des Byzantinischen Reiches* / Hrsg. S. Albrecht, F. Daim, M. Herdik. Mainz, 2013. S. 101–123. (Monographien der Römische-Germanischen Zentralmuzeums. Band 113).
- Alekséenko N.** L'administration byzantine de Cherson: catalogue des sceaux. Paris, 2012. 268 p.
- Alföldy G. Rez.:** Соломоник Э. И. Латинские надписи Херсонеса Таврического. М., 1983 // *Gnomon*. 1984. S. 784–786.
- Anastasii Abbatis.** Sanctæ Romanæ Ecclesiæ Presbyteri et Bibliothecarii, Opera Omnia. Collectanea. Scholion sive Hypomnesticum // J.- P. Migne (ed.). *Patrologiæ cursus completus: Series Latina. Tomus III*. Paris, 1879. Col. 682–690.
- Arthur P.** Some observations on the economy of Bruttium under the later Roman Empire // *Journal of Roman Archaeology*. 1989. Vol. 2. P. 133–142.
- Auzépy M.-F.** *La Vie d' Étienne le Jeune par Étienne le Diacre* / Introduction, édition et traduction. Aldershot: Ashgate Publishing Limited, 1997. 357 p. (Birmingham Byzantine and Ottoman Monographs, 3).
- Auzépy M.-F.** *L'hagiographie et l'icônoclasme byzantin: Le cas de la Vie d'Étienne le Jeune*. Aldershot: Ashgate Publishing Limited, 1999. 342 p. (Birmingham Byzantine and Ottoman Monographs, 5).
- Auzépy M.-F.** Gothie et Crimée de 750 à 830 dans les sources ecclésiastiques et monastiques grecques // *МАИЭТ*. 2000. Вып. VII. С. 324–331.
- Auzépy M.-F.** *La Vie de Jean de Gothie (BHG 891)* // *La Crimée entre Byzance et le khaganat Khazar* / Ed. C. Zuckerman. Paris, 2006. P. 77–85.
- Avraméa A.** *Le Péloponnèse du IVe au VIIIe siècle. Changements et persistances*. Paris, 1997. 218 p. (Byzantina Sorbonensia, 15).
- Bavant B.** Note annexe sur les fragments de casques N° 257 à 260 // *Caričin Grad II. Le quartier Sud-Ouest de la ville haute* / Ed. B. Bavant,

- V. Kondič, J.-M. Spieser. Belgrade, Rome: Institut archéologique de Belgrade; Ecole française de Rome, 1990. P. 247–257.
- Bierbrauer V.** Die ostgotischen Grab- und Schatzfund in Italien. Spolèto, 1975. 378 p. (Biblioteca degli "Studi Medievali". VII).
- Bierbrauer V.** L'insediamento del periodo tardoantico e altomedievale in Trentino-Alto Adige (V–VII secolo) // Italia longobarda / a cura di G. C. Menis. Venezia, 1991. P. 121–173.
- Bierbrauer V.** Archäologie und Geschichte der Goten vom 1.–7. Jahrhundert // Frühmittelalterliche Studien. Jahrbuch des Instituts für Frühmittelalterforschung der Universität Münster. 1994. Band 28. S. 51–171.
- Blockley R. C.** The Fragmentary Classicising Historians of the Later Roman Empire Eunapius, Olympiodorus, Priscus and Malchus. Vol. II. Liverpool, 1983. 515 p.
- Blockley R. C.** The history of Menander the Guardsman. Liverpool, 1985. 308 p.
- Blockley R. C.** East Roman foreign policy: formation and conduct from Diocletian to Anastasius. Leeds, 1992. 283 p.
- Bouras Ch.** City and Village: Urban Design and Architecture // Jahrbuch der Österreichischen Byzantinistik. Wien, 1981. 31/2. XVI. Internationaler Byzantinistenkongress. Acten 1/2. S. 611–653.
- Bouras Ch.** Aspects of the Byzantine City, Eighth–Fifteenth Centuries // The economic history of Byzantium. From the Seventh through the Fifteenth Century / Ed. A. E. Laiou. Washington, 2002. P. 487–518.
- Bozoyan A.** La Vie arménienne de saint Étienne de Sougdaia // La Crimée entre Byzance et le Khaganat Khazar / Ed. C. Zuckerman. Paris, 2006. P. 87–108.
- Braun F.** Die letzten Schicksale der Krimgoten // Jahresbericht der Reformierten Kirchenschule zu St. Petersburg. St. Petersburg, 1890. S. 3–80.
- Bugarski I.** A contribution to the study of lamellar armours // Starinar. 2005. LV. P. 161–179.
- Cadot M., Van Regemorter J.-L.** Le commerce extérieur de la Russie en 1784, d'après le journal de voyage de Baert du Hollant // Cahiers du monde russe et soviétique. 1969. Vol. 10, n° 3–4, Juillet–Décembre. P. 371–391.
- Cameron A.** Procopius and the Sixth Century. Berkeley: University of California Press, 1985. 308 p.
- Cavada E.** Trento in età gota // I Goti. Milano: Elekta, 1994. P. 224–227.

- Cesteros H. G., de Almeida R. R., Costello J. C.** Special Fish Products for the Jewish Community? A Painted Inscription on a Beltran 72 Amphora from Augusta Emerita (Mérida, Spain) // *Herom. Journal on Hellenistic and Roman Material Culture*. 2016. Vol. 5, iss. 2. P. 196–236.
- Chajredinova E. A.** Frühmittelalterlicher Halsschmuck mit Kreuzanhängern von der südwestlichen Krim // *Mitteilungen zur Christlichen Archäologie*. 2017. Bd. 23. S. 63–91.
- Chavannes E.** Documents sur les T'ou-Kiueoccidentaux. St. Petersburg, 1903. 400 p. (Сборник трудовъ Орхонской экспедиции. VI).
- Cheyne J.-Cl.** Du stratège de thème au duc: chronologie de l'évolution au cours du XI e siècle // *Travaux et Mémoires*. 1985. Vol. 9. P. 181–194.
- Codex Theodosiani / Eds. Th. Mommsen, P.Meyer. Vol. I–II. Berlin, 1905.
- Constantine Porphyrogenitus.** De Administrando Imperio / Greek text ed. by Gy. Moravcsik; Engl. transl. by R. J. H. Jenkins. Washington, 1967. 341 p.
- Corpus juris civilis. Vol. III. Novellae / Eds. R. Schoell, G. Kroll. Berolini, 1895.
- Crippa M. A., Zibawi M.** L'art paléochrétien. Paris, Milan, 1998. 494 p.
- Dagron G.** Naissance d'une Capitale. Constantinople et ses Institutions de 330 à 451. Paris: Presses Universitaires de France, 1974. 578 p. (Bibliothèque Byzantine, 7).
- Dagron G.** Crimée Амвигуë (IVe–Xe siècles) // МАИЭТ. 2000. Вып. VII. С. 289–301.
- Darrouzès J.** Notitiae Episcopatum Ecclesiae Constantinopolitanae. Paris, 1981. 521 p.
- Delehaye H.** Synaxarium Ecclesiae Constantinopolitanae: Propylaeum ad Acta Sanctorum Novembris. Bruxelles, 1992. 1180 col.
- Diehl Ch.** Histoire de l'Empire Byzantin. Paris, 1919. 247 p.
- Diller A.** The tradition of the Minor Greek Geographers. Oxford, 1952. 200 p. (Philological monographs published by the American Philological Association, XIV).
- Dimitrov D. P.** Le système décoratif et la date des peintures murales du tombeau antique de Silistra // *Cahiers archéologiques*. Paris, 1962. XII. P. 35–52.
- Dubois de Montpéroux F.** Voyage autour du Caucase, chez les Tscherkesses et les Abkhases, en Colchide, en Géorgie, en Arménie et en Crimée. Vol. VI. Paris, 1843. 461 p.
- Dunlop D. M.** The history of the jewish Khazars. Prinston, 1954. 293 p.

- Etymologicon Magnum / Ed. Th. Gaisford. Oxonii 1848. Reprint: Amsterdam, 1967. 2468 p.
- Estiot S.** Images du pouvoir au temps de la Johannide : entre tradition et *renouatio* // Corippe. Un poète latin entre deux mondes / ed. B. Goldlust. Lyon, Paris: De Broccard, 2015. P. 31–86.
- Fedoseev N. F., Domzalski K., Opait A., Kulikov A.** Post-justinian pottery deposit from Pantikapaion-Bosporos: rescue excavations at 12, Teatral'naja st. in Kerch', 2006 // Archeologia. Warszawa, 2012. LXI. S. 63–94.
- Feissel D.** Nouvelles données sur l'institution du πατήρ τῆς πόλεως // Inscriptions de Cilicie / Eds. G. Dagron, D. Feissel. Paris: De Boccard, 1987. P. 215–220.
- Feissel D.** L'empereur et l'administration impériale // Le Mond Byzantin. Vol. I / Ed. C. Morrisson. Paris, 2004. P. 103–106.
- Feissel D.** Bulletin épigraphique 2006–2016. Inscriptions chrétiennes et byzantines [Электронный ресурс]. URL: https://www.academia.edu/34289044/Bulletin_épigraphique_2006-2016._Inscriptions_chrétiennes_et_byzantines
- Ferrua A.** The unknown catacomb. New Larnak, 1991. 180 p.
- Fine S.** From Meeting House to Sacred Realm: Holiness and the Ancient Synagogue // Sacred Realm: The Emergence of the Synagogue in the Ancient World, 1996. New York: Oxford University Press, 1996. P. 21–47.
- Fiocchi N. V., Bisconti F., Mazzoleni D.** Les catacombes chretiennes de Rome. Brepols, 2000. 208 p.
- Foss C., Winfield D.** Byzantine Fortifications: an introduction. Pretoria: University of South. Africa, 1986. xxvii + 298 p.
- Gajdukevic V. F.** Das Bosporanische Reich. Berlin, Amsterdam: Akademie Verlag, 1971. 604 S.
- Gelzer H.** Patrum nicaenorum nomina Latine, Graece, Coptice, Syriace, Arabice, Armeniace // Bibliotheca Teubneriana, scriptores sacri et profane. II / Eds. H. Gelzer, H. Hilgenfeld, O. Cuntz. Leipzig: Teubner, 1898. 266 S.
- Georgius Cedrinus.** Compendium Historiarum / Ed. I. Bekker. Bonn, 1838. 802 p. (Corpus Scriptorum Historiae Byzantinae, T. I).
- Glycatzi-Ahrweiler H.** Recherches sur l'administration del'Empire byzantine aux IX–XI siècles // Bulletin de correspondance hellénique. 1960. LXXXIV. P. 1–111.
- Golb N., Pritsak O.** Khazarian Hebrew Documents of the Tenth Century. Ithaca, London, 1982. 166 p.

- Golden P. B.** Khazar Studies: An Historio-Philological Inquiry into the Origins of the Khazars. Vol. 1. Academiai Kiado. Budapest, 1980. 291 p.
- Golden P.** The Turkic peoples and Caucasia. IV // Nomads and their Neighbours in the Russians Steppe. Variorum collected studies series CS752. 2002. P. 45–67.
- Goodenough E.** Jewish Symbols in the Greco-Roman Period. Vol. 2: The Archaeological Evidence from Diaspora. New York, 1953. 344 p.
- Greatrex G.** The date of Procopius' Buildings in the light of recent scholarship // Estudios bizantinos. 2013. Vol. 1. P. 13–29.
- Grierson Ph.** Catalogue of the Byzantine Coins in the Dumbarton Oaks Collection and the Whittemore Collection. Vol. II,1. Washington, 1968. 383 p.
- Guillou A.** La civilisation byzantine. Paris: Arthaud., 1974. 621 p.
- Haldon J.** Warfare, State and Society in the Byzantine World, 565–1204. London: UCL Press, 1999. 341 p.
- Halkin F.** La Passion des sept évêques de Cherson (Crimée) // Analecta Bollandiana. 1984. Vol. 102. P. 253–261.
- Hamilton F. J., Brooks E. W.** The Syrian chronicle known as that of Zachariah of Mitylene. London, 1899. 344 p.
- Hahn W.** The numismatic History of Cherson in Early Byzantine Times – a survey // Numismatic Circular. 1978. September. P. 414–471.
- Hahn W.** The numismatic History of Cherson in Early Byzantine Times – a survey // Numismatic Circular. 1978. October. P. 471–472.
- Hahn W.** The Numismatic History of Cherson in Early Byzantine Times – A Survey (continued) // Numismatic Circular. 1978. November. P. 521–523.
- Harland P. A.** Greco-Roman Associations: Texts, Translations and Commentary. II. North Coast of the Black Sea, Asia Minor. Berlin, Boston: de Gruyter, 2014. 564 p. (Beihefte zur Zeitschrift für die neutestamentliche Wissenschaft, 204).
- Hayes J. W.** A seventh-century Pottery group // Dumbarton Oaks Papers. 1968. Vol. 22. P. 195–216.
- Hayes J. W.** Late Roman pottery. London: British School at Rome, 1972. 477 p.
- Hayes J. W.** Excavations at Saraçhane in Istanbul. Vol. 2. The pottery. Princeton: Dumbarton Oaks, 1992. 523 p.
- Hayes J. W.** Introduction. The study of Roman pottery in the Mediterranean: 23 years after Late Roman Pottery // Ceramica in Italia: VI–VII secolo: atti del convegno in onore di John W. Hayes, Roma, 11–13 maggio 1995. Firenze, 1998. P. 1–21.

- Hermiae Sozomeni.*** *Historia ecclesiastica* // J.-P. Migne (ed). *Patrologiae Cursus Completus: Series Graeca. Tomus LXVII.* Paris, 1864. Col. 843–1630. (Reprint by Brepols, Turnholti, 1983).
- Herrin J.*** *Realities of Byzantine provincial government: Hellas and Peloponnesos, 1180–1205* // *Dumbarton Oaks Papers.* 1975. Vol. 29. P. 253–284.
- Hewsen R. H.*** *The Geography of Ananias of Širak. The Long and the Short Recensions.* Wiesbaden, 1992. 467 p.
- Jenkins R.*** *Byzantium. The imperial centuries ad 610–1071.* Toronto, London, 1966. 407 p.
- Jerome.*** *Select letters* / Translated by F. A. Wright. London, New York, 1933. 546 p. (Loeb classical library, vol. 262).
- Joannis Chrysostomi.*** *Epistola XIV Olimpiadi diaconissae* // J.-P. Migne (ed). *Patrologiae Cursus Completus: Series Graeca. Tomus LII.* Paris, 1862. 872 Col.
- Joannis Malalae.*** *Chronographia* / Ed. L. Dindorf. Bonnae, 1831. 796 S. (Corpus Scriptorum Historiae Byzantinae. T. 14).
- Jones A. H. M.*** *The Later Roman Empire. Vol. I–II.* Baltimore: The Johns University Press, 1992.
- Ignatii diaconi vita Nicephori* // *Nicephori archiepiscopi Constantinopolitani opuscula historica* / Ed. C. de Boor. Lipsiae, 1880. P. 137–217. (Bibliotheca scriptorum graecorum et romanorum Teubneriana).
- Iordanis.*** *Romana et Getica* / Ed. Th. Mommsen. Berlin, 1882. 200 p. (Monumenta Germaniae Historica. Auctores Antiquissimi 5,1).
- Ivanišević V., Kazanski M., Mastykova A.*** *Les nécropoles de Viminacium à l'époque des Grandes Migrations.* Paris, 2006. 351 p. (Monographies des Centre de Recherche d'Histoire et Civilisation de Byzance. 22).
- Ivanov S.*** *The Slavonic Life of Stefan of Surozh* // *La Crimée entre Byzance et le Khaganat Khazar* / Ed. C. Zuckerman. Paris, 2006. P. 109–170.
- Kazhdan A.*** *Some Little-Known or Misinterpreted Evidence about Kievan Rus' in Twelfth-Century Greek Sources* // *Okeanos: Essays presented to Ihor Ševčenko on his Sixtieth Birthday by his Colleagues and Students.* Harvard, 1983. P. 344–358. (Harvard Ukrainian Studies. 7).
- Kazhdan A. P., Epstein A. W.*** *Change in Byzantine Culture in the Eleventh and Twelfth Centuries.* Berkeley, Los Angeles, London, 1985. 288 p.
- King N. Q.*** *The 150 Fathers of the Council of Constantinople 381 A.D. Some Notes on the Bishop Lists* // *Studia Patristica* / Eds. K. Aland, F. L. Cross. 1957. Vol. 1. P. 635–641.

- Kovács P.** Constantine, the Sarmatians, the Goths and Pannonia // More monodogue. Festschrift für Miklós Maróth zum siebzigsten Geburtstag. Budapest, 2013. S. 193–211.
- Krauss S.** Talmudische Archäologie. Leipzig, 1910. 722 S.
- Kühn H.** Die germanischen Bügelfibeln der Völkerwanderungszeit in Mitteleuropa. Graz: Akademische Druck- und Verlagsanstalt, 1981. Bd. III. 431 S.
- Kunina N.** Ancient glass in the Hermitage collection. St. Peterburg, 1997. 360 p.
- Lamberz E.** Die Bischofslisten des VII. Ökumenischen Konzils (Nicaenum II). München, 2004. 89 S.
- Landulfus Sagax.** Addimenta ad Pauli Historiam Romanam / Ed. H. Droysen // Monumenta Germaniae Historica, Auctorum Antiquissimorum. Tomus II. Berlin, 1879. P. 227–376.
- Lang M.** Graffiti and Dipinti. The Athenian Agora. Vol. XXI. Princeton, New Jersey: American School of Classical Studies at Athens, 1976. 116 p.
- Lassus J.** Forteresse Byzantine de Thamugadi // Fouilles à Timgad 1938–1956. Paris: Editions du Centre national de la recherche scientifique, 1981. Vol. I. 251 p.
- Latyshev V. V.** Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini Graecae et Latinae. Vol. II (IOSPE II). Petropoli, 1890. 352 p.
- Latyshev V. V.** Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini Graecae et Latinae. Vol. I. Petropoli, 1916. 594 p.
- Latyšev B.** Inscriptiones graecae in oris Bospori Cimmerii et Chersonesi Tauricae repertae 1881–1888 // Отчет Императорской археологической комиссии за 1882–1888 гг. СПб., 1891. P. 1–28.
- Lawrence A. W.** A skeletal history of Byzantine fortification // The Annual of the British School at Athens. London, 1983. P. 171–227.
- Le Quien M.** Oriens christianus: in quatuor patriarchatus digestus: quo exhibentur ecclesiae, patriarchae caeterique praesules totius orientis. Paris, 1740. Tom I. 798 p.
- Les Regestes des actes du Patriarcat de Constantinople. Vol. I. Les Actes des patriarches. Fasc. II et III, Les Regestes de 715 à 1206 / par Venance Grumel. 1989. 614 p.
- Maćczyńska M., Gercen A., Ivanova O., u.a.** Das frühmittelalterliche Gräberfeld Almalyk-Dere am Fusse des Mangu auf der Südwestkrim. Mainz, 2016. 214 S. (Monographien des Römisch-Germanischen Zentralmuseums, 115).

- Maenchen-Helfen O. J.** *The World of the Huns: Studies in Their History and Culture* / Ed. M. Knight. Berkeley, Los Angeles: Univ. of California Press, 1973. 602 p.
- Mango C.** *The Conciliar Edict of 1166* // *Dumbarton Oaks Papers*. 1963. Vol. 17. P. 317–330. = *Studies in Constantinople*. Aldershot, 1993. No. XVIII
- Maraval P.** *La Passion inédite de S. Athénogène de Pédachthoé en Cappadoce* (BHG 197b) // *Subsidia hagiographica*. Bruxelles, 1990. Nr. 75.
- Marti R.** *Das frühmittelalterliche Gräberfeld von Saint-Sulpice VD = Le cimetière du Haut Moyen Age de Saint-Sulpice VD*. Lausanne, 1990. 251 p. (*Cahiers d'archéologie romande*, no. 52).
- Martini W., Steckner C.** *Das Gymnasium von Samos. Das frühbyzantinische Klostergut* // *Samos*. Bonn, 1993. S. 227.
- Mathisen R. W.** *Barbarian Bishops and the Churches "in Barbaricis Gentibus" during Late Antiquity* // *Speculum*. 1997. Vol. 72 (3). P. 664–697.
- Mau-tsai Liu.** *Die chinesischen Nachrichten zur Geschichte der Ost-Türken (T'u-küe)*. Bd. I–II // *Göttinger Asiatische Forschungen*. Wiesbaden, 1958. Bd. 10. 831 S.
- Mémoire. Extrait du journal d'un Voyage fait, au printemps de 1784, dans la partie méridionale de la Russie* // *Voyages historiques et géographiques dans les pays situés entre la Mer Noire et la Mer Caspienne*. Troisième partie. Paris: Deterville librairie, 1798. P. 1–98.
- Michaelis Choniatae epistulae* / Rec. F. Kolovou. Berolini, Novi Eboraci, 2001. 398 p. (*Corpus fontium historiae Byzantinae*. Vol. XLI).
- Migne J. P.** *Patrologie Coursus Completus. Series Graeca*. Paris, 1860. Vol. 99. 1904 col.
- Minorsky V.** *Balgitzi – "Lord of the Fishes"* // *Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes*. Vienna, 1960. Bd. 56. S. 130–137.
- Mommsen T.** *Römische Geschichte*. Bd. V. Berlin, 1885. 660 S.
- Moravcsik Gy.** *Byzantinoturcica*. Bd. II. Berlin, 1958. 609 S.
- Nadel B.** *Literary Tradition and Epigraphical Evidence: Constantine Porphyrogenitus' Information on the Bosporan Kingdom of Emperor Diocletian Reconsidered* // *Dialogues d'histoire ancienne*. 1977. Vol. 3. P. 87–114.
- Nesbitt J., Oikonomides N.** *Catalogue of Byzantine Seals at Dumbarton Oaks and in the Fogg Museum of Art*. Volume 1. Italy, North of the Balkans, North of the Black Sea. Washington, 1991. 182 p.

- Nicephori archiepiscopi Constantinopolitam opuscula historica // Accedit Ignatii diaconi vita Nicephori / Ed. C. de Boor. Lipsiae, 1880. 282 p. (Bibliotheca scriptorum graecorum et romanorum Teubneriana)
- Nicolas I Patriarch of Constantinople.** Letters / Greek text and English translation by R. J. H. Jenkins, L. G. Westerink. Washington, 1973. 631 p. (Dumbarton Oaks Texts. II).
- Nikephoros Patriarch of Constantinople.** Short History / translated from Greek by Cyril Mango. Washington D.C., 1990. 264 p. (Dumbarton Oaks Texts).
- Notitia dignitatum; accedunt Notitia urbis Constantinopolitanae et laterculi prouinciarum / Ed. O. Seeck. Berolini, 1876. 340 S.
- Nystazopoulou-Pélékidou M.** L'administration locale de Cherson à l'époque byzantine (IVe–XIIe s.) // ΕΥΨΥΧΙΑ. Mélanges offerts à Hélène Ahrweiler. Tom II. Paris, 1998. P. 567–579. (Byzantina Sorbonensia, 16).
- Νυσταζοπούλου Μ. Γ. Η εν Ταυρική Χερσονήσω πόλις Σουγδαία από του ΙΓ' μέχρι του ΙΕ' αιώνος. Αθήναι, 1965. 188 σελ.
- Obolensky D.** The principles and methods of Byzantine Diplomacy // Actes du XIIe Congrès International d'Etudes byzantines. Belgrade, 1964. Vol. 1. P. 43–61.
- Obolensky D.** The Byzantine Frontier Zones and Cultural Exchanges // Actes du XIe Congrès International des études byzantines. Bucharest, 1974. Vol. 1. P. 303–313.
- Obolensky D.** The Crimea and the North before 1204 // Αρχειον Ποντου. Αθήναι, 1978. 35. P. 123–133.
- Öhme H.** Das Concilium Quinisextum und seine Bischofsliste: Studien zum Konstantinopeler Konzil von 692. Berlin, New York: de Gruyter, 1990. 423 S.
- Oikonomidès N.** Les listes préséance Byzantines des IXe et Xe siècles. Paris, 1972. 403 p.
- Oikonomidès N.** L'évolution de l'organisation administrative de l'Empire byzantin au XIe siècle (1025–1118) // Travaux et Mémoires. 1976. 6. P. 126–152.
- Oikonomidès N.** Le "système" administrative byzantin en Crimée aux IXe–Xe s. // МАИЭТ. 2000. Вып. VII. С. 318–323.
- Οραιῖ Α.** Pontic wine in the Athenian market // Κεραμική της Ὑστερης Αρχαιότητας από τον ελλαδικό χώρο (3ος–7ος αι. μ. Χ.): Επιστημονική Συνάντηση, Θεσσαλονίκη, 12–16 Νοεμβρίου. Θεσσαλονίκη, 2010. P. 108–130.

- Ousterhout R. G.** *Secular Architecture // The Glory of Byzantium* / Eds. H. C. Evans, W. D. Wixom. New York, 1997. P. 192–217.
- Pallas P. S.** *Bemerkungen auf einer Reise in die Südlichen Statthalterschaften des Russischen Reichs, in den Jahren 1793 und 1794.* Bd. 1. Leipzig, 1799; Bd. 2. Leipzig, 1801.
- Philostorgius.** *Historia ecclesiastica // J.-P. Migne (ed.). Patrologiae Cursus Completus: Series Graeca. Tomus LXV.* Paris, 1864. Col. 459–638.
- Photii Patriarchae Constantinopolitani.** *Epistulae et amphiloghia.* Vol. I. Leipzig: BSB B.G. Teubner Verlagsgesellschaft, 1983. 243 S. (Bibliotheca scriptorum graecorum et Romanorum Teubneriana).
- Popović I.** *La nécropole de la basilique urbaine à Sirmium (113–135) // Starinar.* 2012. LXII. P. 113–135.
- Poulou-Papadimitriou N., Tzavella E., Ott J.** *Burial practices in Byzantine Greece: archaeological evidence and methodological problems for its interpretation // Rome, Constantinople and Newly-Converted Europe. Archaeological and historical evidence.* Vol. I. Kraków, Leipzig, Rzeszów, Warszawa, 2012. P. 377–428.
- Prisciani Grammatici Caesariensis.** *Institutionum Grammaticarum* / Ed. M. Hertzii. Leipzig, 1855. Libri XVIII. 333 p.
- Procopius Caesariensis.** *De Bello Gothico.* Vol. II / Ex rec. Guil. Dindorfii. Bonnae, 1833. 645 p. (Corpus scriptorum historiae byzantinae).
- Procopio di Cesarea.** *La Guerra Gotica.* Vol. III / Testo greco emendato sui manoscritti con traduzione italiana a cura di D. Comparetti. Roma, 1898. 368 p.
- Procopii Caesariensis.** *Opera omnia.* Vol. II: *De bellis* / Ed. by J. Haury, G. Wirth. Libris V–VIII. Lipsiae, 1905. 678 p.
- Procopius.** *History of the Wars. The Persian War. (De bello Persico).* Vol. I / Translated by H. B. Dewing. London, 1914. 585 p. (Loeb Classical Library).
- Procopius.** *History of the Wars. The Vandalic Wars. (De Bello Vandalico).* Vol. II / Translated by H. B. Dewing. London, 1916. 488 p. (Loeb Classical Library).
- Procopius.** *History of the wars. Books V and VI, The Gothic War. (De Bello Gotico).* Vol. III / Translated by H. B. Dewing. London, 1919. 452 p. (Loeb Classical Library).
- Procopius.** *On Buildings (De Aedificiis).* Vol. VII / Translated by H. B. Dewing, Glanville Downey. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1940. 576 p. (Loeb Classical Library).
- Procopius.** *History of the wars (De Bello Gotico).* VII. 36 and VIII / Translated by H. B. Dewing. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1962. 442 p. (The Loeb Classical Library).

- Ravennatis anonymi cosmographia et Guidonis geographica: ex libris manu scriptis by Geographus Ravennas; Guido, geographical writer / Eds. G. Parthey, M. Pinder. Berolini, 1860. 676 p.
- Rheidt K.** Byzantinische Wohnhäuser des 11. bis 14. Jahrhunderts in Pergamon // *Dumbarton Oaks Papers*. 1990. Vol. 44. P. 195–204.
- Riley J. A.** The coarse pottery from Berenice // *Excavations at Sidi Khrebish Bengazi (Berenice)*. Tripoli, 1979. Vol. II. P. 91–236.
- Riemer E.** Romanische Grabfunde des 5.–8. Jahrhunderts aus Italien. Rahden/Westf., Bonn, 2000. 228 S. (Intern. Arch. 57).
- Ripoll López G.** Materiales funerarios de la Hispania visigoda: problemas de cronología y tipología // *Gallo-Romains, wisigoths et francs en Aquitaine, septimanie et Espagne*. Rouen, 1991. P. 299–308.
- Robinson H. S.** Pottery of the Roman Period, Chronology. The Athenian Agora V. Princeton, N.J.: Amer. School of Classical Studies at Athens, 1959. 149 p.
- Ruggieri V.** The IV Century Greek Episcopal Lists in the Mardin Syriac 7 (olim Mardin Orth. 309/9) // *Orientalia Christiana Periodica*. 1993. 59, II. P. 315–356.
- Runesson A., Binder D. D., Olsson B.** The ancient synagogue from its origins to 200 C.E.: A source book. Leiden: Brill, 2008. 327 p.
- Sacrorum Conciliorum nova et amplissima collectio. Tom II / Ed. J. D. Mansi. Florentia, 1749. 1098 col.
- Sacrorum Conciliorum nova et amplissima collectio. Tom XII / Ed. J. D. Mansi. Florentiae, 1766. 1154 col.
- Sacrorum conciliorum nova et amplissima collectio. Tom XIII / Ed. J. D. Mansi. Florentiae, 1767. 1104 col.
- Šandrovskaja V.** Die Funde der byzantinischen Bleisiegel in Sudak // *Studies in Byzantine Sigilography*. 1993. Vol. 3. P. 85–99.
- Sarnowski T.** Wojsko rzymskie w Mezji Dolnej i na północnym wybrzeżu Morza Czarnego (res. L'Armée romaine en Mésie Inférieure et sur la côte Nord du Pont Euxin). Warszawa: Wydawnictwa Uniwersytetu Warszawskiego, 1988. 219 S.
- Schürer E.** The History of the Jewish People in the Age of Jesus Christ (175 B.C. – A.D. 135). A New English version revised and edited by G. Vermes, F. Millar and M. Black. Vol. II. Edinburgh, 1979. 606 p.
- Schürer E.** The History of the Jewish People in the Age of Jesus Christ (175 B.C. – A.D. 135). A New English version revised and edited by G. Vermes, F. Millar and M. Goodman. Vol. III. Edinburgh, 1986. 704 p.

- Seibt N., Seibt W.** Рец. на: Лихачев Н. П. Моливловулы Греческого Востока. М., 1991 // *Byzantinoslavica*. 1993. LIV. No. 2. P. 363–364.
- Seibt W.** Probleme der staatsrechtlichen Stellung Chersons im 7. u. 8. Jh. // МАИЭТ. 2000. Вып. VII. С. 302–309.
- Seibt W.** Was lehren die Siegel über die Verwaltung von Cherson im mittelalter? // Зборник радова Византолошког институт. 2013. Кн. 50/1. С. 187–194.
- Seibt W., Zarnitz. M.-L.** Das byzantinische Bleisiegel als Kunstwerk. Wien, 1997. 231 S.
- Ševčenko I.** The date and author of the so-called fragments of toparcha Gothicus // *Dumbarton Oaks Papers*. 1971. Vol. 25. P. 115–188.
- Ševčenko I.** Hagiography in the iconoclast period // *Iconoclasm: papers given at the ninth Spring Symposium of Byzantine Studies, University of Birmingham, March 1975* / Eds. A. Bryer, J. Herrin. Birmingham, 1977. P. 113–132.
- Shepard J.** *The Cambridge history of the Byzantine empire c. 500–1492*. Cambridge University Press, 2008. 1207 p.
- Shepard J.** ‘Mists and portals’: the Black Sea’s north coast // *Byzantine Trade, 4th–12th Centuries. The Archaeology of Local, Regional, and International Exchange* / Ed. M. Mango. Farnham, 2009. P. 421–441.
- Sidorenko V.** Funde aus dem Umfeld des Mangup // *Byzanz. Pracht und Alltag*. Kunst- und Ausstellungshalle der Bundesrepublik Deutschland. Bonn, 26. Februar bis 13. Juni 2010. München: Hirmer, 2010. S. 313–314.
- Sodini J.-P.** La contribution de l’archéologie à la connaissance du monde byzantin (IVe–VIIe siècles) // *Dumbarton Oaks Papers*. 1993. Vol. 47. P. 139–184.
- Socratis Scholastici.** *Historia ecclesiastica* // J.-P. Migne (ed.). *Patrologiae Cursus Completus: Series Graeca*. Tomus LXVII. Paris, 1864. Col. 30–842.
- Supplementum Epigraphicum Graecum* / Eds. A. Chaniotis, T. Corsten, R. S. Stroud, R. A. Tybout. Leiden, Boston: Brill, 2011. Vol. LVII. 1047 p.
- Symeon Metaphrastes.** *Martyrdom of Longinus the Centurion* // J.-P. Migne (ed.). *Patrologiae Cursus Completus: Series Graeca*. Tomus 115. Paris: Cerf, 1899. Col. 703–712.
- The Chronicle of John, Bishop of Nikiu* / Translated from Zotenberg’s Ethiopic text by R. H. Charles. Oxford, 1916. 216 p.

- The Chronicle of Theophanes Confessor: Byzantine and Near Eastern History AD 284–813 / Translated with introduction and commentary by C. Mango, R. Scott. Oxford, New York: Clarendon Press, 1997. 747 p.
- The Theodosian Code and Novels, and the Sirmondian Constitutions / Translated with commentary by C. Pharr. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1952. 643 p. (Corpus juris Romani, vol. 1).
- The Oxford Dictionary of Byzantium / Ed. A. P. Kazdan. Vol. 1–3. New York, Oxford, 1991. 2232 p.
- Theodoret. Bishop of Cyrhus / Ed. L. Parmentier; Deutsche Akademie der Wissenschaften zu Berlin. Kirchenväter-commission. Leipzig, 1911. 425 S.
- Theodori Studitae.** Epistulae // Corpus Fontium Historiae Byzantinae / Ed. H.-G. Beck, A. Kambylis, R. Keydell. Berolini, 1992. Vol. I–II. 1006 p.
- Theophanes Continuatus // Theophanes Continuatus, Ioannes Cameniata, Symeon Magister, Georgius Monachus / Ed. I. Bekker. Bonn, 1838. 744 p. (Corpus Scriptorum Historiae Byzantinae. 45).
- Theophanis.** Chronographia / Rec. Carl de Boor. Vol. I. Lipsiae: B.G. Teubneri, 1883. 503 p.
- Thompson E. A.** A history of Attila and the Huns. Oxford, 1948. 246 p.
- Thunmann I.** Der Krimische Staat // A. F. Busching grosse Erdbeschreibung. Vierter band da Asiatische Russland und die Krimische Tartarei. Troppau: Gedruckt bei J. G. Trassler und im verlage der kompagnie, 1784. 112 S.
- Tomaschek W.** Die Goten in Taurien. Ethnologische Forschungen über Ost-Europa und Nordasien. Wien, 1881. 78 S.
- Treadgold W.** The Byzantine Revival 780–842. Stanford, 1988. 504 p.
- Treadgold W.** Byzantium and Its Army, 284–1081. Stanford: Stanford University Press, 1995. 268 p.
- Travlos J., Frantz A.** The Church of St. Dionisios the Areopagite and the Palace of the Archbishop of Athens in the 16 century // Hesperia. 1965. Vol. XXXIV, no. 3. P. 157–202.
- Vasiliev A. A.** The Goth in the Crimea. Cambridge, Mass.: The Medieval Academy of America, 1936. 292 p.
- Vasiliev A. A.** History of the Byzantine Empire 324–1453. Madison: The University of Wisconsin Press, 1952. 846 p.
- Vinski Z.** Archäologische Spuren ostgotischer Anwesenheit im heutigen Bereich Jugoslawiens // Problemi seobe naroda u Karpatskoj kotlini. Novi Sad, 1978. S. 33–47.

- Vita Sancti Nicephori ex Actis Sanctorum Bollandianis // J. P. Migne (ed.). Patrologiae Cursus Completus. Series Graeca. Tomus C. Paris, 1865. P. 38–162.
- Whitby M.** Procopius' Buildings, Book I: a Panegyric perspective // Antiquité Tardive. 2001. Vol. 8. P. 45–57.
- Wolfram H.** Histoire des Goths. Paris, 1990. 574 p.
- Werner J.** Katalog der Sammlung Diergardt (Volkerwanderungszeitlicher Schmuck). Band I. Die Fibeln. Berlin, 1961. 68 S.
- Williams II C. K., MacIntosh J., Fisher J. E.** Excavation at Corinth // Hesperia. 1973. Vol. 43, no. 1. P. 1–76.
- Zahariade M.** Legio II Herculia // Revue des études sud-est européennes. București, 1983. Vol. 21. P. 247–259.
- Zosime.** Histoire nouvelle. Tome I / Texte établi et traduit par F. Paschoud. Paris, 1971. 263 p.
- Zosime.** Histoire nouvelle. Tome II / Texte établi et traduit par F. Paschoud. Paris, 1979. 250 p.
- Zuckerman C.** The early byzantine strongholds in Eastern Pontus // Travaux et Mémoires. 1991. Vol. 11. P. 527–553.
- Zuckerman C.** On the date of the Khazars' conversion to judaizm and the chronology of the Rus Oleg and Igor // Revue des études Byzantines. Paris, 1995. T. 53. P. 237–270.
- Zuckerman C.** Short notes. Two notes on the early history of the thema of Cherson // Byzantine and Modern Greek Studies. Birmingham, 1997. Vol. 21. P. 217–219.
- Zuckerman C.** The End of Byzantine Rule in North-Eastern Pontus // МАИЭТ. 2017. Вып. XXII. С. 311–336.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АДСВ – Античная древность и средние века

ВДИ – Вестник древней истории

Вестник ВолГУ – Вестник Волгоградского государственного университета

ЗООИД – Записки Одесского общества истории и древностей

ИАК – Известия Императорской Археологической комиссии

ИГАИМК – Известия Государственной академии истории материальной культуры

ИТУАК – Известия таврической ученой архивной комиссии

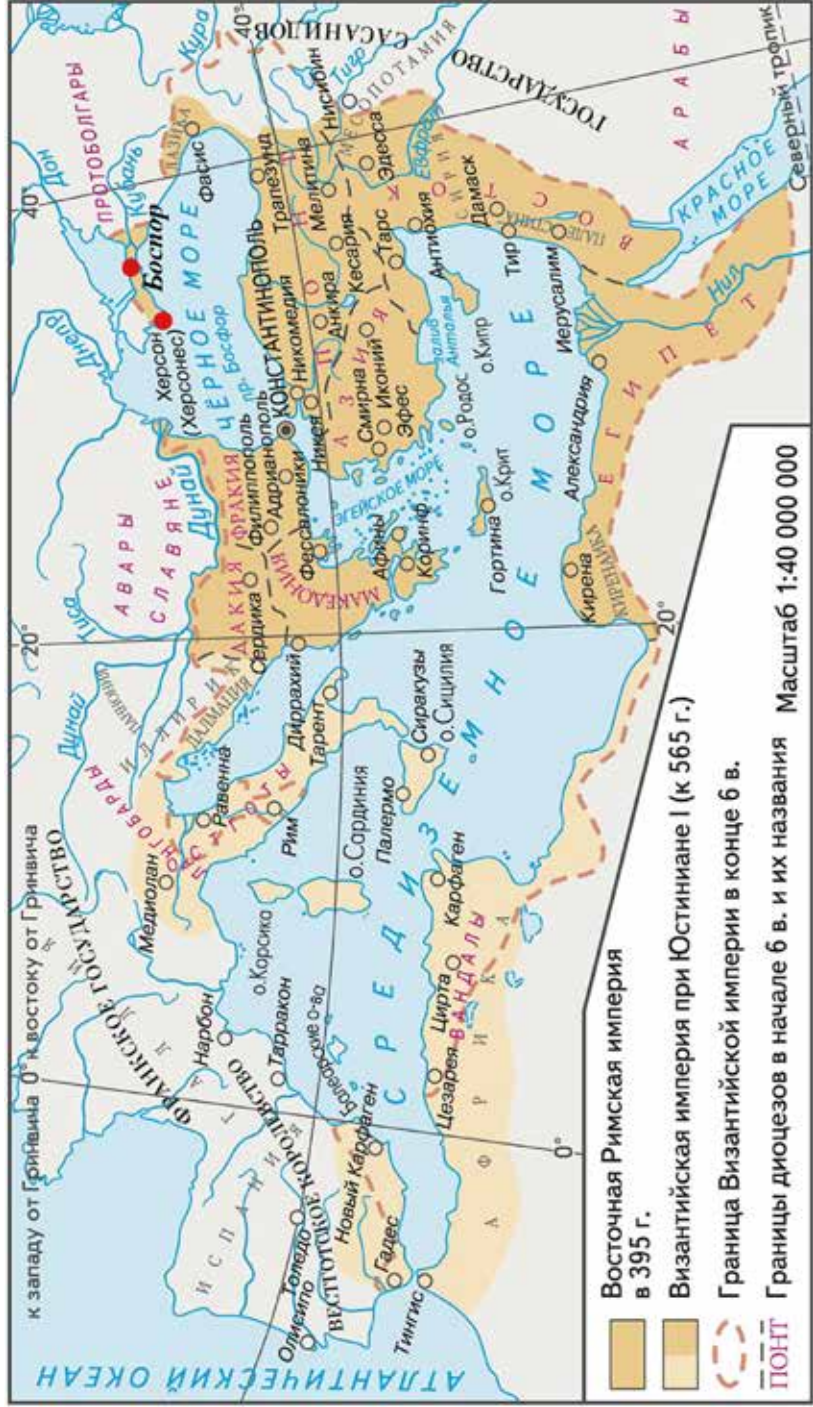
КСИА – Краткие сообщения Института археологии АН СССР / РАН

МАИЭТ – Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии

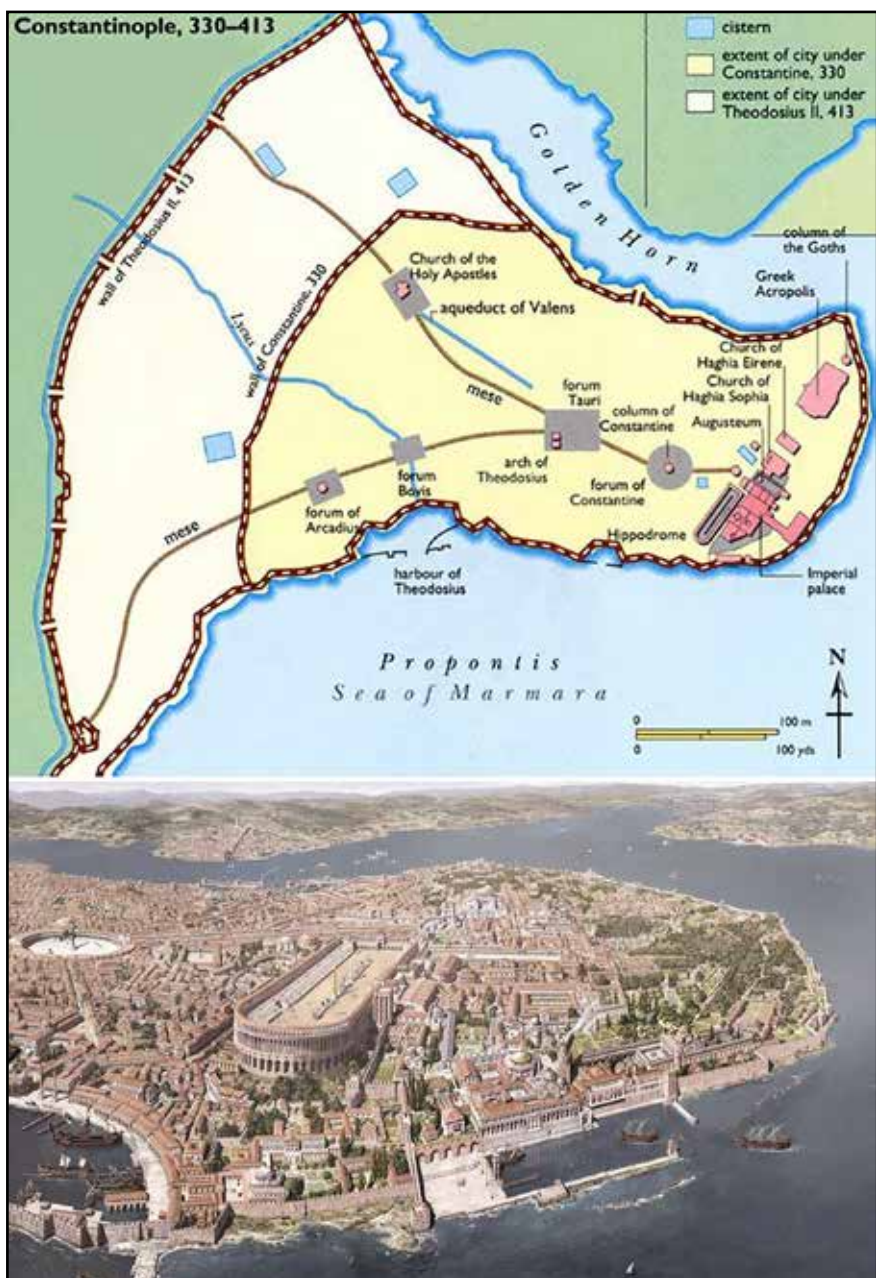
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР

СА – Советская археология

ХСб. – Херсонесский сборник

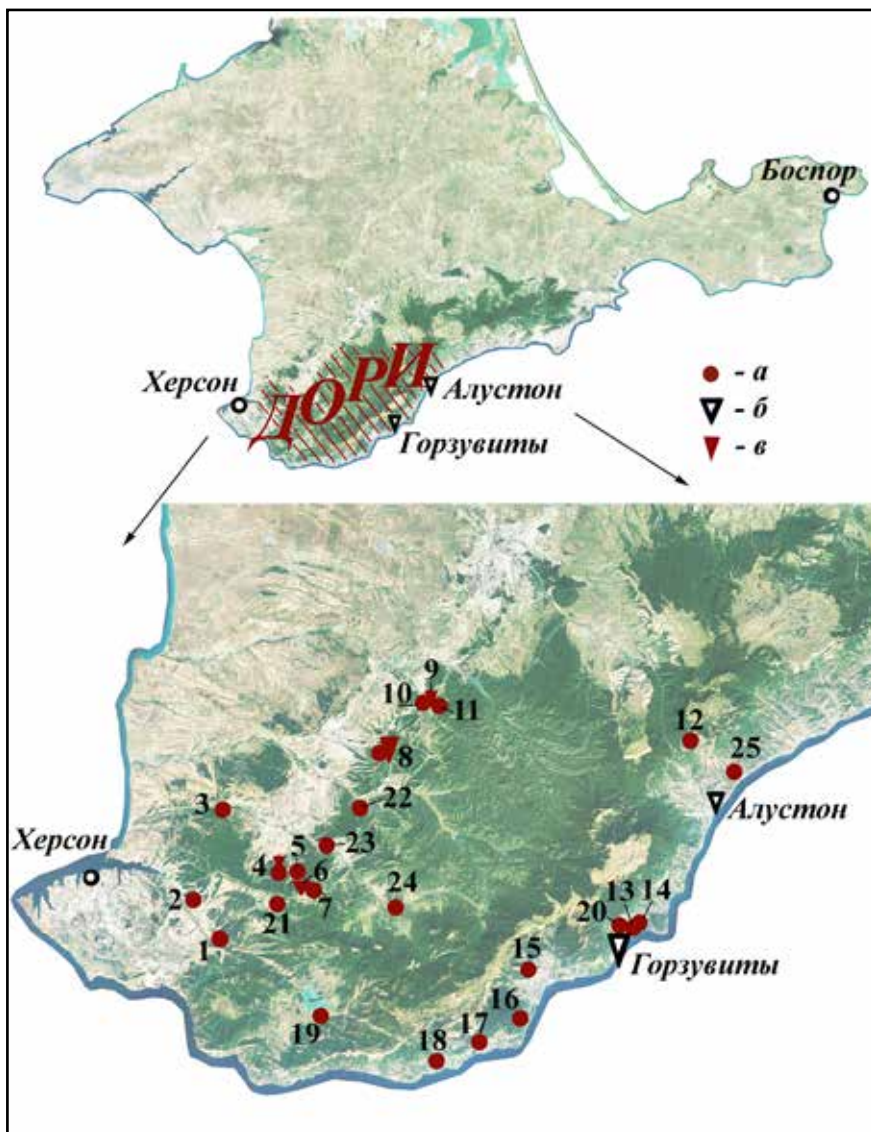
Ил. 1. Восточная Римская империя в IV-VI веках

Ил. 2. Константинополь в IV веке

Ил. 3. Оборонительные стены Константинополя. Фото автора 2008 г.

Ил. 4. Византийские владения в Таврике.

- а – могильники; б – крепости, построенные при Юстиниане I;
 в – крепости, построенные в постюстиниановское время; 1 – Черная Речка;
 2 – Сахарная Головка; 3 – Карши-Баир; 4 – Эски-Кермен; 5 – Каралез;
 6 – Мангуп (Дорос); 7 – Алмалык-Дере; 8 – Чуфут-Кале; 9 – Бакла; 10 – Скалисте;
 11 – Баклинский Овраг; 12 – Лучистое; 13 – Суук-Су; 14 – Артек; 15 – Алония;
 16 – Ореанда; 17 – Кореиз; 18 – Симеиз; 19 – Узень-Баш (Скеля); 20 – Бал-Гота;
 21 – Терновка; 22 – Баштановка; 23 – Малое Садовое; 24 – Аромат;
 25 – Семидворье

Ил. 5. Вид на город Боспор с холма Митридат (фото автора). Красной точкой обозначен храм Иоанна Предтечи

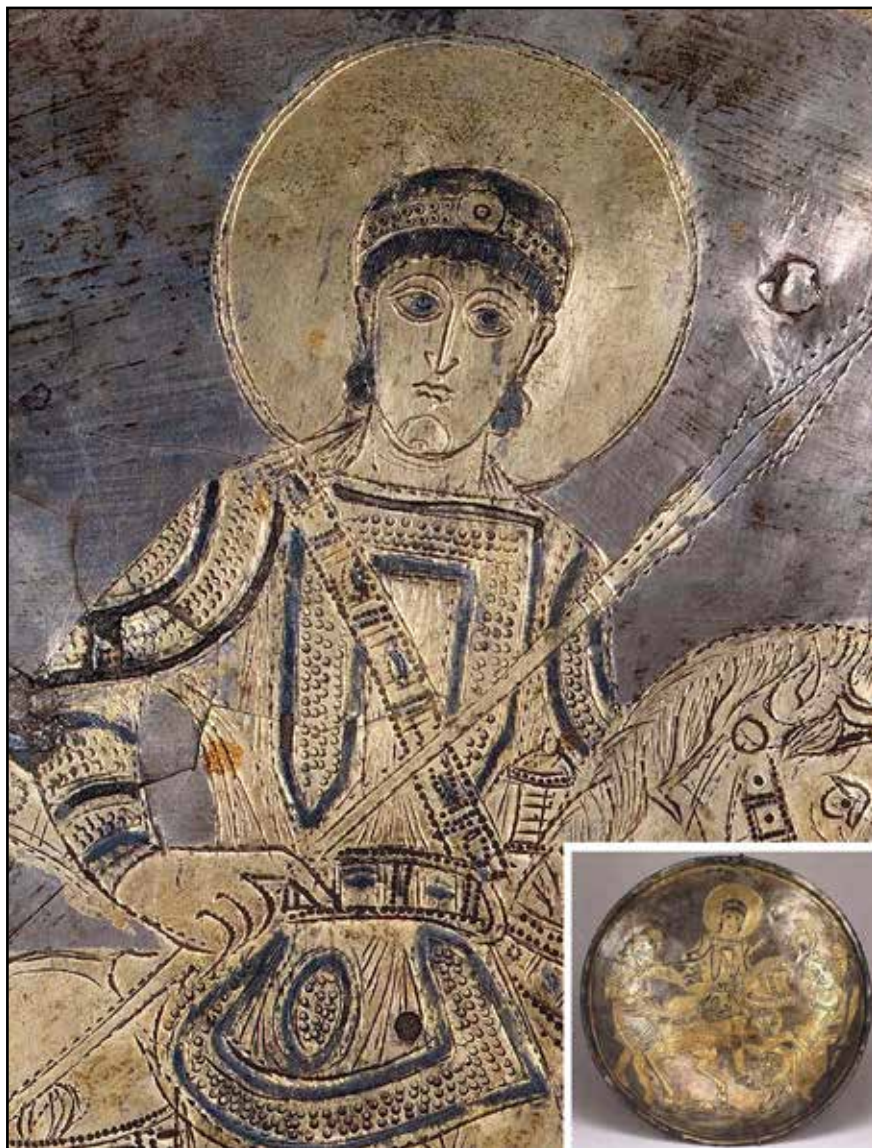

Ил. 6. План Керчи.

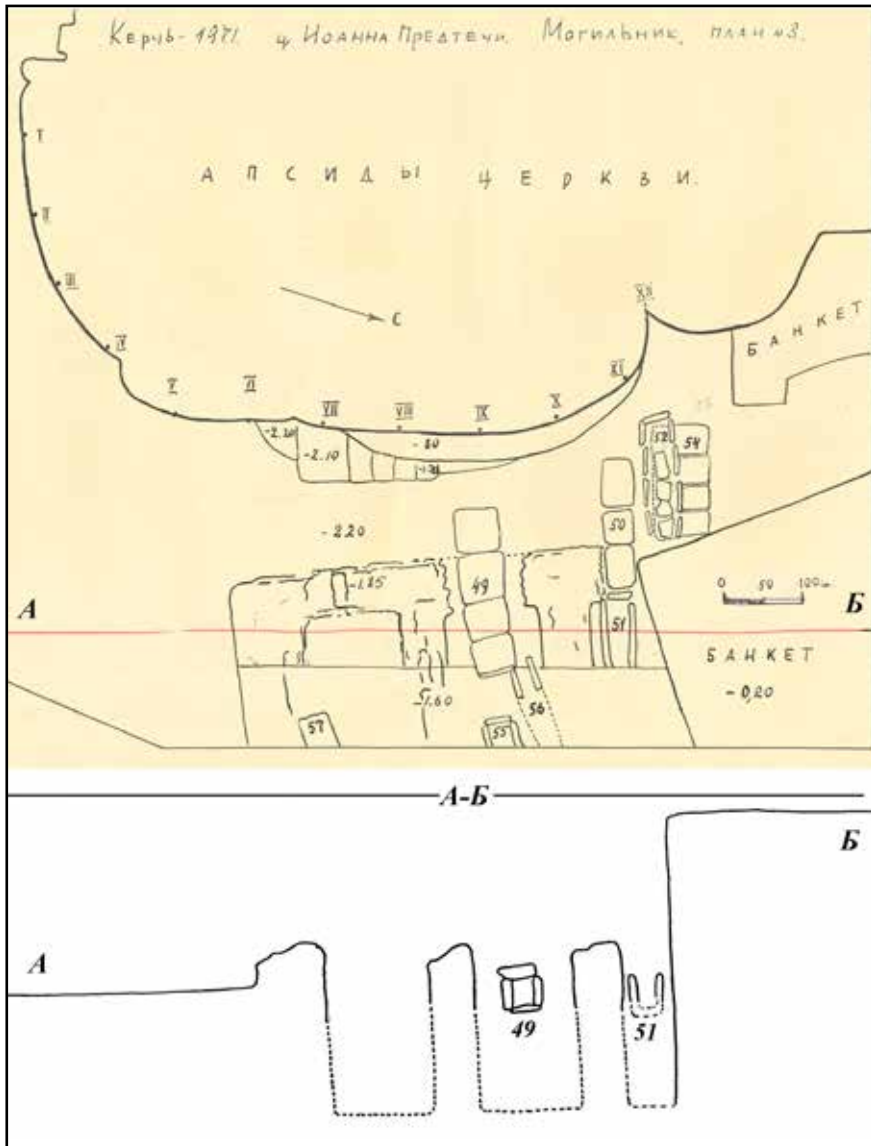
1 – место раскопок Т. И. Макаровой; 2 – место раскопок автора в 2007-2009 гг.

**Ил. 7. Серебряные чаши 343 г.
с изображением Констанция II из керченских склепов**
[по: Залеская 2006, с. 42, кат. №№ 2; 3]

**Ил. 8. Изображение Констанция II
в сцене триумфа на серебряной чаше,
найденной в одном из керченских склепов**
[по: Залеская 2006, с. 41, кат. № 1]

Ил. 9. План и разрез к плану рыбозасоленных ванн, раскопанных Т. И. Макаровой в 1971 году у церкви Иоанна Предтечи

**Ил. 10. Рыбзасолочные ванны и руины домов
из квартала рыбаков, раскопанные в Босфорском переулке
в 2007-2009 годах (фото автора)**

Ил. 11. Рыбозасолочные ванны, раскопанные в Босфорском переулке в 2009 году (фото автора)

**Ил. 12. Иудейская манумиссия,
найденная в квартале рыбаков в Босфорском переулке
в 2007 году (фото автора)**

Ил. 13. Херсонесское городище, общий вид с запада

Ил. 14. Херсонесское городище, портовая часть. Куртины и башня Зенона. Вид сверху

Ил. 15. Херсонесское городище, портовая часть. Куртины и Башня Зенона. Вид с севера

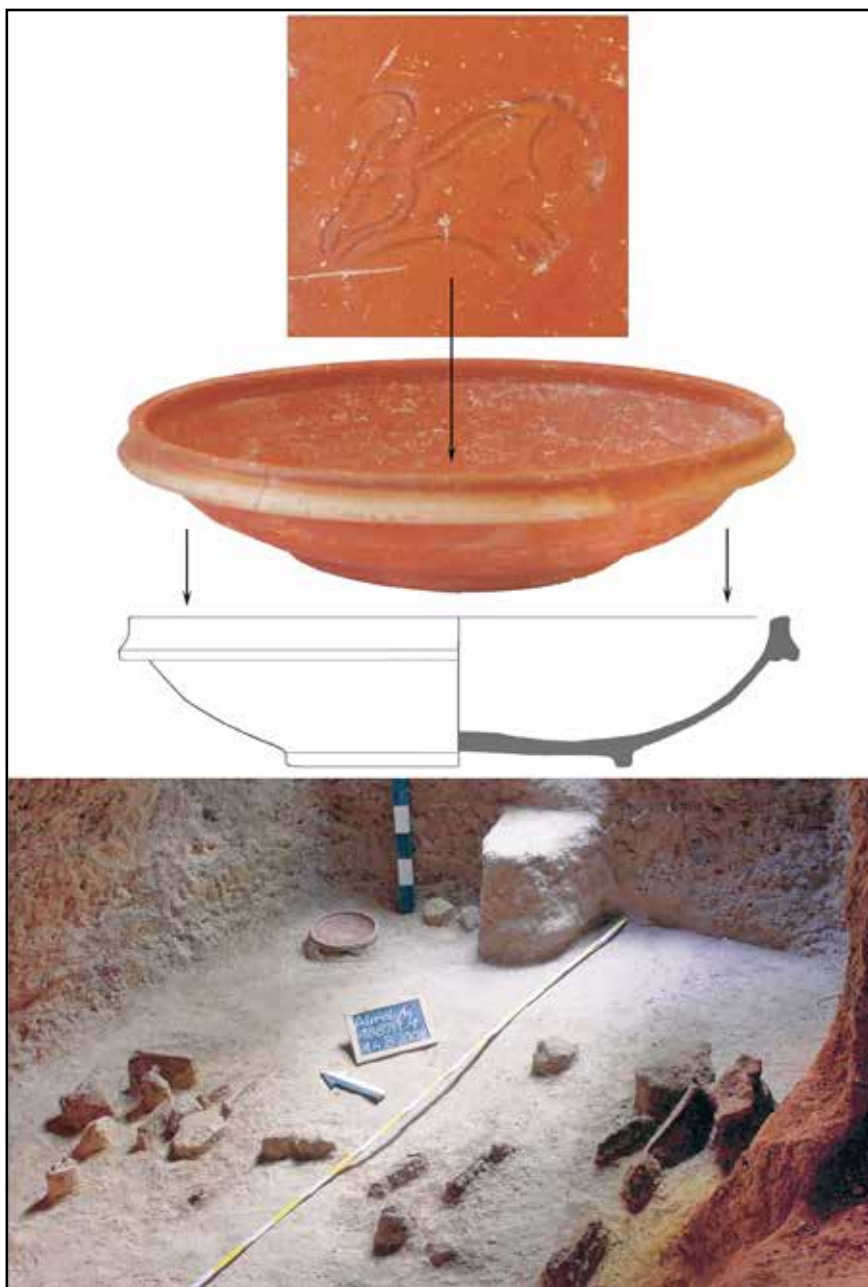
**Ил. 16. Херсонесское городище, северная часть.
Вид с северо-запада**

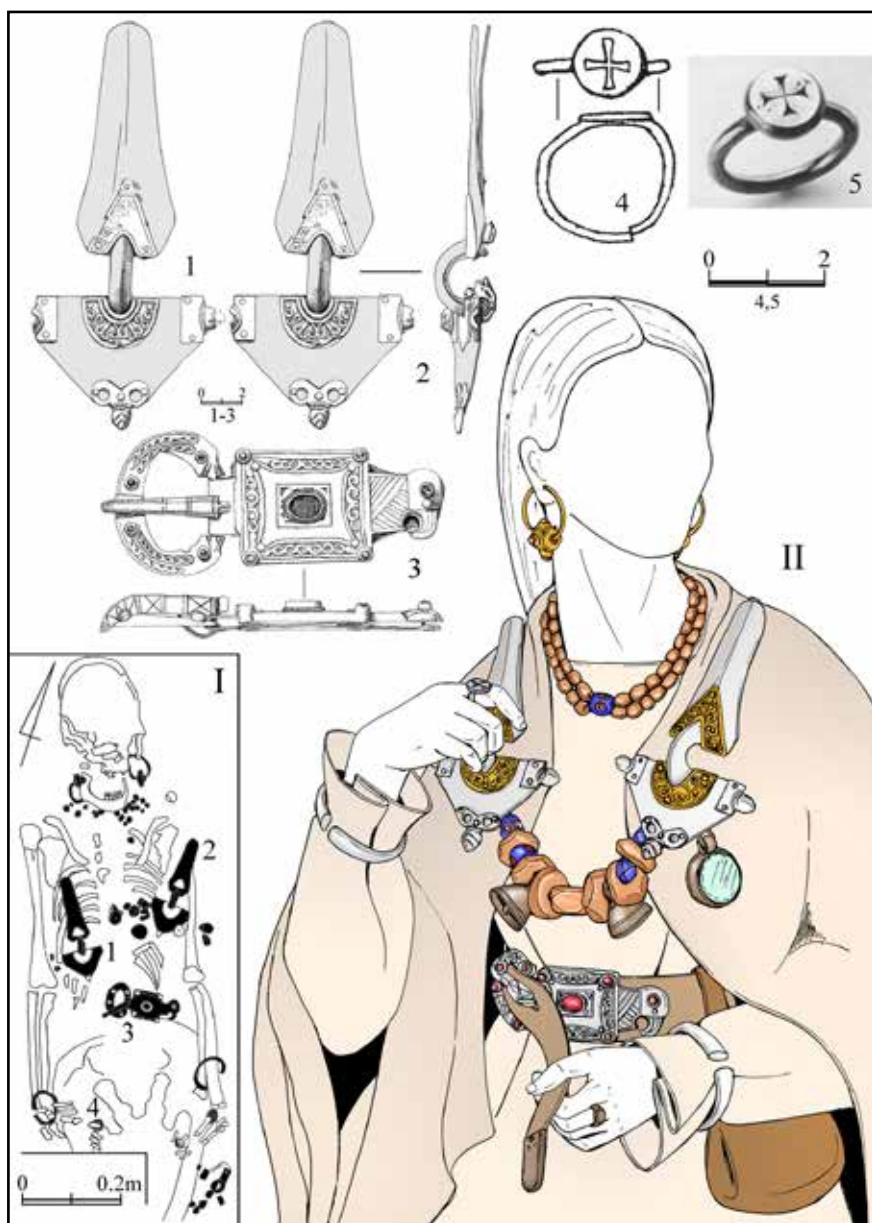
Ил. 17. Херсонес. Западная линия обороны. Куртина 1 (фото автора)

Ил. 18. Восточногерманские пряжки с христианской символикой из могильника у с. Лучистое.
1 – подбойная могила 99; 2 – склеп 283; 3 – склеп 77
(фото Э. А. Хайрединовой)

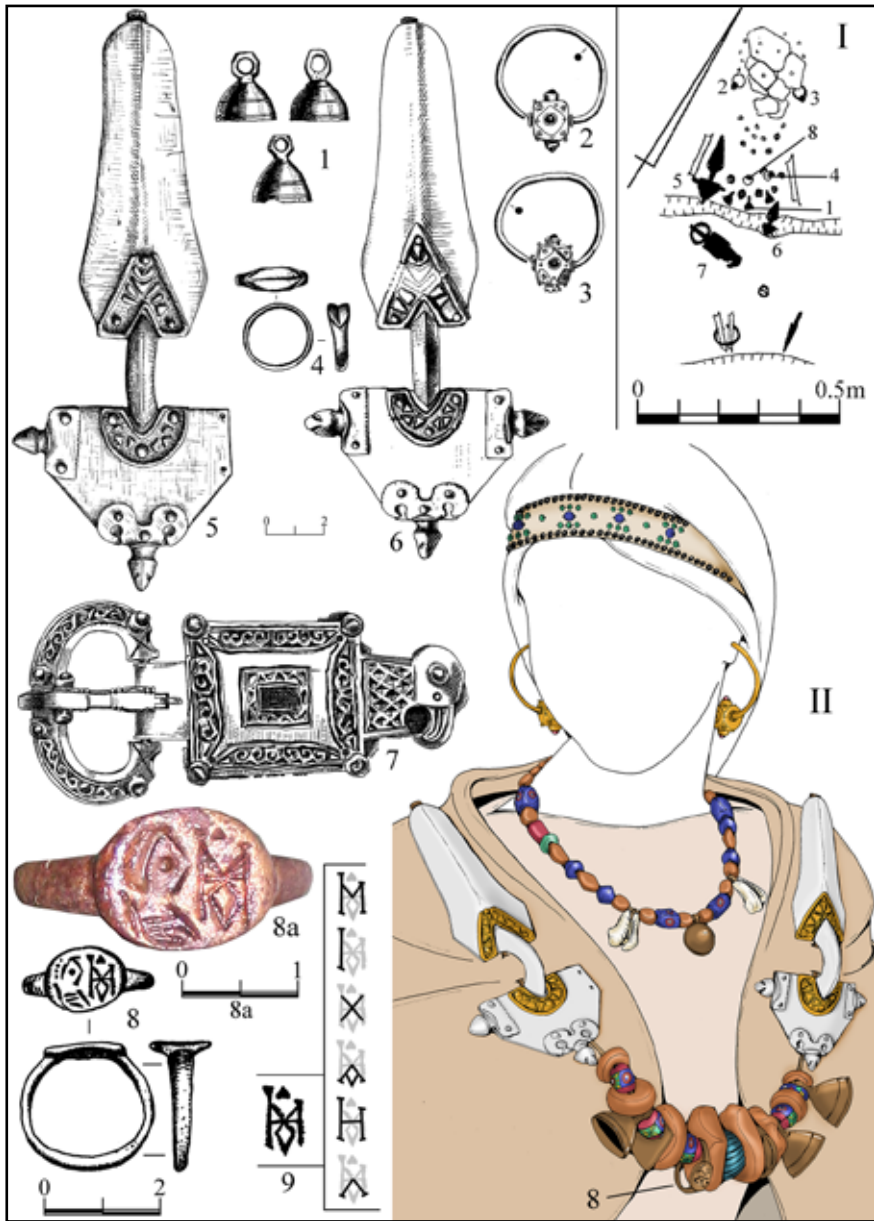

**Ил. 19. Краснолаковая миска, украшенная штампом
в виде изображения льва,
найденная в могильнике Алмалык-Дере, в склепе 188/2008**
[по: Mączyńska M., Gercen A., Ivanova O., u.a. 2016, Taf. 364; 365]

**Ил. 20. Женское погребение второй половины VI в.
из склепа 2 могильника Алония (Юго-Западный Крым).**

I – план погребения; II – реконструкция костюма погребенной;
1-4 – находки из погребения; 5 – византийский золотой перстень
с выгравированным крестом из собрания Schmuckmuseum Pforzheim
[по: Хайрединова 2019]

Ил. 21. Женское погребение конца VI – первой четверти VII в. из склепа 42 могильника Лучистое (Юго-Западный Крым).

I – план погребения; II – реконструкция костюма погребенной;

1-8 – находки из погребения; 9 – вариант расшифровки греческой монограммы с перстня

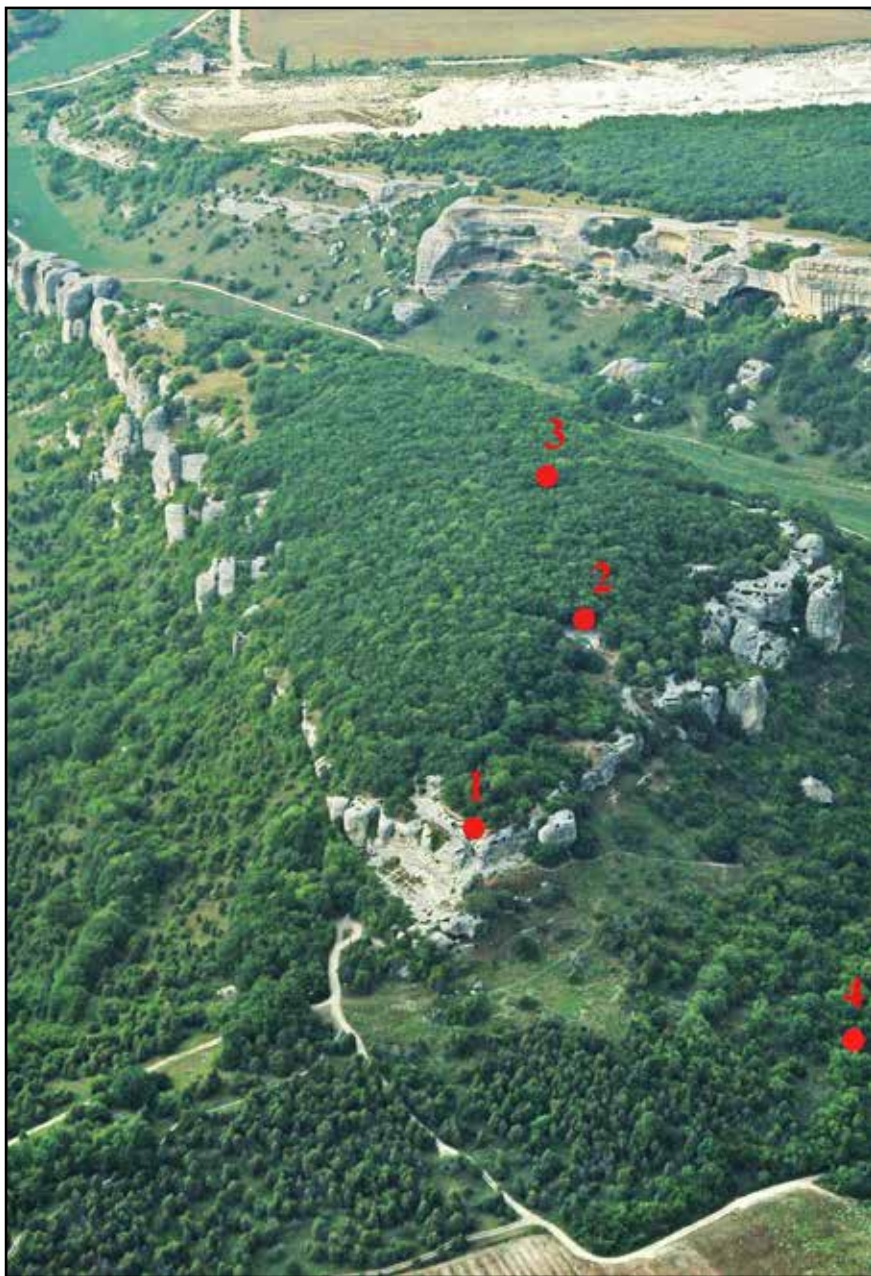
[по: Хайрединова 2019а]

Ил. 22. «Пещерные города» Юго-Западного Крыма.
1 – Мангуп; 2 – Бакла (фото автора)

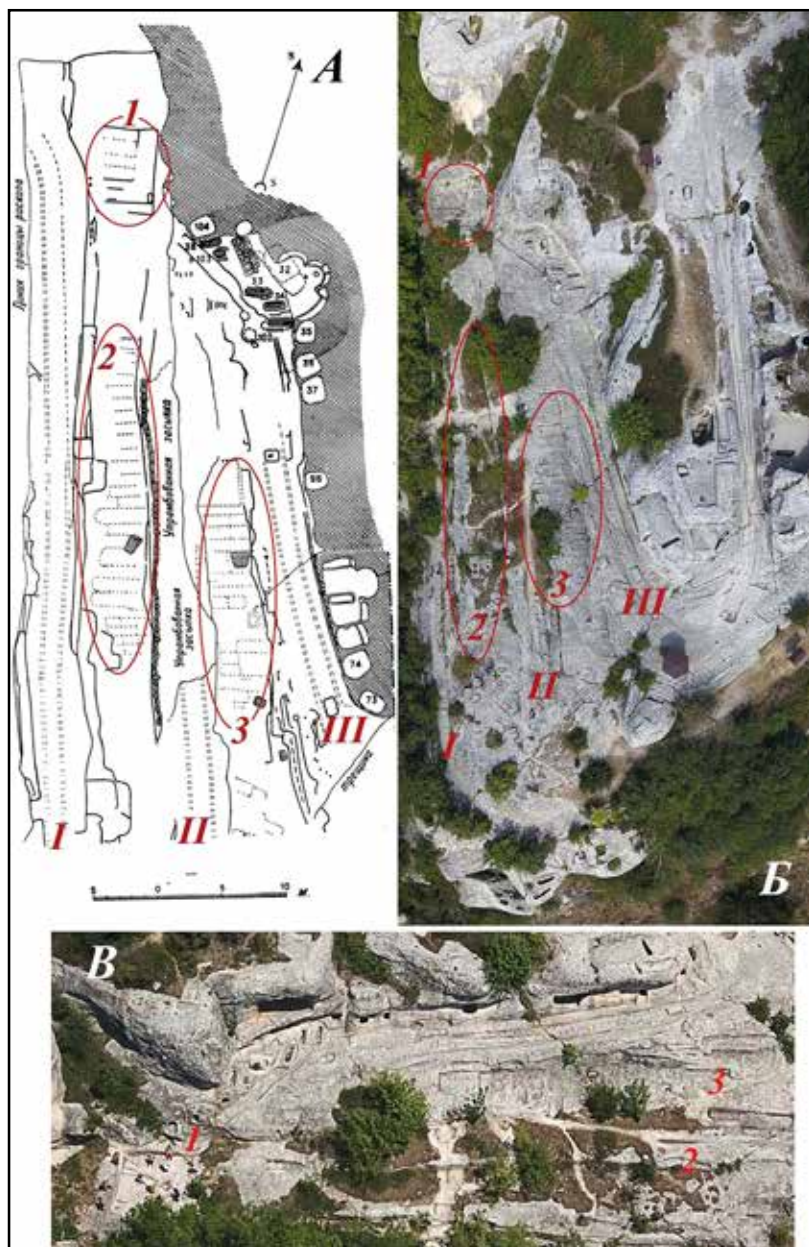

**Ил. 23. Баклинское городище.
Зерновые ямы, вырубленные в толще скалы (фото автора)**

Ил. 24. Крепость на плато Эски-Кермен.

1 – главные ворота; 2 – кварталы 1 и 2; 3 – главный храм;
4 – некрополь на юго-восточном склоне плато

Ил. 25. Подъемная дорога в город на плато Эски-Кермен.

А – ситуационный план дороги; Б – общий вид сверху;

В – общий вид с востока; 1-3 – следы добычи камня;

I-III – марши подъемной дороги [по: Хайрединова 2022б, рис. 3]

**Ил. 26. Главные ворота города на плато Эски-Кермен.
Общие виды с юго-востока (1) и сверху (2)**

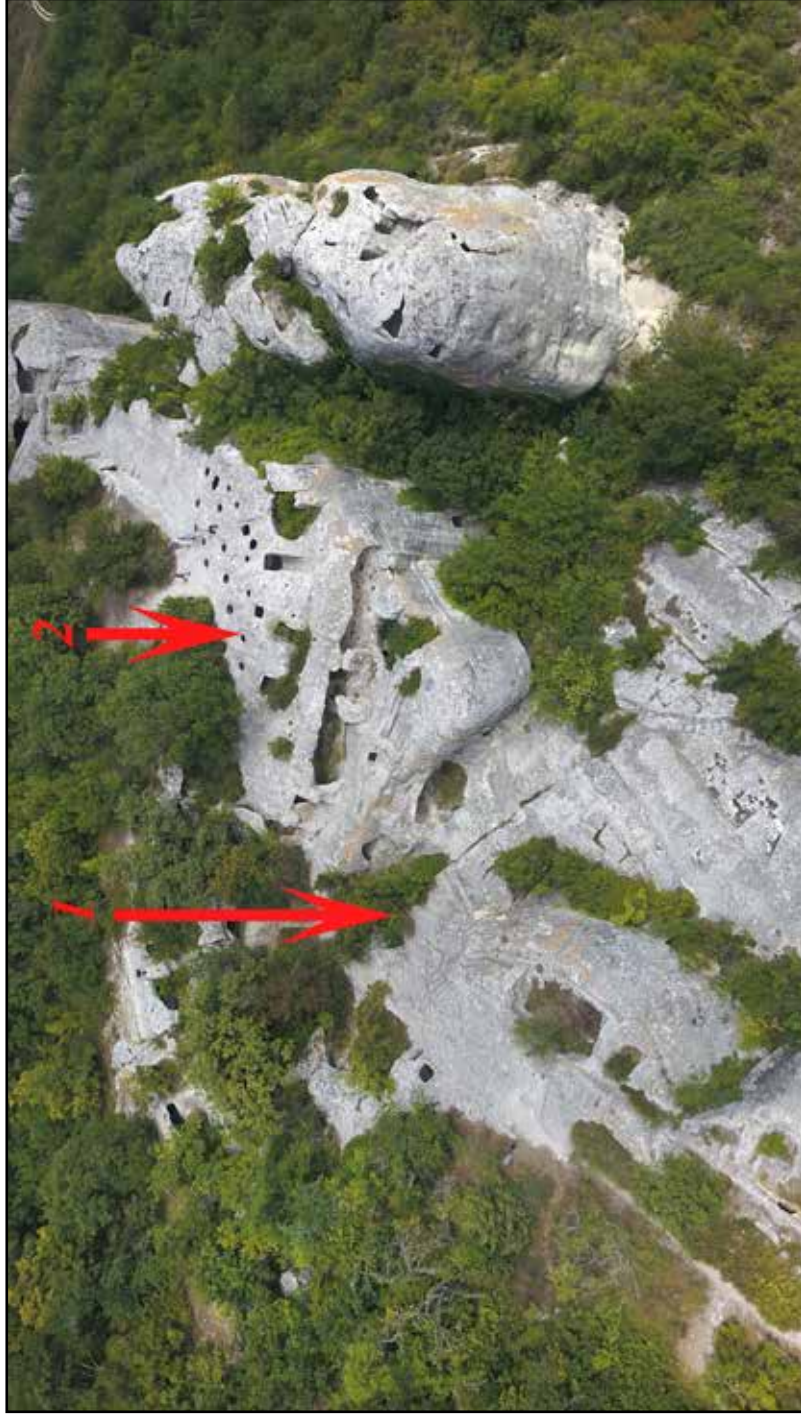

**Ил. 27. Восточная часть плато Эски-Кермен.
Общий вид с северо-востока.**

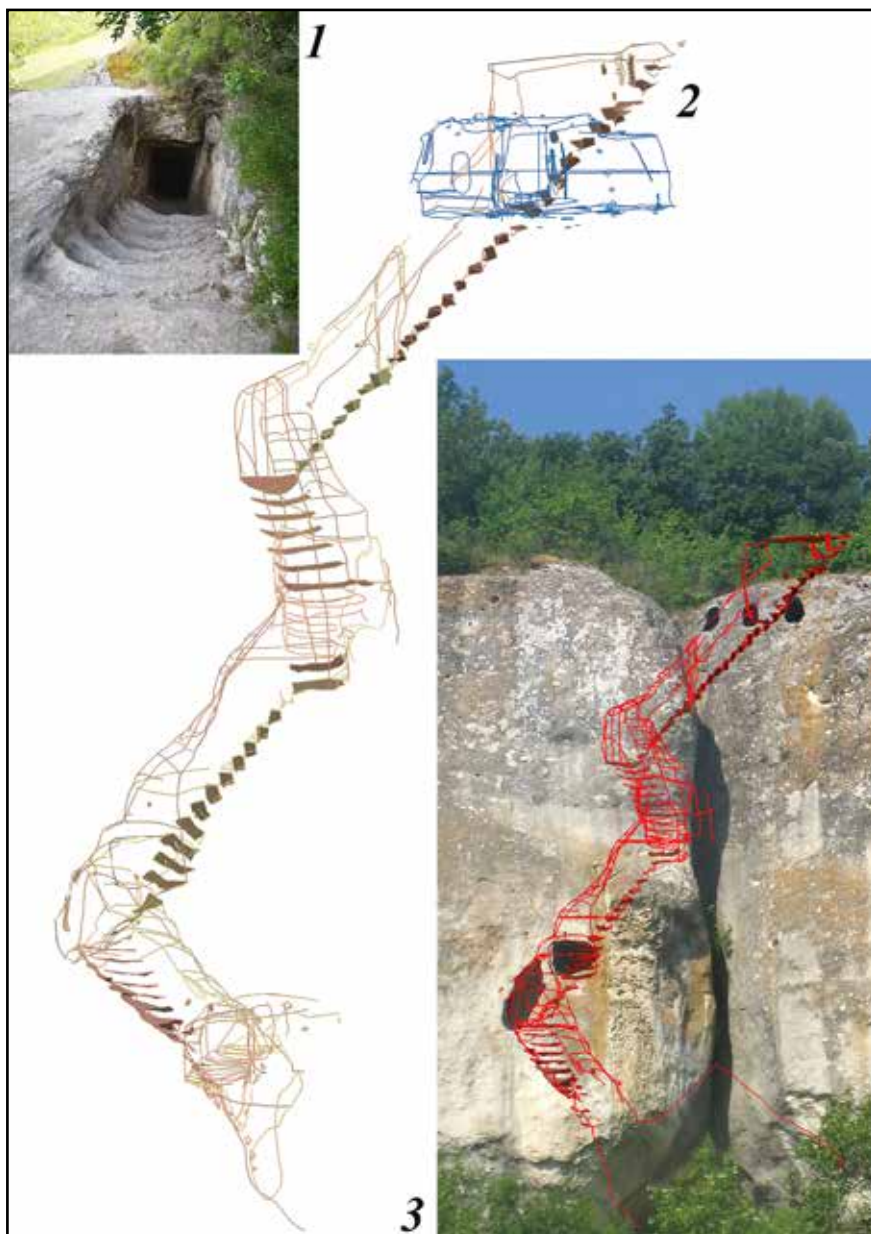
1 – участок оборонительной стены, исследованный в 2005-2007 гг.;
2 – мыс V; 3 – восточная калитка; 4 – мыс VI; 5 – осадный колодец

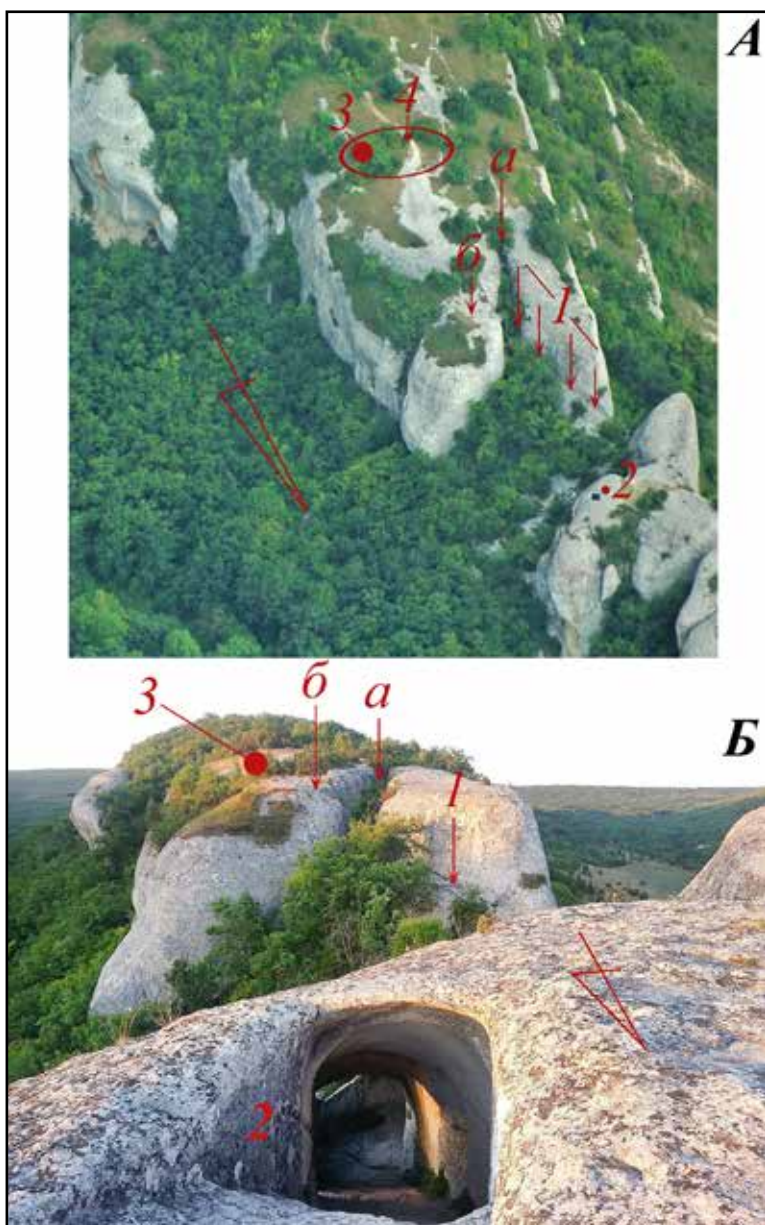
**Ил. 28. Восточная часть плато Эски-Кермен.
Участки оборонительной стены около мыса V,
виды с запада и юго-запада (фото автора)**

Ил. 29. Восточная часть плато Эски-Кермен.
Восточная калитка (1) и зерноохранилище (2) на поверхности мыса VI. Общий вид с юго-востока

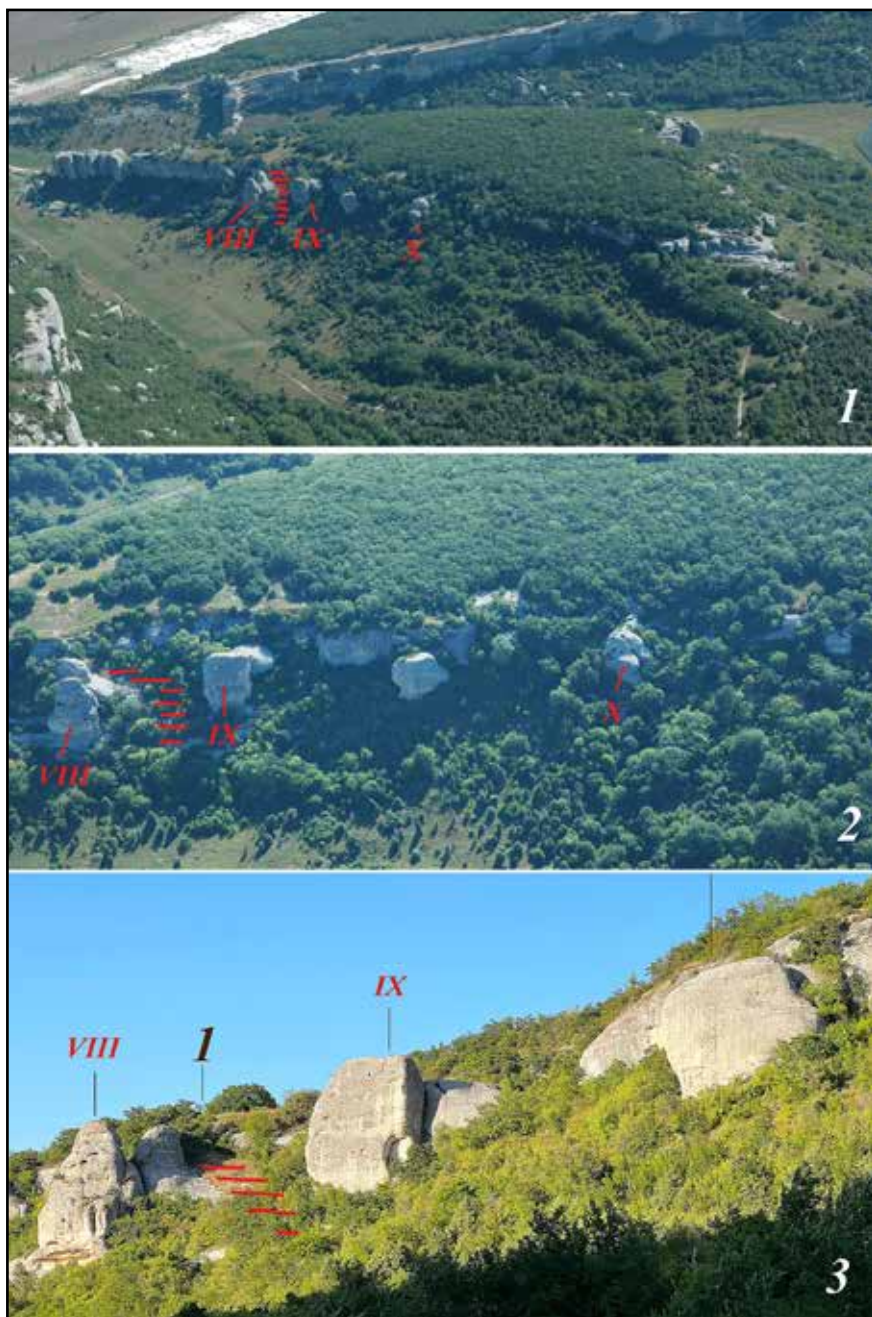

Ил. 30. Восточная часть плато Эски-Кермен. Осадный колодец.
1 – вход, общий вид с северо-запада;
2–3 – тахеометрическая съемка вырубленной в скале лестницы,
вид с востока

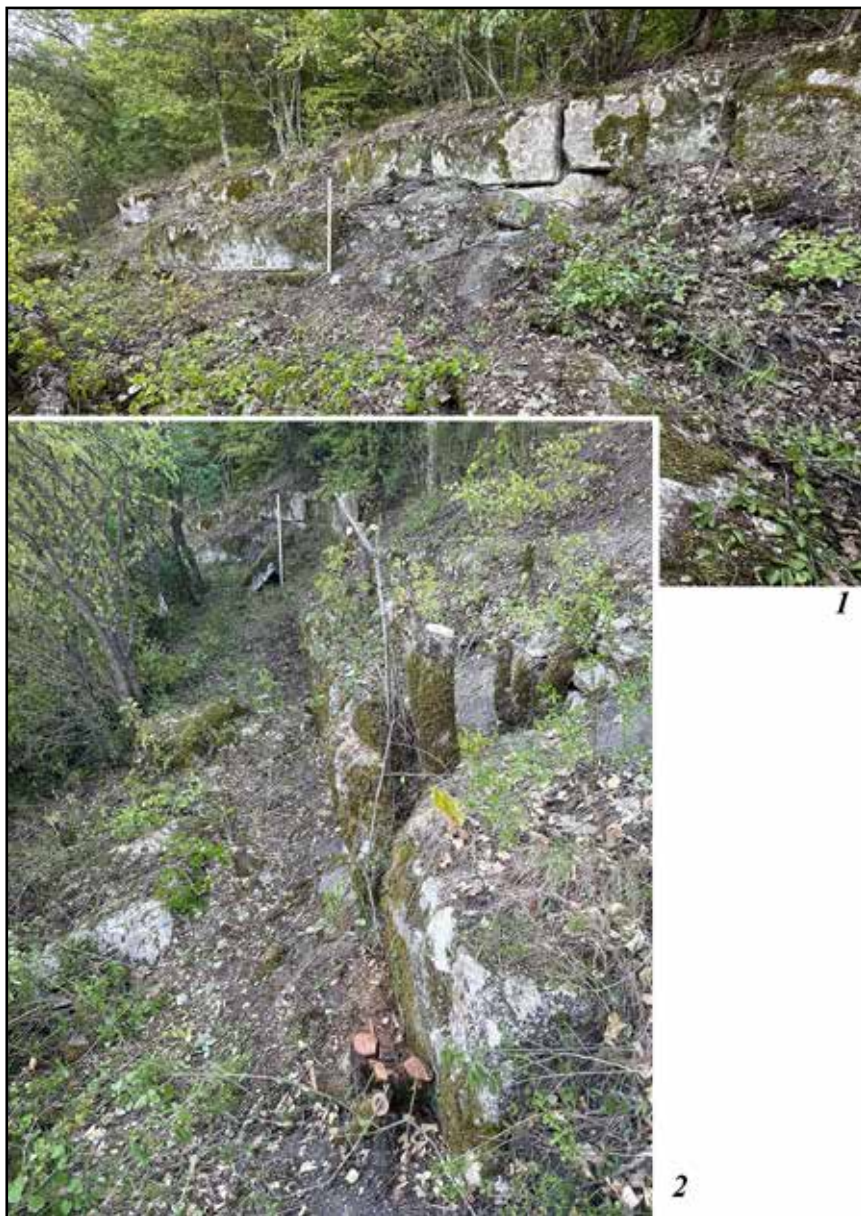

Ил. 31. Северная часть плато Эски-Кермен.

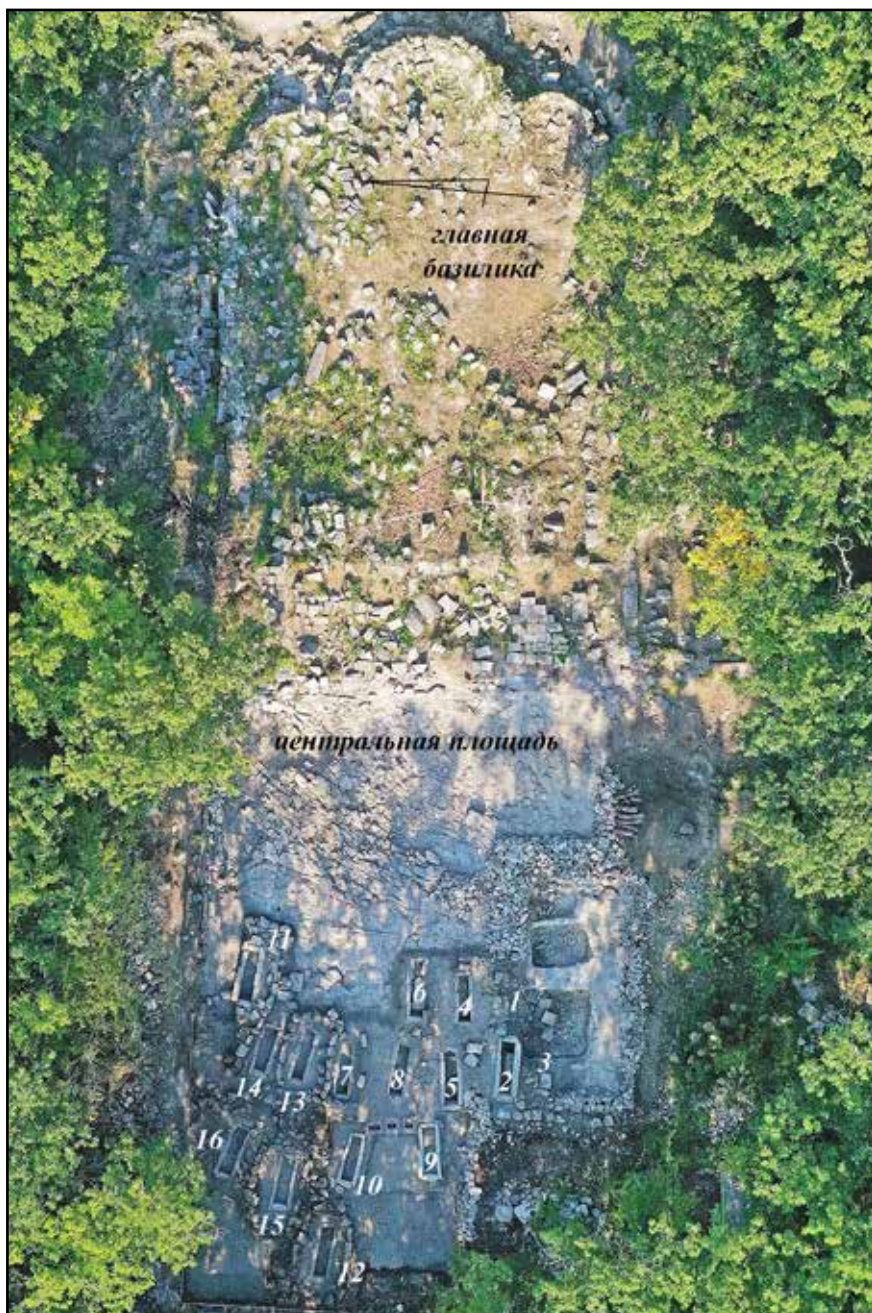
А – общий вид с северо-востока; Б – общий вид с севера, со стороны дозорного комплекса. 1 – северная калитка (а, б – два входа на плато); 2 – северный дозорный комплекс; 3 – раскоп 24/2022 с юго-восточной частью «Северного» храма; 4 – подрубка под южную стену храма и каменные блоки от нее

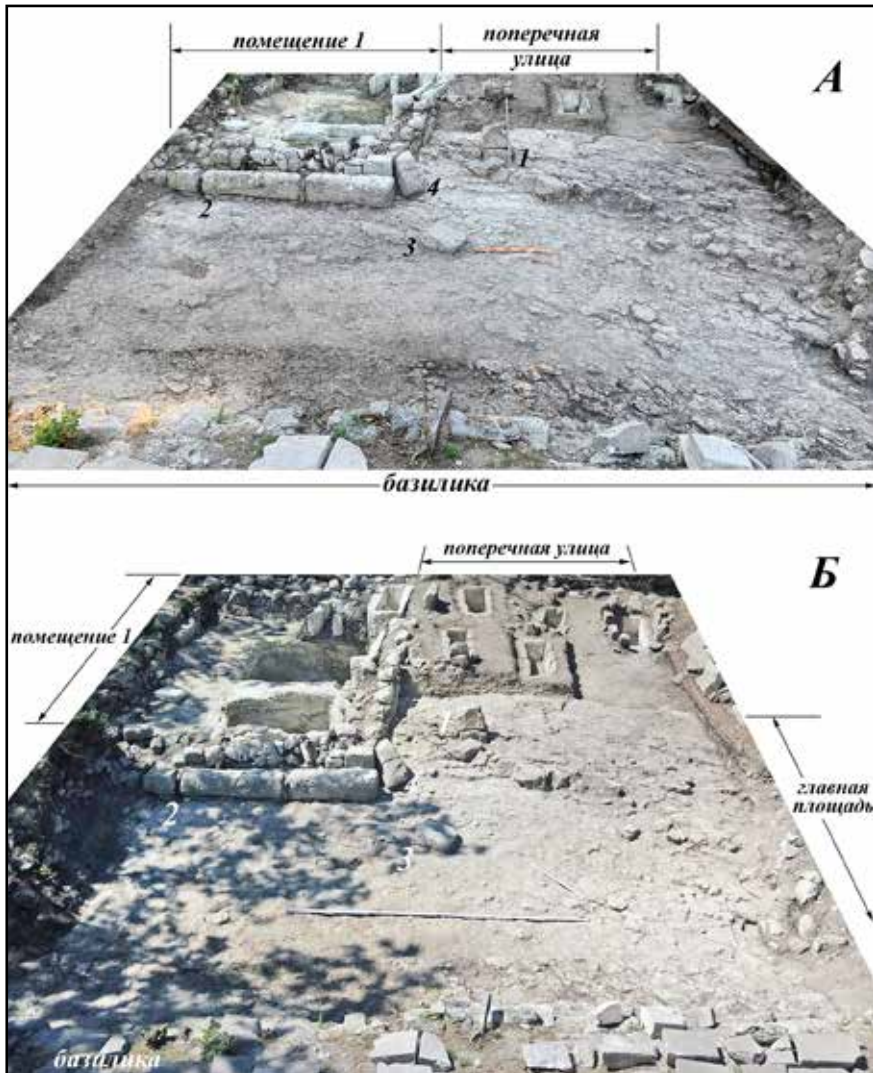
Ил. 32. Западная часть плато Эски-Кермен.
Общий вид (1) и детали (2,3) с юго-запада. 1 – западная калитка;
VIII-X – скальные мысы

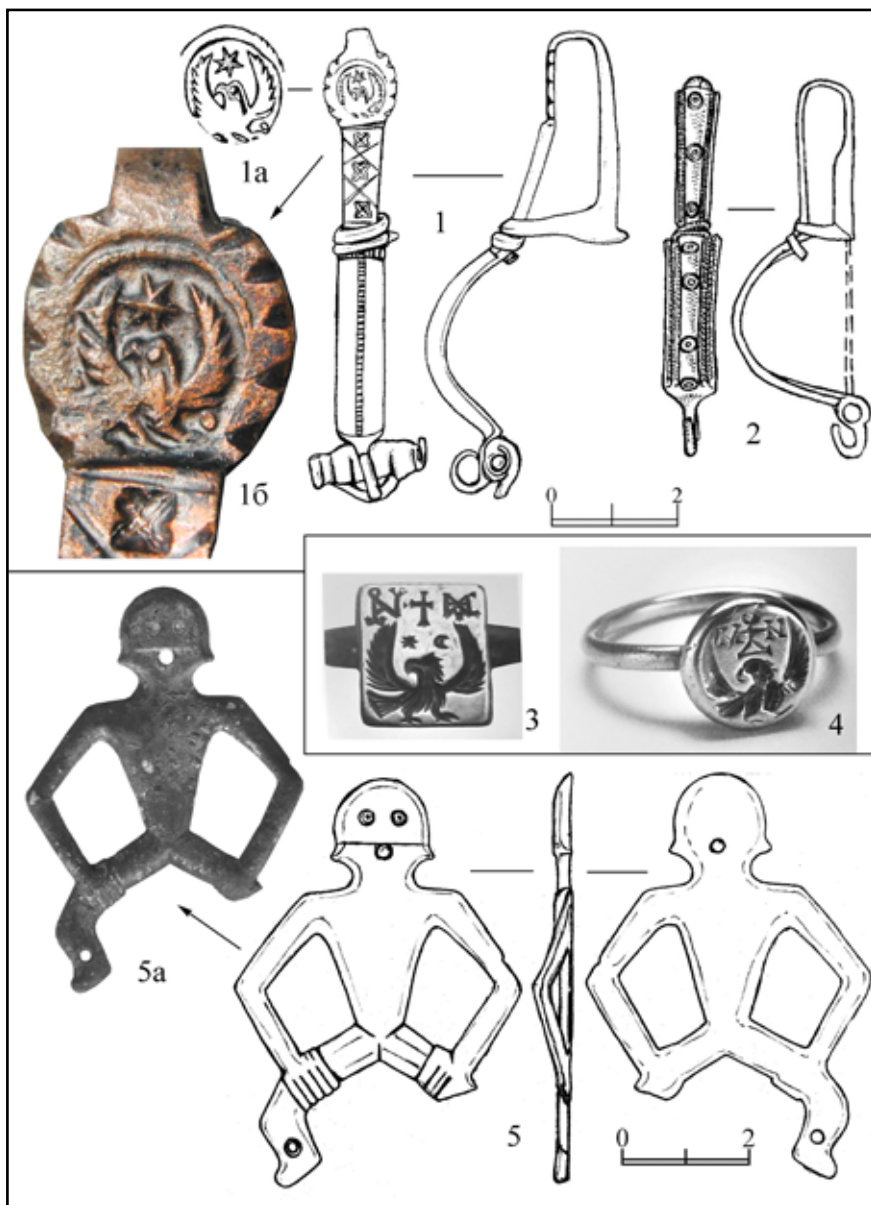
**Ил. 33. Западная часть плато Эски-Кермен.
Участок оборонительной стены. Современное состояние.**
Общие виды с юго-запада (1) и юга (2) (фото автора)

Ил. 34. Центральная часть города на плато Эски-Кермен.
Главная городская базилика и центральная площадь. Общий вид сверху.
1-16 – плитовые могилы первой половины XIV в.

Ил. 35. Центральная часть города на плато Эски-Кермен.
Центральная городская площадь.
Общие виды с северо-востока

Ил. 36. Крепость на плато Эски-Кермен.

- 1 – фибула, найденная в траншее Н. И. Репникова у внешней стороны восточной оборонительной стены; 2 – фибула из склепа 337; 3,4 – византийские перстни конца VI-VII вв. с изображением орла; 5 – бронзовая накладная бляха из раскопа у внутренней стороны оборонительной стены

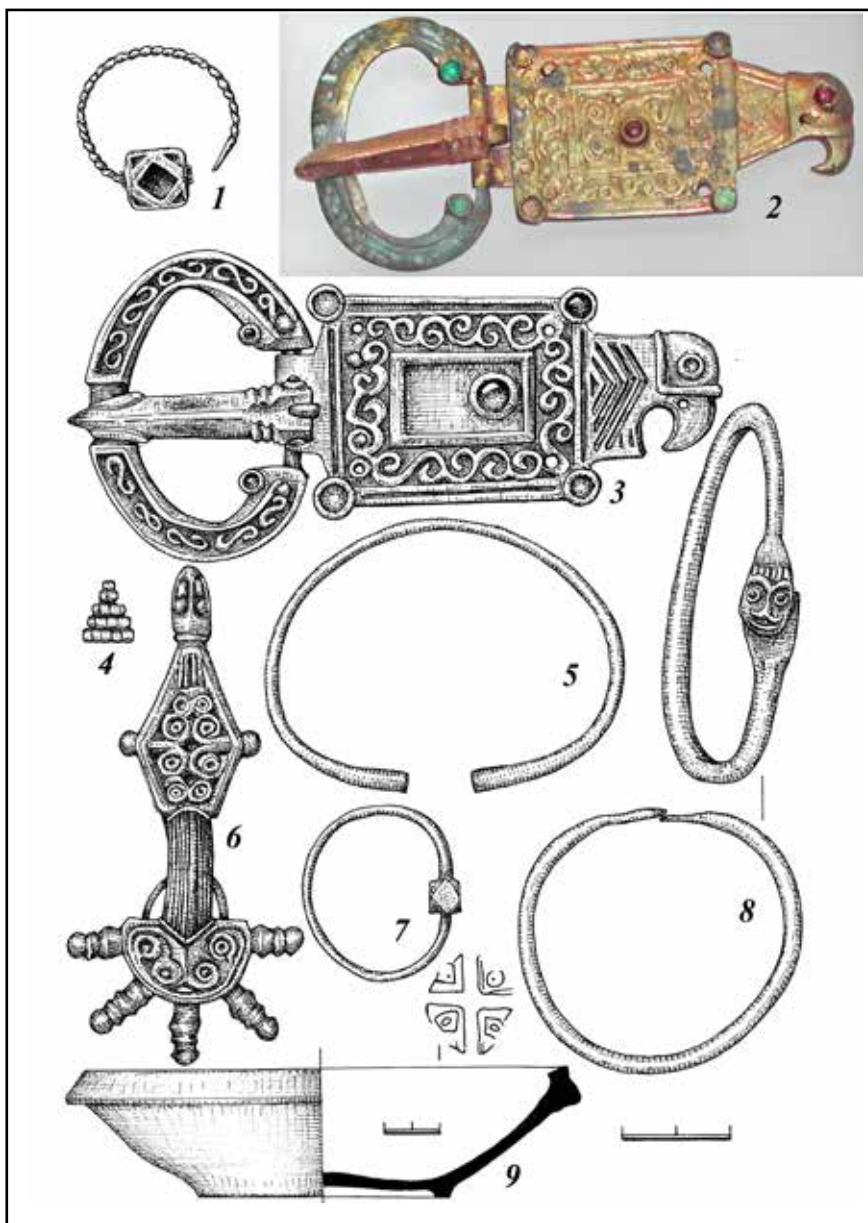
Ил. 37. Некрополь на юго-восточном склоне плато Эски-Кермен.
Детали женского восточногерманского костюма
из подбойной могилы 371

Ил. 38. «Пещерный» город Чуфут-Кале

**Ил. 39. «Пещерный» город Чуфут-Кале.
Серединная стена, перегораживающая плато в узком месте**

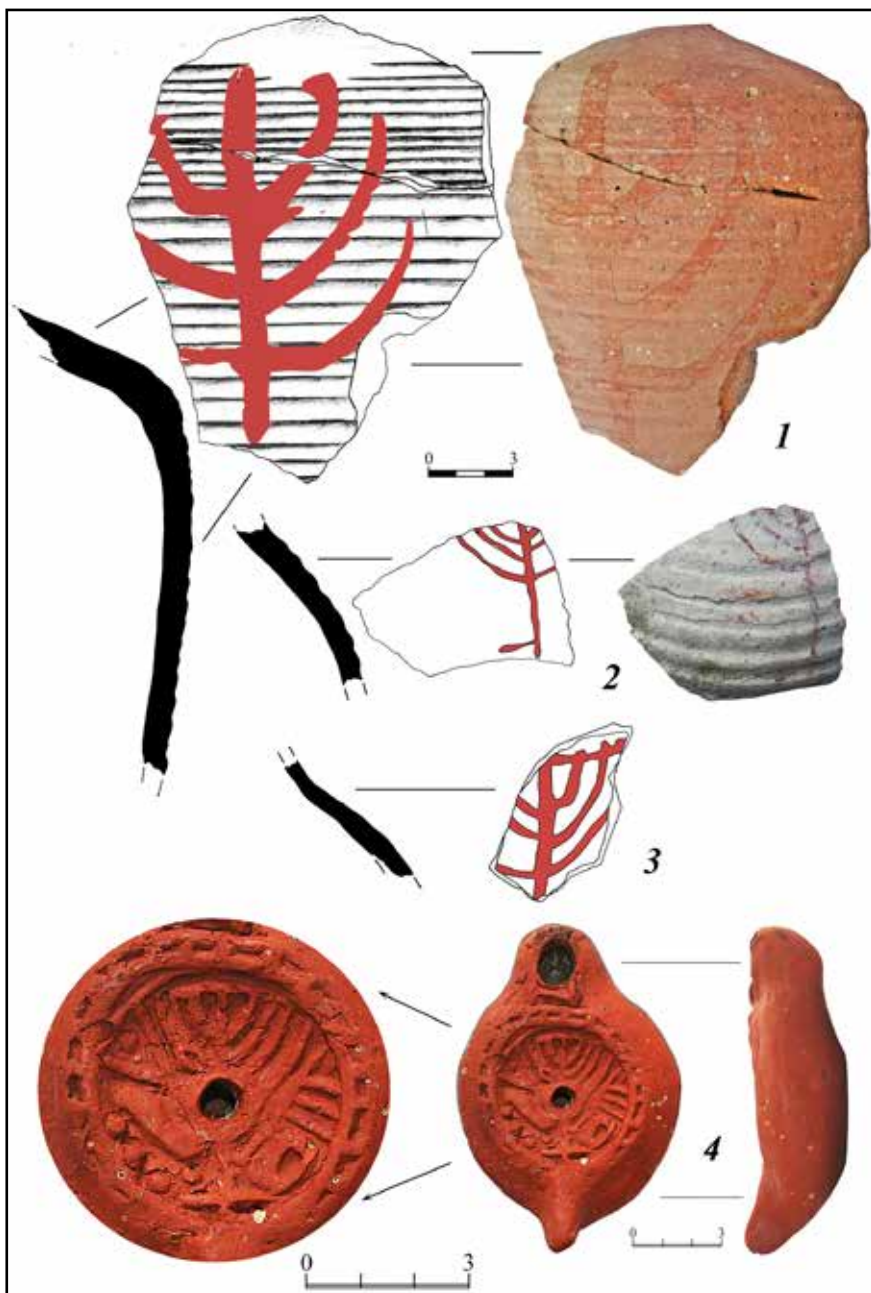

**Ил. 40. Украшения, детали германского женского костюма
и краснолаковая миска LR-C формы 3F из Керчи**

1,2 – плитовая могила, зачищенная в 1976 г. на 1-ой Митридатской улице;
3,4 – плитовая могила 1/1905; 5–7,9 – земляная могила 19/1904,
женское захоронение в северном подбое; 8 – склеп 163/1904,
женское захоронение напротив левой лежанки

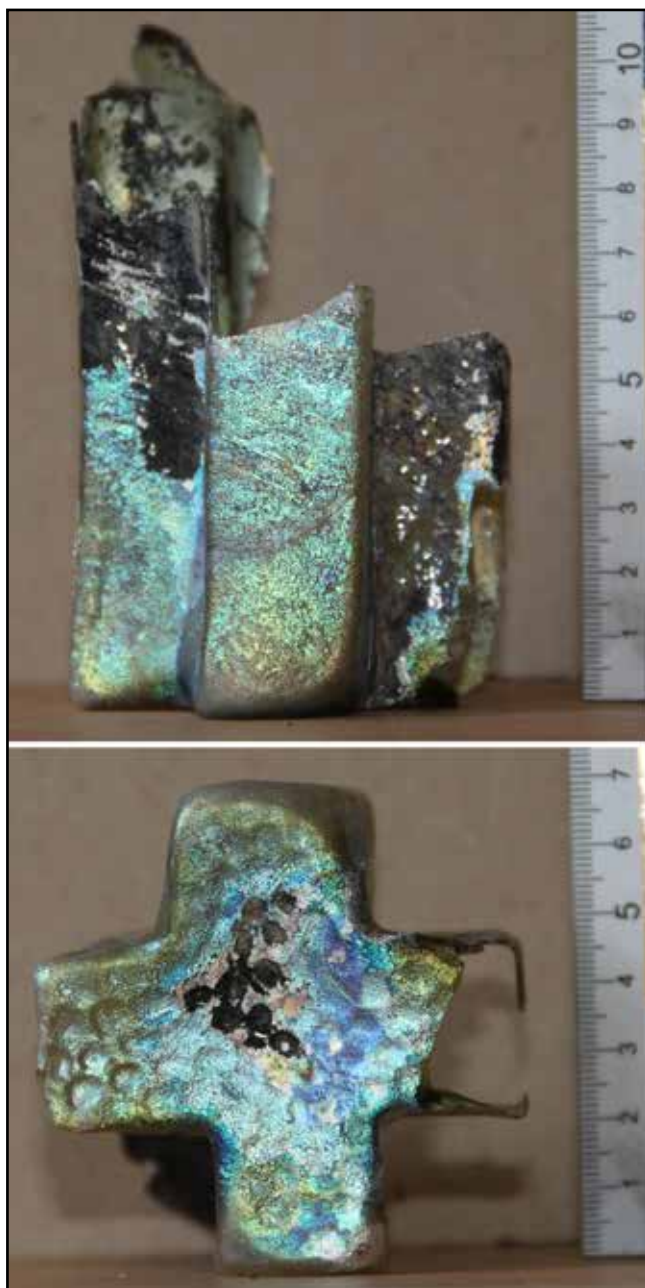
Ил. 41. Керчь, Босфорский переулоч. Квартал рыбаков VI в.
А – усадьба рыбака №3; Б – нижняя часть рыбозасолочной ванны
из усадьбы № 1. Виды с северо-востока

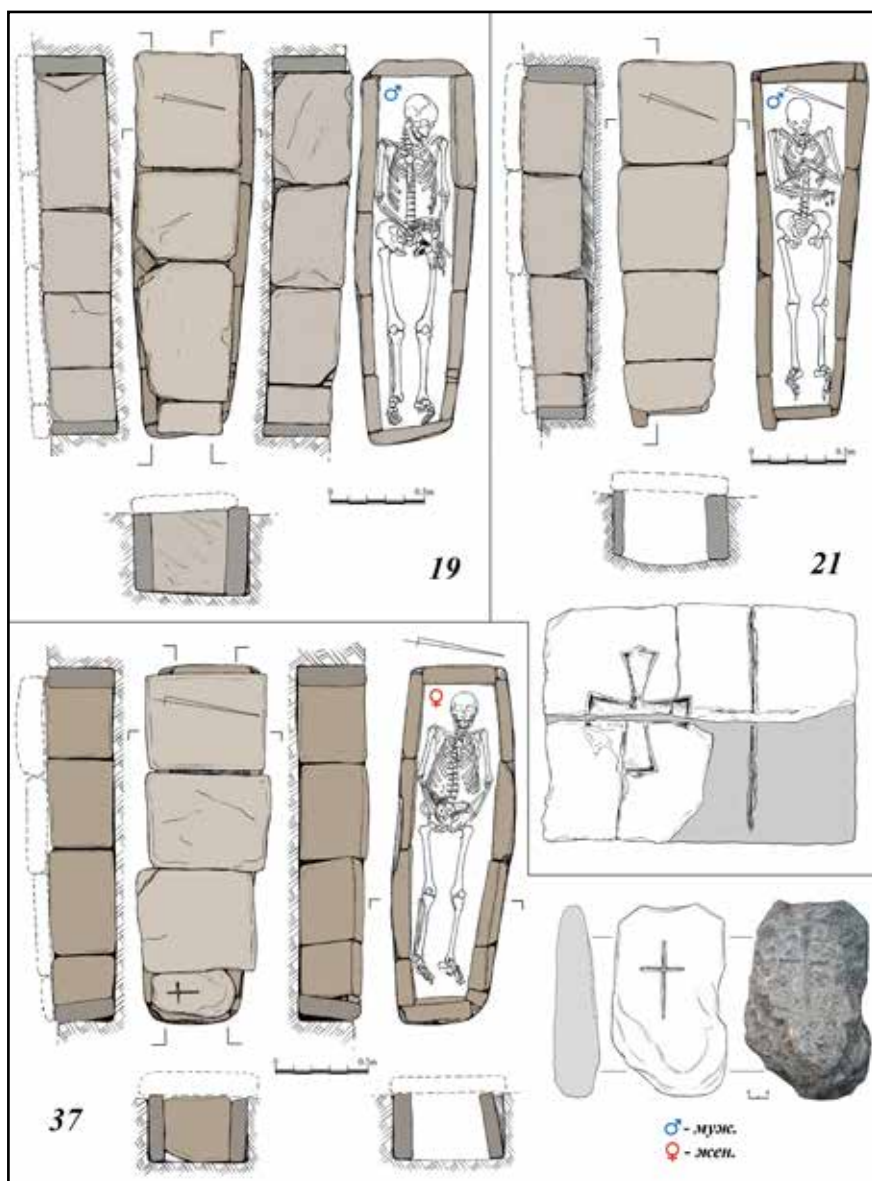
Ил. 42. Керчь, Босфорский переулк. Квартал рыбаков VI в.
 Фрагменты амфор (1–3) и керамический светильник (4)
 с изображением меноры

Ил. 43. Керчь, Босфорский переулоч. Квартал рыбаков VI в.
Круглодонные амфоры из хозяйственной ямы №3

Ил. 44. Керчь, Босфорский переулок. Квартал рыбаков VI в.
Стеклянный сосуд с туловом в форме креста

Ил. 45. Керчь, Босфорский переулоч.
 Некрополь VII – первой половины VIII в.
 Плитовые могилы с бортами,
 полностью выложенными и перекрытыми плитами

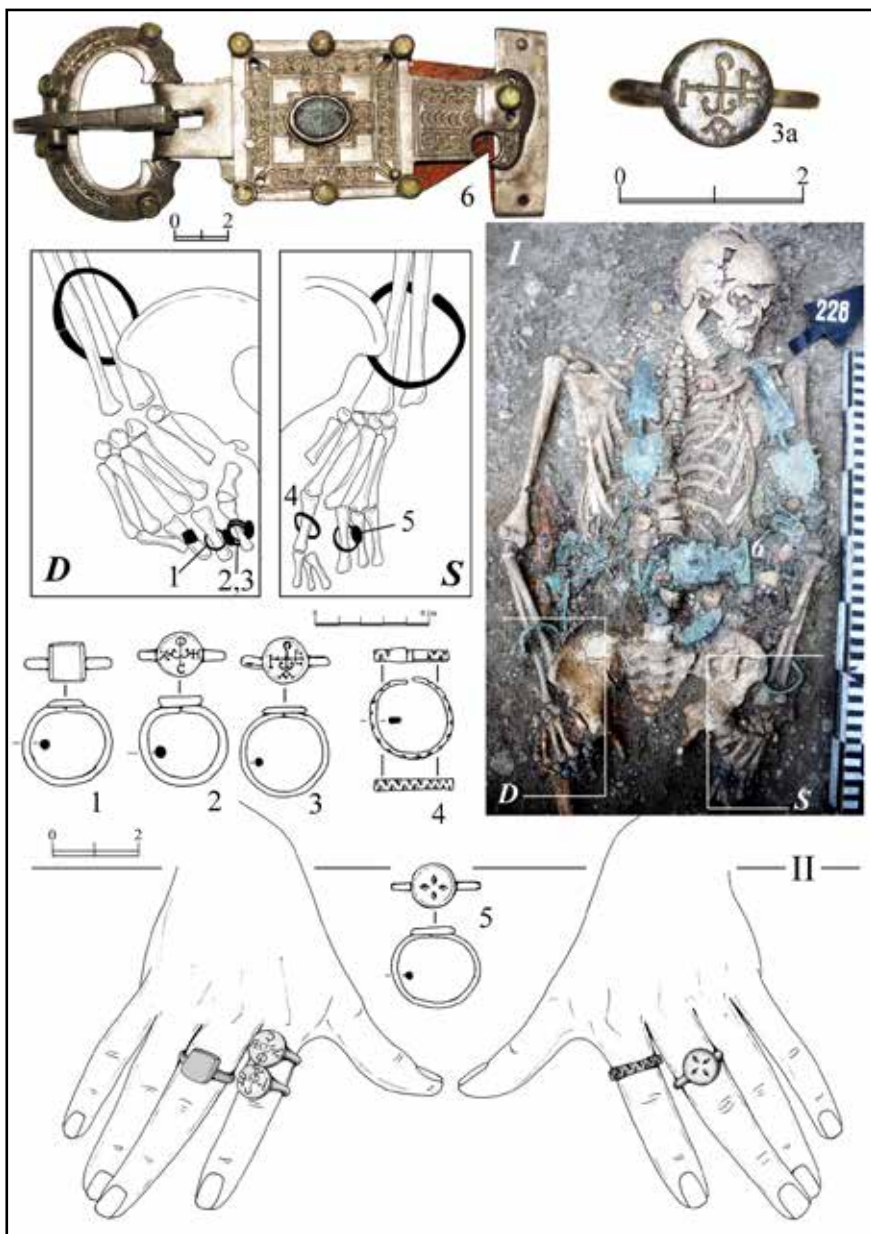
Ил. 47. Херсон. Базилика 1935 г.

Ил. 48. Херсон. Мраморные архитектурные детали из базилики 1935 г.
[по: Наследие..., 2011, кат. №№ 3, 12, 14, 21]

Ил. 49. Херсон. Уваровская базилика

Ил. 50. Могильник у с. Лучистое, склеп 228.
Женское погребение с орниголовой пряжкой второй половины VII в.
 I – план погребения; II – реконструкция рук погребенной с перстнями;
 1-6 – находки из погребения
 [по: Хайрединова 2018]

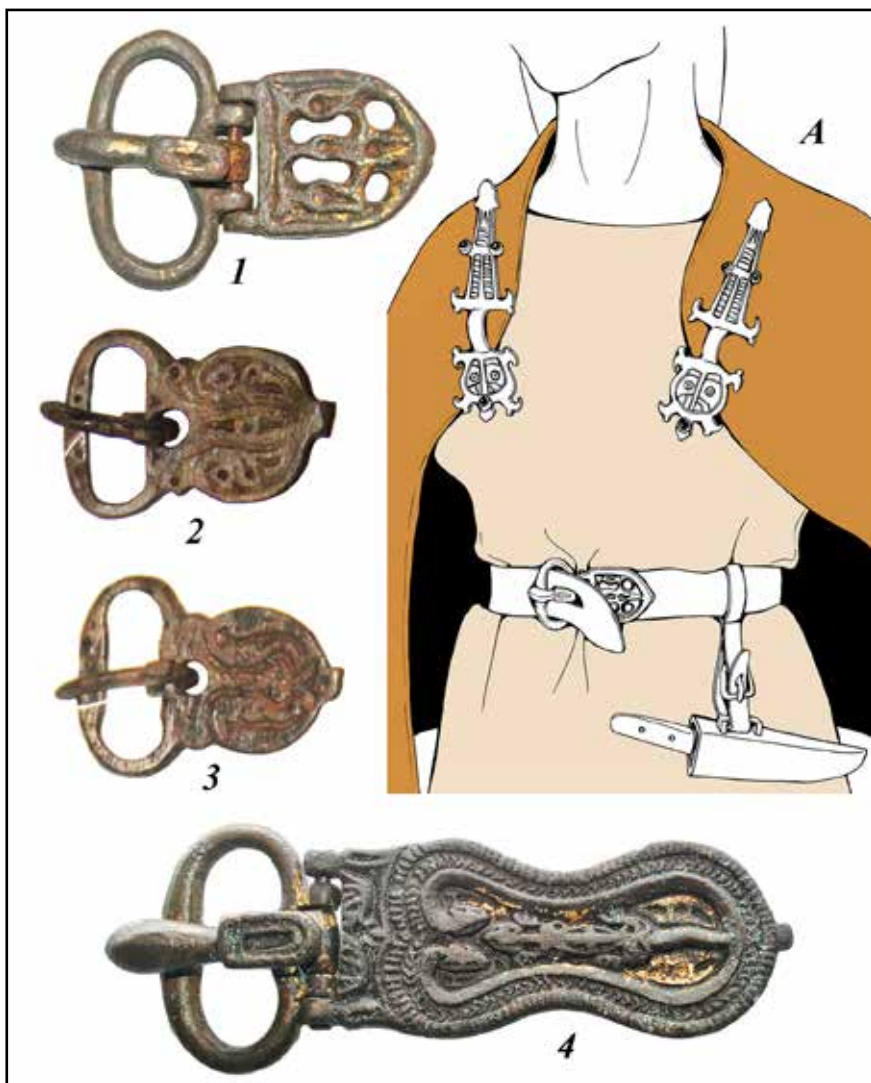
Ил. 51. Могильник у с. Лучистое, склеп 43.
Женское погребение с орлиноголовой пряжкой второй половины VII в.
 I – реконструкция убора погребенной; 1-4 – находки из захоронения
 (Реконструкция, рисунок и фото Э. А. Хайрединовой)

Ил. 52. Могильник у с. Лучистое, склеп 54.
Пальчатые фибулы и орлиноголовая пряжка
из женского погребения третьей четверти VII в.
(фото Э. А. Хайрединовой)

Ил. 53. Некрополь на юго-восточном склоне плато Эски-Кермен, склеп 257.
 Женское погребение с орлиноголовой пряжкой второй половины VII в.
 Находки из захоронения и реконструкция убора погребенной
 (Реконструкция и рисунок Э. А. Хайрединовой)

Ил. 54. Византийские пряжки VII в. в costume крымских готов.

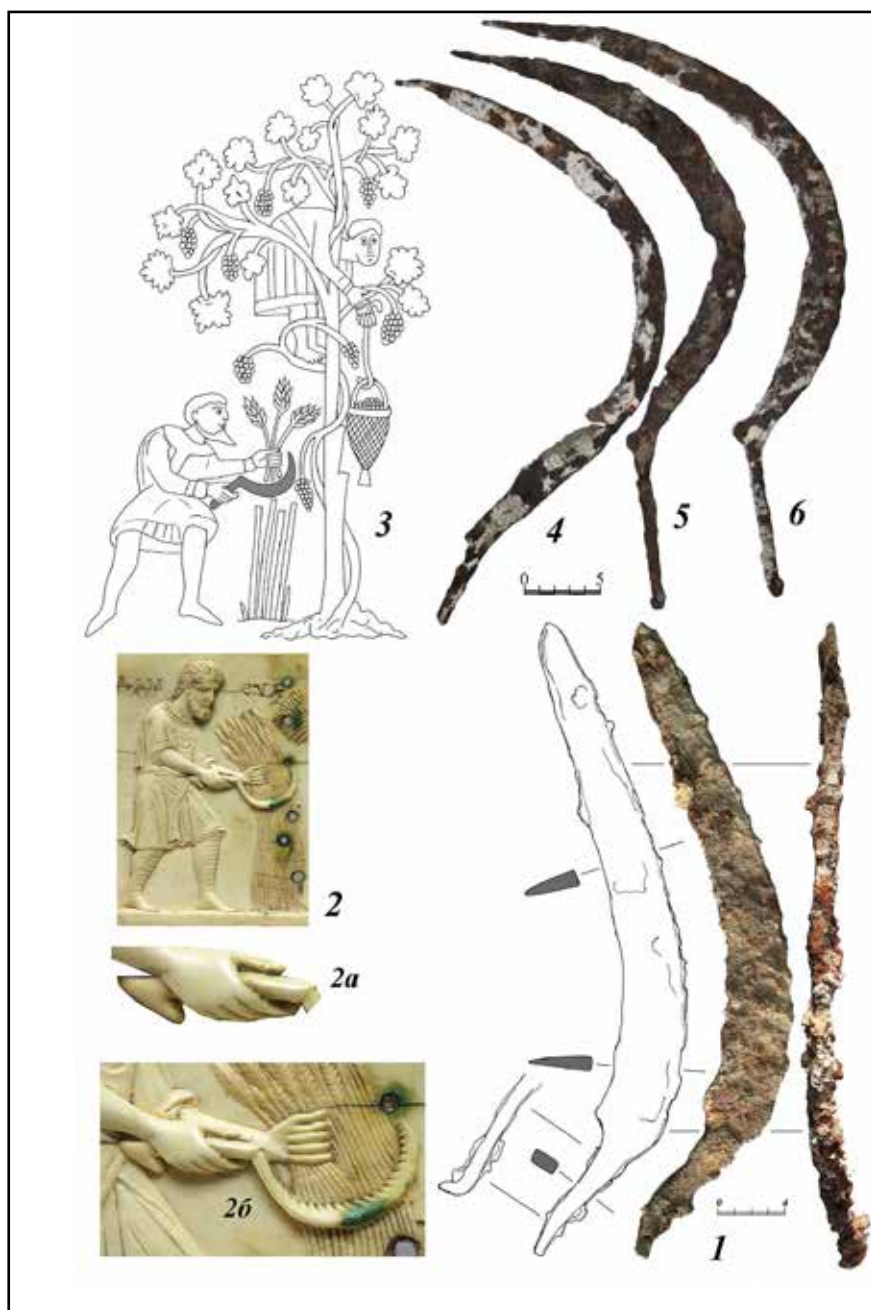
1, А – Эски-Кемен, склеп 257; 2-4 – Лучистое (2,3 – склеп 43; 4 – склеп 238)
 (Реконструкция, рисунок и фото Э. А. Хайрединовой)

**Ил. 55. Город на плато Эски-Кермен. Квартал I, усадьба 4.
Общие виды с востока (1,3) и запада (2). Фото автора**

Ил. 56. Город на плато Эски-Кермен. Квартал I, усадьба 5.
Общие виды с юга (1), запада (2) и севера (3). Фото автора

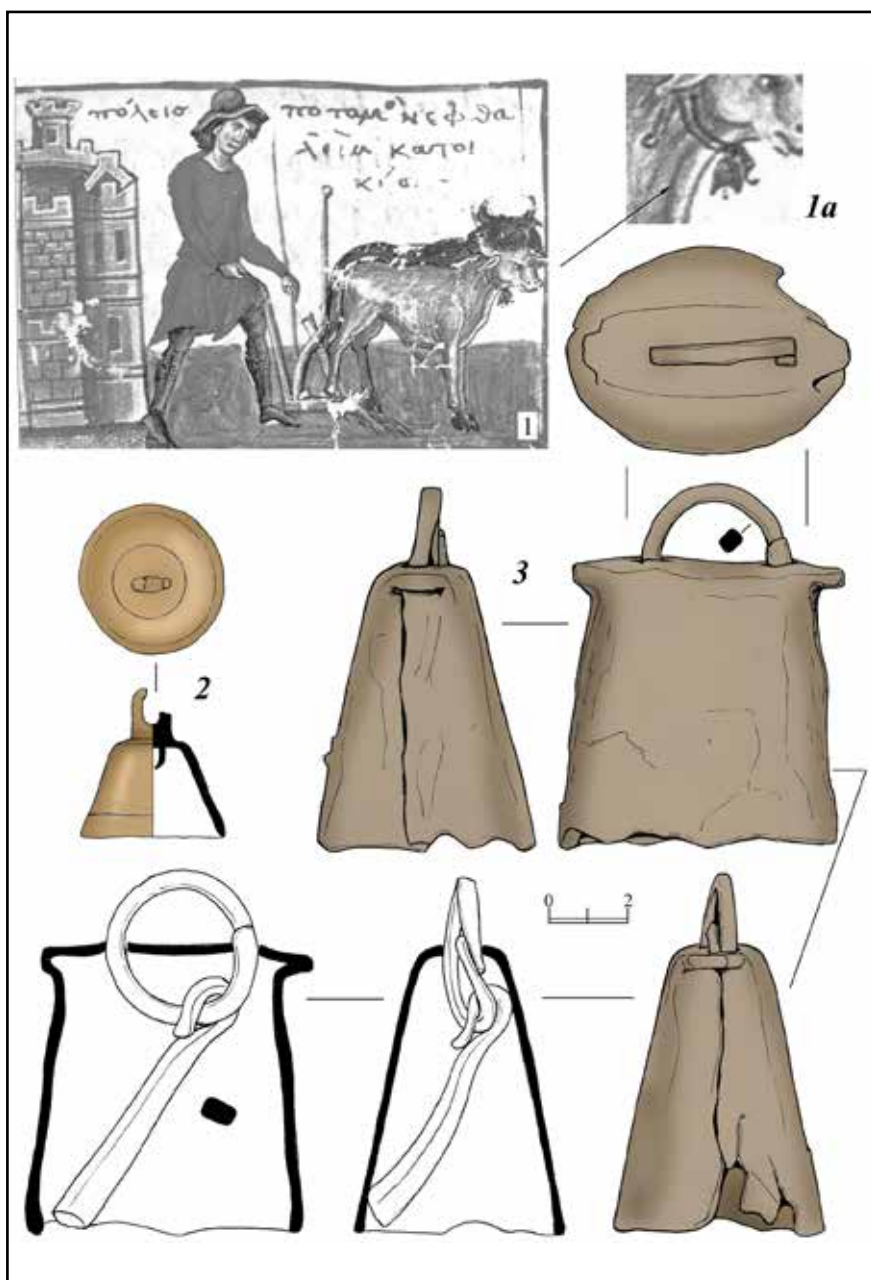
Ил. 57. Горд на плато Эски-Кермен.

Серпы из хозяйственных помещений XIII в. (1,4-6) и изображение серпа на византийской слоновой кости (2) и миниатюре (3)

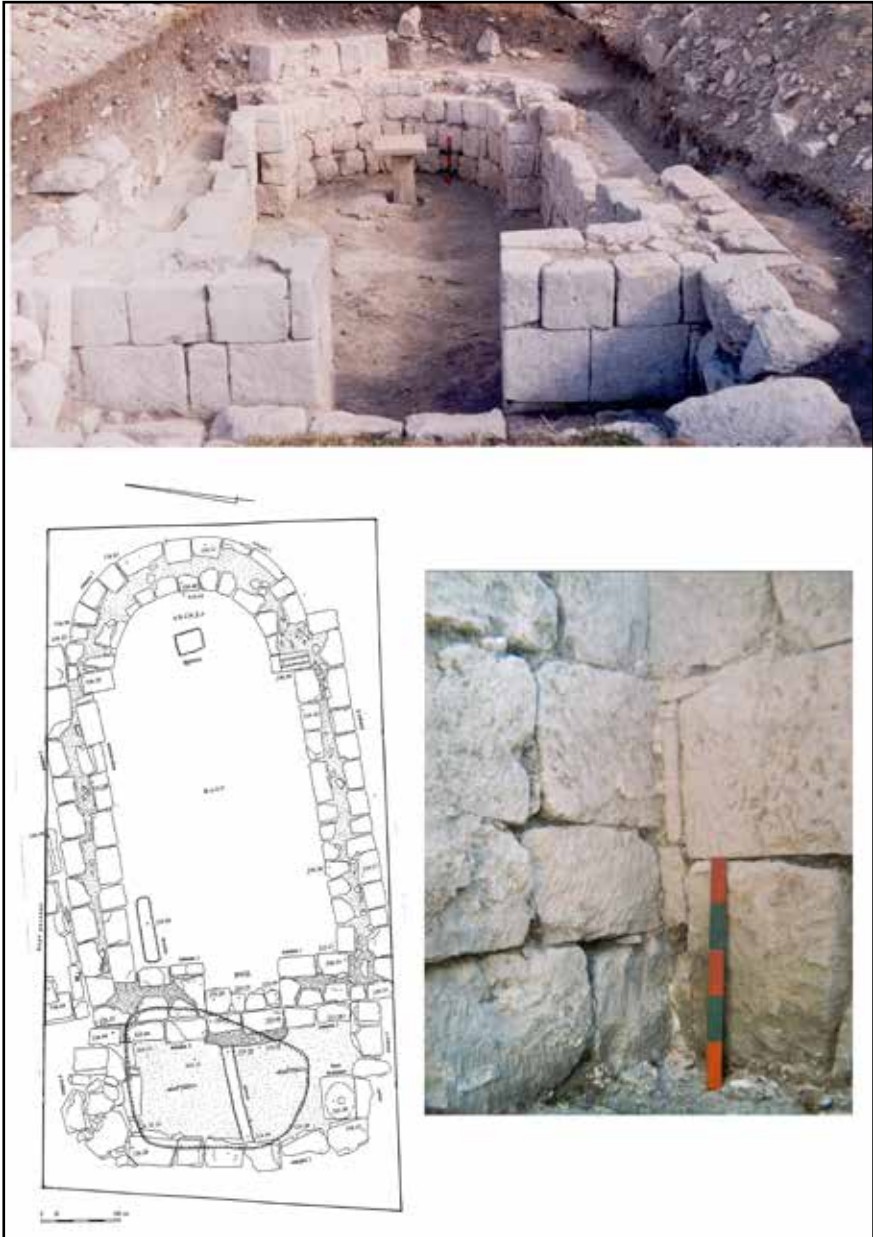
Ил. 58. Город на плато Эски-Кермен.

1 – подвал XIII в. с раздавленными пифосами на дне в помещении 1 усадьбы 4 в квартале I, общий вид с северо-востока; 2 – бобы; 3 – зерно; 4 – прелое зерно с угольками на обломках стенок пифосов

Ил. 59. Город на плато Эски-Кермен.

Колокольчики для скота (2,3) из раскопок усадеб XIII в.
и византийская миниатюра XII в. с изображением тягловых животных
с колокольчиками на шее (1)

Ил. 60. Бакла. Одноапсидный храм на посаде

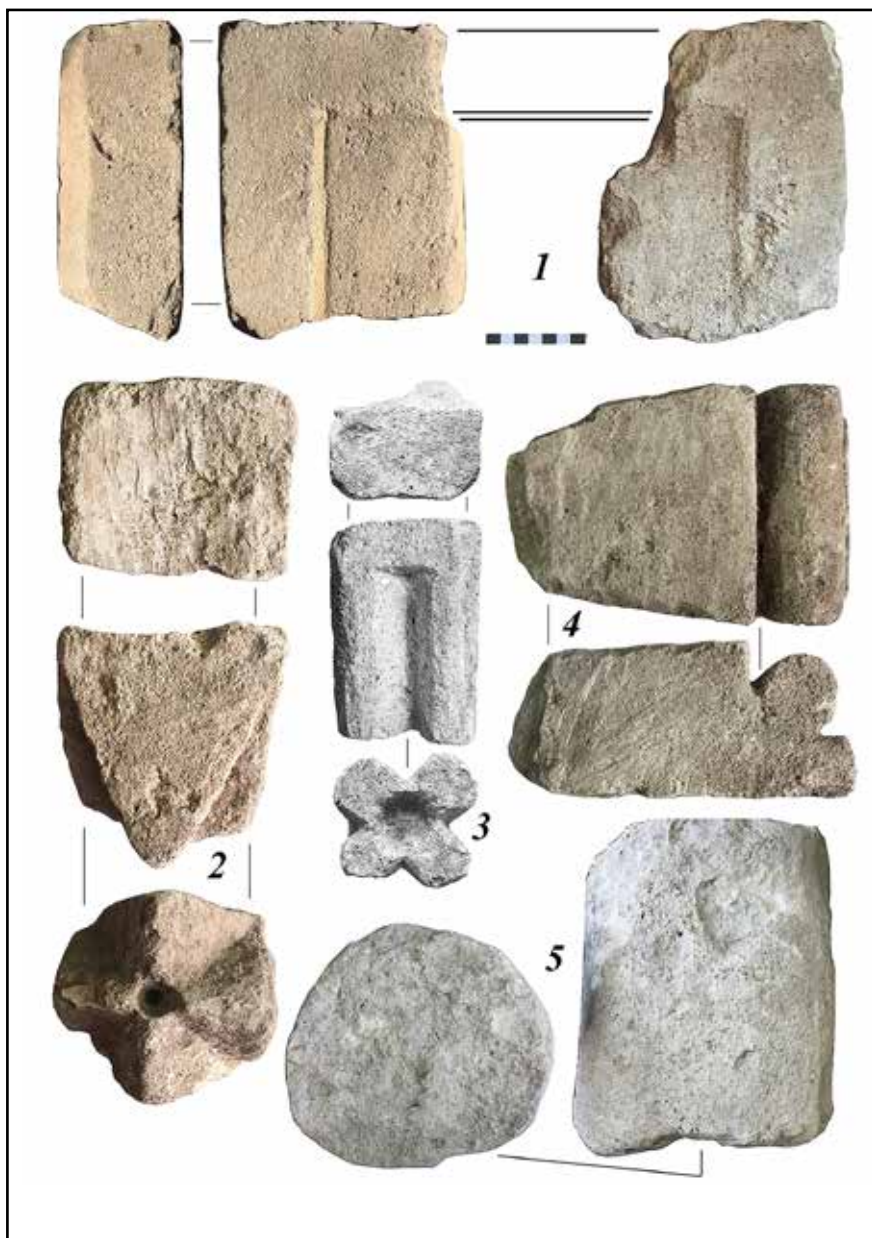

Ил. 61. Башня на плато Суйрень

Ил. 62. Город на плато Эски-Кермен.

Однонефные храмы из кварталов I (3) и II (1,2).
Общие виды с юга (1), севера (2) и северо-запада (3). Фото автора

Ил. 63. Город на плато Эски-Кермен.
Каменные архитектурные детали из однефного храма
из квартала II. Фото Э. А. Хайрединовой

Ил. 64. Плато Тепе-Кермен

Научное издание

А. И. АЙБАБИН

**ОЧЕРКИ ИСТОРИИ
ВЛАДЕНИЙ
ВОСТОЧНОЙ
РИМСКОЙ ИМПЕРИИ
В КРЫМУ
В IV–XII ВЕКАХ**

Технический, художественный редактор *Е. В. Мажарова*
Вёрстка *А. Н. Гладкая*

Подписано в печать 26.11.2024
Выход в свет: 19.12.2024
Формат 70x100¹/₁₆. Усл. печ. л. 26
Тираж 150 экз.

ISBN 978-5-6053039-0-9

9 785605 303909 >

Издательство-типография: ООО «Антиква», ИП Гальцовой Н. А.
295000, Российская Федерация, Республика Крым,
г. Симферополь, пер. Героев Аджимушкая, 6, оф. 3
Тел.: +7 978 891-37-01, e-mail: antikva07@mail.ru

АЙБАБИН
Александр Ильич

Доктор исторических наук, профессор, директор Научно-исследовательского центра истории и археологии Крыма Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского, специалист по истории и археологии Византии и Крыма.